

МИРЫ КЛИФФОРДА САЙМАКА

МИРЫ КЛИФФОРДА САЙМАКА

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF CLIFFORD D. SIMAK

Volume one

**TIME
AND AGAIN**

DESTINY DOLL

МИРЫ КЛИФФОРДА САЙМАКА

Книга первая

**СНОВА
И СНОВА**

**ИГРУШКА
СУДЬБЫ**

Издательская фирма «Полярис»

1993

«Destiny Doll» © 1971 by Clifford D. Simak

«Time and Again» © 1951 by Clifford D. Simak

© 1992 Издательская фирма «Полярис», *перевод на русский язык, оформление, составление, название серии.*

© 1993 В. Иванов, *иллюстрации.*

Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом — запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с ведома издателя.

ISBN 5-88132-023-9

Глава 1

Город был белым. Пуританским холодом и отрешенностью, недостижимой для суетной жизни, отдавала эта белизна.

И над всем высились деревья — я увидел их, когда мы, скользя по наводящему лучу, пойманному далеко в космосе, приблизились к посадочному полю. Именно деревья поначалу навели меня на мысль, что тут — сельская местность. Возможно, сказал я себе, это такая же беленькая деревушка, какие встречаются в Новой Англии, на Земле — уютно расположившаяся в долине, с весело журчащим ручьем и осенним пламенем рассыпанных по холмам кленов.

Я смотрел на нее благодарно и немного удивленно. Вот где, думал я, славное место! Тихое, мирное... Существа, построившие такую деревушечку, наверняка уж не подвержены особым вывертам и бзикам, которыми так часто поражают обитатели неизвестных планет...

Но деревушкой, о которой я размышлял, тут даже не пахло. Деревья — кто мог ожидать такого? — возвышались над башнями, охватить взглядом которые можно было лишь задрав голову!

Город вздымался к небу могучим хребтом, не имеющим предгорий. Он окружал посадочное поле стадионным овалом непомерно высоких трибун и уже не

сверкал, как совсем недавно, до того, как мы сели, — а источал тихое мерцание, напоминавшее игру пламени свечи в дорогом фарфоре.

И город был белым, и посадочное поле, и даже небо в своей линиялой голубизне — почти белело. Белым было все, кроме гигантских деревьев.

Моя шея устала поддерживать голову в неестественно запрокинутом положении, и только теперь, оглядевшись, я увидел вокруг удивительное множество кораблей. Их была уйма — во всяком случае, больше, чем обычно бывает даже на самых крупных космодромах Галактики. Корабли всевозможных форм и размеров роднил цвет, из-за которого-то я и не разглядел их сразу. Белизна кораблей была почти идеальным камуфляжем.

Все сплошь белое, подумал я. Вся чертова планета — белая... Мерцающий город и поле с кораблями выглядели так, словно их из единой глыбы вырезал некий усердный мастер.

И не было никаких признаков жизни. Ни намек на деятельность. Никто не спешил нам навстречу. Все вокруг было мертвым...

Внезапно налетевший ветерок потрепал меня за куртку и тут же утих. Совершенно не было пыли. Ни пыли, которую мог бы поднять ветер, ни какого бы то ни было мусора вообще. Носком ботинка я потер грунт и не увидел следа. Поверхность была такой чистой, будто ее помыли всего час назад.

Сзади послышался шум. Это со своим идиотским баллистическим ружьем спускалась по трапу Сара Фостер. Ружье билось о каждую ступеньку, норовя зацепиться.

Опершись о мою протянутую руку, она ступила на грунт и принялась озираться. Я разглядывал классические черты ее лица, обрамленного роскошной копной рыжих волос, и в который раз поражался полному отсутствию тепла в этом совершенстве.

Сара Фостер подняла руку, чтобы отбросить со лба прядь, вечно падающую — с тех пор, во всяком случае, как мы познакомились.

— Чувствуешь себя букашкой... — тревожно про-
изнесла она. — Как-будто кто-то очень большой рас-
сматривает тебя... Вы не ощущаете на себе взгляда?

Я помотал головой. Никаких взглядов не ощуца-
лось.

— В любой момент, — продолжала Сара, — он
может поднять свою ножищу и раздавить нас.

— А что наша парочка? — спросил я.

— Тук собирается, а Джордж сидит с блаженным
выражением лица и говорит, что он дома.

— Ах ты, Боже мой!

— Вы, я вижу, недолюбливаете его.

— Да нет, тут другое... Я не в восторге от всей этой
бессмысленной затеи. Джорджа можно и не замечать.

— Тем не менее мы попали сюда именно благодаря
ему.

— Да-да... Надеюсь, хоть ему-то здесь понравится.

А вот мне здесь не нравилось. Что-то подозритель-
ное было в этой безмолвной белизне, что-то таилось в
этой огромности. Почему никто так и не встретил нас?
Ведь наводящий луч усадил корабль именно на это
поле! И вдруг — никого... А деревья? Где это видано,
чтоб деревья достигали такой высоты?

Наверху что-то брякнуло, и, подняв голову, я уви-
дел монаха Тука, уже спускающегося, и Джорджа
Смита, который, отдуваясь, проталкивал в люк свои
пышные телеса.

— Как поскользнется сейчас — и как свернет се-
бе шею! — сказал я без особой тревоги.

— Не должен, — отозвалась Сара. — Он крепко
держится, и ему помогает Тук.

Я зачарованно наблюдал, как монах заботливо на-
правляет ноги слепого Смита.

Итак, слепец и бродяга, корчащий из себя монаха,
а также баба-охотник решили отправиться на поиски
человека, существование которого, возможно, не бо-
лее чем вымысел. И я поступил крайне мудро, связав-
шись с этими сумасшедшими...

Спуск наконец-то счастливо завершился, и Тук,
взяв Джорджа за руку, развернул его таким образом,
чтобы лицо было обращено к городу. Сара сказала
истинную правду насчет блаженного выражения. Сча-

стливая улыбка Смита, словно приклеенная к лицу, выглядела нелепо.

— Это именно то место, Джордж? Вы не ошиблись? — спросила Сара, легко дотронувшись до него.

Блаженное состояние сменилось экстазом, наблюдать который было жутковато.

— Какие ошибки?! — иступленно взвизгнул Смит. — Мой друг здесь! Я слышу его и почти вижу! Я могу дотянуться до него!

Он выбросил вперед свою короткую пухлую руку и принялся ею что-то искать. «Что-то», однако, существовало лишь в его воображении.

Да, это было чистейшим безумием — полагать, что слепой человек, пусть даже слышащий некий голос, способен провести корабль через тысячи световых лет, за галактический центр, к заранее им определенной планете. Слышит он — и пускай себе слышит! Подобных индивидов всегда хватало, но разве кто-то принимал их всерьез?..

— Там город, — сказала Сара. — Огромный белый город и деревья, вытянувшиеся на высоту нескольких миль. Вы видите это?

— Нет... — обескураженно пробормотал Джордж. — Я вижу другое... Никакого города и никаких деревьев... Я вижу... — Он судорожно сглотнул слюну, лицо его напряглось, а руки возбужденно задвигались. — Не могу вам сказать. Нет таких слов, чтобы передать это.

— Что-то приближается к нам! — воскликнул Тук, указывая пальцем в сторону города. — Непонятно, что именно... Какое-то поблескивание... Но оно явно приближается!

Я посмотрел туда, куда указывал монах, и увидел не больше, чем видел он. То есть почти ничего. Едва уловимые искорки у самого основания городской стены.

Сара отняла бинокль от глаз и передала его мне.

— Что скажете, капитан?

Мой вооруженный глаз поймал плывущее пятно, которое, увеличившись, распалось вдруг на части. Лошади?! Казалось совершенно невероятным, что там могут быть лошади, но ни на что другое это не

походило! Белые — а какие же еще? — лошади скакали к нам во весь опор! Очень странные, однако, это были лошадки, смешные... Они бежали как-то не так, не по правилам, совершенно несуразным аллюром, качаясь взад-вперед.

Вскоре я уже мог различать детали... Эти лошади были лошадьми лишь условно! Уши торчком, раздутые ноздри, изогнутые шеи, гривы — все это присутствовало, но в каком-то застывшем виде! Будто нарисованное бездарным художником для календаря! А ноги отсутствовали вовсе. Вместо ног были качалки, передняя и задняя. Передняя чуть поуже. Качалки, не ударяясь одна о другую, поочередно выкидывались вперед — и лошадь танцевала туда же.

Потрясенный, я вернул бинокль Саре.

— Что-то невероятное... Вы не поверите...

Лошади между тем приближались. Восемь совершенно одинаковых лошадей белой масти.

— Карусель, — бросила Сара.

— Карусель?

— Ну да! Механическое устройство, которое можно встретить в парках, на базарах — везде, где есть аттракционы...

— Вообще-то, — сказал я, несколько смутившись, — мне приходилось сталкиваться с увеселениями иного рода, но конь-качалка был в детстве и у меня.

Восьмерка наконец остановилась перед нами, как... нет, не как вкопанная, а продолжая раскачиваться. Одно из этих странных созданий заговорило с нами на универсальном языке, сложившемся еще до того, как человечество две тысячи лет назад проклюнулось в космос.

— Мы быть лошадки, — сообщило оно. — Явились принять вас. Меня зовут Доббин.

Говоря это, лошадка продолжала раскачиваться, но все члены ее по-прежнему были неподвижны. Уши бодро торчали, и казалось, именно из них вылетают слова; резные ноздри пребывали в раздутом состоянии, а гриву будто сфотографировали при сильном ветре.

— Какие они славные! — громко умилилась Сара.

Другой реакции я и не ждал. Она непременно должна была найти их славными.

Доббин, никак не прореагировав на такое проявление чувств, продолжил свою речь:

— Настоятельно рекомендуем поторопиться. Времени очень мало. Для каждого из вас есть верховая лошадка. Остальные четыре повезут поклажу.

Не найдя чем восхититься в этой информации, я перебил кобылу:

— А мы, между прочим, не любим, когда подгоняют. И если вас так поджимает время — переночуем на корабле. А в гости отправимся утречком.

— Нет! — вскричал Доббин чуть ли не яростно. — Это исключено. С заходом солнца возникает большая опасность. Вы должны непременно находиться в укрытии.

— Не понимаю, почему нужно упрямитесь, — пробормотал Тук, одергивая сутану. — Я лично против того, чтобы торчать здесь всю ночь. Мы даже можем не брать наши вещи, если такая спешка. Вернемся за ними позже.

— Багаж берем сразу, — возразил Доббин. — Утром не будет времени.

— По-моему, — сказал я, разозлившись, — вы просто ужасно торопитесь. Если такое дело — поворачивайте оглобли и убирайтесь. Мы уж как-нибудь позаботимся о себе сами.

— Капитан Росс, — отчеканила Сара Фостер. — Почему я должна топать в такую даль, когда мне предлагают нечто более приятное? Потому что вам под хвост попала вожжа?

— Возможно, и вожжа, — огрызнулся я. — Но я не потерплю, чтобы всякие сопливые роботы мною командовали.

— Мы быть лошадки, — вежливо поправил Доббин. — Мы не быть никакие роботы.

— А чьи лошадки вы быть? Человеческие?

— Я не понимаю вопроса.

— Вас изготовили существа, похожие на нас, да?

— Не знаю.

— Черта с два ты не знаешь, — сказал я и повернулся к Смигу. — Джордж!

— В чем дело, капитан? — Слепой повернулся ко мне своим одутловатым, еще не утратившим экзотического выражения лицом.

— В беседах с вашим другом когда-нибудь затрагивалась тема лошадок?

— Лошадок? Вы, вероятно, имеете в виду непарнокопытных, которые...

— Да нет, других. Тех, на которых качаются. Так вы говорили о них?

— Впервые слышу о таких лошадках.

— Ну как же! Ведь были у вас в детстве игрушки!

— Были, конечно, — вздохнул Смит. — Но не те, что вы думаете. Я ведь уже родился слепым, и потому игрушки мои были особого рода.

— Капитан! — сердито встряла Сара. — Ваше поведение нелепо! К чему вся эта подозрительность?

— К чему? — вскипел я. — Вам растолковать? Могу.

— Знаю, знаю, знаю, — упредила она мои объяснения. — Подозрительность и еще раз подозрительность — вот что спасало вас не раз.

— О благородная леди! — воскликнул вдруг Доббин. — Поверьте мне, прошу вас! То, что появляется после захода солнца, действительно крайне опасно! Умоляю и заклинаю! Вы должны отправиться с нами! Чем скорее, тем лучше! Я категорически настаиваю на этом!

— Тук! — решительно сказала Сара. — Полезайте наверх и начинайте сгружать вещи.

Распорядившись, она повернулась ко мне с воинственным видом.

— Не будет ли каких-то возражений, капитан?

— Нет, мисс. Это ведь ваш корабль, и деньги — тоже ваши. Кому, как не вам, заказывать музыку.

— Потешаетесь?! — свирепо вскричала она. — Вы только и знаете, что потешаться надо мной! И не считаться с моим мнением!

— Вас сюда доставили? — холодно осведомился я. — Доставили. И так же доставят обратно, согласно условиям сделки. Если, конечно, вы не ухитритесь сделать эту работу невыполнимой.

Сказав так, я тут же пожалел об этом. Все-таки мы были далеко от дома, на неведомой планете. Тут нужно держаться вместе, а не затевать свар. Тем более, она действительно права — мое поведение было нелепым... Выглядело нелепым, поправил я себя. Было же — абсолютно логичным по сути. Потому что, когда попадаешь в такое местечко, нужно быть начеку. Я перебивал на множестве незнакомых планет, и нюх мой не раз спасал мою голову. Сара, конечно, тоже кой-чего повидала, но при ней всегда было целое экспедиционное войско — я же был сам по себе...

Тук уже вскарабкался наверх, предварительно подоткнув свою сутану, и теперь подавал Саре многочисленные сумки и тюки. Стоя на одной из ступенек, она осторожно скидывала все к основанию трапа. В чем-в чем, а в лености упрекнуть эту особу было невозможно. Если она не работала наравне с другими, то работала больше их.

— Ладно, — сказал я лошадкам. — Выючные — ко мне. Принимай поклажу. Как вы это делаете, кстати?

— К сожалению, — виновато ответил Доббин, — у нас нет рук. И всю работу придется сделать вам. Уложите груз на спины лошадок — тех, что без седла, и для надежности прихватите ремнями.

— Просто гениально, — мягко съязвил я.

Польщенный Доббин, качнувшись чуть посильней вперед, изобразил поклон.

— Всегда к вашим услугам.

Ко мне приблизились четыре лошадки, и я тут же — с помощью Сары, к этому времени освободившейся, — принялся их нагружать. Когда спустился Тук, все было готово.

Солнечный диск, уже надкушенный самыми высокими башнями, опускался за город. Оно было чуть желтее земного, здешнее солнце, и, вероятно, представляло собой обычную звезду класса К. Бортовой компьютер наверняка уже исследовал этот объект, как и саму планету, вдоль и поперек. И недоумевал

теперь, отчего же никто не интересуется данными об атмосфере, химическими характеристиками и многим прочим. Я интересовался, конечно. Я давно изучал бы все это, если бы не нахрапистость местных жеребцов. Несколько успокаивала мысль о том, что, вернувшись сюда утром, я заполучу, наконец, вожделенный листочек с данными — но успокаивала она недостаточно. Не нравилось мне все это, не нравилось...

— Доббин! — сказал я. — О какой такой опасности, собственно, речь? Чего конкретно нам следует остерегаться?

— Этого я не могу сказать, поскольку сам не понимаю. Но уверяю вас, что...

— Да ладно уж... — Я досадливо махнул рукой.

Тук, пытая и отдуваясь, помогал Смиты взгромоздиться на одну из лошадок. Сара уже была в седле и, демонстрируя свою безупречную осанку, привычно предвкушала очередное захватывающее приключение — амазонка с берданкой.

Я скользнул взглядом по арене посадочного поля — к городу, по-прежнему не подававшему признаков жизни. Солнце медленно съезжало вниз, и полоса тени, отбрасываемой его стенами, становилась все шире. Некоторые из зданий уже стали черными, но ни в одном из них не было видно зажженных окон. Куда же подевались обитатели города? А также гости, между прочим... Ведь прилетел же кто-то на этих кораблях, белеющих, словно призрачные надгробия!

— Не соблаговолит ли сэр оседлать меня? — поддал голос Доббин. — Наше время на исходе!

В воздухе все явственней ощущалась прохлада, а в сердце закрадывался страх. И я не понимал его причины. То ли он был связан с самой неуютностью места, похожего на западню — то ли путало это полное отсутствие жизни... Правда, лошадок никак нельзя было рассматривать в качестве неодушевленных предметов...

Сняв с плеча лазерное ружье и крепко сжав его в руке, я вспрыгнул на Доббина.

— Оружие вам здесь не понадобится, — неодобрительно заметил тот.

Я оставил реплику без ответа. Каждый тут будет соваться в мои дела, черт побери.

Кавалькада двинулась в сторону города. Это была удивительная езда. Нас не качало и не подбрасывало. Мы просто скользили по некой синусоиде.

А город все не приближался. Деталей, во всяком случае, по-прежнему нельзя было рассмотреть. Мы находились, как я понял, в гораздо большем удалении от него, чем это виделось поначалу. Куда внушительней оказались и размеры посадочного поля.

— Капитан!! — послышался отчаянный крик.

Я обернулся.

— Корабль! — вопил Тук. — Наш корабль! Они что-то с ним делают!

Эти неведомые «они» действительно что-то делали. Рядом с кораблем стоял несуразной формы механизм. Он был похож на пухлую букашку с длинной и тонкой шеей, увенчанной головкой — с булавочную. Струйка не то дыма, не то тумана тянулась из рта букашки к кораблю, который мало-помалу превращался в еще один белый памятник.

Истошно закричав, я из всех сил натянул поводья, но Доббин как ни в чем не бывало неся вперед. Будто осаживали не его, а скалу.

— А ну-ка, стой! — взревел я. — Возвращаемся!

— Нельзя, сэр, — ответил Доббин ровным голосом. — Некогда. Нам нужно поскорей укрыться в городе.

— Да есть же время, есть, черт побери!

Вскинув ружье и направив дуло между кончиками ушей моей норовистой лошадки, я крикнул спутникам, чтоб зажмурились, и нажал курок.

Яркий лазерный луч, отраженный грунтом, ослепил даже сквозь веки. Доббин вздыбился подо мной, закрутился волчком, едва не касаясь мордой хвоста, и, когда я открыл глаза, мы уже направлялись назад к кораблю.

— Теперь мы все умрем, — стонал Доббин. — И виноваты в этом будете вы, безумное создание.

Я оглянулся. Лошадки покорно следовали за нами. Доббин, видно, был у них за главного. Они, не раздумывая, бросались за ним, куда бы тот ни повер-

нул... То место, куда ударил луч, не было отмечено дымящейся лункой, обычной в таких случаях. Выстрел не оставил на грунте даже царапины!

Сара ехала, закрыв рукою глаза.

— С вами все в порядке? — спросил я ее.

— Вы ненормальный дурак!

— Но я же предупредил вас! Нужно было всего лишь зажмуриться!

— Предупредил он... Крикнул и сразу стрелять... Мы даже не успели ничего понять!

Она наконец опустила руку, и глазки ее вполне исправно метнули в меня заряд злости. Ничего с ней не случилось, просто она не могла упустить такую прекрасную возможность поскулить.

Букашка, между тем, бросив опрыскивать корабль, уже неслась прочь. У нее наверняка были колеса или что-то вроде — уж очень резво она улепетывала, вытянув вперед свою непомерно длинную шею.

— Умоляю, сэр! — заныл Доббин. — Не теряйте понапрасну времени! Здесь вы ничего не поправите!

— Еще одно слово, и я выстрелю уже не поверх твоих ушек, — был мой ответ.

Мы почти добрались до корабля, и, не дожидаясь, когда Доббин закончит свое плавное торможение, я спрыгнул с него и побежал вперед — без единой, впрочем, мысли относительно дальнейших своих действий.

Корабль, каждый дюйм его, был покрыт каким-то странным веществом и напоминал стеклянную безделушку, вроде тех, что пылятся на каминных полках.

Я потянулся рукой к корпусу. Поверхность была гладкой и твердой. Покрытие не выглядело металлическим и, скорее всего, не было таковым. Когда я осторожно стукнул по нему прикладом — по всему полю прокатился колокольный звон, самый настоящий. Городские стены швырнули в нас эхо.

— Что это, капитан? — дрожащим голосом спросила Сара. Ей не терпелось узнать, какая такая напасть приключилась с ее собственностью.

— Глазурь, — ответил я. — Причем крепенькая на удивление... Запечатан наш кораблик — вот что!

— То есть теперь мы не сможем попасть внутрь?

— Трудно сказать... Будь у нас кувалда, мы бы, конечно, справились с этой скорлупкой, но...

Тут Сара решительно схватилась за ружье и...

Своей нелепой аркебузой, как обнаружилось, воевельница пользоваться умела. Грамотно стреляла, что да — то да.

Звук получился таким откровенно громким, что все лошадки одновременно поднялись на дыбы. Но едва ли не громче самого выстрела было пронзительное жужжание срикошетировавшей пули, тут же сменившееся раскатистым гулом белого, как молоко, корабля.

Шумом, однако, и ограничилось. Корпус как был безупречно гладким, таким и остался. Ни малейшей вмятины. словно и не было чудовищного удара в пару тысяч футо-фунтов.

Я медленно поднял свое лазерное ружье.

— Бесплезно, — равнодушно сказал Доббин. — Глупые люди. Оставаться здесь нет никакого смысла. Вы ничего не можете сделать.

— Тебя же предупредили, кажется! — закричал я, круто повернувшись. — Одно слово — и дырка в башке!

— Насилием вы ничего не добьетесь, — кротко ответил наглец. — А вот дождавшись захода солнца, обеспечите себе немедленную смерть.

— Но наш корабль!!

— Он запечатан. Как и все остальные. И то, что вы при этом находитесь снаружи, можно считать удачей.

Я не мог согласиться с ним во всем, поскольку кое в чем эта кляча была-таки права. Тут действительно ничего нельзя было сделать. Как не пробился лазерный луч сквозь грунт, так не пробьется он и сквозь этот футляр. Потому что все вокруг — и поле, и город, и корабли, включая свежеоблитый наш, — все покрыто одним и тем же невинно белеющим веществом неимоверной структурной прочности.

— Я глубоко сочувствую вам, — равнодушно сообщил Доббин. — И предполагал, что вы будете шокированы... Оказавшийся на этой планете остается

здесь навсегда. Улететь еще никому не удавалось. Но это не значит, что нужно искать смерти! Убедительно прошу вас проявить благоразумие и отправиться в безопасное место!

Я вопросительно посмотрел на Сару, и она кивнула. Она кивнула, потому что торчать здесь действительно не имело смысла. Корабль запечатан с неведомой нам целью. Поразмышлять над этим можно будет и утром, вновь вернувшись сюда. Пока же лучше прислушаться к увещаниям Доббина. Этой опасности, о которой он тадычит, возможно и не существует — однако осторожность не помешает.

Рассудив так, я вскочил в седло. Доббин, не дав мне даже как следует усесться, круто развернулся и, условно говоря, поскакал.

— Потеряно слишком много драгоценного времени, — объяснил он чуть позже. — Теперь придется наверстывать упущенное. Мы должны успеть добраться до города.

Значительная часть посадочного поля уже погрузилась во мрак, но небо оставалось светлым. Сквозь стены сочилась копоть сумерек.

Итак, если верить Доббину, покинуть планету не удавалось еще никому. Так, во всяком случае, он изволил выразиться... Но не исключено, что нас просто хотят удержать здесь и корабль запечатан именно с этой целью! А значит, нужно найти способ убраться отсюда, как только возникнет такая потребность. Должна же быть какая-то лазейка! Каждая на первый взгляд безвыходная ситуация обязательно имеет выход!..

Город — по мере того, как мы приближались к нему — увеличивался. От однородной массы, только что напоминавшей скалу, стали отделяться здания. Они казались неправдоподобно высокими и раньше, с середины поля — но теперь взметнулись в запределье, уже не охватываемое взором.

Он выглядел по-прежнему мертвым, этот город. Ни в одном из окон не горел свет — если эти здания

вообще имели окна. Внизу не наблюдалось никакого движения. И еще: отсутствовала перспектива, удаленное. Все громоздилось непосредственно у самого поля...

А лошадки жарили во весь опор. Казалось, они бежали от страшной бури, вот-вот могущей разразиться.

К своеобразию их хода нужно было, конечно, приспособиться. Причудливая синусоида требовала совершенно раскованной посадки — и только в обмен на таковую доставляла удовольствие.

Городские стены, образуемые огромными каменными плитами, грозно нависли над нами. Я уже мог разглядеть улицы — что-то, во всяком случае, весьма на них похожее. Они были как узкие черные щели, как трещины громадного утеса.

Скакуны наши метнулись к одной из таких трещин, в полумрак. Солнце пробилось бы сюда, лишь зависнув прямо над головой — а сейчас можно было с трудом разглядеть только стены, поднимающиеся слева, справа и, как казалось, впереди, там, где улочка сужалась в точку.

Одно из зданий, встретившихся нам, стояло чуть глубже, и потому дорога здесь была пошире. От множества широких дверей тянулся общий скат, взлетев по которому, лошадки, а вместе с ними и мы, исчезли в зияющем проеме.

Комната была скупо освещена. Свет — что сразу бросалось в глаза — шел от прямоугольных каменных плит, вставленных в стену. Лошадки дотанцевали до одной из плит и остановились. У самой стены я увидел карлика, а, может быть, гнома — во всяком случае существо хоть и слегка, но человекоподобное. Низкорослое и горбатое, оно крутило некий диск, расположенный рядом со «светильником».

— Смотрите, капитан! — крикнула Сара.

Она испустила этот вопль совершенно зря, потому что я смотрел и без указчиков.

То, что появилось на светящемся камне, поначалу показалось сказочным подводным царством, как оно

должно видаться сквозь толщу вод, зыблящихся у поверхности.

Дикий, словно кровоточащий, ландшафт, с ярко-красной землей и фиолетовым небом, вспышками молний и цветами — внезапно сменился самыми настоящими джунглями, с буйством всевозможной растительности и, казалось даже, с притаившимся в засаде зверьем. Едва по моей коже пробежали мурашки — джунгли исчезли тоже. Вместо них теперь демонстрировалась освещенная луной и звездами желтая пустыня. Барханы с изогнутыми гребнями были похожи на застывшие волны.

Пустыня не исчезла, как все ей предшествовавшее. Более чем не исчезла. Она свалилась, обрушилась на нас. Взорвалась прямо перед моими глазами.

Какое-то время я отчаянно пытался удержаться в седле вздыбившегося Доббина, но потом меня швырнуло вперед и закрутило в воздухе.

Я упал на плечо, после чего долго кувыркался по песчаному склону, пока наконец не остановился. Осторожно приподнявшись, я попробовал вырутаться, но сил не было даже на это.

Сара лежала рядом со мною. Чуть поодаль пытался встать, путаясь в своей сутане, Тук. Рядом с ним ползал на четвереньках Джордж — ползал и жалобно скулил, как щенок, выставленный среди ночи за дверь.

Вокруг нас была пустыня — мертвая, без клочка растительности, залитая светом огромной белой луны и множества звезд, сиявших, как новенькие лампочки в этом совершенно безоблачном небе.

— Он пропал! — скулил Джордж, ползая по кругу. — Я больше не слышу его! Я потерял своего друга!

То была не единственная потеря. Заодно исчезли город и планета, на которой он находился. Мы попали в совершенно другое место...

Да, не следовало мне пускаться в это путешествие, не следовало. И ведь с самого начала не верил! А разве можно добиться успеха без веры, не видя ни малейшего смысла в том, чем ты занят?.. Впрочем, нюанс: у меня не было выбора. Я потерял способность выбирать в тот самый момент, когда на космодроме Земли был ошеломлен красотой этого корабля.

Глава 2

На Землю я вернулся втихаря. Хотя, надо сказать, это не вполне подходящее слово — «вернулся». Потому что мне никогда не приходилось бывать там. Но на Земле находились мои денежки, и, самое главное, эта планета была заповедником. А что еще нужно дичи, которую всякий — попадись она ему в космосе — не только может, но и обязан подстрелить? Если бы хоть совершенное мной было действительно таким ужасным и на мне лежал бы тяжкий груз вины! Нет же! Многим людям, тем не менее, лишь поимка злодея могла вернуть покой и сон. Вот они и принялись ловить меня. И поймали бы, не укройся я на Земле.

Корабль, на котором я летел, был, образно говоря, со свалки, а точнее — оттуда же. Кое-как залатанный, схваченный едва ли не шпагатом и проволокой, он, по моим расчетам, должен быть развалиться уже по прибытии на Землю и, стало быть, отвечал самым высоким требованиям.

Я знал, что могу напороться на Земной Патруль, который уж постарается уберечь планету от вторжения столь нежелательной персоны. Нежелательной, впрочем, только для Патруля — Земле от нас одна радость...

Итак, корабль вошел в Солнечную систему, и огненный шар был теперь между ним и Землей. Моя

верная логарифмическая линейка еще никогда меня не обманывала, и в правильности вычислений сомневаться не приходилось.

Выжав из своей развалины среднюю космическую скорость, в чем очень помогла гравитация, я неся мимо Солнца, как летучая мышь над геенной огненной. В какой-то момент, довольно неприятный, мне показалось, что полет становится опасно бреющим — но радиационные экраны, к счастью, выдержали. Перед кораблем, потерявшим изрядную часть своей скорости, уже маячила Земля.

Выключив двигатели и все, что выключается, я проплыл мимо Венеры — в каких-то пяти миллионах миль — и устремился к цели.

Патруль не засек меня, и это было большой удачей. Впрочем, я ведь шел без малейших энергетических всплесков и с отключенной электроникой. Если они и могли что-то обнаружить, так лишь бесшумно падающую металлическую конструкцию. Чему находившееся у меня в хвосте Солнце препятствовало всей мощностью своей радиации. Я имел богатый опыт таких безумных решений. Не однажды они помогали мне выбраться из, казалось бы, безнадежных космических переплетов. Вот и теперь...

На Земле имелся один-единственный космодром, всего лишь. Больше — из-за почти отсутствующего движения — тут и не требовалось. Земляне уже давно разлетелись по космосу, и на планете осталась горстка безнадежно сентиментальных чудаков, вменивших себе в обязанность жить там, откуда пошел род человеческий. Благодаря им, а также гостям, вроде меня, — на Земле еще теплилась какая-то жизнь.

По слухам, упомянутые мною «сентименталисты» были компанией заносчивых типов, корчивших из себя аристократов. Но все это меня не касалось. Я не собирался общаться с ними.

Экскурсионные корабли время от времени доставляли сюда паломников, жаждущих припасть к колыбе-

ли цивилизации — а корабли грузовые привозили, как им и положено, всяческие грузы. И это было все...

Приземлившись, я быстро выбрался из корабля и, не дожидаясь появления хищников, с двумя сумками на плечах зашагал прочь.

Мой чудом не развалившийся корабль имел самый несчастный вид, какой только можно представить, а через две площадки от него расположилось чудо...

Оно поблескивало, сияло и ослепляло совершенством! Изящная космическая яхта, казалось, нетерпеливо рвется со своей привязи в небо! Снаружи, конечно, я не мог разглядеть ее начинку, но по внешнему виду нетрудно было догадаться: тут уж не скряжничали, нет.

Я пялился на корабль, и мои руки чесались. Еще б им не чесаться, когда ясно было, что космоса мне больше не видать! Оставалось тихо дожить то, что оставалось — здесь, на Земле, не высовываясь, иначе сожрут...

Покинув поле, я прошел досмотр — вернее, то место, где он когда-то проводился. Нет, официально таможня еще существовала — но она уже давно не проявляла интереса к кому бы то ни было. И — что было для меня особенно дорого — ни к кому не питала недобрых чувств.

Потом я направился в ближайшую гостиницу и, устроившись, вскоре спустился в бар.

Когда я допивал третий или четвертый стакан, в зале появился робот-слуга. Подойдя ко мне, он спросил:

— Вы капитан Росс?

Я чуть не поперхнулся с перепугу. Что за черт?! Ведь ни одна душа не могла знать о моем прибытии! У меня и знакомых-то здесь не было! Я имел дело лишь с таможенниками и гостиничным клерком!

— Вам письмо, — продолжил гонец и вытянул вперед руку.

Вскрыв ненадписанный конверт, я вынул из него листок и прочитал следующее:

Буду очень рада видеть Вас в числе своих гостей на сегодняшнем ужине. Моя машина подъедет к отелю в 8 часов. Добро пожаловать на Землю, капитан!

Сара Фостер

Когда ко мне подплыл робот-бармен, я все еще разглядывал записку.

— Еще один? — спросил он, подхватывая пустой стакан.

— Пожалуй...

Итак, кто же такая Сара Фостер, и каким образом это создание уже через час пронюхало о моем появлении?.. Можно было бы кого-нибудь расспросить — но кого? И стоит ли привлекать к себе чье-то внимание? А что если это ловушка? Нельзя забывать о том, что на свете есть люди, которые охотно умыкнули бы меня отсюда! Они наверняка знают о том, что я раздобыл корабль. Но неужели кто-то из них мог предположить — разгадав, предположим, мои планы, — что я уже достиг Земли!..

Я все сидел и пил, пытаясь привести в порядок свои мысли, — и наконец решил рискнуть.

Расположенный на холме огромный дом Сары Фостер был окружен запущенным садом с газонами и тропинками. Вдоль кирпичной стены тянулась широкая галерея, а крыша была утыкана множеством труб.

Я предполагал, что меня встретит робот, но в дверях появилась Сара Фостер собственной персоной. Она была в зеленом вечернем платье, волочившемся по полу и выгодно оттенявшем пламя ее непокорных волос. Капризный локон то и дело падал ей на глаза.

— О! Капитан Росс! — воскликнула она, подавая руку. — Как это мило, что вы пришли! Вероятно, мое послание было не совсем сдержанным — но мне так не терпелось увидеть вас!

Мы стояли в прохладном холле. Сверкающий паркет отражал деревянные панели стен и массивную хрустальную люстру. Все дышало богатством и особой, традиционной для Земли, претензией на элегантность — претензией милой, не раздражающей.

— Мои гости в библиотеке, — сказала Сара Фостер. — Присоединимся к ним, если не возражаете...

Она взяла меня под руку и увлекла к самой дальней из дверей.

Помещение, в которое мы вошли, разительно отличалось от холла. О библиотеке здесь напоминали лишь несколько книжных полок. Скорее это была комната охотничьих трофеев. Головы, висевшие на стенах, целый арсенал ружей под стеклом — во всю стену, звериные шкуры на полу — некоторые при головах, с застывшим оскалом...

Двое мужчин сидели в креслах у огромного камина, и в момент нашего появления один из них встал.

Он был высокого роста и выглядел изможденным. Лицо его было смутным и, как мне показалось, — не от длительного пребывания на солнце, а от мрачных мыслей. Этот человек был одет в темно-коричневую сутану, свободно подпоясанную четками, на ногах крепкие сандалии.

— Позвольте вам представить монаха Тука, капитан, — сказала Сара.

— Вообще-то мое настоящее имя Хьюберт. Хьюберт Джексон, — уточнил этот тип, протянув мне костлявую руку. — Но я предпочитаю, чтобы меня называли именно так... В скитаниях мне часто приходилось слышать о вас, капитан!

— И много вам пришлось скитаться? — холодно спросил я, не чувствуя ни малейшего интереса к этому человеку, пополнившему ряды моих неприятных знакомцев.

Он смиренно склонил свой обтянутый кожей череп.

— Достаточно... И всегда в поисках истины...

— Истины? Иногда до нее не так-то просто добраться...

— А это Джордж Смит, капитан! — бодро вмешалась Сара.

Из глубокого кресла неуклюже поднялся второй мужчина, и его рука вяло потянулась в мою сторону. Это был толстый коротышка весьма, надо сказать, неряшливого вида, с молочно-белыми глазами.

— Как видите, — сказал Смит, — я совершенно слеп и только потому не встал, как только вы вошли. Прошу прощения.

Несколько смущенный такой ненужной декларацией, я пожал его безвольную, почти неживую руку, и он тут же тяжело рухнул в кресло.

— Присаживайтесь! — радушно воскликнула Сара. — Сейчас подадут напитки. Что вы предпочтете, капитан?

— Скотч, если можно, — сказал я и уселся в определенное мне кресло.

Хозяйка тоже села, и теперь мы все четверо пребывали в одинаковом положении, перед величественным камином, окруженные головами инопланетных существ.

Заметив, что я разглядываю эти диковинки, Сара встрепелась.

— Простите! — всплеснула она руками. — Я совершенно забыла! Вы же ничего не знаете обо мне!

— Увы...

— Я баллистический охотник! — сообщила Сара с излишней, по-моему, для такого заявления гордостью.

Видя, очевидно, мое недоумение, она принялась терпеливо объяснять:

— Я пользуюсь только баллистическим ружьем. Таким, которое стреляет пулей, приводимой в движение взрывчатым веществом. Только этот вид охоты сопряжен с настоящим риском. Он требует значительного мастерства в обращении с оружием и зачастую — незаурядного самообладания. Если вы не попали в жизненно важную точку — объект охоты может растерзать вас.

— Понятно, — кивнул я. — Что-то вроде спортивной игры. И у вас первая подача.

— Не всегда...

Робот принес напитки, и какое-то время мы рассматривали содержимое наших бокалов.

— У меня такое чувство, капитан, — продолжила Сара, — что вы решительно против такого рода увлечений.

— Ваше чувство ошибочно. У меня нет никакого мнения на этот счет. Я не располагаю необходимым объемом информации...

— Но ведь вам приходилось убивать диких существ?

— Приходилось, — согласился я. — Когда иссякали запасы пищи или когда нужно было спасать свою жизнь. Азарт при этом отсутствовал начисто. Я не рисковал, а просто жег их лучом своего лазерного ружья — жег столько, сколько требовалось в каждом отдельном случае.

— Да, вы не спортсмен...

— Совершенно верно, — согласился я. — Ни с какой стороны. Я просто охочусь за планетами — вернее, охотился, потому что отныне с этим покончено...

Для чего меня сюда заманили — оставалось по-прежнему непонятным. Не захотелось же этой спортсменке просто поболтать со мной! Я не вписывался ни в эту комнату, ни в этот дом — как, кстати, и те двое, что сидели рядом со мной. Вот уж с кем не хотелось бы иметь никаких дел!

— Вам, капитан, очевидно, не терпится узнать, для чего же мы тут собрались? — спросила Сара.

— Да, мэм. Вы просто читаете мои мысли.

— Скажите, доводилось ли вам слышать что-либо о Лоуренсе Арлене Найте?

— О Страннике? Да, конечно. Массу историй о нем и тех далеких временах.

— Каких историй?

— Обычайших космических баек. Людей, подобных Найту, хватало и будет хватать всегда. И неизвестно, почему рассказчики так набросились именно на него. Возможно, их привлекла звучность его имени. Что-то вроде Джонни Яблочного Семечка или Ланцелота.

— Значит, вы знаете...

— Что он за кем-то охотился? Конечно. Все они за кем-то да охотятся.

— А его исчезновение?

— Если вы задержитесь в космосе на достаточно продолжительное время и будете углубляться все в новые и новые неизведанные пространства — вам обеспечено такое же исчезновение. Рано или поздно вы напоретесь на то, что вас уничтожит, — объяснил я.

— Но вы-то...

— Я вовремя завязал и, кроме того, был всегда достаточно осторожен. Мои интересы ограничивались лишь новыми планетами. Тайнственное Эльдорадо и экстатические поиски высшего Духа не занимали меня никогда.

— По-моему, вы издеваетесь над нами, — пробурчал Тук. — Не люблю насмешников.

— Да не издеваюсь вовсе! — с досадой воскликнул я, по-прежнему глядя на Сару Фостер. — Поймите — космос нашпигован выдумками, подобными той, что вас так взволновала! Слушать их — довольно приятное развлечение — но не более того! И еще... Не терплю, когда липовые монахи с грязными ногтями учат меня хорошему тону. — Поставив бокал на стол, я резко поднялся. — Спасибо за угощение, мэм. Возможно, когда-нибудь мы еще...

— Подождите! — испуганно перебила она. — И сядьте, прошу вас! Если угодно, я даже могу извиниться за Тука! Но выслушайте же мое предложение! Думаю, оно заинтересует вас.

— Я отошел от дел, мэм!

— Вероятно, вы видели корабль, стоящий на поле, — как ни в чем не бывало продолжала она. — Рядом с вашим.

— Да, видел. Даже любовался. Он ваш?

Сара кивнула.

— Капитан, мне нужен человек, способный управлять этим кораблем. Может быть, согласитесь?

— Но почему я? Неужели нет других кандидатур?

Она посмотрела на меня с сочувствием.

— Сколько, по-вашему, на Земле квалифицированных астронавтов?

— Думаю, что немного.

— Их нет вообще! Во всяком случае, таких, которым можно доверить мой корабль.

— Так, — решительно сказал я и бухнулся в кресло. — Только давайте начистоту. С чего вы взяли, что этот драгоценный кораблик можно доверить мне? Как вы узнали, что я прибыл на Землю? Что еще вам известно о моей персоне?

Она смотрела на меня, слегка прищурившись, будто целилась.

— Доверяю, потому что вы никуда не улизнете. Потому что в космосе вы — дичь, и корабль будет вашим единственным убежищем.

— Достаточно откровенно, — заметил я. — Ну, а как мы выберемся в космос? Патруль...

— Перестаньте, капитан! Догнать мой корабль совершенно невозможно! Если они даже попробуют это сделать, то вымотаются в два счета. И мы продолжим свой путь — неблизкий, между прочим, — уже без сопровождения... Можно даже сделать так, что о нашем полете не узнает ни одна живая душа.

— Все это крайне любопытно, — сказал я, — но нельзя ли наконец узнать, куда вы собрались?

— Мы не знаем, — ответствовала она.

Вот это уж была самая настоящая чушь, собачья. Никто не отправляется в полет, не выяснив предварительно — куда же он отправляется. Если тут какая-то тайна — так и нужно говорить.

— Мистер Смит — вот кто знает об этом, — добавила Сара.

Повернувшись к Смигу, который расплылся в кресле всей своей нешуточной массой, я снова увидел его белые глаза и одутловатое лицо.

— В моей голове — голос, — изрек Смит. — Я контактирую.

Ну просто прелесть, подумал я. Контактруем мы. Голос у нас в голове.

— Осмелюсь предположить, — нежно сказал я Саре, — что мистера Смита привел к вам присутствующий здесь глубоко религиозный джентльмен.

Ее лицо побелело от внезапной ярости, а голубые глаза превратились в сверкающие льдом щеаки.

— Вы правы, — отчеканила она. — Но это еще не все... Вам, конечно известно, что Найта сопровождал робот?

— Да, — кивнул я. — И звали его Роско.

— А знаете ли вы, что Роско был телепатическим роботом?

— Таких не существует.

— Существует. Существовали, во всяком случае. Я тут не сидела сложа руки и потому располагаю спецификациями данного типа роботов. Спецификации эти были у меня задолго до того, как появился мистер Смит. Я заполучила также письма Найта некоторым из его друзей. У меня есть уникальные документы, касающиеся предмета его поисков. Все, повторяю, было собрано до появления этих двух джентльменов! Источники, которыми я пользовалась, были недоступны для них — вне всяких сомнений!

— Они могли просто от кого-то услышать.

— Никто не знал об этом! — горячо воскликнула Сара. — То, что начиналось для меня как увлечение — со временем превратилось в едва ли не навязчивую идею. Все собиралось по кусочкам, по крупичкам. Это казалось мне какой-то завораживающей легендой!

— Вот-вот, — сказал я. — Правильно казалось. Мы имеем дело с легендой, созданной безобидными, равно как и безнадежными фантазерами. К вывернутым наизнанку фактам добавляется вымысел, все как следует перемешивается — и в этой каше уже никто никогда ничего не поймет.

— А письма? А спецификации?

— Возможно, вы ошибаетесь в их толковании... Если они подлинны, кстати.

— Их подлинность не подлежит сомнению — я убедилась в этом.

— И о чем же говорится в его письмах?

— О том, что он занят некими поисками.

— Ну, это мы знаем. Все они ищут. Одни — поверив, что доберутся до искомого, другие — поверив, что верят. Так было раньше, так будет и позже. Подобные люди просто-напросто ищут повод для своих бесконечных странствий. Им хочется видеть смысл в своем бессмысленном существовании. Они просто влюблены в космос, во все неизведанные миры, которые манят их непреодолимо. А так как не существует

уважительных причин для такого рода блужданий — причины приходится выдумывать.

— Значит, вы не верите, капитан?

— Значит.

Я ответил так, потому что был в своем уме, и бредовые идеи не увлекали меня, как эту особу, связавшуюся с жуликами. Хотя — при мысли о корабле, томящемся на площадке, — некоторое искушение возникло. Но я старался думать о другом — о том, например, что Земля — совсем не плохое убежище...

— Я вам не нравлюсь, — сказал мне Тук, монах. — И вы мне тоже не нравитесь. Но позвольте сказать следующее. Вовсе не корыстные побуждения заставили меня привести моего друга к мисс Фостер. Я выше таких вещей. Истина — вот к чему устремлены все мои помыслы.

Я промолчал. А что тут скажешь? Видали таких...

— Я не могу видеть, — заговорил вдруг Смит, как будто с кем-то отсутствующим. — И не видел никогда. Я не знаю форм, кроме тех, которых коснулись мои руки. Я могу вообразить предметы, но эти образы будут неверными, так как мне непонятно, что такое цвет, хотя известно о его существовании. Слово «красный» что-то означает для вас, но абсолютно бессмысленно для меня. Невозможно описать цвет так, чтобы тебя понял слепой. Структуру — тоже... Питиевая вода — как она выглядит? А как это — виски со льдом? Лед твердый и гладкий. Он вызывает чувство холода. Он — вода, превратившаяся в кристаллы, и он белый. Но что такое кристалл и что такое белый?... У меня нет ничего от мира, кроме пространства, которое он мне дает, и мыслей, которыми делятся со мной другие люди. Но как узнать, безупречна ли интерпретация этих мыслей? Верны ли построения?... Этот мир почти недостижим для меня, но он не единственный... — Смит поднял руку и легонько постучал пальцем по лбу. — Вот где размещается другой. Не воображаемый, а именно другой. Мир, данный мне неким существом. Я не знаю, где находится это существо — могу лишь утверждать, что очень далеко от нас. И еще мне известно, в какую сторону направлено это «далеко»...

— Если так, — прошептал я, взглянув на Сару, — то он может быть компасом. Мы полетим в направлении, которое он укажет, и будем лететь до тех пор, пока...

— Да, — сказала она. — Именно так был использован Роско.

— Робот Найта?

— Робот Найта. О чем упоминается в письмах... Найт тоже обладал этим даром — но, так сказать, в легкой форме. Он чувствовал, однако, что там кто-то есть, и поэтому создал робота.

— Телепатического робота? Именно для этой цели?

Сара кивнула.

Я ошеломленно молчал. Потому что порция была не по зубам. Потому что речь шла о вещах, совершенно невероятных.

— Там — истина! — возвестил Тук. — Та, о которой мы даже не подозреваем! Я готов жизнь положить ради того, чтобы узреть ее свет!

— Положите, положите... — пообещал я. — Как только доберетесь до истины.

— Если она там, — деловито рассуждала Сара, — то ведь кто-то должен ее найти? Почему не мы?..

Я оглядел комнату. На нас по-прежнему смотрели головы причудливых и свирепых инопланетных существ. Некоторые из них были мне знакомы, о других я слышал, но тут имелись и такие, о которых не упоминалось даже в пьяной болтовне одиноких, измотанных космосом людей, время от времени слетающих в занюханный бар никому не известно как именуемой планеты... Итак, стены увешаны. Для новых голов места не осталось. Все, связанное с охотой, в один прекрасный день может утратить свой аромат. И не только для Сары Фостер, грозы окрестных планет, но и для тех людей, которые в восторге от этого ее знака отличия! Пора, значит, подыскивать что-то новенькое, не менее забавное?..

— Никто и никогда, капитан, не узнает, что вы покинули Землю, — убеждала меня между тем Сара. — Здесь останется ваш двойник, который исчезнет, как только вы вернетесь — когда бы это не произошло.

— Двойник? Вы в состоянии оплатить его преданность?

Она улыбнулась.

— Я в состоянии оплатить все, что угодно... И кроме того, когда мы будем уже далеко отсюда, — его разоблачение, даже если оно произойдет, не очень-то нас встревожит.

— Да, если не считать, что мне хотелось бы вернуться назад.

— Вы вернетесь. Я все улажу.

— А если с этим человеком произойдет несчастный случай, и он погибнет?

— А вот это ни к чему. Его идентифицируют, и проделка не сойдет нам с рук.

Сару явно огорчила подобная перспектива — так явно, что мне стало не по себе и от ее реакции, и от намечаемой сделки. Я с неприязнью смотрел на этих людей и с отвращением думал об их затее. Но желание добраться до корабля и рвануть на нем в космос не пропало, а наоборот — стало непреодолимым. Земля уже стремительно утрачивала свою прелесть. На ней теперь можно было лишь гостить, но никак не жить. Я задыхался здесь и почти умирал. Насквозь пропитанный космосом, я не мог находиться вне его. Усыпанное звездами одиночество, тишина, возможность отправиться куда угодно в любой момент — все это было там. И что-то еще, невыразимое...

— Подумайте о вознаграждении, — наседала Сара Фостер, — а затем удвойте свою сумму. Заранее согласна.

— Но почему?! — изумился я. — Неужели деньги ничего для вас не значат?

— Значат. Но у меня выработалась привычка платить за то, что я хотела бы получить. В данном случае мне нужны вы, капитан Росс. Как человек, никогда не следовавший безопасными маршрутами — с разметкой и указателями, и потому всегда опережавший других. Вы как никто подходите нам, капитан.

В дверях показался робот.

— Можно ли подавать обед, мисс Фостер?

Она смотрела на меня с вызовом.

— Надо подумать... — сказал я.

Глава 3

Подумать мне действительно следовало. Только чуть подольше. Чтобы не лететь куда попало. И не стоять теперь посреди этой пустыни, залитой лунным светом...

Смит по-прежнему ползал на четвереньках и хныкал. Его белые глаза светились, как у кота. К нему торопливо, путаясь в сутане, ковылял Тук.

Что же притягивает этих двоих друг к другу? Гомосексуализм отпадает: в походной тесноте он давно обнаружил бы себя. Вероятно, какая-то иная связь... Смит, конечно, признателен за то, что его опекают, — Тук, возможно, рассматривает приятеля, а вернее, голос в его голове, как своего рода ценную бумагу... И все же они связаны чем-то более прочным. Может быть, двух беспомощных недотеп сблизил их слабости, вызвавшие взаимное сострадание и понимание?..

Было светло как днем. Кроме луны на небосводе светилось бесчисленное множество звезд, крупных и необычайно ярких. Казалось, их можно сорвать, как яблоки с дерева, лишь протянув руку...

Сара уже поднялась и стояла теперь с ружьем на изготовку.

— Я удержала его дулом вверх! — гордо сообщила она.

— Я горжусь вами, — сказал я.

— Ружье в таких случаях нужно держать дулом вверх, чтобы не засорилось. Это первое правило. Если б я не последовала ему — ствол был бы полон песка.

Джордж все еще стонал, но его междометия уже переросли в слова.

— Что происходит, Тук?.. — надрывисто выкрикивал он. — Где мы?.. Что случилось с моим другом?.. Он исчез!.. Я не слышу его голоса!..

— Ради всего святого! — заорал я на Тука. — Поднимите его, отряхните, утрите ему нос и объясните, что тут происходит!

— Я не смогу объяснить, — пробурчал Тук. — Пока кто-нибудь не объяснит этого мне.

— Тогда слушайте... — сказал я. — Нас обвели вокруг пальца, мой друг! Как котят!

— Они вернутся! — истошно закричал Джордж. — Они вернутся за нами! Они не оставят нас здесь!

— Конечно! — Тук поднял его на ноги и отряхнул. — Они непременно вернутся! Как только взойдет солнце.

— А оно уже всходит, да?

— Нет. Сейчас на небе только луна и звезды...

Так здорово влипнуть! — подумал я. Угодить неизвестно во что, причем в компании двух чокнутых и рыжей Дианы, только и знающей, что держать дуло кверху!..

Я огляделся. Вокруг нас к небу тянулись величественные барханы. А в небе, кроме луны со звездами, не было ничего. Ни даже крохотного облачка. Как не было ни деревьев, ни кустов, ни живой былинки — внизу. Песок, песок, песок... Легкая прохлада должна была исчезнуть с первыми лучами солнца. Нас, скорее всего, ожидал долгий и жаркий день. У нас ни капли воды...

Борозды от наших тел шли по склону вниз. Нас, получалось, сбросили прямо над соседним барханом. Я быстро взобрался на него и прикладом начертил на песке глубокую линию, а также несколько идущих от нее стрелок.

Сара, внимательно следившая за моими действиями, спросила:

— Вы полагаете, что можно будет вернуться назад?
— Держать пари не рискнул бы, — сухо ответил я.
— Там был проем, вроде дверного. Он исчез, как только мы сквозь него пролетели.

— Пролетели мы уже тогда, когда сели на эту планету! С той самой минуты с нами выкидывают фокусы! И не спрашивают — хотим мы этого или не очень!

— Так или иначе, — сказала она, — но теперь нужно как-то выбраться отсюда...

— Если вы присмотрите за этими клоунами, чтоб они ничего не натворили, — я немного пройдуся...

Она хмуро посмотрела на меня.

— Вы что-то задумали, капитан? У вас уже есть конкретный план?

— Нет... Просто не мешает ознакомиться с местностью. Было бы также неплохо обнаружить воду. Днем без нее придется туго.

— А если заблудитесь?

— Я вернусь по своим же следам. Если только не поднимется ветер и их не занесет... В таком случае я выстрелю вверх, чтобы вы видели луч — и приду на звук вашего ответного выстрела.

— Вы не думаете, капитан, что эти лошадки вернуться за нами?

— А вы — думаете?

— Кажется, нет... — тихо сказала она. — И все же мне непонятно... Мне непонятно, для чего это сделано! Наши вещи не могут представлять для них особой ценности!

— Они просто избавились от нас.

— Но ведь был наводящий луч! Если бы не луч, то...

— Не исключено, что все дело в корабле. Что их интересовал только он. Ведь там, на поле, до черта кораблей, заманенных, скорей всего, тем же манером!

— А люди? Они тоже здесь? Или на других планетах?

— Не знаю... Пока что нам следует поискать местечко поприятней, чем эта песочница. И если таковое существует — немедленно туда перебраться. У нас нет ни пищи, ни воды.

Поправив на плече ружейный ремень, я двинулся по бархану вверх.

— Что я могла бы сделать? — крикнула Сара вслед.

— Следите, чтобы эти двое не затоптали мою черту. И чтоб ее не засыпало.

— Вы придаете ей такое значение?

— Ориентир какой-никакой...

— Сомнительный ориентир, — сказала она. — Нас, по-моему, зашвырнули сюда через некую пространственно-временную дыру, весьма условную. И вряд ли существенно — где мы шлепнулись...

— Да, но это единственное, за что мы можем ухватиться.

Увязая ногами в песке, то и дело съезжая по склону, я наконец добрался до гребня и, отдышавшись, посмотрел вниз. Все трое стояли, задрав головы... И тут, к собственному великому удивлению, я почувствовал нежность к этой троице! К беспомощному, тихо помешанному Смиту, к липовому монаху Туку, к Саре, черт бы ее побрал вместе с ниспадающими локонами и допотопной пищалью! При всех своих нелепостях они были сейчас просто человеческими существами, которые надеялись, что я смогу вытащить их отсюда. Они видели во мне человека бывалого, избороздившего космос вдоль и поперек, способного выпутаться из любых передряг. Они полагали, что с таким мудрым капитаном не пропадешь ни в жизнь... Бедные доверчивые дурачки! Я сам ни черта не понимал в происшедшем! У меня не было никакого плана действий! Я был озадачен и пришиблен ничуть не меньше, чем они! Только не обнаруживал этого, продолжая вести себя так, словно имел в запасе какой-то безотказный трюк...

Я помахал им рукой, не слишком удачно изобразив свое бодрое состояние, и влез на гребень.

Вокруг простиралась пустыня. Во все четыре стороны, до самого горизонта, тянулись огромные волны песка — причем каждая последующая строго копиро-

вала предыдущую. Деревьев — а значит, и воды — не было и в помине. Не было ничего. Только песок, песок, песок...

Я съехал по склону и поднялся на соседний бархан. Пустыня за это время отнюдь не преобразилась. Я мог продолжать свою прогулку вечно — с тем же результатом. Пустыня могла занимать всю поверхность этой планеты.

Лошадки знали, что делали, сбрасывая в ту дыру своих седоков. Лучшего способа избавиться от нас не придумаешь. Они или те, кого они представляют, не упустили своей добычи. Завлекли лучиком, вытащили из корабля, тут же залив его какой-то гадостью, и, не дав опомниться, определили сюда. Спустили. По традиции, очевидно...

Я поднялся на следующий холм, слабо надеясь обнаружить в одной из небольших долин что-то стоящее. Воду, лучше всего. В ней мы нуждались теперь как ни в чем. Или тропинку, которая вела бы в иные пределы, получше этих. Или местных жителей, готовых помочь. Представлялось маловероятным, правда, чтобы кто-то захотел тут поселиться...

В общем-то я разуверился. Ландшафт был безнадежно однообразным и неожиданностей не обещал. И вдруг мне в глаза бросилось *это!*

Конструкция, похожая на птичью клетку, стояла на самом верху ближайшего бархана, полузарытая в песок, и поблескивала металлическими прутьями! Кроме птичьей клетки она напоминала еще и капкан, поставленный на гигантского доисторического зверя, — причем, уже умертвивший свою жертву.

Я снял с плеча ружье, крепко сжал его обеими руками и съехал вниз. Клетка исчезла из поля зрения.

Вскарabкавшись снова, теперь уже чуть левее, вкрутив носки ботинок в песок и осторожно высунувшись из-за гребня, я мог теперь наблюдать.

От клетки вниз шла глубокая песчаная борозда, не успевшая как следует затянуться. Клетка, следовательно, была всажена сюда недавно, только что. Почему я решил, что она именно всажена, а не поставлена кем-то на этот гребень? Потому что так говорил мне мой рассудок. Потому что походило на то.

Клетка, возможно, являлась особого вида кораблем — весьма странным, в виде каркаса без оболочки. И если это был в самом деле корабль, то его живая начинка либо погибла — либо отправилась прогуляться...

Я внимательно оглядел весь склон и в правой его части, довольно далеко от клетки, заметил тянувшийся от самого гребня след, похожий на санный. Он исчезал в непроглядной темени долины и явно заслуживал внимания.

Я сполз чуть пониже и переместился вправо, быстро и почти бесшумно, каким-то паучьим ходом. Моя ловкость утраивалась от мысли, что на противоположной стороне, быть может, притаился и наострил уши — некто.

Осторожно выглянув, я увидел след вновь. Он был теперь гораздо ближе, хотя и по-прежнему справа от меня.

Из черной пустоты взлетел странный скрипящий звук — словно кто-то царапнулся. Вскоре звук повторился — сопровождаемый все тем же динамическим намеком, и я, изготовившись на всякий случай к стрельбе, замер.

Возобновившийся шорох на этот раз сопровождался звуками, напоминавшими жалобные стоны. Что-то там шевелилось, в этой черноте, что-то, вне сомнений, барахталось! И ждать, пока все объяснится само собой, — не стоило.

— Эй! — крикнул я.

Ответа не последовало.

— Эй, внизу!

Похоже было, что существо, с которым я пытался установить контакт, совершенно не владеет жаргоном нашего галактического сектора. Оно откуда-то издалека. И поболтать нам не придется...

И вдруг я услышал совиное уханье, в котором не так-то просто было различить многократно повторенный вопрос.

«Друг? Друг? Друг?..» — без конца ухало внизу.

— Друг! — ответил я.

— Нуждаюсь в друге, — сообщил голос. — Приблизьтесь, пожалуйста. Это безопасно. Я безоружен.

— В отличие от меня, — довольно мрачно ответил я.

— Оружие не понадобится, — донеслось из темноты. — Я в ловушке и беспомощен.

— Что там у вас наверху? Корабль?

— Корабль?

— Ну-у... средство передвижения?

— Совершенно верно, дорогой друг. Средство. Развалившееся. Недействующее.

— Ладно, я спускаюсь. Но учтите: мое ружье направлено на вас. Малейшее движение, и...

— Спускайтесь, спускайтесь, — подбодрил голос, интонационно приблизившись к сигналу сирены. — Буду в распростертом и неподвижном состоянии...

Я перешагнул через гребень и бросился по крутому склону вниз, стараясь быть не слишком удобной мишенью и потому сжимаясь всем телом.

Закончив и настороженно оглядевшись, я заметил черный застывший холмик.

— Ага, — сказал я. — Ну-ка, ко мне!

Холмик приподнялся, побарахтался и улегся снова.

— Лучше вы, — сказал он. — У меня не получается.

— Ну хорошо, лежи...

Подбежав к холмику совсем близко, я принялся его рассматривать.

Массивную голову этого красавца венчало множество щупалец, безвольно раскиданных на песке. Тело, длиною фута четыре, сужалось от головы и заканчивалось тупым обрубком. Руки-ноги отсутствовали. Вероятно, он вполне обходился щупальцами. Одежды, снаряжения, оружия — не было.

— В чем дело? — поинтересовался я. — Может быть, нужна помощь?

Щупальца подпрыгнули и стали беспокойно извиваться — как змеи в корзине. Из рта, окруженного этой прелестью, вырвался хриплый ответ:

— Мои ноги слишком коротки. Они тонут и не несут меня. Я могу только разгребать этот песок. И закапываться все глубже.

Пара щупалец с глазами на кончиках вытянулись и подвергли меня беглому осмотру.

— А если я помогу тебе выбраться?

— Бесполезно. Опять увязну.

Щупальца, теперь уже не спеша, скользили по мне своим взглядом, сверху вниз, словно измеряя.

— Вы крупный, — изрекло существо. — И наверное, достаточно сильный?

— Ты хочешь знать, смогу ли я нести тебя?

— Лишь до того места, где подо мной будет что-то твердое, — торопливо заверило оно.

— Не знаю таких мест...

— Не знаете? В таком случае, вы не с этой планеты.

— Точно. Ты, значит, тоже?

— Я?! Да ни один уважающий себя представитель моей расы не опустил бы до того, чтоб освободить здесь свой кишечник, сэр!

— А не отнести ли тебя к твоему кораблю? — спросил я, присев на корточки.

— Нет. Потому что там ничего нет.

— Так уж и ничего. А пища? А вода? — Последняя, надо сказать, интересовала меня все больше и больше.

— Я не нуждаюсь в них, так как нахожусь в своем втором «я». Его потребности ограничены легкой защитой от космического вакуума и небольшим количеством тепла, необходимого для живой ткани...

Вот так, сказал я себе. Второе «я» у нас — и все тут. Удивляйтесь, но расспрашивать не торопитесь. Потому что реакция предопределена. Сначала удивление или даже ужас, вызванный вашей дремучестью, затем безуспешная попытка что-то вам объяснить, и наконец — полный текст диссертации, доказывающей превосходство изложенной концепции над всеми прочими... Может случиться и так, что вы коснулись жуткого табу. И ваши вопросы оскорбительны... Нет, как небрежно была упомянута живая ткань! Словно что-то третьестепенное!.. Да ладно. Ничего особенного. Со всякими странностями столкнешься в космосе. Обычно, правда, не сталкиваешься, а обходишь их или вообще игнорируешь...

Итак, я должен был вызволить это создание из неприятности. Но понятия не имел — как. Можно было доставить его туда, где меня дожидались те трое и где ему было бы ничуть не лучше... Развернуться и

уйти, плюнув при этом, было нельзя. Лежавшее передо мной заслуживало и учтивости, и сострадания...

С того самого момента, когда я увидел клетку и понял, что она — разбившийся корабль, мысль о запасах провианта, оставшихся на борту, придавала мне силы. А теперь вот выяснилось, что никаких запасов нет. И существо, перед которым я сидел, не в силах было помочь нам. Оно само нуждалось в помощи, которую я не мог оказать. От всего этого трещала голова...

— Ничего хорошего предложить тебе не могу... — сказал я. — Мы тут вчетвером, и у нас нет ни пищи, ни воды.

— Как вы попали сюда?

Я начал объяснять ему, но вскоре понял, что напрасно теряю время, пытаюсь найти нужные слова. И разве, в конце концов, это имело значение — как мы сюда попали? Но меня, кажется, поняли.

— Ах вот так, — сказала существо.

— Мы ничего не можем для тебя сделать — ясно?

— Но ведь вы можете отнести меня на свою стоянку?

— Да, могу.

— Или у вас другие планы?

— Нет-нет... Если ты хочешь...

Конечно, я не горел желанием тащить его через барханы. Но послать бедолагу к черту, холодно посчитав все «за» и «против», было бы еще тяжелее...

— Я очень хочу, — сказала существо. — Когда кто-то рядом — спокойнее. Одному — плохо... К тому же в числе — сила. А в ней может возникнуть надобность.

— Между прочим, меня зовут Майк, — представился я. — Моя планета называется Земля. Она между Килем и Лебедем...

— Майк, — повторило оно, вернее, тщетно попыталось. — Это приятно щекочет голосовые связки... Местоположение вашей Земли мне неизвестно. Слышу впервые это название. Вы будете в том же недоумении, если я обозначу координаты своей планеты. С именем дело обстоит еще сложнее. Эта конструкция, включающая в себя идентификационные данные, вряд

ли усвоится вами. Назовите меня как-то по-своему, коротко и просто.

Заводить разговор о наших именах было, конечно, самое время. А ведь я не намеревался делать этого! Мое «Майк» вырвалось совершенно ни с того ни с сего, почти инстинктивно! И ситуация удивительным образом изменилась. Мы больше не были абстрактными чужаками, столкнувшимися по воле случая. Мы были двумя индивидами.

— Как насчет имени Хух? — спросил я и тут же пожалел о своей поспешности.

Имечко было не шедевр. От таких отказываются.

Но мой собеседник придерживался другого мнения. Задумчиво покачав щупальцами и повторив это имя несколько раз, он сказал:

— Хорошо. Замечательно. Очень подходит... Привет, Майк!

— Здорово, Хух, — отозвался я и, обхватив его обеими руками, вскинул на плечо.

Он оказался тяжелее, чем я думал, а округлости его тела были уж совсем некстати. Уложив наконец этот бурдюк более-менее устойчиво, я стал взбираться по склону.

Тяжелая ноша вынуждала меня двигаться по бесконечной диагонали, ноги по щиколотку уходили в песок, и каждый дюйм стоил немалых усилий. Честно говоря, я не предполагал, что это будет так скверно.

Добравшись наконец до гребня, я опустил на колени и, осторожно сняв Хуха с плеча, лег.

— Я причиняю вам много хлопот, Майк, — сказал Хух. — Я обуза для вас.

— Дай отдышаться... Тут уже недалеко...

Перевернувшись на спину, я стал разглядывать небо. Оно сияло. Прямо над головой висел голубой гигант, похожий на драгоценный камень. Чуть в стороне тлел уголек сверхгиганта. Терпеливая рука неведомого художника оживила черноту мириадами звезд.

— Где мы Хух? — спросил я. — В какой части Галактики?

— Это одно из сферических скоплений. Разве вы не знали?

Я предполагал. Потому что планета, к которой привел нас этот редкий идиот Смит, располагалась вдали от плоскости Галактики, в сферической ее подсистеме...

— Твой дом где-то здесь?

— Нет, — ответил он. — Далеко.

По тону, каким это было сказано, я понял, что продолжать расспросы не стоит. Хух явно не хотел откровенничать со мною, и явно неспроста. Он мог находиться в бегах, быть выдворенным или просто беженцем. Такие вещи время от времени происходят. Космос полон скитальцев, не имеющих возможности вернуться домой...

Я смотрел на звезды и размышлял о том, куда же именно мы попали. Нас, конечно, могли швырнуть к любому из сферических скоплений. В транспортировках такого рода расстояние вряд ли что-то значит. Координаты, собственно, тоже не имеют значения. Если мы не обнаружим воды, то продержимся очень недолго. Перекусить, конечно, тоже не мешает, но главное — вода... Я вяло удивился собственному спокойствию. Бесчисленные переделки, в которые приходилось попадать, сделали меня достаточно хладнокровным. А что, если запас везения исчерпался и на этот раз уже не выпутаться? Если подкралось то, чего так долго удавалось избегать? И либо сама планета, либо какая-то некоммуникабельная скотина прикончит меня? Ну прикончит — так прикончит, если судьба. А заранее нечего терзаться...

Я уже почти представил, каким образом это стряется, — но тут что-то ткнулось в плечо.

— Майк! — квакнул Хух, деликатно прикоснувшись ко мне одним из щупалец. — Посмотрите! Мы не одни!

Вскочив, я крепко сжал свое ружье...

Из-за бархана, в том месте, где стоял потерпевший аварию корабль Хуха, — выкатывалось колесо. Его зеленая ступица ярко блестела в лунных лучах. Видимая часть колеса возвышалась над гребнем футов на сто. Десятифутовой ширины обод сверкал, как хромированный, и был соединен со ступицей множеством серебристых спиц.

Теперь колесо не двигалось. Оно нависало над клеткой, которая в сравнении с ним казалась разбитой игрушкой.

— Оно живое? — спросил Хух.

— Возможно.

— Тогда будет лучше, если мы подготовимся к защите.

— Будет лучше, если мы будем вести себя смирно, — прошипел я.

Оно наблюдало за нами, вне всяких сомнений. И возможно, появилось здесь для того, чтобы исследовать обломки корабля. На вид в этом колесе не присутствовало ничего живого, однако, как мне казалось, зеленоватая ступица вполне могла быть этим живым.

Колесико могло в любой момент убраться — так же неожиданно, как появилось. Но даже если это не входило в его планы — нам не следовало лупить по таким странным мишеням...

— Съезжай-ка ты вниз, Хух... Если придется драпать, я прихвачу тебя.

Он помахал щупальцем, энергично выражая свое несогласие.

— Вам может понадобиться мое оружие.

— Ты ж сказал, что у тебя его нет!

— Грязная ложь! — радостно крикнул он.

— Значит, ты мог сделать со мной все, что угодно? — возмутился я. — И в любой момент?

— Да нет же! Ведь вы пришли мне на помощь! А скажи я правду, могли и не приблизиться.

Я не стал развивать тему. Пока эта хитрая бестия Хух был на моей стороне, не стоило придирааться...

Вдруг кто-то окликнул меня, и, обернувшись, я увидел Сару, которая стояла на соседнем бархане. Слева от нее из-за гребня торчали еще две головы.

Она воинственно сжимала в руках свое дурацкое ружье, и у нее вполне могло хватить ума, чтобы этим ружьем тут же и воспользоваться.

— Как дела, капитан? — крикнула Сара.

— В порядке, — спокойно ответил я.

— Не нужна ли наша помощь?

— Помощь? Пожалуй... Вы можете доставить моего приятеля на стоянку.

Я сказал «на стоянку» — потому что нужно было как-то назвать это место, не имевшее названия, а сквозь зубы тихо процедил:

— Выбрось из головы все свои глупости, Хух, и быстренько съезжай вниз...

Колесо пока оставалось на прежнем месте. Оно явно меня рассматривало. И я уставился на него исподлобья, приняв бравый вид, готовый в любую секунду ретироваться.

Было слышно, как Хух прошуршал по склону. И немедленно раздался вопль Сары.

— Что это за гадость? Где вы ее откопали?

Я оглянулся вновь и, увидев ее стоявшей над Хухом, заорал в свою очередь:

— Тук! Спуститесь и помогите мисс Фостер! Только предупредите Смита, чтоб оставался на месте, а не разгуливал!

Этому чокнутому слепому ничего не стоило побежать за своим дружком. Возись потом с ним...

— Но капитан... — В голосе Сары было раздражение, недоумение и многое другое.

— Он в таком же положении, как и мы! Он не отсюда, и ему нужна помощь! Так что оттащите-ка его, куда вас просят!..

Колесо вдруг ожило. Величаво вращаясь, оно поднималось вверх.

— Шуруйте отсюда! — не оборачиваясь, крикнул я Туку с Сарой.

Почти полностью выползшая из-за бархана, эта чертова штуковина замерла. Самым странным было то, что в небе висело действительно колесо, самое настоящее колесо, а не какая-то конструкция, похожая на него.

Широкий и толстый — примерно в фут — обод неведомым образом сочетал в себе массивность и изящество. Зеленоватая ступица плавала — иначе не скажешь. Спицы, при всем их количестве, не могли удержать ее на месте... Кроме спиц между ободом и ступицей — я заметил это только сейчас — протянулось множество тончайших проводков, напоминающих

паутину. Ступица на паука не походила. Она была просто шаром...

Быстро оглянувшись, я уже никого не увидел. На склоне осталось множество глубоких следов.

Съехав вниз и поднявшись по этим следам, я посмотрел на колесо. Оно висело на прежнем месте.

За следующим барханом уже находилась стоянка. Вся компания была там.

Колесо висело. Наверное, это вся его программа, подумал я. Прикатилось, посмотрело и теперь, удовлетворив свой интерес, думает о других делах...

Я уже собрался спуститься, когда ко мне вдруг вскарабкалась сияющая Сара.

— У нас появился шанс, капитан!

— Шанс выбраться отсюда?!

— Вы ведь рассказали своему Хуху о происшедшем с нами? Так вот, он, кажется, знает толк в таких вещах.

— Но, по-моему, он даже не понял, о чем я веду разговор!

— Да, кое-что было ему действительно непонятно. Но он тут кое о чем нас расспросил, и теперь они занимаются этим...

— Они?

— Да. Джордж с Туком помогают. И особенно кстати прилась помощь Джорджа. Кажется, он уже различает дверь...

— Ну, этот нам различает, — усмехнулся я.

— Мне бы очень хотелось, капитан, чтобы вы оставили свои наскоки.

Я не хотел ругаться с ней и молча скользнул вниз.

Двое на корточках и один полузарывшийся в песок — расположились шеренгой. Тук пристально вглядывался куда-то прямо перед собой. Лицо Смита выражало крайнее напряжение. Щупальца Хуха, подрагивая кончиками, тянулись вперед.

Я посмотрел туда, куда был устремлен взгляд Тука, и ничего не увидел — ничего, кроме бархана, уходившего к небу.

Подошла Сара, и мы вдвоем встали позади этих жрецов. Было совершенно непонятно — что происходит, но я решил не вмешиваться. Если есть даже ничтожный шанс открыть дверь, рассуждал я, то почему бы им не воспользоваться...

Внезапно щупальца Хуха обмякли, а Тук со Смитом сгорбились. По всему было видно, что их постигла неудача.

— Требуется больше энергии, — сказал Хух. — Если бы все мы...

— Все? — переспросил я. — Боюсь, что не поспеем для такой работы. Кстати, в чем она заключается?

— Мы сосредотачиваемся на двери, — ответил он. — Пытаемся открыть ее...

— Она по-прежнему здесь! — воскликнул Джордж. — Я чувствую это!

— Мы с вами должны попробовать, — решительно заявила Сара. — Это будет наш скромный вклад.

Она опустилась на корточки рядом с Хухом и спросила:

— Что нужно делать?

— Вы должны представить дверь, — сказал Тук.

— А затем потянуть ее на себя, — добавил Хух.

— Чем — потянуть? — поинтересовался я.

— Мыслью! — ядовито отвечивал Тук. — Это тот самый случай, когда длинный язык и тугие мышцы совершенно ни к чему!

— Весьма неуместное замечание, — приструнила его Сара.

— А чем, спрашивается, он был занят все это время? — не утихал Тук. — Орал и дрался!

— Брат мой! — мягко сказал я. — Если ты действительно так считаешь, то, как только мы выпутаемся из...

— Успокойтесь оба! — крикнула Сара. — Капитан! Прошу вас...

Она разровняла песок рядом с собой, и я тоже присел на корточки, чувствуя себя идиотом.

Впервые в жизни я сталкивался с такой концентрированной тупостью! Нет, я не сомневался, что кто-то при помощи своей психической энергии может тво-

ритель подобные чудеса... Но мы, человеческие существа, ни в чем подобном до сих пор замечены не были! Впрочем, от уникалов вроде Тука с Джорджем жди чего угодно...

— А теперь, — сказал Хух, — все вместе представим дверь.

Его щупальца выстрелили вперед и тихонько задрожали...

Я сосредотачивался изо всех сил. Я старался увидеть дверь и... действительно увидел! Призрачную дверь со слабо светящимся ореолом! Мне захотелось открыть ее, но не за что было ухватиться! И все же я пытался. Я даже чувствовал, как пальцы мои скользят по гладкой поверхности этой чертовой двери.

Очень скоро мне стало ясно, что мы ничего не добьемся. Дверь вроде бы начала приоткрываться — но щель была слишком узка, чтобы можно было проникнуть в нее. Открыть же дверь пошире нам не хватало времени — то есть, сил.

На меня навалилась усталость, и я понимал, что остальные тоже не в лучшем состоянии. Я знал, что мы будем пробовать еще и еще раз, пока не выйдем из сил окончательно... Неудача при первых попытках будет означать гибель...

Я напрягся сильнее и, как мне показалось, ухватился за дверь. Я потянул ее и почувствовал, что другие тянут тоже. Дверь поддавалась! Она качнулась в нашу сторону на невидимых петлях, и уже казалось, можно просунуть в щель руку!.. Впрочем, хотя я потел наравне с остальными, знание того, что дверь наша ирреальна, — не улетучивалось...

А потом, когда дверь приоткрылась еще чуть-чуть — мы не выдержали. Все одновременно... И двери не стало. Перед нами был только песок.

Что-то скрипнуло за нашими спинами. Я вскочил и развернулся. Над нами висело колесо.

Из зеленой массы, по-прежнему расположенной в центре, выдавился комок и, качаясь на серебристой паутине, стал спускаться. Комок не был пауком, хотя

в очертаниях и способе его передвижения проглядывало что-то паучье. Милейшим существом показался бы паук рядом с этим чудовищем, неотвратимо скользившим вниз, — колышущейся мерзостью, слизью с дюжиной не то рук — не то ног, с тем, что могло бы быть лицом, если б не внушало такого нечеловеческого ужаса и гадливости, не оскорбляло своим видом все ваше существо.

По мере приближения к нам, комок издавал все более громкие звуки. У него не было рта, но шум, порождаемый им был нестерпимым. В этом шуме слышался и хруст костей, разгрызаемых огромными зубами, и урчание зверя, исходящего слюной при виде падали, и сердитое бормотание безумца, и многое другое.

Добравшись до обода и спрыгнув — уже без паутины — на бархан, комок возвышался теперь перед нами. С его тела без конца что-то капало на песок — темнеющий от этой гадости.

Комок стоял, едва не лопааясь от злости, и шум, производимый им, наполнял всю пустыню.

В этом шуме мне слышалось — вернее, я чувствовал — слово. «Прочь! Прочь! Прочь!» — вот что пыталось вырваться из хаоса звуков.

Неизвестно откуда налетел ветер — очень странный ветер: он сбил нас с ног и потащил неизвестно куда, не подняв при этом ни песчинки. Пышущий злобой комок, стоя враскорячку, наблюдал...

Казалось, что под нами уже нет песка и мы катимся по мостовой... А потом исчезли барханы, и воцарилась совершенная тишина. Мы уткнулись в глухую стену.

Тишина, впрочем, была вскоре нарушена чокнутым Смитом.

— Он вернулся! Мой друг вернулся! Он опять в моей голове! Он вернулся ко мне!

— Заткнись! — рявкнул я.

Смит притих, но бормотать продолжал, восседаая с выставленными вперед ногами и глупейшим выражением экстаза на лице...

Оглядевшись, я понял, что мы вернулись туда, откуда нас так бесцеремонно выбросили — в комнату с каменными плитами, демонстрирующими образцы

других миров. Вернулись благополучно, но совершенно неожиданным способом... Будь у нас достаточно времени, чтобы открыть ту дверь — мы, возможно, попали бы сюда и без посторонней помощи, но нетерпеливая пустынная тварь решила ускорить процесс...

Ночь здесь уже сменилась днем. Сквозь широкий дверной проем слабо струился желтый солнечный свет.

Славные лошадки вместе с гномообразным гуманоидом, определившим нас в пустыню, отсутствовали.

Подтянув брюки, я снял с плеча ружье. Мне не терпелось кое с кем рассчитаться.

Глава 4

Мы обнаружили их в большой комнате, напоминавшей склад.

Гномоподобное существо, согнувшись, исследовало наш багаж, разложенный на полу. Часть вещей была, похоже, осмотрена, другая — дожидалась этой процедуры.

Гнома, увлеченно копавшегося в очередной сумке, окружали лошадки. Они тихонько раскачивались, наблюдая за работой, и, хотя резные их морды не могли иметь никакого выражения — я видел: трофеи пришлись по вкусу...

Они были настолько поглощены своим занятием, что нам удалось войти незамеченными. Тут лошадки испуганно вздыбились, и гном стал медленно — очевидно, у него затекла спина — разгибаться.

Выпрямившись наполовину, он посмотрел на нас сквозь неопрятные лохмы, похожий в эту минуту на английскую овчарку.

Мы остановились и стали молча ждать.

Гном наконец распрямился и, окруженный все еще вздыбленными лошадками, стал потирать свои узловатые пальцы.

— Мы намеревались отправиться за вами, мой повелитель, — сказал он.

Я указал ружьем на наши раскиданные по полу вещи. Он понял мой жест и замотал головой.

— Не более, чем формальность. Таможенный до-
смотр.

— Хотите обложить все это пошлиной?

— О нет! Просто некоторые из ваших вещей не подлежат ввозу на нашу планету. Никаких пошлин! Впрочем, если вам захочется сделать небольшой подарочек... Так редко подворачивается случай приобрести что-то действительно стоящее! Мы, кстати, можем оказать вам ряд очень ценных услуг. Укрытие от опасности, а также...

Я обед взглядом помещение. Склад был забит ящиками, корзинами и менее традиционными контейнерами. Уйма самых разнообразных предметов была свалена в одну огромную кучу.

— Похоже, — сказал я, — что дела у вас идут не так уж плохо! Если бы меня кто-то спросил, верю ли я, что вы действительно думали о нашем возвращении, я ответил бы отрицательно. Будь ваша воля — мы торчали бы в пустыне до конца своих дней.

— Клянусь! — поклялся гном. — Мы собирались открыть дверь! Но ваши вещи оказались столь восхитительными, что чувство времени покинуло нас!

— Скажите-ка лучше, зачем мы были заброшены в эту пустыню?

— Чтобы защитить вас от смертельных вибраций, — объяснил гном. — Мы, кстати, тоже спрятались... Эти вибрации возникают всякий раз, когда на планету садится корабль — и возникают они ночью...

— Это землетрясение? — спросил я. — Я хотел сказать — внутрипланетные толчки?

— Нет. Сотрясение всего вашего существа. Оно разрушает мозг и разрывает тело в куски. Все живое уничтожается им. Поместив вас в другой мир, мы спасли ваши жизни...

Он врал. Ему ничего другого не оставалось. Он нагло заливал о своих намерениях вернуть нас обратно, крыса такая! Печься о нашем возвращении было ему совершенно ни к чему. Он получил от нас все, что хотел.

— Ты, урод! — сказал я. — Брось вкручивать! С чего это вдруг посадка корабля вызовет такие вибрации?

Он поднес скрюченный палец к картошкообразному носу.

— Этот мир закрыт. Никого никогда сюда не приглашают. Гости, которые время от времени появляются, — должны остаться здесь навсегда. Планета запечатывает все корабли, и побег делается невозможным. А с ним и утечка информации.

— Сюда не приглашают, говоришь? — заорал я. — А наводящий луч? Вы заманили нас сюда, чтобы просто-напросто выкинуть в пустыню и завладеть всем нашим багажом! Вы уже прибрали к рукам все, кроме нашего корабля, который запечатан, как и все прочие! Не случайно лошадки настаивали на том, чтобы мы взяли с собой вещи! Они знали, какая участь ожидает корабль! Видно, вы просто не знаете, как избежать этого запечатывания!..

Он кивнул.

— Да, сэр. Это одно из характерных свойств закрытой планеты. Пока что мы бессильны против него...

Теперь, подумал я, гном будет соглашаться со всем, что бы я ни сказал — напустив на себя самый искренний вид. Еще один подленький среди встреченных мной приматов...

— Я не могу понять вот еще чего... — продолжил гном. — Каким образом вам удалось вернуться? Ведь никто не возвращается из этих миров без нашей помощи!

— Вы по-прежнему будете говорить, что собирались нас вызволить?

— Да, клянусь. И вы сейчас же можете получить все свои вещи. У нас даже в мыслях не было что-то присвоить!

— Замечательно! — сказал я. — Весьма разумное решение! Но нас интересуют также и другие вещи...

— Какие? — спросил он немного раздраженно.

— Нас интересует информация об одном человеке. О гуманоиде, очень похожем на нас. С ним был робот.

Глаза гнома забегали — он явно собирался с мыслями. Я шевельнул дулом ружья — и безрезультатно.

— Было, — сказал гном. — Давно. Очень давно.

— Это был единственный человек, прилетевший к вам?

— Нет. Прилетали и другие из ваших... До него... Шесть или семь... Они покинули город, и больше я их не видел...

— Вы не отправляли их в другой мир?

— Почему же... Мы отправляем туда всех! Это необходимо, потому что каждое новое прибытие вызывает смертоносную волну. После того, как волна проходит → мы снова в безопасности, и прибывшие извлекаются нами из своих убежищ.

Возможно, подумал я, он говорит правду. Или какую-то ее часть. А может быть, он имеет иную точку зрения на эти вещи — только не спешит ознакомить нас с ней? Или не решается, будучи однажды схваченным за руку?..

— И как только прилетит новый корабль — снова поднимется эта волна, да?

— Да, но лишь в городе, — уточнил гном. — За его пределами вы в безопасности.

— А что, никто из прибывших не остается в городе?

— Нет. Они идут охотиться за кем-то, находящимся, по их мнению, вне города. Все они за кем-то охотятся.

— Господи! — подумал я. Все они действительно идут по чьему-то следу! Кто знает, в скольких головах уже звучал голос, услышанный Смитом, и сколько самых разнообразных существ на этот голос устремились...

— Они не рассказывали вам об объекте своей охоты? — спросила Сара.

Гном криво усмехнулся.

— Скрывали.

— Ну, а тот гуманоид, что прилетел к вам с роботом — он...

— С роботом? Вы имеете в виду очень похожего на него металлического гуманоида?

— Не прикидывайтесь! — не выдержал я. — Вы прекрасно знаете, что такое робот! Эти ваши лошадки — тоже роботы!

— Мы не роботы, — возразил Доббин. — Мы настоящие лошадки.

— А ты заткнись!

— Ах да... — сказал гном. — Вспомнил. Гуманоид с роботом тоже — ушел и не вернулся. Правда, спустя какое-то время вернулся робот. Но он ничего не говорил мне. Ни слова.

— И этот робот все еще здесь?! — воскликнула Сара.

— У меня имеется только часть. А вот другая — та, что приводит его в действие, — к сожалению, отсутствует. Кажется, вы называете это мозгом... Я продал мозг диким лошадам, обитающим в здешней пустыне. Они очень хотели его заполучить и хорошо заплатили. К тому же, отказать им было опасно для моей жизни.

— Где нам искать этих диких лошадок? — поинтересовался я.

Гном пожал плечами.

— Кто знает... Они могут оказаться где угодно. Хотя, чаще всего — к северу отсюда... Дикие, совершенно дикие...

— Если лошадки такие дикие, то зачем им понадобился мозг Роско? — спросила Сара. — Каким образом они могли его использовать?

Плечи гнома приподнялись снова.

— Понятия не имею. У этих существ не очень-то спросишь. Грубые и необузданные... Да, туловище у них лошадиное, но головы такие, как ваши. И еще руки. Эти твари к тому же имеют привычку вопить, как безумные.

— Кентавры! — вскричал Тук. — Насколько мне известно, в пределах Галактики их едва ли не больше, чем гуманоидов! И они, как справедливо заметил этот джентльмен, весьма строптивы! Впрочем, мне не доводилось встречаться ни с одним из них...

— Значит, вы продали только черепную коробку... — вернулся я к теме. — А все остальное — у вас.

— Да. От туловища они отказались. Оно здесь.

Оставив ненадолго космический аргумент, я, уже по-английски, обратился к Саре.

— Что вы обо всем этом думаете? Может быть, пора заняться поисками Найта?

— Это было бы здорово, если...

— Если Найт еще жив, то он сейчас глубокий старик. Но скорее всего он умер. Не забывайте, что робот, который не смог бы бросить его просто так — вернулся!

— Нужно выяснить, куда и зачем он шел. Мы должны найти мозг Роско и вернуть этот мозг на прежнее место. Робот нам все расскажет.

— Гному, между прочим, он не сказал ни слова.

— Гном есть гном. А мы люди, и очень похожие на тех, кто сделал Роско. Если в него заложена преданность — она должна распространяться и на нас.

— Так вот... — сказал я, повернувшись к гному. — Нам понадобится тело робота и карты этой планеты. Запас воды, разумеется, тоже. Лошадки, которые повезут нас, наши вещи и...

Вскинув руки, он в ужасе отпрянул от меня и энергично замотал головой.

— Придется обойтись без лошадок! Они нужны мне самому!

— Дайте же закончить! Дело в том, что мы берем с собой и вас!

— Это невозможно!!! — душераздирающе крикнул Доббин. — Кто будет предупреждать вновь прибывших об опасности и помещать их в укрытие? Сэр! Вы должны понять, что...

— Все учтено, — успокоил я Доббина. — Мы просто уберем луч. Не будет приманки — не будет и гостей.

— Вы не сможете его убрать! — заверещал теперь уже гном. — Никто не может сделать этого! Потому что местонахождение трансмиттера никому из нас не известно! Я пытался найти его! И до меня тоже искали! Бесполезно.

Вид его был крайне подавленный.

— Пр-проклятье... — выдавил я из себя.

— Я так и знала, — сказала Сара. — И, откровенно говоря, была озадачена этим с самого начала... Наш дохлый дружок явно не из тех, кто построил город и позаботился о луче. Он просто живет здесь, в этой каменной пустыне. Дикарь, пробавляющийся случайными объедками...

Мне конечно следовало раскусить его самостоятельно. Но злость на этого гнома, который мало того, что швырнул нас черт знает куда, — так еще и копался в нашем багаже, — злость эта мне помешала. Я жаждал крови. Я был в таком состоянии, что мог просто прибить этого маленького поганца, сделай он еще хоть один неверный шаг...

— Ну-ка, выкладывайте все начистоту! — строго крикнула гному Сара. — Ведь это не вы и вам подобные построили город — не так ли?

— Вы не вправе допрашивать меня! — взвизгнул гном, и лицо его гневно перекосилось. — Мне тошно и без этого!

— Мы вправе, — сказал я. — Потому что хотим разобраться в происходящем. Даю вам пять секунд на размышление...

Он не воспользовался этими секундами. Ноги его подкосились, и он тяжело опустился на пол — после чего, ухватившись за живот, принялся раскачиваться взад-вперед.

— Я скажу... — простонал этот страдалец. — Я все скажу — не стреляйте... Но как мне стыдно! Какой позор!..

Он поднял на меня горестный взор и продолжил:

— Я не могу лгать... Если б мог, то солгал бы... Но кое-кто из присутствующих немедленно меня разоблачит...

— Кто? — спросил я удивленно.

— Я, — сказал Хух.

— Как ты это делаешь?! Вживленный детектор лжи?

— Это одна из моих скромных способностей. Вряд ли я смогу объяснить вам, как это происходит. Радиус действия не слишком велик, но в данном случае достаточен. Особа, с которой вы беседуете, учитывает

этот фактор и потому говорит вам правду, хотя и не всю.

— По-моему, — сказал гном, все еще глядя на меня, — в такие вот моменты мы, гуманоиды, должны держаться вместе. Узы, которые нас...

— Никакими узами я с вами не связан, — отрезал я.

— Вы слишком суровы, капитан, — заметила Сара.

— Это только начало, мисс Фостер! Мне нужно, чтобы он ответил!

— Но, может быть, у него какая-то причина...

— Нет у него никакой причины!.. Ты, вонючка! У тебя есть причина не отвечать?

Выдержав долгую паузу, он решительно тряхнул головой и сказал следующее:

— Моя честь оскорблена. Память моих предков поругана... Это тянулось так долго — наше притворство, что иногда нам начинало казаться, будто город и в самом деле создан нами. Если бы вы не растормошили меня, а еще лучше — вовсе не появились бы здесь — я и умер бы, согреваемый этим сладким обманом. И никого бы не волновало бы потом — узнай хоть вся Вселенная, что архитекторами были не мы. Потому что я последний из тех, кого это может волновать. Потому что я последний из нас... Мои обязанности будут унаследованы вот этими лошадками, которые возложат их когда-нибудь на кого-то другого... Кто-то должен быть здесь всегда, чтобы предупреждать обитателей планеты об опасности и укрывать вновь прибывших...

Я посмотрел на Доббина.

— Ну, а ты что скажешь обо всем этом?

— Ничего, сэр. Я не скажу вам ничего. Вы несправедливы по отношению к нам. Мы спасли вашу жизнь, поместив на время в другой мир, а вы говорите, что вас не собирались возвращать. Вы очень разгневались, увидев своего благодетеля в момент удовлетворения обычного любопытства, которое вызвали ваши вещи. Вы угрожаете ему, даете какие-то секунды на размышление, ведете себя крайне развязно и...

— Хватит! — крикнул я. — Он еще будет меня воспитывать, робот несчастный!

— Мы не быть роботы! Говорю вам еще раз: мы быть только обыкновенные лошадки!..

Итак, снова эта нелепица, все в том же гордом исполнении. Если б меня не душила злость — я наверняка расхохотался бы... Да, разобраться в происходящем будет не так-то просто...

Я нагнулся, решительно ухватил гнома за край просторной мантии, висевшей на нем, как на вешалке, — и поднял высоко вверх.

Он отчаянно извивался и очень быстро перебирал ножками, словно пытаясь убежать.

— С меня довольно, — сказал я. — Мне наплевать на ваши секреты. Ты сейчас дашь нам все, что мы требуем. А станешь хитрить — откручу голову.

— Осторожно!! — крикнула Сара, и, резко обернувшись, я увидел атакующих нас лошадок. Их передние качалки были угрожающе подняты...

Гном был немедленно отброшен в сторону. Даже не посмотрев, куда он упадет, я схватился за ружье и — почувствовал внезапную слабость, вспомнив, что лазерный луч не оставил на посадочном поле даже легкой отметины. Если лошадки сделаны из того же материала — а выглядит именно так, — то я с тем же успехом могу в них плевать!..

Но как только я вскинул ружье, Хух проворно выбежал вперед и... сверкнул — скажем так, за неимением другого слова. В общем, после того, как он выбежал, тихо процокав по полу, его тело вдруг мелко-мелко завибрировало и обволоклось голубоватой дымкой — как если бы он был только что сторевавшим электротрансформатором... А потом задрожал сам воздух, и все, находившееся в комнате, запрыгало в какой-то странной жиге — быстро, впрочем, оборвавшейся...

Все стояло на прежних местах как ни в чем не бывало. Все — кроме лошадок. Они валялись в дальнем углу, вперемешку, задрав качалки. И ведь я не видел, чтоб они туда бежали или пятились! Тем не менее... Лошадки переместились как бы помимо пространства. Вот они нападают на нас — а вот уже свалены в кучу...

— С ними все в порядке, — извиняющимся тоном сказал Хух. — Никаких повреждений. Так только, кратковременная стесненность движений... Извините меня за внезапность, но ситуация требовала немедленных действий.

Среди бочек, ящиков и корзин копошился, пытаясь выбраться, гном. Задора в нем наблюдалось не больше, чем в лошадках.

— Тук! — сказал я. — Пошевеливайтесь! Нужно собрать все вещи! Как только эти чистокровки будут навьючены — трогаем...

Глава 5

Город подавлял. Он нависал отовсюду. Его стены уходили в самое небо, и там, где они заканчивались — если они вообще заканчивались, — виден был лишь выцветший голубой лоскуток, почти сливавшийся с их белизной.

Узкая улица не шла прямо — она прыгала и изгибалась. Она была ручейком, бежавшим между валунами зданий. А здания почти не отличались одно от другого — так, чуть-чуть. Архитектурой здесь не пахло. Однообразие прямых линий и гнетущая массивность исключали этот запах.

Все было белым, даже покрытие дороги, по которой мы следовали. Улицы не были вымощены в обычном понимании этого слова, но залиты каким-то веществом, подступавшим к зданиям вплотную и казавшимся их продолжением. Этому покрытию без швов и без стыков не виделось — как и всему городу — конца. Казалось, будто находишься в безнадежной западне...

— Капитан, — сказала Сара, шедшая со мной рядом. — Я не вполне уверена, что одобряю ваши действия.

Я не считал нужным отвечать. Недовольство мной начало грызть ее еще на корабле — и продолжало после посадки. Теперь ей, видимо, понадобилось излить свое чувство. Мой ответ ничего бы не изменил...

Бросив взгляд через плечо, я увидел, что Смит и Тук по-прежнему едут верхом, за ними движутся съестные припасы и фляги с водой, и позади процессии, подбегая время от времени чуть поближе, как собака, погоняющая овец, следует Хух. Он энергично семеня своими короткими ножками — по паре дюжин с обеих сторон, — и можно было не сомневаться, что лошадки побоятся выкинуть при нем фортель...

— Вы нахраписты, — помолчав, продолжила Сара. — Вы просто ломитесь вперед и совершенно не способны на тонкий маневр. В конце концов это может привести к неприятностям.

— Вы о гноме?

— О гноме. С ним можно было договориться.

— Договориться? После того, как он едва не погубил нас?

— Но ведь он объяснил, что мы были бы возвращены из пустыни! И я очень склонна верить этому! Сюда прилетали и до нас. Думаю, что все они вернулись из этих миров — благодаря ему. И всем им было позволено идти дальше.

— В таком случае не объясните ли вы, как так получилось, что весь его склад набит чужим добром?

— Наверное, он что-то украл, — согласилась Сара. — Или выудил обманным путем. А может быть, подобрал все это на месте гибели каких-то экспедиций.

Такие варианты были, конечно, возможны. Но для меня — сомнительны... Гном сказал, что мы первые, кому удалось выбраться оттуда без его помощи. Но это могло быть ложью, рассчитанной на то, чтобы мы успокоились, почувствовав себя великими умниками. А ведь нас просто выбросили оттуда! И не исключено, что с нашими предшественниками поступали точно так же! Обитателям тех миров просто надоело, что на них без конца вываливают непонятно кого! Однако, если они, обитатели, отшвыривают не всех — у гнома с лошадиной компанией есть хорошая возможность поживиться. Неясно, правда, что толку от такого изобилия, когда нет возможности вести торговлю за пределами планеты. Гном, скорее всего, торговал — ведь купили же кентавры мозг Роско?.. Но такой

домашний бизнес не может приносить хорошего дохода...

— Кстати, о гноме, — сказала Сара. — Что ж вы — грозились взять его с собой и не взяли? Лично я, пустившись в такое дело, чувствовала бы себя куда спокойнее — будь он под боком.

— Во-первых, я не вынес бы его криков и стонов. А во-вторых, именно оттого, что его оставили в покое, бедолага преподнес нам и воду, и карты, и туловище Роско — не пикнув при этом...

Некоторое время мы продолжали свой путь в полном молчании, но я чувствовал, что Сара еще не выговорила. Я раздражал ее. Ей не нравились мои действия. Она хотела выплеснуть на меня свое негодование, но что-то у нее не получалось...

— Не нравится мне этот ваш Хух. Тварь ползучая.

— Он спас нам жизнь, защитив от лошадок, — сказал я. — А злитесь вы оттого, что не понимаете, каким образом он это сделал. Меня же данный вопрос не волнует. Главное, что Хух может повторить свой номер, если понадобится. Ползучий он или не ползучий — неважно. Он с нами заодно и вообще — славный малый...

Сара сверкнула глазами.

— Это пощечина всем остальным! И Джордж вам не нравится, и Тук не по вкусу, и со мной вы вежливы не без усилий!.. И все для вас уроды и вонючки!.. А вот мне не нравятся типы, которые называют людей вонючками!..

Я сделал глубокий вдох и принялся медленно считать до десяти. Но не досчитал.

— Мисс Фостер! — сказал я. — Вы, конечно, не могли забыть о кругленькой сумме, переведенной вами на мой счет на Земле. Так вот... Единственное, что я сейчас пытаюсь сделать — это заработать вышеупомянутые денежки. И я заработаю их, что бы вы ни говорили и ни делали. Меня совершенно не заботит — нравлюсь я вам или не очень. Я не нуждаюсь в вашем восхищении моими поступками. Но!.. Пока я отвечаю за эту безумную экспедицию, в которую, кстати, вы все так рвались, — ни одна собака не смеет мне

перечить. Вот когда вернемся на Землю — пожалуй-ста.

Что после моих слов может предпринять Сара — меня не волновало. Я должен был сказать это, пока все не полетело к чертям. Хотя, вроде бы, уже собиралось... Эта планета делала человека дерганным, беспокойным. Она таила в себе некую порочность, холод, какой бывает в недобром взгляде. Разгадка ее тайны заранее ужасала. Ко всему прочему, наш корабль был залеплен, и распрощаться в случае надобности с этим райским уголком — не представлялось пока возможным...

Вообще-то я думал, что она тут же остановится и даст волю своей ярости. Попытается разmozжить прикладом мою голову или просто пристрелить. Однако ничего подобного не произошло. Сара по-прежнему шла рядом, будто ничего и не случилось. Правда, чуть позже она тихо, но проникновенно сказала:

— Вы образцовый сукин сын...

Некоторые основания для такой аттестации у нее, конечно, имелись. Хотя грубость моя была все же спровоцирована, и это следовало учесть... Да ладно. Обзывали и почище...

Мы находились в пути уже более четверти суток, как показывали мои часы. Показывали, впрочем, впустую, так как продолжительность дня на этой планете была нам неизвестна.

Я старался все время быть начеку и понятия не имел — чего именно мне остерегаться. Город казался необитаемым, но это не означало, что какая-нибудь притаившаяся мерзость не может вдруг броситься на нас. Уж слишком все выглядело тихо и невинно.

Улицы были узкими — и та, по которой мы следовали, и ответвлявшиеся. Слепые белые стены кое-где разнообразились отверстиями, не похожими на окна. Небольшие двери, скромные донельзя, по несколько в каждом здании — выходили прямо на дорогу. Иногда, правда, к ним — в этом случае массивным и расположенным на значительной высоте — вел скат. Редкая

из дверей была закрыта. Казалось, отсюда ушли, даже не оглянувшись...

Внезапно дорога юркнула в сторону, и, свернув за угол, мы увидели узкий проход, который тянулся, никуда не отклоняясь, довольно далеко. Вдали же виднелось дерево — одно из огромных деревьев, возвышающихся над городом.

Я остановился. Последовала моему примеру и Сара. Позади зашаркали лошадки, и, как только стук их качалок прекратился, я расслышал звуки тихого пения. Вообще-то оно едва слышалось уже давно, приглушаемое шумом все тех же качалок и потому не привлекавшее особого внимания...

Итак, лошадки стояли, а пение продолжалось. Повернувшись, я увидел, что оно исходит от Смита. Он сидел в седле, безмятежно раскачиваясь взад-вперед, и по-младенчески ворковал.

— Ну, смелее! — сказала Сара. — Выскажитесь по этому поводу!

— Не собираюсь, — буркнул я. — Но если он не закроет хлебoreзку — надену намордник.

— Это всего лишь радость, — сказал Тук. — Не стоит злиться, капитан. Мы, похоже, находимся недалеко от того, кто разговаривал со Смитом все эти годы. Смит, естественно, вне себя от счастья.

Сгорбившийся в седле счастливец продолжал тянуть свою бесконечную песню, не обращая внимания ни на что.

— Тронулись, — сказал я, хотя собирался объявить привал. Что-то во мне воспротивилось этому, каким-то подозрительным и неподходящим для остановки показалось место. Или я просто хотел, чтобы лошадки своим стуком побыстрее заглушили идиотское пение?..

Сара, не сказав ни слова о моем жестоком обращении с людьми, послушно двинулась вперед.

Дерево все росло и становилось все более различным. И вот уже можно было видеть, что оно стоит в некотором удалении от стен и что оно вдвое выше любого из равновысоких зданий этого города.

Солнце клонилось к западу, когда мы достигли конца прохода. И это был действительно конец. Город здесь кончался. Начиналась дикая местность с желто-

красной почвой — не совсем пустыня, но что-то в этом роде. Холмистая земля с голубизной гор вдали и деревьями то тут, то там... Была и кой-какая другая растительность — низкорослая, теряющаяся в соседстве с великанами. Одно из деревьев стояло рядом с нами, в милях трех или около того...

Узкая улочка переходила в тропу — именно в тропу, а не в дорогу. Видно было, что тропа протоптана парой ног, ходивших здесь в течение многих лет — или же многими ногами, ступавшими след в след.

Она петляла и извивалась, уводя в желто-красный край — туда, где примерно в миле от города стояло одинокое здание, совсем не такое высокое, как городские, но все же приличных размеров.

Здание это не было скучной прямоугольной массой. Оно отличалось основательностью и в то же время воздушностью. Кроме того, оно было сложено из красного материала — что после городской белизны радовало глаз.

Оно было при шпилях и башенках, а также с чем-то, напоминающим окна. От трех распахнутых дверей тянулся величественный скат.

— Капитан Росс, — сказала Сара. — Не сделать ли нам привал? День все-таки был длинным и тяжелым...

Может быть, она хотела, чтобы я стал с ней спорить — но я не стал. День оказался действительно длинным и тяжелым. Привал был необходим уже давно, но непреодолимое желание выбраться из города гнало меня все дальше и дальше.

Итак, мы прошагали без остановки больше восьми часов, а день и не думал кончаться... Долог же он здесь...

— Давайте там, у здания, — предложил я. — Заодно и осмотрим его, после того, как устроимся.

Она кивнула, и мы поспешили к цели. Смит все еще напевал, но в движении меня это почти не беспокоило. Главное, чтобы он не продолжил потом, когда мы разобьем лагерь — будет очень трудно удержаться от умиротворяющего рукоприкладства. Позволить же испускать губительные звуки и дальше — будет еще трудней...

В городе мы были недостигаемы для солнца, а теперь его лучи — не горячие, а по-весеннему ласковые — радовали. Было приятно идти, чувствуя на себе их тепло. Воздух был свеж и напоен каким-то пряным ароматом, щекочущим ноздри.

Башни и шпили красного здания тянулись вверх. Казалось, что они хотят проткнуть это безоблачное небо... Теперь, когда мы выбрались наконец из города и могли видеть ничем не заслоненное солнце — теперь казалось, что мы на правильном пути, и он останется правильным, куда бы мы ни пошли.

Удивившись собственному безумию, я подумал о том, что на змеящейся перед нами тропе мы вполне могли бы наткнуться на кентавров, купивших мозг Роско, и если этот мозг еще существует — вернуть его и всунуть в пустую голову робота — с тем, чтобы тот немедленно нам все объяснил... В свое время мне приходилось гоняться за недостижимым, но для успеха не хватало, вероятно, бабы-охотника, слепого мечтателя и подлого монаха с грязными ногтями. Не предельно, но достаточно грозная команда...

Мы были примерно на полдороги к зданию, когда за спиной послышались удивленно испуганные крики, и, повернувшись, я увидел несущихся лошадаков.

Не раздумывая, я бросился в сторону от тропы, увлекая за собой Сару. Едва мы откатились, мимо грозно прогремели качалки, двигавшиеся с такой скоростью, что казались размытым пятном. Смит еле держался в своем седле, а коричневая сутана Тука хлопала на ветру.

Лошадки стремительно приближались к скату, ведущему в здание, и визжали так, что мороз подирал по коже.

Едва я приподнялся, как что-то негромко разорвалось над головой, и темно-красные шарики, просвистев, запрыгали по земле.

Было непонятно — что же происходит, но понятно, что надо уносить ноги. Больше всего хотелось последовать за лошадаками, которые, получалось, обо всем знали заранее — оттого и побежали. Я рывком поднял Сару на ноги, и мы бросились к скату.

Справа снова хлопнуло, и еще больше темно-красных дробинок, подымая клубы пыли, заскакало перед нами.

— Дерево! — задыхаясь, крикнула Сара. — Это бросает дерево!

Я вскинул голову и увидел множество темных шаров, летящих вниз. Казалось, что они действительно летят с дерева!

— Осторожно! — крикнул я Саре и, толчком повалив ее на землю, упал и сам. Над нами беспорядочно хлопали темные шары, и казалось, весь воздух был наполнен отвратительно свистящими дробинками. Одна из них ударила меня по ребру, и ощущение было такое, будто меня хлестнули кнутом; другая — чиркнула по щеке.

— Быстрее! — крикнул я, поднимая Сару на ноги.

Она оттолкнула мою руку и, выказав необычайную резвость, добежала до ската первой.

Глухие хлопки вокруг не прекращались, и весь грунт плясал под бесчисленными дробинками. Однако мы ухитрились, ни разу не споткнувшись, взбежать наверх и скрыться наконец в дверях, целыми и невредимыми.

Вся компания была там. Перед испуганно теснящимися лошадами бегал туда-сюда Хух, суетясь, как встревоженная овчарка. Тук сутулился в седле, а коротконогий бочонок Смит сидел невозможно прямо и путающе сиял.

Снаружи все еще продолжались взрывы шаров, набитых дробинками, которые бились о грунт и прыгали, прыгали, прыгали.

Я посмотрел на Сару и нашел ее несколько изменившейся. Всегда безупречный костюм был помят и испачкан. Грязь была даже на щеке. Заметив, что она все еще сжимает свое ружье, я не мог не усмехнуться.

Что-то маленькое метнулось мимо ног, затем еще раз — и я увидел спешивших к двери крысоподобных существ. Каждое из них схватило по одной из прыгавших дробинок и немедленно вернулось назад, крепко сжимая добычу зубами.

Из глубины помещения донесся громкий шорох, сопровождаемый писком, и секунду спустя уже целая

река этих тварей вылилась в дверь. Лошадки, перепугавшись еще больше, отступили в сторону — и все мы последовали их примеру.

Твари между тем не обращали на нас ни малейшего внимания. Единственным, что их занимало, были пляшущие дробинки, за которыми они гонялись с таким вдохновением, словно ничего важнее на свете не существовало. Поглощенные этим занятием, они иногда натывались друг на друга, но на драки не отвлекались. А темные шары все продолжали падать, разбрасывая свою начинку...

Хух приблизился ко мне и, подогнув ноги, опустился на живот. Затем он коснулся щупальцами пола и сказал:

— Ожидая наступления голодных времен, они делают запасы.

Я кивнул, сочтя это логичным. Темные шары были чем-то вроде стручков, наполненных семенами, и разбрасывание их являлось обычным способом размножения. Но не только! Стручки годятся и для использования в качестве оружия, в чем мы убедились! Дерево как будто знало о нас и, как только мы вошли в пределы его досягаемости, — открыло огонь. Окажись мы чуть ближе к нему или на совершенно открытой местности — нам пришлось бы туто. Мое ребро все еще помнило полученный удар, а на щеке осталась царапина. Нет, это было просто невероятным везением — то, что поблизости оказалось здание!

Сара уселась на пол и положила ружье на колени.

— Как дела? — спросил я.

— Устала всего-навсего... Как я понимаю, у нас нет причин, по которым мы не могли бы здесь отдохнуть?

Оглядевшись вокруг, я увидел, что Тук уже слез со своей лошадки, а Смит все еще восседал в седле, задрвав голову и слегка наклонив ее к плечу, словно прислушивался, — и по лицу его было разлито неимоверное счастье.

— Тук, — сказал я. — Не могли бы вы с Джорджем развьючить этих благородных скотин? А я пока поищу чего-нибудь горючего...

У нас, правда, имелся походный обогреватель — но стоило ли тратить драгоценное топливо, когда можно

было раздобыть дров? К тому же, костер — это такая штука, у которой можно посидеть и поговорить...

— Не могу стащить его, капитан! — чуть ли не плача, пожаловался Тук. — Он не слушается! Даже внимания не обращает!

— Что с ним?! Не ушибся ли он, случайно?

— Не думаю. По-моему, он наконец достиг своей цели. Добрался туда, куда стремился все это время.

— Вы имеете в виду голос?

— Да. Этот голос идет из здания, в котором мы сейчас находимся. Похоже, оно когда-то служило храмом...

Что-то церковное в наружном виде здания было действительно. Об интерьере же судить мы пока не могли. Только небольшая часть пространства, у самой двери, была освещена солнцем — остальное же тонуло в темноте...

— Так или иначе, — сказал я, — мы не можем на всю ночь оставить вашего приятеля в седле. Попробуем-ка стащить его вдвоем...

— А потом? — спросил Тук.

— Что потом?

— Ну снимем мы его сегодня — а завтра?

— Чертовски сложная проблема! А завтра, если он не избавится от своей новой привычки — мы опять посадим его в седло и как следует привяжем, чтоб не свалился!

— Вы хотите сказать, что повезете его дальше? Когда он находится там, куда страстно стремился большую часть своей жизни?

— А по-вашему, — заорал я, — мы должны из-за этого рыдающего идиота обосноваться здесь навсегда?!

— Должен напомнить вам, капитан, — с ядовитой отчетливостью сказал Тук, — что этот рыдающий идиот указал нам дорогу. Если б не он, то...

— Джентльмены! — поднявшись на ноги, перебила его Сара. — Умерьте свой пыл!.. Не знаю, капитан, понимаете ли вы это — но возможно, мы уйдем отсюда не так-то скоро...

— Да? И что же нас задержит?

Она кивнула на дверь.

— Наш новый друг — дерево. Оно держит нас на мушке. Можете убедиться сами. Вся эта дрянь по-прежнему падает на скат. Без промахов причем. Попытка выйти наружу может стоить вам жизни. Даже маленькие, юркие грызуны, собирающие семена — и те несут потери...

Я увидел, что это действительно так. За дверью не утихала дикая пляска дробинки. Казалось, прыгает и дергается сама почва, на которой там и тут неподвижно лежали крошечные тельца.

— Дерево устанет, — сказал я. — Оно выдохнется. У него кончатся боеприпасы.

Сара покачала головой.

— Не думаю, капитан. Какова, по-вашему, высота этого дерева? Четыре мили? Пять? А крона ее начинается уже в нескольких сотнях футов от земли. Представьте себе также и поперечник этой кроны, достигающий, возможно, мили. Сколько же стручков способен произвести такой исполин?..

Она была права в своих выкладках. При желании дерево могло держать нас взаперти как уютно долго...

— Доббин! Может, поведает — в чем тут дело? Почему этот чертов куст так разошелся?

— Я ничего вам не скажу, благородный сэр. Достаточно того, что я иду с вами и несу ваше имущество. На большее не рассчитывайте. Никакой информацией мы вам не поможем. Вы обращались с нами скверно и не должны ждать от нас ни малейшей сердечности...

Из темноты выкатился Хух, помахивая парой щупалец, увенчанных глазами. Последние возбужденно блестя.

— Майк, — прогудел он. — Станные мысли навешаются. О древних тайнах... О бесконечном времени и неизведанном... Здесь присутствует нечто — и оно, это нечто, нуждается в каком-то существе...

— И ты туда же, — вздохнул я и снова посмотрел на Смита.

Тот сидел все так же, как изваяние, с замороженной гримасой счастья. Его уже не было с нами. Он находился в другом конце Вселенной...

— Место вообще-то спокойное, — продолжил Хух. — Но покой этот очень странного, пугающего

свойства... Впрочем, это лишь мое ощущение. У меня, знаете ли, иные представления о местах, предназначенных для отдыха. Так или иначе, считаю своим долгом информировать вас на всякий случай...

— Ну что? — спросила Сара. — Снимаете вы Джорджа — или пускай себе сидит?

— Ему-то, конечно, все равно, — ответил я, — но лучше снимем.

Поднатужившись, мы с Туком стащили Джорджа с седла, отволокли к стене и прислонили рядом с дверью. Он был совершенно отключен — не сопротивлялся и не выказывал никакого интереса к происходящему.

Подойдя к одной из лошадок, я снял с нее сумку и, порывшись, извлек оттуда фонарик.

— Пошли, Хух. Поищем дров. Возможно, здесь завалилось что-нибудь из старой мебели...

И мы ступили в темноту — которая, как я скоро убедился, не была беспросветной, а только казалась такой оттуда, где все было залито солнцем. Какой-то ирреальный полумрак окружал нас — полумрак, похожий на дым или густой туман.

Разглядеть что-либо было почти невозможным. Неясные очертания предметов ничего не сообщали. Высоко над головой время от времени вспыхивал свет, проникавший сюда в щель или окно. Чуть в стороне от нас по-прежнему сновали заготовители семян. Я осветил их, и в ответ мне злобно сверкнуло множество маленьких красных глазок. Передернувшись, я направил луч вперед.

Что-то легонько стукнулось о мою руку. Я посмотрел вниз и увидел Хуха, с вытянутым ко мне щупальцем. Еще одно щупальце куда-то указывало.

Посмотрев в предложенную сторону, я обнаружил там нечто похожее на кучу хлама.

— Может быть, дрова? — предположил Хух, и мы решили проверить.

Куча оказалась куда более внушительной и отдаленной от нас, чем можно было подумать. Но мы все же добрались до нее и, осветив, стали рассматривать.

Там лежали просто замечательные дрова! Коротко поломанные доски — мебельные, о которых я и меч-

тал! Но было и кое-что еще. Были куски металла, ржавые и вполне сверкающие — куски, которые когда-то, до того, как их скомкали, скрутили и разломали — представляли собой инструменты. Кто-то проделал большую разрушительную работу... Кроме досок и исковерканного металла в куче лежали странной формы деревянные кусочки, обвязанные волокнами.

— Много ярости израсходовано на неодушевленные предметы, — оценил увиденное Хух. — Загадочно и вряд ли постижимо.

Протянув ему фонарик, который тут же обвис на щупальце, — я присел и начал вытаскивать доски, наиболее пригодные для костра. Все они оказались сухими и увесистыми, и было их огромное множество. Случайно подобрав одну из обвязанных деревяшек, я хотел было отбросить ее, но потом передумал: нить могла пригодиться в качестве фитиля.

Охалка получилась нешуточная, и я, медленно поднявшись на ноги, накрыл ее, чтобы не развалилась, свободной рукой.

— Пойдешь с фонариком, Хух... У меня только две руки.

Ответа не последовало, и когда я посмотрел вниз, то обнаружил своего приятеля в полной неподвижности. Он замер в стойке, как охотничья собака, и два щупальца его были направлены прямо вверх, в потолок — если таковой здесь имелся...

Задрав голову, я не увидел ничего, но почувствовал над собой пустоту, тянущуюся от моих ботинок до кончиков самых высоких шпилей. Эта пустота стремительно наполнялась шорохом, все более напоминающим хлопанье крыльев.

Шум неумолимо нарастал. Казалось, что где-то там, наверху, миллионы существ, невидимая их тьма, летят из ниоткуда в никуда, и каждое новое мгновение над нами хлопают уже другие крылья...

Я напряг зрение, чтобы увидеть хоть что-то — но так и не увидел. Они летели слишком высоко, или были невидимками, или вообще не существовали... Но звук-то был! Обычный — не здесь и не сейчас, и необъяснимый сейчас и здесь — он ведь был!..

И вдруг все прекратилось. Мы стояли среди абсолютной, звенящей тишины.

— Здесь ничего не было, — прогудел Хух, опустив щупальца. — Было — где-то.

Как только он это сказал, я понял, что мы чувствовали одинаково. И что звук этих крыльев был неким пространственно-временным эхом. Но почему я так решил — было непонятно...

— Возвращаемся, — сказал я. — Всем нам уже давно пора подкрепиться. А также вздремнуть... А как же ты, Хух? Устроит ли тебя наше меню?

— Я в своем втором «я», — ответил он, и я вспомнил, что уже слышал об этом.

Его второе «я» было неприхотливо до крайности и еды не признавало.

Вернувшись, мы застали лошадок стоявшими плотным кругом, головами внутрь. Снятая с них поклажа лежала у стены, рядом с упорно счастливым Смитом, похожим на улыбающуюся куклу. Там же лежал и безмозглый Роско. Ни них двоих было противно смотреть.

Солнце уже закатывалось, и за дверью было чуть светлее, чем внутри. Неутомимые грызуны все еще носились со своими драгоценными шариками.

— Стрельба утихла, — сказала Сара, — но возобновится, стоит вам высунуть нос.

— Вы конечно проверили.

— Да. Выглянула и быстро спряталась. Я ведь становлюсь ужасной трусихой, когда дело принимает такой оборот... Дерево способно видеть, капитан. Оно видит нас — я уверена в этом.

Я сбросил на пол принесенные дрова. Кастрюльки, кружки и кофейник, распакованные Туком, стояли наготове.

— Расположимся поближе к двери, — сказал я. — Чтоб не было так дымно.

Сара кивнула.

— Огонь и еда — что может быть лучше... Как я устала, капитан... А где Хух? Разве он...

— Он не ест и не пьет, потому как находится в своем втором «я». И давайте не будем развивать эту тему...

— О, отличные дрова! — воскликнул, присаживаясь на корточки, Тук. — Где вы это нашли?

— В куче хлама.

Я тоже присел и, вынув из кармана нож, расколол тонкую дощечку на щепки. Потянувшись за следующей доской, я снова ухватил ту, особого вида, деревяшку и уже совсем собрался пустить ее в дело — когда Тук удержал мою руку.

— Секундочку, капитан!

Он взял эту ерунду и развернул ее так, чтобы она осветилась бледным светом, пробивавшимся в дверь. И только теперь я увидел — чем была эта деревяшка, с привязанным к ней пучком не то соломы, не то сухой травы.

— Кукла! — удивленно воскликнула Сара.

— Нет, не кукла... — пробормотал Тук. Его руки дрожали, и он, стараясь унять дрожь, все крепче сжимал деревяшку. — Не кукла и не истукан... Вы посмотрите на лицо!

Даже в сумерках это лицо было удивительно различимым. Оно не походило на человеческое. На обезьянью мордочку — возможно, хотя и в этом я сомневался. Но, взглянув на него, я испытал настоящее потрясение. Человеческое или не человеческое — но каким это лицо было выразительным! Какая запечатлелась в нем безысходная тоска!.. Ничего себе безделушечка, подумал я... Нет, лицо вообще-то было сработано ничуть не изящней всей куклы, напоминающей кукурузную кочерыжку. Но каким-то непостижимым образом чьи-то руки, движимые Бог знает кем, отразили в грубоватых чертах такое страдание, смотреть на которое без боли было просто невозможно...

Тук медленно поднял куклу и крепко прижал к груди. Он долго смотрел на нас, то на одного, то на другого, а потом закричал:

— Вы что, не видите?! До вас не доходит?!

Глава 6

Наступила ночь. Магический круг света, отбрасываемого костром, делал темень еще более густой и тяжелой.

За спиной у меня, поскрипывая, тихонько качались лошадки. Смит продолжал сидеть у стены. Мы уже пробовали его растормошить, но безрезультатно. Это был просто мешок, оболочка. Остальное витало неизвестно где... Выпотрошенный Роско посверкивал металлом. Тук со своей куклой, крепко прижатой к груди, неподвижно смотрел в темноту.

Чертовски удачное начало экспедиции, подумал я. Финиш на старте...

— Где Хух? — спросила Сара.

— Рыщет где-то. Он у нас беспокойный... А не вздремнуть ли вам, Сара?

— А вы будете сидеть, охраняя мой сон?

— Я не такой Ланцелот, каким выгляжу, и разбуду вас, чтобы тоже соснуть — можете не сомневаться...

— Хорошо, чуть позже... Вы заметили, капитан, что эти стены из камня?

— Заметил — ну и что?

— Они не такие, как в городе. Камень — натуральный... Я в этом совершенно не разбираюсь, но он

выглядит, как гранит... А как вы думаете — из чего сделан город?

— Уж не из камня, — сказал я. — Это какой-то искусственный материал, химия. Его атомы сцеплены так, что никакая сила их не разорвет. Даже выстрелом из лазерного ружья не поцарапать этой дряни.

— Знаете ли вы химию, капитан?

Я покачал головой.

— Не настолько, чтобы это бросалось в глаза.

— Так вот. Те, кто построил это здание — не строили город. Они жили гораздо раньше.

— Кто знает... Мы же понятия не имеем — как давно стоит этот город. Мало-мальски заметная эрозия надкусит его через миллионы лет, если она вообще соберется...

С минуту мы сидели молча. Взяв щепку, я пошевелил ею горящие доски. Пламя вспыхнуло с новой силой.

— Ну а что утром, капитан?

— А что — утром?

— Что мы станем делать, когда наступит утро?

— Двинемся дальше, если дерево не будет возражать. Потом найдем кентавров, узнаем, имеется ли у них черепная коробка Роско, заполучив которую...

Сара кивнула в сторону Смита.

— Ну а с ним-то как?

— Может быть, он еще очнется к тому времени. Нет — так забросим его на лошадку. А Тука, если он тоже не собирается выходить из своего транса, я уж как-нибудь расшевелю.

— Но ведь Джордж уже нашел то, что искал!

— Давайте-ка вспомним — кто купил наш корабль и оплатил все счета? Кто потащил сюда Смита? И теперь вы хотите опустить лапки? Остановиться на полпути только из-за того, что какой-то придурок решил сойти на этой остановке?

— Не знаю... — сказала Сара. — Если он...

— Ладно! Давайте оставим его здесь, если он приехал!

— Нет, капитан! — испуганно воскликнула она. — Вы никогда не сделаете этого!

— Почему же?!

— Потому что это было бы бесчеловечно... Вы не повернетесь к нему спиной!

— Но он-то уже повернулся? Получил все, что хотел — и повернулся...

— Вы уверены, что он получил?

С этими женщинами не соскучишься. Логика — никакой. Только что она мне втолковывала, будто Смит уже завершил свою программу, но стоило мне согласиться — у нее уже другое мнение.

— Я ни в чем не уверен.

— А собираетесь идти дальше и принимать решение за решением...

— Безусловно, — твердо сказал я. — Иначе мы будем сидеть здесь вечно. Ситуация требует действий. Скорее всего, нам предстоит еще долгий путь.

Я поднялся и подошел к двери. Не было видно ни луны, ни звезд. Белизна городских стен едва пробивала темноту. Разглядеть что-то еще было невозможно.

Дерево прекратило свою бомбардировку. Выполнив долг, убралось грызуны. Возможно, это был подходящий момент, чтобы улизнуть отсюда — а возможно, и нет. Вряд ли темнота что-то значила для дерева, и вряд ли оно видело нас. Чувствовало, скорее... Обстрел закончился, как только дерево поняло, что мы боимся выйти — и он возобновится, едва мы осмелеем. Могло оно и догадаться о нашей нелюбви к путешествиям в темноте. Идти вслепую действительно не стоило. Кроме того, мы были совершенно вымотаны и нуждались в отдыхе...

— Почему вы отправились с нами, капитан? — спросила Сара, по-прежнему сидя у костра. — Ведь веры в успех у вас не было с самого начала!

Я подошел к ней и уселся рядом.

— Вы забыли о всученных мне деньгах. Причина — в них.

— Только-то? Что-то не верится... Скорее, вы боялись, что никогда больше не вернетесь в космос. И будете пожизненно прикованы к Земле. Эта мысль терзала вас с первой минуты пребывания там.

— По-моему, вы хотите вывести совершенно другое, — сказал я. — А именно — что заставило меня искать убежища на Земле. Вы жаждете узнать, с

каким таким преступником вам приходится странствовать. Как же так вышло, что вы не разнюхали все пикантные подробности? Ведь остальное — даже время моего приземления — было вам известно! Ну и шпики пошли. Дармоеды, самые настоящие.

— Я слышала многое, — невозмутимо ответила она. — И не могла определить — где выдумка, а где правда. Но одна из историй, самая на шумевшая, кажется мне подлинной... Скажите, Росс, это был обман? Лучшее надувательство всех времен и народов?

— Не знаю. Рекорды меня не занимают.

— Тем не менее вы вовлекли в это дело целую планету. Хотя — что же еще вовлекать охотнику вашего профиля... Была ли она действительно так хороша, как рассказывают, капитан?

— Мисс Фостер, — сказал я и вздохнул. — Она была восхитительна. Она была прекрасна, как Земля, еще не издевавшая ледниковый период.

— Тогда отчего же все расстроилось? Слухи, должна вам сказать, были самые противоречивые. Кто-то говорил, что там обнаружен вирус, кто-то нажимал на неустойчивый климат, а некоторые уверяли, будто планеты не существует вообще.

Я усмехнулся. Не знаю, почему — но я усмехнулся. Хотя веселья не ощущал.

— Там был один изъян, — сказал я. — Небольшой... Планету населяли разумные существа.

— Но вы должны были заметить это!

— Не обязательно. Их было совсем немного, и обнаружение почти исключалось... Скажите, Сара, на что нужно обращать внимание, если вы ищете разум?

— Ну, не знаю...

— Я тоже, представьте!

— Но ведь вы...

— Я охотился за планетами, но не исследовал их! Охотник не в состоянии провести исследование планеты! У него нет соответствующего снаряжения! Он может составить лишь некоторое представление об объекте! Более того: результаты исследований, проведенных человеком на им же открытой планете никто не примет всерьез! Он пристрастен! Планета должна быть зарегистрирована в законном порядке и...

— Вы конечно выполнили это требование. Иначе не смогли бы ее продать...

— Конечно, — кивнул я. — Солидная инспекционная фирма выдала мне сертификат. Все было сделано, как полагается... Но! Я совершил одну ошибку. Я дал им сверху — переплатил, чтобы они как можно быстрее погрузили оборудование, отрядили людей и провернули все дело. Мне не хотелось, чтобы кто-то, открыв планету еще более привлекательную, повредил моему бизнесу.

— Это было маловероятным, не так ли?

— Да, вообще-то. Но вы должны понять, что можно рыскать по космосу десять жизней — и не встретить даже бледного подобия той планеты, на которую я наткнулся! Когда такое случается, ты становишься сам не свой! Ты просыпаешься по ночам — весь в поту! Ты знаешь, что это твой первый и последний шанс добиться успеха! Мысль о том, что все может рухнуть — непереносима для тебя!

— То есть вы спешили.

— Чертовски правильно подмечено! Я действительно спешил. Спешили также инспектора, отрабатывающие мою премию. Я не говорю, что они были небрежны, но и не исключаю этого. Однако будем справедливы... Разумные существа занимали там небольшой участок джунглей, и разумность их отличалась скромностью. Если б кто-то миллион лет назад обследовал Землю, он бы тоже не обнаружил там людей... Существа моей планеты обладали интеллектом питекантропа и, как и положено питекантропу, держались в стороне от чужого глаза, а также не возводили небоскребов.

— Значит, все это только ошибка?

— Да, — ответил я. — Большая ошибка, всего лишь...

— А разве не так? — продолжала допытываться она.

— Так-то так, но попробуйте объяснить это миллиону поселенцев, понатыкавших там свои фермы и уже оценивших этот уголок по достоинству. Попробуйте объяснить фирме, торгующей недвижимостью, — после того, как этот миллион потребовал от нее возме-

щения всех убытков!.. А тут еще вспомнили о премии...

— Вы хотите сказать, что вас обвинили в даче взятки?

— Именно, мисс Фостер.

— Но этого не было? Я хотела сказать — это не было взяткой?

— Не знаю, — сказал я. — Для меня — нет. Предложив эти деньги, я рассматривал их не как взятку, а как доплату за срочность. Хотя — как мне теперь кажется — эти люди могли закрыть кое на что глаза — раз уж я такой славный парень...

— Так или иначе вы перевели вырученные деньги на номерной счет одного из банков Земли. Что-то тут не вполне безупречно...

— За это пока не вешают, насколько мне известно. И в космосе такая операция — обычнейшее дело. Земля — единственная планета, где разрешены номерные счета, и банковская система ее достаточно совершенна. Чек, во всяком случае, там принимают к оплате повсеместно — не то что на других планетах...

Она улыбнулась.

— Возможно... Мне очень многое в вас нравится, капитан, но многое я и ненавижу... Что же вы решили насчет Джорджа — брать или не брать?

— Если он намерен продолжать в том же духе — мы похороним его. Без еды и питья он долго не протянет. Я, между прочим, не специалист по принудительному кормлению — а вы?

Она раздраженно мотнула головой и сменила тему разговора.

— Ну а с кораблем как?

— А как с кораблем? — поинтересовался я.

— Может быть, вместо того, чтобы уходить из города, мы должны были вернуться на посадочное поле?

— Чтобы что? Постучать немного по корпусу? Разбить скорлупку кувалдой, которая у нас отсутствует?

— Но ведь — рано или поздно — корабль нам понадобится!

— Да, — сказал я. — Или нет. Узнаем позже, если узнаем... В любом случае не стоит надеяться, что

грубый натиск опасен для этой глазури. Было бы так — кто-нибудь давно расковырял бы ее.

— Кто-то, возможно, и расковырял. А потом улетел. Просто мы не знаем этого.

— Не исключено. Но околачиваться в городе мы все равно не должны. Забавные рассказы о вибрации могут оказаться правдой.

— Значит, уходим, даже не попытавшись проникнуть в корабль?

— Мисс Фостер! Мы наконец-то напали на след вашего Лоуренса Найта! Ведь вы этого хотели, если не ошибаюсь?

— Да, разумеется. Но корабль...

— Выбирайте, черт возьми!

— Ищем Найта, — после некоторой паузы твердо сказала она.

Глава 7

Сара растолкала меня перед самым рассветом.

— Джордж исчез! Он был здесь еще минуту назад! И вот — нет!..

Я поднялся на ноги, стряхивая с себя остатки сна и все глубже проникая в причину такой напористой подачи информации.

Было темновато. Костер еле теплился и освещал чуть больше, чем самого себя. Джордж испарился. Место, куда его прислонили вечером, пустовало. Роско хранил нелепую позу. Сваленные в кучу припасы — остались.

— Может быть, он проснулся, и ему понадобилось выйти? — предположил я.

— Нет! — снова закричала она. — Не забывайте, что этот человек слеп! Он бы позвал Тука, чтобы тот вывел его! Но он никого не звал! И вообще не шевелился! Я бы обязательно услышала это, сидя здесь, у костра! Я оборачивалась и видела его всего за минуту до исчезновения!

— Ага... — сказал я, выслушав эти вопли. — А теперь успокойтесь — хорошо?... Где, скажите-ка мне, Тук?

— Да вот он. Спит. — Она кивнула в сторону.

За Туком темнели силуэты лошадок. Бодрствующих, вероятно. Вероятно!.. Лошадки не спали наверняка!

Зачем им спать! Они стояли и наблюдали!.. Не было видно Хуха.

Сара, конечно, права. Если бы Смит очухался от своей комы и захотел бы попить воды или-облегчиться — он обязательно поднял бы крик, зовя преданного, безотказного Тука. И она услышала бы малейший шорох, произведенный им, — потому что тишина тут гулкая. Чирканье спички о коробок, шуршание одежды слышны с путающей отчетливостью...

— Ну ладно, — сказал я. — Он исчез. И вы ничего не слышали. Что ж, будем искать! Только, пожалуйста, без паники. Для нее пока нет оснований...

Я зяб и вдобавок чувствовал себя абсолютно сбитым с толку. Мне было совершенно наплевать на Смита. Я почти радовался, что он пропал, и почти желал — чтобы окончательно. Это было бы для нас чудесным избавлением... Согреться никак не удавалось. Ледяной холод, казалось, шел у меня изнутри, и я мерз от собственного дыхания...

— Мне страшно, Майк, — прошептала Сара.

Я подошел к спавшему Туку и, наклонившись, увидел, что он лежит как-то не по-людски — приняв позу эмбриона и сжимая обеими руками куклу, пристроенную между коленями и подбородком. Он спал с этой ерундой, как спит с плюшевым мишкой младенец в своей кроватке!

Протянув руку, чтобы разбудить его, я замер в нерешительности. Как-то неловко было возвращать это свернувшееся калачиком существо в холодную и бессмысленную пустоту чужой планеты.

— В чем дело, капитан? — спросила Сара.

— Все в порядке, — ответил я и стал трясти костлявое плечо Тука.

Он проснулся, вяло потер глаза и еще крепче прижал к себе нелепую свою куклу.

— Исчез Смит, — сказал я. — Мы отправляемся искать его.

Тук сел и потер глаза еще раз. Казалось, он не проникся сказанным.

— Смит исчез! — повторил я энергичней. — Ушел! Понимаете?

Он медленно покачал головой.

— Сомневаюсь, чтобы он мог уйти. Его забрали.

— Забрали?! — закричал я. — Кто, черт побери? Кому он мог понадобиться?

Тук посмотрел на меня так снисходительно, что я едва не придушил его.

— Не понимаете... — сказал он. — Не понимали раньше — не поймете и позже... Это окружает вас, а вы не чувствуете. Потому что слишком грубы, материальны. Для вас существует лишь сила и сопутствующие ей доблести. Даже здесь вы...

Я ухватил его за край сутаны и поволол. В попытке высвободиться он поднял руки, и кукла упала. Пинком я послал ее в темноту.

— Ну?! Что же такое меня окружает — недоступное пониманию, а?!

От энергичных встряхиваний руки и голова его болтались, как тряпичные, а зубы стучали.

— Оставьте человека в покое! — закричала Сара, вцепившись мне в руку.

И я оставил. Тук, пошатываясь, стоял перед нами.

— Что он вам сделал? — холодно спросила Сара. — Что он такое сказал?

— Вы слышали. Вы не могли не слышать. Он уверяет, что Смита забрали. А я не прочь узнать — кто и как это сделал! А также — куда и с какой целью его забрали!

— Я тоже не прочь узнать это, — сказала Сара.

Черт побери! Она, кажется, приняла мою сторону! И, между прочим, чуть раньше назвала меня «Майк», а не «капитан»...

Тук, скуля, побрел от нас подальше. Вдруг он рванулся и юркнул в темноту.

— Но-но! — крикнул я, бросаясь вслед, и тут же увидел его согнувшимся над своей драгоценной игрушкой. Мне оставалось лишь плюнуть с чувством — и вернуться к костру.

Поворошив угольки, я положил сверху пару досок. Языки пламени принялись их лизать.

Вскоре к костру подошли Сара с Туком и устались на меня. Воззрился на них и я... Наконец Сара заговорила.

— Так мы будем искать Джорджа или нет?

— А где его искать? — спросил я.

— Там... — И она неуверенно махнула рукой в темную сторону помещения.

— Вы же не слышали, чтобы он уходил. Вы видели его сидящим — а потом это место опустело внезапно. Он исчез без малейшего шороха, хотя не мог просто так — взять и уйти на цыпочках. Потому что слеп и даже не знал, где он находился... Проснувшись, он немедленно подозревал бы Тука... Ваше мнение, сэр! Вы, кажется, не договорили?

Тук в ответ лишь поджал губы.

— Вы должны мне верить, — сказала Сара. — Я не спала, даже не дремала. И все время была настороже. Все произошло именно так, как я рассказала.

— У меня нет оснований не доверять вам, Сара. Но вот Тук — по-моему, он что-то знает. Давайте-ка выслушаем его, прежде чем отправиться на поиски.

Я умолк. Молчала и Сара. Мы ждали. И вот Тук заговорил...

— Вы ведь знаете об этом голосе, — сказал он. — О голосе человека, которого Джордж называл своим другом. Этот друг был здесь. Прямо здесь. На этом самом месте.

— И вы полагаете, что друг прихватил Джорджа с собой?

Тук кивнул.

— Не знаю, каким образом это произошло, но почти уверен, что произошло именно так. И я рад за Джорджа. Наконец-то в его жизни произошло что-то хорошее — после всех этих лет... Он вам не нравился, я знаю. Он не нравился не только вам. Многие люди приходили в раздражение при одном его виде. Но у Джорджа была прекрасная душа. И врожденная деликатность.

Ах, еще и это, подумал я. Сохрани, Боже, от всех деликатных хлюпиков!..

— Ну что, капитан? — спросила Сара. — Как вам версия?

— Не знаю... Что-то в любом случае произошло. Это ли — я не уверен. Но Джордж не ушел. Он не мог сделать это самостоятельно.

— А кто, по-вашему, этот его друг?

— Он не «кто», а «что»...

И сидя на корточках у костра, я вспомнил о хлопающих крыльях — там, в непроглядной выси пустынного здания...

— Что это? — тревожно спросил Тук. — Вы слышите?

Из темноты донеслось слабое тиканье. Затем оно стало усиливаться, словно приближаясь к нам. Мы напряженно вглядывались в ту сторону. Сара стояла с ружьем наперевес, а Тук — отчаянно прижимая к себе куклу, как спасительный амулет.

Источник тиканья я разглядел первым. И тут же закричал:

— Не стрелять! Это Хух!..

Он приближался к нам, и его многочисленные маленькие ножки, поблескивая в свете костра, дробно стучали по полу. Заметив наше напряженное внимание, он было замер, но тут же подбежал поближе и прогудел:

— Я знаю. Он ушел. Поэтому я поспешил обратно.

— Чего-чего?! — заорал я.

— Ваш друг ушел. Он сделался недостижимым для моего сознания.

— То есть тебе известно, в какой именно момент это произошло? Ты почувствовал?

— Все вы, — сказал Хух, — находитесь у меня в сознании. Даже когда я не вижу вас. Он — выпал из сознания, и я, решив, что случилось большое несчастье, спешно вернулся.

— Как давно вы это почувствовали? — спросила Сара.

— Совсем недавно.

— Вы можете сказать, куда он ушел? И как?

Хух устало махнул щупальцем.

— Нет. Знаю только, что ушел. И что искать его не имеет смысла.

— Искать — здесь? В этом здании?

— Ни в здании, ни вблизи его, ни на самой этой планете, возможно, — сказал Хух. — Он исчез совсем.

Сара посмотрела на меня. Я пожал плечами.

— Почему так трудно, — воскликнул Тук, — поверить в то, что вы не можете потрогать или увидеть?

Почему все загадки должны иметь ответ? Вы способны оперировать лишь понятными вам физическими категориями! Большого ваши скудные умишки объять не в состоянии!..

Вообще-то мне следовало поколотить его, но отвлекаться на это ничтожество в такой момент было бы непозволительной роскошью...

— Мы все-таки попробуем, — сказал я Саре. — Я не думаю, что мы обязательно найдем его, но...

— Да, нельзя не попытаться.

— Вы не верите тому, что я говорю? — удивился Хук.

— Не то чтобы не верим... — сказал я. — Ты, несомненно, говоришь правду, но у нашей расы существует такое понятие, как верность. Это трудно объяснить. Даже когда надежда потеряна, мы все равно надеемся. Нелогично, конечно...

— Нелогично, — согласился Хук. — Вне сомнений... Однако любопытное чувство. Восхитительное даже. Я отправляюсь на поиски вместе с вами.

— В этом нет нужды, Хук!

— Вы не хотите, чтобы я разделил вашу верность?

— Ну ладно. Так и быть. Пошли.

— Я тоже с вами, — восторгалась Сара.

— А вот вы как раз-то и не с нами, — сказал я. — Остаетесь часовым.

— Но здесь же Тук! — воскликнула она.

— Неужели вы не понимаете, мисс Фостер, — обиженно заметил Тук, — что мне никогда не доверят ничего подобного! В то время как сами занимаются глупостями. Потому что существо это сказало чистую правду. Искать Джорджа — бесполезно.

Глава 8

Едва мы ступили в темноту, Хух сказал:

— Я вернулся с некоторой информацией, сообщить которую еще не успел. Вероятно, она пустяк в сравнении с печальным фактом исчезновения вашего товарища. Но, может быть, заинтересует вас.

— Выкладывай, — сказал я.

— Информация касается семян... С этим слабо развитым интеллектом связана какая-то тайна...

— Бога ради, без вступлений!

— Я несовершенен в ведении простой беседы, Майк. Вам следует это учитывать... И пожалуйста, поверните меня чуть-чуть...

Он действительно отклонялся куда-то в сторону, и легкая корректировка курса ему не мешала...

Мы подошли к массивной металлической решетке, лежавшей прямо на полу.

— Семена там, внизу, — сказал Хух, щупальцем указывая на решетку.

— Ну и что?

— Посмотрите, посмотрите... Осветите яму и посмотрите.

Я опустился на колени и, прижавшись лицом к металлическим прутьям, стал всматриваться.

Яма оказалась основательной. Луч света не достигал стен. Внизу лежали семена — огромная куча, намного больше, чем все это крысopodobие собрало накануне.

Я терпеливо искал что-нибудь этакое, удивившее Хуха, — но не находил.

Поднявшись на ноги и выключив фонарик, я так и сказал:

— Не вижу ничего особенного. Запас продовольствия — больше ничего. Крысы приносят сюда семена и сбрасывают их через решетку.

— Запас, но не продовольствия, — возразил Хух. — Не используемый в качестве продовольствия. Вот я смотрю... Я просовываю свой зрительный орган между прутьями... Я верчу им, исследуя этот колодец... И вижу, что пространство ограничено со всех сторон. Семена, упавшие туда, невозможно вытащить.

— Но там же темно.

— Для вас, но не для меня. Я могу приспособливать свое зрение к темноте. Могу видеть сквозь семена — там глухое каменное дно. Я больше чем просто вижу! И я знаю, что там нет никаких отверстий и подходов! Наши маленькие сборщики урожая просто не смогут воспользоваться продуктами своего труда!.. Тут что-то другое...

Я еще раз прижался к решетке. Внизу лежала многотонная гора семян.

— Кроме этого склада здесь имеется кое-что еще, — протрубил Хух.

— Еще? — не без досады переспросил я. — Ты откопал что-то еще?

— Имеются кучи старых вещей, — невозмутимо продолжил Хух. — Вроде той, в которой вы нашли топливо... Видны также следы от мебели, на полу и стенах. Есть и место для поклонений...

— Алтарь, что ли?

— Об алтаре мне ничего неизвестно. Это место для поклонений. Святыня... А еще есть дверь. Она выходит...

— Куда выходит?

— Наружу.

— Что ж ты сразу не сказал! — заорал я.

— Из уважения к вашей озабоченности к пропаже известного лица.

— Ну-ка, веди меня туда!

— Но ведь прежде мы должны тщательно поискать вашего товарища! Мы прочедем — хотя и без малейшей надежды...

— Хух!

— Да, Майк?

— Ты сказал, что его тут нет! Это точно?

— Я уверен в этом. Но мы должны поискать его...

— Мы не будем искать, — сказал я. — Твоего слова для меня вполне достаточно...

Видел же он дно заполненного бункера, в конце концов! Носил же он нас в своем мозгу и, как только кто-то пропал — почувствовал это!.. И уж если он сказал: Смита здесь нет — значит нет. Приходится согласиться...

— Мне бы не хотелось, чтобы вы...

— А мне хотелось бы побыстрее увидеть эту дверь, Хух!

И он засеменил вперед. Поправив ружье на плече, я поспешил за ним. Мы шли сквозь темень, гулко отвечавшую на самый незначительный звук. Я оглянулся и увидел полосу света, лежавшую перед открытой дверью. Ее пересекала тень...

Вскоре свет позади сузился в желтую соломинку, и на нас всей своей тяжестью навалилась пустота, упавшая из-под самой крыши.

Хух остановился. Я не видел стены, но она была впереди, всего в нескольких шагах. Темнота разорвалась. Хух, навалившись, открывал дверь. Все шире и шире.

Она не была широкой, эта дверь. Фута два. И высокой не была тоже. Пришлось даже нагнуться, чтобы пройти в нее...

Передо мной был снова красно-желтый ландшафт. Слева и справа тянулась ограда, сложенная из того же красного камня, что и все здание. Я видел далекие деревья и не видел того, которое нас обстреляло. Его заслоняло здание...

— Сможем ли мы вновь открыть эту дверь — снаружи? — спросил я.

Хух, придерживая дверь, внимательно осмотрел ее поверхность.

— Исключено, Майк. Не позволяет конструкция.

Отыскав поблизости небольшой булыжник, я выковырял его из грунта и подкатил под дверь — так, чтобы она не могла закрыться.

— Пошли. Разведаем местность. Держись позади меня...

Я направился влево, вдоль стены, и, дойдя до угла, осторожно выглянул. Дерево стояло на месте.

Оно увидело меня или каким-то образом почувствовало мое присутствие — немедленно! И открыло стрельбу.

Черные точки отделялись от него и со свистом неслись в мою сторону, быстро увеличиваясь в размерах.

— Ложись! — крикнул я. — Быстро! — И, отпрянув, рухнул на Хуха, уже припавшего к земле, — рухнул ничком, закрывая руками лицо.

Где-то в ногах уже хлопали долетевшие шары. Некоторые из них ударялись о стену, и освободившаяся начинка тут же начинала свой пронзительно свистящий танец. Меня ужалило в плечо, а потом чувствительно ткнуло в бок.

После первой очереди я попробовал встать, но тут же упал: обстрел продолжался. Одно из семян царапнуло шею, и теперь она немилосердно горела.

— Хух! — заорал я. — Ты умеешь быстро бегать?

— Когда в меня швыряют такие предметы, я передвигаюсь стремительно.

— Тогда слушай!

— Внемлю, Майк!

— Оно стреляет очередями! В паузу, когда я крикну — постарайся добраться до двери! Держись как можно ближе к стене! Слейся с землей! Ты повернут в нужную сторону?

— Нет, в ненужную! Сейчас развернись! — И он энергично закрутился подо мной.

Последовала новая очередь. Дробинки усыпали все вокруг. Одна из них угодила мне в ногу.

— Скажешь мисс Фостер, — продолжал я, — чтоб грузила все вещи на лошадок и немедленно снималась! Пора уносить ноги!

Тут разразился настоящий град. Семена колотили по стене и выбивали в земле воронки. Тугая струя песка едва не попала мне в голову.

— Пошел! — крикнул я Хуху, а сам, переключив лазер на максимальный режим и пригнувшись, бросился к углу здания.

Шквал визжащих дробинок обрушился на меня. Особенно чувствительными оказались удары в челюсть и в голень. Я пошатнулся и едва не упал. Хотелось оглянуться и посмотреть — как там дела у Хуха, но было не до того.

Между мною и деревом — я снова видел его — было мили три. Приклад ружья, нацеленного на черных мошек, слетевших и летающих с дерева, вжался в плечо. Я спустил курок и стволом рассек воздух по короткой диагонали. Луч сверкнул и исчез.

Казалось, миллионы острых кулачков бьют меня, уже прильнувшего к земле, по голове и по плечам. Это шары, ударившиеся об угол, исправно высыпали свое содержимое...

Я с трудом поднялся на колени и посмотрел в сторону дерева. Раз-другой широко качнувшись, оно стало медленно падать. Протерев глаза от пыли, чтобы тут же их вытаращить, я злорадно наблюдал.

Поначалу дерево валилось очень неохотно, отчаянно пыталось устоять. Но вот верхушка сорвалась со своего поднебесья и торопливой дугой заскользила вниз.

Я встал, потер шею и с удивлением уставился на окровавленную ладонь.

Дерево грохнулось с такой силой, что земля подомной затряслась. Вверх ударил гигантский фонтан пыли и мелких обломков.

Развернувшись, чтобы идти назад к двери, я споткнулся и вдруг почувствовал, как наполняется туманом и распухает моя голова. Я видел Хуха, стоявшего у двери, чуть в стороне, и крыс, поток которых заполнил весь проем — в высоту тоже. Гонимые своей безум-

ной страстью к собиранию семян, они били оттуда мощной — как из пожарного рукава — струей...

Я упал — вернее, поплыл по реке пространства и времени. Я чувствовал, что падаю, но падение было удивительно медленным, и твердь, на которую мне полагалось упасть — падала тоже. Она уходила все дальше вниз, и я не успевал за нею... А потом она пропала вовсе, потому что — пока я падал — наступила ночь. Теперь я летел сквозь ужасающую, бездонную черноту... Спустя вечность темнота рассеялась, и я открыл глаза.

Надо мной было синее небо, с солнцем на краю. Рядом стоял Хух. Крысиное племя исчезло, а облако пыли все еще висело над поверженным деревом. Уходила ввысь каменная ограда, и звенела тишина.

Сев, я обнаружил, что на это нехитрое движение ушли почти все мои силы. Ружье валялось рядом, и я, протянув руку, подобрал его. Беглого взгляда было вполне достаточно, чтобы увидеть всю безнадежность повреждений. Защитный экран был донельзя скомкан, а трубка сбита набок. Я пристроил безделушку на коленях — неизвестно зачем. Стрелять из этого ружья не рискнул бы сейчас ни один нормальный человек, а ремонт исключался...

— Я выпил все ваши жидкости! — радостно прогудел Хух. — Но потом вернул! Надеюсь, вы не сердитесь на меня?

— Еще раз, и помедленнее, — раздраженно сказал я.

— В этом нет необходимости! Все уже в порядке!

— А что в порядке?

— Я выпил ваши жидкости, но...

— Минуточку, черт побери! Какие такие жидкости?

— Соприкосновение с этими семенами наполнило вас смертоносным веществом, — объяснил он. — Смертоносным для вас, но не для меня.

— И ты выпил мои жидкости?

— Это единственное, чем можно было помочь... Процедура апробирована.

— Да хранит тебя Господь, аптечка ходячая! — растроганно воскликнул я.

— Не улавливаю смысла ваших слов... — огорчился Хух. — Я опорожнил вас, извлек примесь и вернул жидкости на место. Больше ничего... Ваш внутренний биологический насос едва не остановился. Я был очень обеспокоен. Я думал, что опоздал. Но оказалось — нет!..

Мое раздумье было глубоким, очень глубоким — но... Я не мог этого постичь! Это оставалось невозможным!.. И все-таки, как ни крути — я был хоть и слаб, но жив!.. В памяти всплывали моя распухшая голова и медленное, бесконечное падение... Что-то произошло... Эти ядрышки попадали в меня бессчетно, но их удары были не слишком серьезны... Один, впрочем, повредил кожу на шее — кровь на руке была именно от этого...

— Хух! — сказал я. — Считаю меня своим должником!

— Ничего подобного! — фанфарно протрубил он. — Это я отдал вам свой долг! Ведь вы первым спасли мне жизнь, не так ли? Теперь же мы в расчете. Я очень боялся, что совершаю какой-то грех. Это могло оскорбить ваши чувства — такое бесцеремонное обращение с телом... Однако теперь я вижу, что происшедшее вас не ужаснуло!

Я поднялся не без усилий. Ружье, соскользнувшее с колен, было откинута в сторону. Это футбольное движение едва не завершилось падением. Ноги держали меня не лучшим образом.

Хух наблюдал за мной, бодро вертя глазами щупальцами.

— Вы несли меня, Майк, но я не могу сделать того же. Лягте и вцепитесь в меня. У меня очень сильные ноги — я смогу вас тащить.

— Да ладно! — отмахнулся я. — Иди лучше вперед. Я уж как-нибудь своим ходом...

Глава 9

Тук корчил из себя мужчину. С помощью Сары он подсадил меня на Доббина, а затем настоял на том, чтобы вторую из ненавьюченных лошадок оседлала она. Сам же двинулся пешком.

Спустившись по скату, мы вскоре вышли на тропу. Тук, прижимая к груди куклу, энергично шагал впереди, а замыкалась процессия Хухом...

— Надеюсь, — сказал мне Доббин, — что вы не уцелеете. И я еще спляшу на ваших косточках.

— Взаимно, — буркнул я мрачно, думая больше о том, чтобы удержаться в седле. Слабость давала себя знать...

Тропа вела на небольшой холм, поднявшись на который, мы увидели дерево — то самое, наше. Оно лежало в нескольких милях от нас и было намного крупнее, чем можно было предположить. Могучий ствол, расколотый с низу до середины, перекрывал тропу. Из огромных его трещин выползали мерзкого вида твари, серые, отвратительно гладкие, покрытые слизью. Их выползло уже огромное множество, но множество это не переставало увеличиваться. Часть их, торопливо извиваясь, сползла на тропу и раздражала теперь мой слух пронзительно тонкими воплями.

Доббин, нервно дернувшись, испустил нечто вроде испуганного ржания.

— Вы еще пожалеете об этом! — крикнул он. — Никто не поднимал руку на дерево! Никогда его обитатели не спускались вниз!

— Ты, воночка! — ответил я сердито. — Чтоб в меня стреляли, и я не ответил!

— Придется идти в обход, — сказала Сара.

— Лучше вот там. — Тук указал на пень, косо срезанный лучом моего лазера.

— Вперед, — скомандовала Сара, кивнув ему.

Тук сошел с тропы, и лошадки последовали за ним. Почва была неровная, усеянная мелкими колючками и валунами с человеческую голову. Из красной, вперемешку с песком, глины торчали острые осколки — как результат работы неких маленьких деятельных существ, целую вечность дробивших здесь камни.

Едва мы пустились в обход, масса серых слизняков, конвульсивно дергаясь, поползла нам наперерез. Они текли единым потоком, на бурлящей поверхности которого время от времени появлялись воронки водоворотов.

Тук, увидев это, прибавил шаг, а потом вовсе побежал, то и дело спотыкаясь и падая на камни и колючки. Выронив в конце концов свою куклу, он остановился, поднял ее и вымазал сочившейся из исколотых пальцев кровью.

Лошадки теперь тоже бежали быстрее, останавливаясь или умеряя свой бег, как только Тук растягивался в очередной раз.

— С этой ланью, — сказала Сара, — нам не успеть. Ну-ка, я спущусь...

— Только не вы! — возразил я и прыгнул, как мешок, — хорошо еще, что на ноги, — после чего, избежав падения носом в колючки, протрусил вперед и ухватил Тука за плечо.

— Садитесь на Доббина, — сказал я, задыхаясь. — Дальше поведу я.

Когда он повернулся, в глазах его были слезы, а лицо сморщилось в гримасе ненависти.

— Вы никогда не даете мне шанса! Вы не даете его никому! Вы хотите заграбастать все!

— Садись на лошадку, сказано тебе, — ласково отвечал я. — Иначе побью. — И, не дожидаясь реак-

ции, двинулся вперед, внимательно глядя под ноги и не срываясь на бег, в отличие от Тука.

Ноги подкашивались, в желудке была странная пустота, а голова порывалась взмыть в небо и кружиться, кружиться... При этом мне все же удавалось ступать довольно уверенно, а также не упускать из виду это скользящее серое одеяло, которое продолжало вываливаться из поверженного дерева.

Оно скользило почти с той же скоростью, с какой продвигались мы, — делая встречу неизбежной. Правда, еще можно было прорваться сквозь наружные ряды, не дожидаясь подхода основной массы...

Писк, по мере того, как сокращалось расстояние между нами, усиливался, становясь все более похожим на стоны пропадающих душ.

Я оглянулся. Спутники дышали мне в затылок. В попытке оторваться от них, я чуть не сломал шею и вынужден был вернуться к первоначальному темпу.

Мы могли бы вообще-то и вовсе обогнать завывающую орду, увеличив угол отклонения, но такая вероятность была слишком ничтожной, а времени потратилось бы уйма. Так что следовало настраиваться на неприятное...

Какую опасность представляют собой эти существа? Если серьезную, то гораздо больше надежды на наши ноги, нежели на баллистический пугач Сары...

На какое-то короткое время я было совсем поверил, что мы не пересечемся и эти миляги останутся с носом. Но я просчитался. Огромный зыбющийся ковер все-таки дотянулся до нас своим краем.

Они были маленькие, не больше фута в длину, и выглядели, как вынутые из раковин улитки. Но в отличие от последних, имели лица — карикатурные человеческие лица с бессмысленным или жалостливым взглядом. Пронзительный плач их превратился теперь в слова — или в полуслова. Во всяком случае звуки, издаваемые ими, каким-то образом воспринимались именно как слова. Все эти существа вопили и рыдали об одном и том же, и слушать их было невыносимо тяжело...

«Бездомные! — кричали они на множестве наречий. — Вы сделали нас бездомными! Вы разрушили

наш дом, и нет больше у нас дома! Что теперь ждет нас? Мы погибли! Мы голые! Мы голодные! Мы умрем! Мы не знаем никаких других мест! Мы не хотим их знать! Мы хотели так мало, нам нужно было так мало — и теперь вы отняли у нас это немного! Какое право вы имели на то, чтобы лишить нас этого немногого? Какое право имели вы, имеющие так много? Что вы за существа, если бросаете нас в мир, которого мы не знаем, которого мы не хотим знать и в котором мы даже не можем жить? Вы можете, конечно, не отвечать! Но наступит время, когда вас призовут к ответу! И что вы тогда ответите?..»

Все подавалось, конечно, куда свободнее в структурном отношении — но крики и всхлипы, безжалостно бьющие нас, означали именно это... Истекающие слезью горемыки вовсе не надеялись на какую-то помощь с нашей стороны — им просто хотелось, чтобы мы осознали всю гнусность содеянного нами. Это присутствовало не только в их криках, но и в выражениях лиц — потерянных, безнадежных и страдающих... Да, они сострадали! Они жалели нас, таких подлых и растленных, громящих чужие дома! И жалость эта была уже совершенно непереносима...

Еле отвязавшись от них, мы продолжили свой путь. Причитания становились все тише и тише, пока не смолкли совсем — или оттого, что мы ушли достаточно далеко, или действительно прекратились, за окончательной бессмысленностью.

Но они продолжали звучать в моей голове! И сознание того, что простым нажатием курка я убил не только дерево, но и тысячи маленьких, беспомощных существ, сделавших его своим домом, — становилось все явственней. Я поймал себя на том, что — вне всякой логики — отождествляю их со сказочными эльфами, которые, как мне рассказывали в детстве, живут в дуплах старых, величественных деревьев, растущих, как правило, за домом. Бог свидетель — эти бедолаги не напоминали эльфов...

Глухая злость поднималась во мне в противовес чувству вины. Я обнаружил, что пытаюсь оправдаться! Задача была из простейших, и все само раскладывалось по полочкам... Дерево пыталось убить меня и

убило бы — не окажись рядом Хуха. А так как оно на меня покушалось, то убил я его в целях самозащиты. А выстрелил бы я, зная, что дерево является родным домом этих безутешно плачущих существ?.. Я убеждал себя в том, что нет, не выстрелил бы — но убеждал напрасно. Обмануть себя — не получалось. Я выстрелил бы, выстрелил?..

Мы взбирались по крутому горному склону. Громадный пенёк срезанного мной дерева тоже поднимался из-за гребня... Тогда, стреляя, я стоял лицом к северу и целился в ту часть ствола, которая была обращена на запад. Нисходящая диагональ заставила дерево повалиться на восток. Если бы я в тот момент использовал свои мозги и начал бы резать с восточной стороны, оно, естественно, упало бы на запад. Оставив тропу свободной. О непостижимая способность человека всегда избирать худшие варианты?..

Наконец мы вскарабкались наверх и могли теперь рассмотреть пенёк во всей его красе. Пенёк был как пенёк, хотя и большой, но вот вокруг этого пня зеленела лужайка, диаметром с милю...

На нее было больно смотреть — такой родной она выглядела, так напоминала любовно ухоженные газоны, которые люди почему-то норовили разбивать везде, куда их только заносило. Я никогда не задумывался над этим прежде, но теперь подумал и удивился: что же заставляет гуманоидов с Земли так настойчиво это делать? чем так дорога человеку эта аккуратно подстриженная травка? почему именно она?..

Лошадки растянулись длинной цепью вдоль всего гребня, и Хух, поднявшийся последним, остановился рядом со мной.

— Что там такое, капитан? — спросила Сара.

— Не знаю...

Можно было, конечно, сказать, что это лужайка, и на том закончить. Но некий инстинкт подсказывал мне: ничего подобного...

Глядя на нее, человек хотел побыстрее кинуться на эту травку, вытянуться на ней до хруста, закинуть руки

за голову, прикрыть глаза шляпой и сладко вздремнуть. Даже теперь, когда отсутствующее дерево отбрасывало тень совсем в другом месте — лужайка манила! Что и настораживало... Слишком она манила, уж очень прохладной и знакомой казалась...

— Нам не сюда, — сказал я твердо, и, взяв чуть влево, чтобы зеленая заплатка не мозолила глаза, стал спускаться.

Лужайка никак не реагировала, совершенно никак. Хотя я был готов к тому, что она выпустит в нас какую-то огромную и опасную штуку. Я даже представил себе, как трава свернется в трубочку, и из открывшейся преисподней станут выскакивать чудища на любой вкус.

Однако ничего не произошло. Пень устремлялся в небо, насколько мог. Ствол, он же бывший дом маленьких существ, валялся полурасколотым. Лужайка зеленела.

Перед нами вновь лежала тропа, пыльной ниткой уходящая вдаль, в туманную неизвестность, к новым деревцам, проглядывающим на горизонте.

Я чувствовал, что походка моя начинает стремительно расстраиваться. Нервное напряжение, все это время поддерживавшее меня, резко спало. И мне теперь приходилось не просто идти, но давать задание сначала одной ноге, потом другой, с трудом сохраняя вертикальное положение, удивляясь такому медленному приближению тропы...

Наконец мы ступили на нее, и я тут же уселся на большой валун. Лошадки замерли в строгом строю, а Тук устремил на меня ненавидящий взгляд, совершенно неуместный.

Это чучело восседало на Доббине в драной сутане и с нелепой куклой в руках. Оно выглядело, как утрюмая девочка-переросток. Если б оно сунуло большой палец в рот — картина была бы почти совершенной. Но лицо, увы, не подходило. Вытянутое, очень смуглое, с огромными, водянистыми глазами... Какая, к черту, девочка?..

— Вы, полагаю, — просипел Тук, — вполне довольны собой.

— Не понимаю, что вы хотите сказать, — ответил я.

Это была истинная правда. Я действительно ничего не понял. Этот человек всегда находился вне пределов моего понимания.

— Вот что! — осуждающе воскликнул Тук, указав рукой на срезанное дерево.

— По-вашему, я должен был любоваться его снайперским искусством?

У меня не было никакого желания ругаться с ним: я чувствовал себя совершенно разбитым. Но было совершенно непонятно — отчего же он так скорбит. Ведь дерево стреляло и по нему!

— Вы погубили тех существ! — сказал он. — Вдумайтесь, капитан! Какое блестящее достижение! Уничтожено целое общество!

— Я не знал о них... — Можно было добавить, что, зная, я поступил бы так же. Но я не добавил.

— И это все, что вы хотите сказать по этому поводу?

— Да, — кивнул я. — Им просто не повезло.

— Оставьте его, Тук! — вмешалась Сара. — Он действительно не мог знать!

— А кто позволил ему притеснять всех подряд? — вскричал Тук. — Ежеминутно помыкать нами?

— Он не щадит прежде всего себя, — сказала Сара. — А в седло вас посадил только по причине вашей неуклюжести.

— Человек не может воевать с планетой! — возвестил окончательно распалившийся Тук. — Он должен уважать ее! Приспосабливаться к ней! А не переть напролом!

На том и порешим, подумал я... Уязвленные облегчились — жизнь продолжается...

— Тук! Уж и не знаю теперь, как вы к этому отнесетесь — но мне хотелось бы немного прокатиться, — сказал я, с трудом поднимаясь на ноги.

Он слез с Доббина как раз в тот момент, когда я подошел. Наши взгляды встретились. Ненависть, казалось, душила его со все возрастающим усердием... Тонкие губы шевельнулись, и он по-змеиному прошипел:

— Я переживу вас, Росс. После вашей смерти я буду жить еще очень долго. Здесь, на этой планете,

вас настигнет то, на что вы напрашивались всю свою жизнь...

Сил, еле теплившихся во мне, хватило на то, чтобы швырнуть его наземь и полюбоваться, как он ползет на четвереньках к своей бесценной куколке. Хватило их и на то, чтобы осторожно взобраться на Доббина.

— А теперь веди нас, — сказал я Туку. — И помни: еще одна такая шуточка — и быть тебе битым...

Глава 10

Тропа вилась по иссохшей земле, то и дело ныряя в небольшие песчаные низины или лужи с потрескавшейся по краям глиной, в которых неделями, а может быть, и годами копилась дождевая вода... Тропа взбегала на полуискрошенные горки и почтительно огибала странные куполообразные холмы.

К желто-красной земле примешивались черные вкрапления и прозрачные выступы вулканических пород. Далеко впереди, на голубом фоне неба, темнело грязно-фиолетовое пятно не то горной гряды, не то чего-то еще.

Растительность оставалась скудной, представленной все тем же чахлым колючим кустарником.

В безоблачном небе сияло солнце, но жарко не было — было просто тепло. Солнце выглядело менее ярким, по сравнению с земным, быть может, из-за большей удаленности от планеты.

Некоторые горы были увенчаны конусообразными домиками — точнее, сооружениями, похожими на домики. Как будто кому-то понадобилось построить здесь временные жилища из плоских каменных плит, валявшихся вокруг. Домики были сложены всухую, без какого-либо скрепления — камни просто лежали один на другом. Некоторые из этих времянок уже

превратились в бесформенную груду — другие только собирались.

А еще были деревья. Каждое стояло в гордом одиночестве, на расстоянии нескольких миль от другого. Мы не приблизились ни к одному из них.

Жизнь отсутствовала. Или скрывалась. Все выглядело мертвым, застывшим. Даже воздух, не знавший ветра...

Я ехал, крепко вцепившись в луку седла, и старался не свалиться в темноту, подступавшую всякий раз, когда о ней забывалось.

— С вами все в порядке? — тревожно спросила Сара.

Не помню, ответил ли я, увлеченный своим занятием — может, и нет...

Был полдень, когда мы остановились. Не знаю — ел я или не ел. Скорее, ел. Помню другое...

Мы находились у одной из морщин, покрывавших эту странную поверхность, и я прислонился к земляной стене. Напротив была другая стена — быть может, точно такая же. И на ней, этой другой стене, я увидел пласты — различной толщины, от нескольких дюймов до четырех или пяти футов, и различной окраски... И я стал вживаться в эпохи. Я напрягал все свои силы, стараясь раствориться во времени, я надрывался и не мог бросить своего странного занятия. Я был обречен продолжать его, слабо надеясь, что в какой-то момент будет достигнута точка, за которой уже ничего нет и которая научит меня всему или хотя бы даст почувствовать это «все»...

Время стало вещественным. Оно превратилось в конкретный предмет, осязаемый и упоительно бесхитростный. Годы и эры не откатывались назад, но стояли передо мной в виде живой хронологической таблицы. За зыбкими делениями временной шкалы, как сквозь грязное оконное стекло, виднелась планета, какой она когда-то была, — и я расхаживал вдоль этого стекла, вдоль шкалы и вдоль времени...

Следующим из того, что я помню, было пробуждение. Время вдруг выгнулось, и сквозь него пролилась чернота ночи.

Я лежал между двумя одеялами и смотрел в небо. Это было невиданное, незнакомое мне небо. Оно озадачивало и ошеломяло.

А спустя минуту — как если б кто-то подсказал мне ответ — все вдруг стало понятным. Я знал теперь, что смотрю на мою Галактику. Над головой ярко сиял ее центр, а от него шли крученые ответвления и убежали окраинные сектора.

Я повернул голову и увидел над горизонтом сверкающие звезды сферических скоплений — или же, что представлялось маловероятным, более близкие звезды, соседствующие с той, вокруг которой вращалась планета с лежавшим под одеялом мной. Это были отверженные системы, покинувшие ее много эпох назад и обретшие наконец покой на темных задворках галактического пространства...

Всего в нескольких футах от меня догорал костер. Около него лежал кто-то скрюченный и накрытый одеялом. Чуть поодаль мерно качались лошадки. Тусклое пламя отражалось в их полированной шкуре...

Чья-то рука опустилась на мое плечо, и, дернув головой, я увидел Сару.

— Как вы себя чувствуете? — спросила она.

— Великолепно! — ответил я.

И это было правдой. Я чувствовал себя здоровым и свежим. Моя голова была свободна от неприятных воспоминаний — как у первого человека совершенно нового мира...

Я сел.

— Где мы, Сара?

— В сутках пути от города, — ответила она. — Тук требовал, чтобы мы остановились гораздо раньше — из-за вас... Однако я решила иначе, подумав, что вы были бы против такой остановки...

Я покрутил головой.

— Ничего не помню?.. Так значит, Тук требовал привала?

Она кивнула.

— Вы еле держались в седле и выглядели ужасно, хотя и отвечали на вопросы... То место, кстати, было совершенно непригодно для отдыха...

— А где Хух?

— Бродит. И заодно охраняет. Он сказал, что не нуждается в сне.

Я встал и потянулся с собачьей обстоятельностью. Самочувствие было восхитительным! Боже, как чудесно я себя чувствовал!

— А как у нас насчет еды, Сара?

Она поднялась на ноги и рассмеялась.

— Что это вас так развеселило? — спросил я.

— Вы, — ответила она.

— Я?!

— Да. Потому что поправились. А я очень волновалась. Мы все волновались...

— Это чертов Хух виноват. Вылакал мою кровь.

— Я знаю. Он объяснил мне, что иначе было нельзя.

— Непостижимо... — передернувшись, сказал я.

— Хух сам по себе — непостижим...

— Да. И нам крупно повезло, что он с нами. Подумать только! Я чуть не оставил его там, в песках! И собрался уже! Нам ведь и без него было куда как весело...

— Если вы не дадите костру потухнуть — я приготовлю вам поесть, — деловито сказала Сара.

Рядом с костром лежала куча приготовленных веток. Я присел на корточки, подбросил несколько из них в огонь, и пламя ожило.

— Жаль, что у нас больше нет лазерного ружья. Без него мы слишком уязвимы...

— Но у нас есть мое ружье! — возразила она. — Достаточно мощное! В хороших руках...

— Вроде ваших.

— Вроде моих!

Куча одеял рядом с нами не шевелилась.

— Что Тук? — спросил я, кивая на эти одеяла. — Есть ли надежда на выздоровление?

— Вы слишком жестоки по отношению к нему. Нетерпимы... Он другой, поймите! Не такой, как вы

или я... Вам, кстати, не приходило в голову, что мы с вами во многом похожи?

— Приходило, — сказал я.

Она принесла сковородку и, присев рядом со мной, поставила ее на угли.

— Мы-то с вами всегда прорвемся, Майк! Но вот Тук... Он может сломаться...

Я подумал о том, что, возможно, с исчезновением Смита, жизнь Тука стала для него самого бессмысленной... Не потому ли он так носится с этой куклой? Лишь бы к чему-то прилепиться, что-то к себе прижать... Хотя куклу-то он полюбил еще при Джордже... А если он знал или подозревал, что Джордж должен исчезнуть? Вполне возможно?..

— И еще одна вещь, о которой вам следует знать... — продолжила Сара. — Это касается деревьев. Вы увидите сами, как только рассветет... Наш лагерь разбит на холме, с которого просматривается довольно большая территория. И множество деревьев — двадцать или тридцать. Так вот, Это не какие-нибудь самосейки. Они посажены, вне всяких сомнений.

— Как фруктовый сад, вы хотите сказать?

— Да. Как фруктовый. С безукоризненной регулярностью. В шахматном порядке. Для кого-то когда-то это было действительно садом...

Глава 11

Мы продвигались все дальше и дальше.

День следовал за днем — а мы все шли и шли, с рассвета до глубоких сумерек. Погода стояла хорошая, без дождя и почти без ветра. Дожди здесь, судя по всему, вообще были редкостью.

Рельеф время от времени менялся. Бывали дни, когда нам приходилось то и дело карабкаться на крутые горы, чтобы тут же спуститься на истрескавшуюся, рваную равнину. Случались и другие дни — когда мы шли по земле настолько ровной, что чувствовали себя ползущими по огромному блюду с загнутым краешком-горизонтом.

То, что раньше казалось фиолетовым облаком, тяжело опустившимся вниз, стало теперь горной грядой, багровеющей вдали.

Обнаруживалась, хотя и довольно робко, жизнь. С холмов вниз проворно сбегали какие-то мелкие, возбужденно покрикивающие твари. Были и — как мы их прозвали — скороходы, державшиеся от нас на столь почтительном расстоянии, что как следует разглядеть их нельзя было даже в бинокль. Что-то скукоженное передвигалось неверным, но очень широким шагом своих ходуль — с приличной скоростью, но не спеша... Мы видели также зверей (если это были звери) размером с волка, которые, условно говоря,

бегали — с неимоверным проворством. Глаз за ними не успевал. Это походило на какое-то пятно, с тихим свистом рассекавшее воздух и таявшее вдаль. Подбираясь к нам иногда очень близко, беспокойства они не причиняли. Как и крикуны со скороходами...

Растительность изменилась тоже. Мы видели выходящую траву и жалкие кривульки деревьев, которые прижимались к подножиям холмов. Они напоминали пальмы, но очень отдаленно. Их ветки, подобранные нами для костра, были невероятно тверды и смолисты...

И конечно, никуда не делись исполинские деревья. Они по-прежнему подпирали небо. Теперь мы знали наверняка, что деревья эти были посажены сообразно четкому плану, как сад. Подходить к ним ближе, чем на милю, нам не хотелось. Сама тропа, казалось, избегает их. Иногда было видно, как они стреляют своими шарами — только не в нашу сторону...

— Такое впечатление, — сказала Сара, — что они не решаются напасть на нас. Зная, чем это чревато.

— Теперь — ничем... — заметил я, мысленно проклиная свое легкомыслие: на корабле осталось запасное лазерное ружье с полным комплектом запасных частей...

— Но они-то не знают об этом! — возразила Сара. Мне бы ее уверенность...

Подчас, глядя в бинокль, мы снова видели множество крысopodobных существ, выныривающих из норок, расположенных в некотором отдалении от деревьев, и торопящихся собрать семена. Они бежали затем куда-то в сторону — очевидно, к своим тайникам, предназначенным для хранения этих запасов... У нас не было возможности исследовать хоть один такой тайник — мешали деревья...

Тропа тянулась вперед — то еле различимая, то широкая, как дорога. Казалось, некоторые ее участки в прошлом использовались с особой интенсивностью... Так или иначе, мы следовали по ней без особых приключений и до сих пор не повстречали ни души...

Однажды тропу пересекало то, что когда-то могло быть брусчаткой. Оставшиеся камни были или расколоты, или выворочены, но располагались по отношению к тропе строго под прямым углом и тянулись

дальше, насколько можно было видеть, по идеальной прямой линии...

Мы держали совет. Дорога привлекала и даже казалась более важной, чем тропа, по которой мы шли до сих пор. Было несомненно, что в прежние времена дорога соединяла какие-то немаловажные пункты. Не то что наша петляющая тропка. Но последняя еще хранила следы движения, пусть и давнего! Дорога же ничего подобного не имела. Она просто существовала, в полустертом виде. И еще... Тропа вела на север — то есть туда, где, по нашим сведениям, водились кентавры. А дорога тянулась с востока на запад... Опять же, тропа была явно более древней. В некоторых местах — таких, где сжатая с двух сторон, она не могла влиять — грунт был протоптан на четырехфутовую глубину. Тропой пользовались не одно тысячелетие...

С некоторым сожалением мы приняли решение, основанное как на логике, так и на интуиции. Мы выбрали тропу...

Кто-то когда-то здесь жил. Кто-то, построивший город, проложивший дорогу и посадивший деревья... Но теперь город стоял безмолвным и пустым, а дорога превращалась в пыль. Почему?.. Вдобавок к этому, неведомые кто-то перед уходом позаботились о том, чтобы любой прилетевший на планету не имел возможности ее покинуть... Конечно, посадка за чертой города не имела бы таких роковых последствий, и можно было бы спокойно взлететь снова, но ведь любой корабль наверняка не сядет нигде, кроме города, посылающего свои сигналы далеко в космос?..

В стороне от тропы все еще попадались каменные домики, похожие на ульи. Они по-прежнему лепились у горных вершин. Обследование их не дало ничего. Там не было даже мусора — одна пустота. И ни малейшего признака того, что когда-то в них жили. Ночевали — может быть... При всем невинном облике этих строений, нам никогда не приходило в голову

останавливаться в них. Что-то мешало. Какой-то затхлый дух...

Потихоньку мы привыкали к такой бродячей жизни, осваивались в ней. Тут большую часть времени проводил в седле. Он был слишком неловок для хождения пешком. Мы с Сарой попеременно то ехали, то шли. Хух, бессменный замыкающий, подгонял лошадок. Такой порядок установился сам собою, без какой-либо предварительной договоренности.

Лошадки продолжали сердиться, и в конце концов мы прекратили с ними всякое общение. А вот с Туком я уже ладил. Уживался, во всяком случае. Этот тип все так же истово прижимал к груди свою идиотскую куклу и день ото дня все более уходил в себя. После ужина он сидел в сторонке, ни с кем не разговаривая и ничего не замечая...

Мы прошли уже огромный путь, но, казалось, ни к чему еще не приблизились. Мы углублялись и углублялись в неведомое, пока, вроде бы, безопасное...

Однажды, уже вечером, мы вышли на не то чтобы непроходимые, но достаточно развороченные земли — проковыляв по которым до ближайшего плоского места, остановились, хотя до темноты еще было часа два.

Мы развьючили лошадок, которые немедленно отправились побродить, пользуясь счастливой возможностью не видеть нас хоть некоторое время. Хух, как всегда, отправился вместе с ними, чтобы потом пригнать обратно. Он прекрасно справлялся с ролью овчарки все эти дни.

Был разожжен костер, и Сара принялась готовить ужин. Тук и я отправились за хворостом.

Набрав каждый по полной охапке сухих веток, мы уже возвращались назад, когда услышали испуганное ржание и громкий стук качалок. Бросив свою ношу, мы побежали к стоянке и вскоре увидели лошадок, ошалело выскакивавших из узкого оврага. Они неслись как бешеные, не разбирая дороги, через горящие поленья, по сковородкам и котелкам, мимо Сары, еле успевшей отпрянуть — к тропе, назад...

За лошадами следовал Хух. Скорость его была вполне достаточной, чтобы догнать беглецов, но он

резко затормозил, поравнявшись с нами, и развернулся боком. Неподвижно стоя на своих крошечных ножках, он сверкнул — точно так же, как тогда, в городе — и голубая дымка окутала его. Все вокруг заплясало, а лошадки, кувырнувшись в воздухе, упали. Но вот они поднялись и побежали по тропе дальше! Хух сверкнул снова — в тот самый момент, когда лошадки уже достигли вершины холма. Их сдуло на ту сторону...

Ругаясь на чем свет стоит, я бросился вслед и, взбежав наверх, увидел... Лошадки были далеко. И ничто не могло их остановить. Они возвращались в город.

Подождав, когда они исчезнут из виду, я спустился назад.

Дымились раскиданные головешки, валялись погнутые котелки. Сара склонилась над Хухом, лежавшим на боку и похожим на бесплотный призрак. Он действительно был теперь призраком! Зыбкие очертания его тела свидетельствовали о том, что он застрял где-то между мирами...

Подбежав, я опустился на колени и протянул к нему руки — хотя, по правде говоря, был уверен, что ухватить мне будет нечего. Но было, было чего... Я поднял его, почти невесомого, и крепко прижал к себе.

— Мне так тяжело, Майк... — прогудел он еле слышно.

— Что с тобой, Хух? — закричал я. — Чем мы можем помочь тебе?

Он не ответил, и я посмотрел на Сару, по щекам которой текли слезы.

— О, Майк... — только и могла выдавить она.

Тук стоял в нескольких шагах позади ее, с оброненной куклой у ног и с очень печальным лицом.

— Мне нужна жизнь... — прошепел Хух, слабо шевельнувшись. — Разрешение взять немного жизни у вас...

После этих слов Тук торопливо вышел вперед и, наклонившись, решительно выхватил у меня Хуха. Затем он выпрямился, прижал свою новую куклу к груди, и его глаза грозно сверкнули.

— Только не вы, капитан! — прокричал он. — Вам нужна вся ваша жизнь! Мне же есть чем поделиться...

— Разрешение? — потусторонне прошептал Хух.

— Да, пожалуйста! — твердо ответил Тук. — Действуйте...

Сара и я, не дыша, наблюдали. Это заняло, наверное, всего несколько минут. Возможно, даже секунд, растянувшихся в часы. Ни один из нас не шевелился, и я чувствовал, что мои мускулы сводит судорогой... Постепенно Хух терял свою бестелесность и становился все более похожим на обычного себя.

Наконец Тук осторожно поставил Хуха на землю, а сам рухнул рядом. Когда я поднял его — он безжизненно повис у меня на руках...

— Одежда! — крикнул я Саре. — Быстро!

Она разостлала несколько одеял, одно на другое, и я положил на них Тука, тут же хорошенько укрыв его. Затем я поднял валявшуюся в стороне куклу и положил ему на грудь.

Слабая рука медленно поползла вверх, он открыл глаза и улыбнулся мне.

— Спасибо, капитан...

Глава 12

Мы сидели у костра, и вокруг нас сгущалась тьма.

— Кости... — сказал Хух. — На земле были кости.

— Ты уверен? — спросил я. — Не было ли это чем-то другим? С какой стати лошадки испугаются костей?!

— Я уверен. Они могли видеть только кости, больше ничего.

— Возможно, это были не просто кости, а скелет существа, которого они боятся — даже мертвого? — предположила Сара...

Где-то неподалеку перекликались, порою очень бурно, уже знакомые нам крикуны. Получив очередную порцию смолистых веток, огонь оживился. Налетевший ветерок раздул его еще больше.

Итак, мы сидели посреди этой унылой местности, понятия не имея, где окажемся завтра, куда выведет нас петляющая тропа — единственный ориентир, и не придется ли нам убегать ею, вслед за лошадками, в огромный белый город, не менее унылый... Но сейчас было лучше не думать об этом и оставить все как есть до утра.

Хух махнул щупальцем в сторону одеял и протрубил:

— Я жадный. Слишком много взял у него. Залас оказался не таким большим, как я предполагал.

— С ним будет все в порядке, — успокоила его Сара. — Он уже выпил чашку бульона и теперь спит.

— Ну зачем? — с досадой воскликнул я. — Зачем чертову остолопу понадобилось это? Ведь я был согласен! И Хух просил именно меня! В конце концов, мы с ним...

— Как вы не можете понять, капитан, — прервала меня Сара, — что Тук впервые получил возможность внести свою лепту в общее дело! До сих пор он чувствовал себя совершенно бесполезным! И вы, надо признать, очень постарались, чтобы он чувствовал себя именно так...

— Но давайте смотреть правде в глаза! — возмутился я. — Ведь от него до последнего времени действительно не было никакой пользы!

— И вы расстроились, когда он ее принес?

— Нет. Конечно, нет. Я лишь обеспокоен тем, что он сказал. «Мне есть чем поделиться...» Какой смысл был вложен в эти слова?

— Не знаю, капитан. И это не так уж важно теперь. Есть проблемы посерьезней... Что нам делать без лошадок? Припасы придется оставить здесь. Мы возьмем лишь небольшую часть, главным образом — воду. Если, конечно, они не вернутся...

— Не вернутся, — сказал я. — Они ждали подходящего момента с тех пор, как мы покинули город. И улизнули бы уже давно, если б не Хух. Он держал их в узде.

— Врасплох застали, — подал голос Хух. — Я ударил по ним два раза, но ничего не добился.

— Жуткая мысль пришла мне в голову... — задумчиво сказала Сара. — Не исключено, что это хорошо отработанная процедура. Завести в глухомань и бросить... Пропадайте...

— С кем-то, возможно, тем бы и завершилось, но не с нами, — успокоил я ее. — Не с сидящими у этого костра.

Она посмотрела на меня очень пристально и серьезно.

— Не понимаю — это шутка или бодрячество?

— Это оптимизм, — ответил я. — Вы даже не представляете, как он бывает важен.

— По-моему, вы уже знаете, что нам делать. Вас озарило, и вы еле удерживаетесь от изложения своего гениального плана. Конечно, вам приходилось бывать и не в таких переделках! Но вы никогда не паниковали! Вы...

— Сара. Давайте поговорим утром...

Самым ужасным было то, что я оттягивал принятие решения. Такого со мной еще не случалось. Я всегда разбирался со своими проблемами немедленно. Может быть, эти неприветливые пространства со скрюченными деревцами так влияли на меня — подавляя, просачиваясь внутрь своей безысходностью? И я потихоньку растворялся в ландшафте, становясь маленькой, бесстрастной его частичкой?..

— Утром, — сказала Сара, — мы пойдем смотреть косточки.

Глава 13

Кости лежали примерно в полумиле от края оврага — там, где он круто поворачивал влево. Я ожидал увидеть несколько разбросанных костей, белеющих на фоне грязновато-коричневой земли. Но их была целая куча, тянувшаяся от склона до склона.

Это были крупные кости, диаметром в фут и больше. А ухмыляющийся череп, который, казалось, смотрит прямо на нас, своими размерами напоминал слоновый.

Все кости были пожелтевшими и полуискрошенными — солнце и непогода сделали свое дело. Часть их валялась чуть в стороне, когда-то, вероятно, обглоданная падальщиками.

За костями овраг резко обрывался. Крутой склон с торчавшими из него, как изюм, камешками и валунами нависал правильным полукрутом. Камни лежали и у самого подножия этой земляной стены.

Место было достаточно мрачным. Тягостное чувство, вызываемое мертвой землей, предельно усиливалось этим ужасным скоплением костей.

Я чувствовал себя паршиво. Мне было не по себе — как никогда. Мучительно хотелось бежать отсюда куда глаза глядят. Казалось, что-то, происшедшее здесь, оставило после себя недобрую ауру, соприкасаться с которой не следовало никому.

И тут она обнаружила свой голос.

«Благородные дамы и господа! — слышали мы громкое и радостное приветствие. — Прошу вас сжалиться надо мной и вызволить меня отсюда, из неловкого и стеснительного положения, в котором я пребываю так долго!»

Даже если бы мне заплатили миллион, я не смог бы шевельнуться. Голос парализовал меня.

«Я у стены! За кучей камней, оказавшихся столь плохой крепостью, что все, кроме меня, погибли!»

— Возможно, это западня, — сказала Сара, и в голосе ее послышались металлические нотки. — Лошадки бежали оттого, что учуяли западню.

«Прошу вас! — продолжал пискливо умолять голос. — Здесь уже были другие, но они ушли! Вам нечего бояться!»

Я шагнул вперед.

— Нет, капитан! — закричала Сара.

— Если мы уйдем, — сказал я, — нас замучит любопытство...

У меня вовсе не было желания сказать это. Единственное, что я хотел, — повернуться и убежать. Но говорил уже не я, а кто-то другой вместо меня.

Подойдя к горе костей, я стал на нее карабкаться. Ноги скользили, не находя опоры: кости крошились и разъезжались под ними. Но я одолел подъем и перешагнул на другую сторону.

«О великодушное существо! — восторженно рыдал голос. — Исполненное сострадания, ты явилось освободить мою недостойную персону!»

Добежав до груды огромных валунов, каждый из которых был выше человеческого роста, я снова полез вверх. Голос приближался...

И тут я увидел источник писка, так напугавшего нас.

В тени, отбрасываемой стеной, светилась молочно-глянцевая лошадка. Она лежала на спине, зажатая между двумя камнями, и качалки ее были беспомощно устремлены в небо.

— Благодарю вас, любезнейший из любезных, — пропищала лошадка, — что не бросили меня! К сожалению, я не вижу вас, сэр, но по некоторым признакам могу заключить — вы гуманоид. Это лучшее из того,

что я встречал. Гуманоиды милосердны и доблестны в равной степени.

Не зная, как еще выразить переполнявшую ее признательность, она помахала качалками...

Лошадка не была единственной вещью, обнаруженной мной у этой баррикады. С земли мне приветливо улыбался череп гуманоида, там и сям валялись кости, куски ржавого металла.

— Давно ты тут? — задал я не самый умный, и, уж во всяком случае, не самый важный вопрос.

— Мой досточтимый господин! — воскликнула лошадка. — Я потерял счет времени! Минуты тянутся, как годы, и мне кажется, что с тех пор, когда я последний раз стоял на качалках, прошла уже целая вечность. Когда лежишь вверх ногами — ощущения притупляются... Здесь было много таких, как я, а также других. Все они или разбежались, или погибли. Перед вами все, что осталось от этой славной компании...

— Ладно, не переживай, — сказал я. — Мы вытащим тебя.

— Да уж давно успокоился... Все это время я был погружен в свои мысли и фантазии о дальнейшей моей судьбе. Я понимал, что когда-нибудь камни превратятся в прах, и то, из чего я сделан, переживет их. Но меня никогда не оставляла надежда на иной исход. Я ждал вмешательства доброго существа вроде вас...

Заметив своих спутников, перебиравшихся через первую преграду, и жестом подозвав их, я крикнул:

— Здесь только лошадка, человеческий череп и кой-какие косточки...

Мне даже в голову не приходило задуматься — отчего здесь умерли люди. Я радовался счастливо обретенной лошадке, навьючив которую, мы могли теперь покинуть это проклятое место и двинуться дальше. Или вернуться в город...

Потребовалась сила троих — Хух стоял в сторонке и подбадривал нас криками, — чтобы откатить небольшой камень, прижимавший лошадку к валуну. Кроме того, нам пришлось еще перевернуть это незадачливое создание и поставить его на качалки.

Лошадка уставилась на нас чуть ли не надменно — но это, как я знал, означало всего лишь полное отсутствие мимических возможностей.

— Я Пэйнт! — представилась она. — Хотя иногда меня называют Старина Пэйнт. Второй вариант выходит за пределы моего ничтожного понимания. Ведь я не старше других лошадок. Все мы задуманы и собраны одновременно.

— Эти другие лошадки тоже были здесь? — спросила Сара.

— Нас было десять, — ответил Пэйнт. — Все, кроме меня, убежали. Причина, не позволившая мне этого сделать, только что любезно устранена вами... Нас изготовили на далекой планете, название которой мне неизвестно, а потом привезли сюда. Двигаясь по тропе, мы были атакованы стаей хищников — и вот результат...

— Те, кто создал вас и привез сюда, были такими же, как мы?

— Да, такими же. Но они умерли, и говорить о них бесполезно.

— Почему они оказались здесь? — настойчиво продолжала Сара. — Что-нибудь искали?

— Одного из своих. Давно исчезнувшего гуманоидного индивида, о котором много рассказывалось.

— Лоуренса Арлена Найта?

— Я не знаю, — сказала лошадка. — Мне не говорили.

Глава 14

Мы решили двинуться дальше.

Обсуждение проходило у костра. Обсуждать, собственно, было нечего... Пэйнт покачивался рядом с кучей провианта. Тук, которого ничего не волновало, сидел себе, прижимая к груди куклу, и тоже качался из стороны в сторону. Их колебания подтачивали нервную систему.

Мы с Сарой приняли решение почти сразу и без всяких споров. Возвращаться в город не имело никакого смысла. Тропа вела себя довольно сносно и ничем серьезным пока не угрожала. Разве что случившимся с теми людьми. Но сам факт, что кто-то, пусть и давно, шел по тропе, преследуя сходную с нашей цель, сам этот факт казался Саре доказательством правильности нашего выбора.

Но тут был нюанс, о котором я не мог умолчать.

— Найдт наверняка мертв, — сказал я. — И вы это прекрасно знаете. Вы знали еще на Земле.

— Опять, да? — сердито воскликнула она. — Никак не остановитесь? С самого начала вы были против этой идеи! Зачем в таком случае отправились с нами?!

— Я ж объяснял. Деньги.

— Тогда какая вам разница — жив он или мертв? Не все ли вам равно, найдем мы его или не найдем?

— Действительно, — согласился я. — Плевать мне на это...

— Однако вы хотите идти дальше? Я правильно поняла?

— Да, — сказал я. — Потому что впереди мы еще можем что-то обнаружить — но ничего не найдем, идя назад.

— Мы могли бы вернуть себе лошадок.

Я покачал головой.

— Обнаружив, что мы возвратились, они спрячутся вместе со своим гномом. Увидеть и тем более изловить их не будет никакой возможности. В этом городе можно спрятать целую армию.

— Именно эти лошадки, должно быть, и убежали когда-то от Пэйнта... А теперь увидели кости и вспомнили... Что вызвало шок...

— Их всего восемь, — сказал я. — С Пэйнтом получается девять. А он говорит, что их было десять. Где еще одна, спрашивается?

— Этого, возможно, мы не узнаем никогда...

Я не понимал, чего ради обо всем этом нужно болтать. Ведь так или иначе, но мы все равно двинемся дальше, в неизвестность, в надежде найти — быть может, уже скоро — что-то получше той неприветливой местности с ее костями и прочей прелестью... Конечно сам факт, что люди, останки которых лежали там, в конце оврага, кого-то искали, вовсе не означал, что они шли верной дорогой. Возможно, они, как и мы, тыкались наугад. Возможно, объектом их поисков был вовсе не Найт...

Мы сидели у костра и мозговали. Предполагалось взвалить на Пэйнта бесполезный скелет Роско, а также еду и воду, как можно больше. Тук и я должны были тащить на себе тяжелое снаряжение, а Сара — идти почти налегке, чтобы в любой момент иметь возможность защитить нас при помощи ружья. Хуху отводилась роль разведчика.

Нам пришлось еще раз спуститься в овраг, чтобы тщательно обследовать разрушенное укрепление. Мы обнаружили три человеческих черепа и полдюжины ружей, проржавевших настолько, что определение их типа стало невозможным. По воспоминаниям Пэйнта,

людей было восемь. Количество разбросанных костей, казалось бы, подтверждало его слова. Но черепов было только три.

Вернувшись на стоянку, мы упаковали вещи, а также спрятали в расщелине ту часть припасов, которую невозможно было унести с собой. Мы старательно укрыли наш тайник ветками, но меня не оставляло ощущение, что такие меры предосторожности ничем не оправданы: тропа давно заброшена, и мы первые, кто идет по ней за последние сто лет...

День уже был на исходе, когда мы тронулись. Никто не хотел оставаться здесь ни минуты. Мы бежали подальше от этого проклятого места, чувствуя, к тому же, что время не терпит.

Глава 15

На следующий день Хух наткнулся на кентавров.

Мы еще шли по всхолмленной местности и, казалось, будем идти вечно. Тук и я были нагружены тяжелыми тюками, а тропа то взбегала вверх, то ныряла.

Хух все время держался впереди. Видеть его мы могли лишь в те минуты, когда он задерживался на каком-нибудь возвышении, чтобы убедиться в нашей невредимости.

Незадолго до полудня мы заметили, что Хух разворачивается и спешит по тропе к нам. Обрадованный возможностью передохнуть, я тут же сбросил с себя ношу и остановился, поджидая его. Сара последовала моему примеру. Тук же, хотя и остановился, но груз с плеч не снял. Согнувшись, он устался в землю. После того, как мы лишились лошадок, этот человек безвыходно погрузился в себя и почти не реагировал на внешние раздражители.

Скотившись к нам по тропе, Хух остановился.

— Лошадки, — прогудел он. — Их десять раз по десять. Они без качалок и с такими же, как у вас, лицами.

— Кентавры, — убежденно сказала Сара.

— Они играют, — продолжил Хух. — В низине. Играют в игру. Бьют по шару палками.

— Кентавры, играющие в поло! — радостно вскрикнула Сара. — Что может быть восхитительней!

Она подняла руку, чтобы отбросить со лба непокорный локон, и я вспомнил ту красотку, которая встретила меня в холле старинного дома, на далекой Земле — задолго до того, как пыль и усталость приглушили ее красоту...

— Как я понимаю, — сказал Хух, — вы их ищете. Рад был помочь.

— Спасибо тебе! — воскликнула она.

Я снова взвалил на спину тюк и сказал:

— Веди нас туда.

— Вы полагаете, капитан, что черепная коробка Роско по-прежнему находится у них? И они не потеряли ее, не разбили, не использовали каким-то образом? — недоверчиво спросила Сара.

— Вот поговорим с ними — и выясним.

— А как насчет памяти? — продолжала любопытствовать она. — Если мы добудем эту коробку и вставим в его голову, вспомнит ли он все, что было с ним раньше?

— Все, что он когда-либо знал, зафиксировано в мозге, — сказал я. — Роботы, в отличие от людей, не забывают ничего.

Была, конечно, вероятность, что на планете существует не одно племя кентавров и что обнаруженные Хухом игроки о мозге Роско даже не подозревают. Но об это я предпочел не говорить... А еще они могли просто не отдать нам этот мозг, несмотря на то что пользы им от него — никакой...

Когда мы приблизились к вершине следующего холма, Хух сипло предупредил, что кентавры уже рядом.

Я не знаю — почему, но мы тут же, не сговариваясь, пригнулись и лишь затем осторожно двинулись дальше.

Внизу лежало узкое, очень ровное песчаное пространство, покрытое хилой растительностью, а за ним начиналась красно-желтая пустыня.

Хух ошибся в своих расчетах: кентавров было там гораздо больше, чем десять раз по десять. Большинство их тесно окружало поле, которое было игровым

лишь в силу того, что на нем в данный момент играли. Вообще же это был ровный кусочек пустыни с двумя рядами белых камней, служивших воротами.

Дюжина кентавров с длинными клюшками в руках яростно гоняли мяч. Туда-сюда. Это была крайне вульгарная, примитивнейшая версия благородной игры поло...

Скоре матч завершился. Игроки легкой рысцой убежали с поля. Стали расходиться и болельщики.

За полем стояло несколько тентов — больших квадратов грязной ткани, поддерживаемых воткнутыми в землю палками. Кое-где между этими укрытиями от солнца лежали кучи каких-то пакетов — вероятно, с имуществом племени. Кентавры шатались вокруг, изображая что-то вроде праздничного гулянья.

— Что предпримем? — спросила Сара. — Спустимся к ним?

— Не все, — сказал Тук, внезапно вышедший из транса. — Лишь один из нас.

— И этим одним конечно же будете вы? — спросил я полушутливо.

— Конечно, — подтвердил Тук со всей серьезностью. — Если кого-то должны убить, то я первый кандидат.

— По-моему, они вряд ли станут кого-то убивать, — сказала Сара.

— По-вашему, — заметил я.

— Давайте взглянем на вещи трезво, — изрек Тук своим гнусным тоном, за который его следовало бы хорошенько выпороть. — Из всех нас у меня наименьшие шансы быть убитым. Я выгляжу скромным, безобидным и немного тронутым. На мне коричневая сутана и вовсе не ботинки, а сандалии...

— Эта братия, — перебил я его, — понятия не имеет ни о коричневых сутанах, ни о сандалиях! Еще меньше их будет волновать — умный вы или дурак! И если они склонны убивать, то...

— Но почему вы так думаете? — возмутилась Сара. — Они могут оказаться вполне дружелюбными существами!

— Да? Вам кажется, что они дружелюбны?

— Вообще-то не кажется, но ведь нельзя судить лишь по внешнему виду... А Тук, кстати, может подействовать на них умиротворяюще. Ничего не зная о коричневых сутанах и сандалиях, они, возможно, разглядят в нем чистоту души и добрые намерения...

Это звучало так, будто она говорила не о Туке, которого я знал как облупленного, а о ком-то другом.

— Идти — мне, — твердо сказал я ей. — И давайте оставим эту бесполезную болтовню. Они просто размажут вашего Тука по земле!

— А с вами это, конечно, исключено!

— Чертовски верно замечено! Исключено! Потому что я умею обращаться с...

— Капитан, — тихо перебил меня Тук. — Почему вы никогда не прислушиваетесь к голосу разума? Почему все время лезете на рожон? Вам хочется быть первым, да? Хорошо. Но учтите следующие два момента. Они, возможно, не тронут меня именно потому, что я отличаюсь от вас. У них просто не будет того удовлетворения. Что за радость убить или покалечить жалкого и слабого? А я смогу выглядеть таковым... Во-вторых. Вы нужны больше, чем я. Если что-то стрясется со мной — это не будет иметь такого значения, как если прикончат вас.

Я уставился на него, ошеломленный такой откровенностью.

— Вы действительно имели в виду всю эту ерунду?

— А по-вашему, я бил на эффект? Будучи уверенным, что идти мне все равно не придется?

Я не ответил, потому что он был прав: именно так я и думал.

— Кто бы туда ни отправился, — сказала Сара, — он должен ехать на Пэйнте. Такие, как они, к всаднику отнесутся с гораздо большим уважением. И еще... На Пэйнте можно быстро убраться оттуда, если дела пойдут плохо...

— Майк! — взревел Хух. — В словах святого человека есть смысл!

— Ни черта! — огрызнулся я. — Платят за риск мне! И рисковать — тоже мне!

— Майк, — холодно сказала Сара. — Оставьте ваше ребячество. Кто-то должен спуститься туда, и этим

кем-то могла бы быть даже я. Нас здесь трое. Хух — не в счет. Обсудим остальных.

— Вы думаете — это так просто? Спустился, приветствовал — и все? Нужно еще выудить у них коробку! Тук может все испортить!

Мы пристально смотрели друг на друга.

— Ну, хорошо, — буркнул я. — Бросим монетку. Согласны?

— У нее только две стороны.

— Вполне достаточно, Сара. Вы в этом не участвуете. Только Тук и я.

— Никаких монеток, — возразил Тук. — Идти — мне.

Сара снова посмотрела на меня.

— По-моему, мы должны согласиться с ним, капитан. Он хочет это сделать. Жаждет. И он справится.

— А как насчет заключения сделки?

— За эту коробку мы должны отдать все, что они попросят, — решительно сказал Тук.

— Вплоть до ружья, — добавила Сара.

— Ну уж нет! — возмутился я. — Ружье может понадобиться нам самим!

— Но коробка нам тоже нужна! — сказала Сара. — Без нее мы пропадем! Что касается моего ружья, то за все это время я выстрелила из него всего один раз и то безрезультатно!

— Вспомните о людях, оставшихся в овраге.

— Вспомнила. У них, кстати, было оружие. И что это дало?

— Все, что я могу сделать, — встрял Тук, — это выяснить, при них ли коробка и не желают ли они расстаться с ней. Собственно торг начнется позже, и мы все примем в нем участие.

— Ладно, — сказал я, решив, что так будет действительно лучше. Пускай идет и все портит, вынуждая нас прекратить безнадежные поиски Лоуренса Арлена Найта и заняться более важными вещами. Ведь мы еще даже не пытались представить, каким образом нам покинуть эту планету...

Подойдя к Пэйнту, я развьючил его и положил на землю фляги с водой, а на них — Роско.

— Давай, приятель, — сказал я Туку.

Взобравшись на Пэйнта, он протянул мне руку. Я пожал ее, почувствовав в этих длинных, тонких пальцах неожиданную силу.

— Удачи, — сказал я, и Пэйнт, перевалив через вершину, галопом пустился вниз. Мы наблюдали.

Желая Туку удачи, я имел в виду именно ее. Мне действительно хотелось, чтобы этому нелепому дурачку повезло. Один Бог знал, сколько удачи тут могло потребоваться...

Маленький и жалкий, он неловко подпрыгивал в седле, в накинутах на голову капюшоне и развевающейся сутане.

Тропа повернула и резко пошла вниз — Тук исчез из виду и появился вновь лишь спустя несколько минут. Он уже приближался к беспорядочно кружившим кентаврам, один из которых поднял по этому поводу крик — и все замерли, повернувшись к пришельцу.

Я смотрел не дыша. В любой момент стадо могло броситься на Тука и растоптать его. Но никто не бросился. Кентавры просто стояли и наблюдали.

Пэйнт все приближался к ним, а Тук подпрыгивал, как кукла, одетая в коричневый лоскут...

— А где же его кукла? — спросил я почему-то шепотом, хотя кентавры не обратили бы внимания даже на мой крик: они были поглощены созерцанием Тука. — Кукла где? Неужели он оставил ее?

— Нет, — ответила Сара. — Кукла при нем. Он заткнул ее за пояс, чтобы руки были свободными.

— Ах ты, Боже мой!

— Вы упорно считаете, что для него это просто кукла и он таскает ее с собой исключительно ради забавы. Но вы ошибаетесь. Он видит в ней то, чего мы с вами разглядеть не в состоянии. Она для него не амулет вроде кроличьей лапки, а что-то гораздо более важное. Он обращается с ней нежно и благоговейно. Как если бы это была фигурка Мадонны...

Я почти не слышал ее последних слов, так как Пэйнт, приближавшийся к кентаврам, уже начал замедлять свой бег.

И вот футах в пятидесяти от стада лошадка замерла. Тук восседал на ней, как истукан. Он даже не поднял

руку в знак приветствия. Он ничего не сделал.казалось, Пэйнт привез кентаврам мешок с подарками.

Я оглянулся. Сара смотрела в бинокль.

— Он разговаривает с ними? — спросил я.

— Непонятно, — ответила она. — Капюшон закрывает лицо.

То, что Тука до сих пор не убили, вселяло надежды...

Два кентавра, отделившись от стада, рысцой выбежали навстречу. Они приблизились к Пэйнту с двух сторон.

— Возьмите, — сказала Сара, протянув бинокль.

Теперь я отчетливо видел капюшон Тука и лица обоих кентавров. Это были грубые, волевые, гораздо более гуманоидные лица, чем можно было предположить. Похоже было, что кентавры слушают Тука, время от времени вставляя короткие реплики... И вдруг они зашлись громким, презрительным хохотом, тут же поддержанным их соплеменниками.

Опустив бинокль и голову, я вслушивался в этот многоголосый, поддерживаемый эхом смех.

Лицо Сары недоуменно вытянулось.

— Что бы это значило? — спросила она.

— То, что старина Тук в очередной раз сел в лужу, — ответила я.

Смех ослабел, а потом умолк. Два кентавра снова беседовали с Туком. Я вернул бинокль Саре. Все интересующее меня можно было видеть и невооруженным глазом.

Один из кентавров развернулся и что-то крикнул стаду. Спустя мгновение вперед выбежал, неся что-то блестящее, его сородич.

— Что это у него? — спросил я Сару.

— Щит, — сказала она, не отрываясь от бинокля. — И что-то вроде перевязи. Да-да... Перевязь и меч. Все это вручается Туку...

Когда Пэйнт бежал обратно, солнечный свет отражался от оружия, стиснутого руками Тука, и кентавры издевательски гоготали. Он накатывал на нас могучими волнами, этот гогот.

Внезапно Пэйнт рванул бешеным карьером, и, едва он исчез на изгибе тропы — мы с Сарой недоуменно переглянулись.

— Скоро все выяснится, — бодро сказал я.

— Боюсь, что эта ясность не обрадует, — ответила она. — Вероятно, мы совершили ошибку. Идти следовало вам. Но уж очень он хотел этого...

— Не пойму, с какой стати этот несчастный все-таки поперся туда?.. Бравада?.. Неужели он действительно...

— Нет, — мотнув головой, сказала Сара. — Никакая это не бравада... Тут все не так просто. Он вообще не прост — этот Тук...

— По-моему, его что-то гложет, но что?

— Он мыслит иначе, чем мы с вами, — продолжила Сара. — И видит все под другим углом... Что-то явно им движет, и это «что-то» — никак не страх, амбиция или зависть. Оно совсем другого порядка... Я знаю, что вы всегда считали его еще одним святошей, еще одним прохиндеем. Бродягой, прикрывающим свои комплексы мнимой религиозностью. Уверю вас — он не из таких... Я знакома с ним гораздо дольше, чем вы, и...

Пэйнт, лязгнув качалками, остановился перед нами. На землю тяжело брякнулись меч со щитом, и на нас, полулежа в седле, вытаращился Тук.

— Ну, что с коробкой? — спросила Сара. — Она у них?

Тук кивнул.

— И они согласны продать ее?

— Ничего подобного, — прохрипел он. — За нее нужно сражаться. Это единственный способ...

— Сражаться?! — воскликнул я. — Мечом?!

— Мне дали его именно для этого, капитан. Я сказал им, что пришел с миром, а они ответили: мир — это трусость... Меня вынуждали вступить в бой немедленно, но я сказал, что должен удалиться для молитвы. Это их очень развеселило, однако уйти мне все-таки позволили...

Тук сполз с Пэйнта и сразу же повалился на землю.

— Я не умею драться! — пронзительно визжал он. — Я никогда этим не занимался! До сегодняшнего

дня я не держал в руках оружия! Я не могу, я отказываюсь убивать! Они сказали, что все будет честно — один на один, — но...

— Но ты не мог драться, — закончил я.

— Конечно, не мог! — взвилась Сара. — Потому что не имел понятия о том, как это делается!

— Хватит распускать слюни! — прикрикнул я на Тука. — Поднимайся-ка лучше на ноги и вытряхивайся из своего мешка!

— Вы?! — изумленно воскликнула Сара.

— А кто же еще, черт возьми? — яростно крикнул я. — Напортачено уже достаточно — так что самое время выпускать меня! Ведь вам нужна коробка, не так ли?

— Но ведь вы тоже не умеете обращаться с мечом!

— Конечно, не умею! Хотя вы и держите меня за варвара...

Тук все еще лежал. Я нагнулся, рывком поставил его на ноги и заорал:

— Снимай сутану! Мы не должны заставлять их ждать! — Подавая пример, я стащил с себя куртку и стал расшнуровывать ботинки. — Сандалии тоже! Я должен выглядеть, как ты!

— Они заметят подмену, — сказала Сара. — Вы ничуть не похожи на Тука.

— Я нахлобучу капюшон, и никто ничего не поймет! Да они, наверное, и не помнят уже, как он выглядит. А если и помнят, вряд ли станут возмущаться. Забава-то не отменилась! Жертва-то — перед ними!

Сняв брюки, я увидел, что Тук валяется опять.

— Стащите с него сутану! — приказал я Саре. — Молитва затянулась. Кентаврам это может не понравиться. Они еще, чего доброго, явятся сюда.

— Давайте плюнем на все, — неожиданно предложила она. — Признаем свое поражение и отправимся по тропе назад.

— Они последуют за нами, — сказал я. — И убежать не удастся... Снимайте-ка лучше сутану...

Едва Сара приблизилась к нему, Тук ожил. Быстро развязав пояс, он вытряхнулся из своего облачения и бросил его мне.

Надев сутану и подпоясавшись, я накрыл голову капюшоном.

— Вы же никогда не имели дело с мечом! — продолжала увещевать меня Сара. — А они против вас выставят лучшего бойца!

— У меня есть одно преимущество, — сказал я. — Этот их герой будет уверен, что сражается с неумехой. Он не станет особенно осторожничать. Он, возможно, решит повыпендриваться, устроить что-то вроде шоу. И если мне удастся подобраться к нему...

— Но Майк...

— Саңдалии! — крикнул я Туку и, немедленно получив их, обулся.

Он стоял в одних грязных трусах и был самым костлявым человеком из когда-либо мной виденных. Впалый живот, казалось, приклеился к позвоночнику, а ребра можно было пересчитать с большого расстояния. Что касается рук и ног, то это были самые настоящие прутыки.

Нагнувшись, я поднял перевязь с мечом и надел на себя. Затем, вынув меч из ножен, внимательно его осмотрел. Он был тяжелым, слегка тронутым ржавчиной и не слишком острым. Вложив его обратно, я надел на руку щит.

— Удачи, Майк! — сказала Сара.

— Спасибо, — ответил я, хотя не чувствовал ни малейшей благодарности, одну лишь ярость.

Этот кретин подкинул мне паршивую работенку, справиться с которой было почти невозможно.

Я вспрыгнул на Пэйнта и, когда тот развернулся в нужную сторону, увидел подбежавшего Тука. Стоя по-прежнему в трусах, он протягивал мне свою куклу. Ударом ноги я вышиб у него эту деревяшку, и Пэйнт рванулся вперед.

Кентавры были на прежнем месте. Вопреки опасениям, я не встретил их несущимися по тропе. Мое появление вызвало издевательски приветственный гул.

Спустившись вниз, Пэйнт бодро поскакал к стаду. Один из кентавров рысью выбежал навстречу и оста-

новился прямо перед нами. В руке его был щит, такой же, как мой, а на перевязи, перекинутой через плечо, болтался меч.

— Вернулся? — удивленно сказал он. — Мы думали, что ты этого не сделаешь!

— Мое сердце по-прежнему исполнено миролюбия, — ответил я. — Это единственно достойное его наполнение.

— Мир — трусость, — презрительно возразил кентавр.

— Значит, вы настаиваете на поединке?

— Это единственно достойное занятие.

Он явно издевался надо мной.

— Кстати, о достоинстве, — сказал я. — Где гарантия того, что убив тебя, я получу шар?

— Не забегаешь ли ты вперед?

— Но ведь кто-то из нас должен будет умереть?

— Это так, — согласился кентавр. — Только не кто-то, а ты.

— И все же, — настаивал я, — на случай, если ты ошибаешься — как насчет шара?

— При неблагоприятном исходе поединка, если ты случайно останешься в живых, он — твой.

— И мне будет позволено уйти?

— Ты оскорбляешь меня, — сказал он с нескрываемой злобой. — Ты наносишь оскорбление всей моей расе.

— Я не здешний и потому не знаю ваших нравов.

— Мы благородны, — выдавил он, скрипнув зубами.

— В таком случае, перейдем к делу.

— Правила следующие... Сейчас мы должны разойтись и повернуться лицом друг к другу. Видишь вон тот кусок материи?

Из толпы кентавров торчала палка с привязанной к ней грязной тряпкой. Я кивнул.

— Когда этот флажок упадет — схватка начинается.

Я снова кивнул, отъехал чуть-чуть назад и, развернувшись, остановился. Мы смотрели друг на друга. Палка с тряпкой была все еще поднята. Кентавр обнажил свой меч. То же сделал и я.

— Ну, дружище Пэйнт, держись!

— Досточтимый сэръ! — горячо воскликнул он. — Я сделаю все от меня зависящее!

Тряпка опустилась, и мы бросились друг другу навстречу. Копыта кентавра выбивали огромные комья земли, его меч и щит были вскинуты высоко над головой, и он издавал воинственные вопли, слегка напоминавшие тирольское пение, но далеко не такие забавные.

Мы столкнулись уже через две секунды — и всю эту вечность мой мозг лихорадочно перебирал спасительные трюки, ни один из которых не был спасительным. В конце концов я понял, что нужно просто устоять против первого удара и ухитриться нанести ответный. И тут же меня наполнила холодная сосредоточенность. Я думал теперь только об одном: побыстрее прикончить кентавра, пока он не прикончил меня.

Я видел, как неотвратимо опускается его меч, и знал, что мой меч уже занесен над его головой. Глаза кентавра, маленькие и блестящие, были слегка прикрыты, а на лице его застыла маска превосходства. Он не сомневался в победе. Он знал наверняка, что у меня нет ни малейшего шанса. Он не мог не заметить, что перед ним — профан.

Меч ударил по краю моего щита с такой силой, что рука тут же онемела. Соскользнув, он рассек воздух в дюйме от моего плеча. Как только это случилось, кентавр странно дернулся, затем взвился на дыбы, глаза его остекленели, рука, державшая щит, безвольно повисла, и мой меч, со всей силой, которая только у меня нашлась, раскроил его череп надвое и утонул в шее.

Перед этим я успел увидеть во лбу кентавра — прямо посередине — черную дыру, неизвестно откуда взявшуюся. Лезвие прошло точно через нее, — словно она подсказала наиболее уязвимое место.

Черепная коробка была потрескавшейся и помятой. Ей досталось как следует.

— Возьмите, — сказал я, протянув ее Саре. — Ваш номер был чертовски опасен, должен сказать...

Ее страшно рассердил мой неласковый тон.

— Никакой опасности не было! Пуля летит туда, куда я целюсь! А целюсь я хорошо! Вы ведь убедились в этом?

— Убедиться-то убедился, — сказал я, еще не вполне пришедший в себя, — но два фута в сторону, и...

— Этого не могло произойти, потому что я целилась в...

— Знаю-знаю... В центр его лба.

Спрыгнув с Пэйнта, я снял сутану и бросил ее Туку, сиротливо стоявшему у самого уродливого деревца.

— А где, интересно, мои штаны? — спросил я.

— Там, — кивнула Сара в сторону. — Я сложила их поаккуратней.

Пока я одевался, она вертела коробку в руках.

— Не понимаю... — недоуменно сказала она. — Что они делали с ней?

— А что, по-вашему, должны были делать с ней варвары, играющие в поло?

— Неужели они использовали ее в качестве мяча? Я кивнул.

— Теперь им снова придется гонять камешки. Бедняги ужасно расстроены.

Сверху, покинув свой наблюдательный пункт, спустился Хух.

— Отличное выступление, — похвалил он меня. — Особенно для того, кто впервые держит в руках такое оружие...

— Если кто-то и выступил отлично, так это мисс Фостер, — сказал я. — Это она подстрелила птичку.

— Неважно, Майк, — кто. Дело сделано, и лошади эвакуируются.

— Ты хочешь сказать, что они уходят?

— В настоящий момент идет построение.

Поднявшись к вершине, я увидел, что кентавры действительно выстроились в неровную колонну и уже движутся на запад. Это было приятное зрелище. Какими бы благородными ни были эти существа — ведь они все же отдали мне обещанную коробку, — их соседство беспокоило бы...

Вернувшись, я застал Тука и Сару за воскрешением робота. Мозг возвращался законному владельцу.

— Не поврежден ли он? — тревожно спросила Сара. — Все-таки столько вмятин...

Я мог только пожать плечами.

— Нам ведь не нужно, чтобы он помнил все, — успокаивала она себя. — Мы зададим ему всего несколько простеньких вопросов...

Тук протянул руку, и Сара отдала ему коробку.

— Вы знаете, как это делается? — недоверчиво спросил я.

— Думаю, что да, — ответил он. — Там есть специальные пазы, в которые она и вставляется.

Он запихнул коробку в голову Роско, для верности легонько прихлопнул ее ладонью и закрыл крышку.

Роско шевельнулся. До сих пор неподвижно лежавший на земле, он выпрямился и попытался встать. Голова его медленно поворачивалась, и взгляд задерживался на каждом из нас. Он осторожно поднял руку, затем другую, словно вспоминая забытые движения. Наконец послышался его скрипучий голос.

— Почему же, уже, ну же, хуже, стуже, — сказал он и посмотрел на нас, желая, вероятно, убедиться в том, что мы все прекрасно поняли.

Заметив на наших лицах некоторое недоумение, он заговорил вновь, теперь уже торжественно и медленно, специально для тупых:

— Кот! Бот! Вот! Год! Крот! Лот! Мот! Плот! Пот! Рот! Тот! Ход!

— Он спятил, — сказал я.

— Дятел, — ответил Роско.

— Он рифмует, — сказала Сара. — Больше ничего... Неужели больше ничего?

Я усмехнулся.

— А вы у него спросите!

— Роско! — крикнула она. — Ты помнишь хоть что-то?

— То-то, фото, нота, хота, рота, шпрота...

— Нет-нет! — остановила она его. — Не это! Ты помнишь, кто твой хозяин?

— Каин, — признался робот.

— О Господи! Нужно было проделать такой путь и пройти через такие испытания, чтобы услышать вот это?!

— Роско! — строго сказал я. — Мы ищем Лоуренса Арлена Найта!

— Знай-то, рай-то, чай-то, дай-то...

— Заткнись! — заорал я. — Мы ищем Найта! Укажи направление, в котором нам следует идти!

— Лети, плети, мети, — ответил Роско и, повернувшись, показал рукой на север.

Глава 17

Итак, мы снова шли по тропе, все дальше и дальше на север.

Пустыня и холмы давно остались позади, и мы взобрались на огромное плато, за которым вдали, упираясь в небо, голубели горы.

Здесь была вода. Множество ее потоков стремительно и звонко бежало по выбитым в камне руслам. Мы спрятали свои ставшие теперь ненужными фляги в одном из каменных домиков, которые по-прежнему попадались на нашем пути.

Все наши тюки были теперь привязаны к могучей спине Роско. Я, слегка стесняясь своего вида, шествовал при мече и щите. Хотя это снаряжение было не очень-то к лицу взрослому человеку, во мне шевелилась какая-то атавистическая гордость — та, которую испытывал древний обладатель этого оружия.

То, что еще недавно было просто затянувшейся прогулкой, теперь обрело хоть какой-то смысл. Конечно, нельзя было утверждать, что Роско указал нам на север сознательно, хотя позже он повторял этот жест в точности, тем не менее мы больше не чувствовали себя слепыми котятками.

Растительность становилась все более разнообразной. Здесь были и трава, и цветы, и множество

кустарников, и даже величественные рощи. Вдалеке же по-прежнему возвышались деревья-гиганты.

Становилось все прохладнее, и все сильнее дул колючий ветер.

Тут было множество диких животных, грызунов, которые, сидя на задних лапках, приветствовали нас громким свистом. Иногда мы видели небольшие стада травоядных. Сара подстрелила одного из них, и мы, освежав его и поджарив, бросили жребий — кому пробовать первым. В качестве испытателя я съел несколько кусочков мяса и не умер. Выждав некоторое время, Сара с Туком подкрепились тоже. Затем мы пополнили наши съестные припасы.

В окружающем присутствовало нечто исступленно мистическое, и временами мне казалось, что все происходит во сне. Само плато было здесь ни при чем — влияла каким-то образом вся планета. Я спрашивал себя: кто был здесь до нас и почему ушел? зачем посажен фруктовый сад и построен белый город?..

Порою, сидя у костра, я удивлялся, глядя на Хуха, тем братским чувствам, которые успели нас связать. Он очистил мою кровь от яда, а позже попросил у меня жизнь взаимы — и я дал бы, не опереди меня Тук. Но, скорее всего, предложенная жизнь была воспринята Хухом лишь как заменитель моей...

Этот Тук уже даже не пытался делать вид, что он один из нас. Он разговаривал только со своей куклой и, поужинав, сразу отодвигался от нас, несмотря на холод. Его лицо все больше худело, и весь он ссыхался, становясь бледной тенью. Порой, обернувшись, я видел его и не узнавал. Впрочем, это стирание памяти провоцировалось скорее бесконечностью плато, по которому мы шли. Прошое и настоящее, воспоминания и надежды нанизывались здесь на вечность, ужасающую и восхитительную...

Итак, мы ползли по плато. Пэйнт двигался почти бесшумно, если не считать случайных ударов его качалок о камни, торчавшие посреди тропы. Хух еле различимой точкой бежал впереди, хотя вряд ли мы нуждались теперь в разведчике. Серым привидением, закутанным в коричневую тряпку, плелся Тук. Бодро

вышагивал, бормоча бесконечные рифмы, Роско, счастливый идиот. И я со своим бьющим по ноге мечом был, вероятно, под стать всей этой странной компании... А вот Сара держалась неплохо. В ее глазах снова появился тот блеск, который был в глазах хозяйки аристократического дома, встретившей меня в дверях и увлекшей внутрь, а потом — сюда...

Далекie горы постепенно теряли свою туманную голубизну, и мы уже видели их грозные детали — отвесные скалы и глубокие ущелья, поросшие густыми лесами, тянувшимися до самых вершин.

— У меня такое чувство, — сказала однажды Сара, сидя у ночного костра, — что мы почти пришли.

Я кивнул, так как сходное чувство было и у меня. Мне казалось, что мы совсем рядом — неизвестно, правда, с чем. Что где-то в этих приближающихся горах мы найдем то, что ищем. Я вовсе не думал, что мы найдем Лоуренса Арлена Найта, давно, по моим предположениям умершего, но был почти уверен, что вот-вот тропа оборвется и мы увидим ту вещь, которая нам нужна. Что же такое было нам нужно — я понятия не имел. Но это незнание вовсе не подавляло радостного предвкушения... Вот такую странную логику навевало окружающее. Бесконечная — скорее всего — тропа услужливо заканчивалась чем-то восхитительным.

Над нами мерцало спиралями голубовато-белое галактическое ядро.

— Интересно, — продолжила Сара, — вернемся ли мы когда-нибудь назад? И если вернемся, то сможем ли рассказать обо всем? Найдем ли слова?

— Найдем. Огромный белый город. Пустыня. Плоскогорье. Горы.

— Нет, не то. Исчезает чудесная таинственность...

— Для красоты всегда не хватает слов. Как не хватает их для страха и для счастья.

— Наверное... — согласилась она. — Так как повашему, вернемся мы или нет? Есть ли у вас какие-то соображения на этот счет?

Я покачал головой. Кой-какие мысли у меня, конечно, имелись — но не настолько яркие, чтобы излагать их.

— А знаете, — сказала Сара, — я ведь не очень и беспокоюсь... Мне это кажется чем-то несущественным. Здесь есть то, чего я не находила нигде. Не могу сказать — что именно. Я много думала над этим, но так ничего и не определила.

— Через пару дней все выяснится...

Я чувствовал себя околдованным почти в такой же степени, что и Сара. Хотя она, конечно, могла быть более чувствительной и видеть все не так, как я. Ведь человек даже не может предположить, какие образы возникают в чужом сознании, как работает чей-то мозг, что запечатлевается в нем и как толкует он эти впечатления...

— Возможно, завтра, — сказала она.

Кивнув, я посмотрел на этого большого ребенка, говорившего: завтра, возможно, будет Рождество.

Но «завтра» не стало ни концом тропы, ни Рождеством. Оно стало днем, когда исчез Тук.

Мы обнаружили его исчезновение уже после полудня и, сколько ни пытались, не могли вспомнить — был ли он с нами на полуденном привале. Мы знали наверняка лишь то, что еще утром он был.

Пришлось возвращаться по тропе назад. Мы искали его, но безрезультатно. Когда наконец стало смеркаться, мы устроились на ночлег.

Это было, конечно, странно, что никто из нас не помнил, когда видел Тука в последний раз. Я очень удивлялся, когда думал об этом. Намеренно ли он покинул нас или заблудился? А может быть, просто растворился, как сделал это Джордж в ту памятную ночь, когда агрессивное дерево загнало нас в здание из красного камня?.. Отчужденность Тука — единственно из-за нее мы не почувствовали его отсутствия сразу. День ото дня он все больше отдалялся от нас, становясь почти невидимым призраком. Это последнее, а также магические чары земли, по которой мы полужили-полуплыли — вот что сделало вполне возможной незаметность исчезновения...

— Нет смысла продолжать поиски, — сказала Сара. — Если б он был где-то здесь, мы уже нашли бы его. Если бы он только присутствовал здесь...

— По-вашему, он уже не присутствует? — удивленно спросил я.

Она покачала головой.

— Он нашел то, что искал. Как и Джордж.

— Вы имеете в виду куклу?

— Это символ. Точка концентрации. Магический кристалл. Некая пред-Мадонна. Талисман...

— О Мадонне вы уже говорили, — напомнил я.

— Благодаря своей необычайной чувствительности, — продолжала Сара, — Тук воспринимал пространственно-временное запределье. Несносный, гадкий в повседневности — да, я признаю это теперь! — он был вне ее совершенно другим. Именно о таких говорят: не от мира сего.

— Вы сказали однажды, что он не выдержит пути, сломается.

— Да, я помню. Мне казалось, что он слаб, но так только казалось. В нем была сила...

Слушая ее, я не переставал мучить себя вопросами. Куда же мог уйти Тук? Ушел ли он вообще или просто ссохся до критической точки? Не остался ли он рядом — невидимый, неслышимый, дергающий нас за рукава в попытке привлечь к себе внимание?.. Хотя Тук не стал бы дергать. Он бы плюнул на нас и отвернулся. Его могли трогать только собственные тайные мысли. Ну, кукла еще... Исчезновение, вероятно, было для него желанным избавлением от нас...

— Вас теперь только двое, — сказал Хух. — Но не только. С вами друзья.

Я действительно забыл о Хухе, лошадке и роботе. Я думал о том, что нас, свалившихся сюда из бездонного космоса, ищущих здесь непонятно что, нас уже вдвое меньше...

— Хух! — сказал я. — Ты ведь что-то почувствовал, когда нас покинул Джордж? А теперь?

— Я ничего не слышал, Майк. Знаю только, что Тук ушел не сразу. Это тянулось долго, не один день. Он просто таял, становясь все меньше и меньше...

Вот так, подумал я. Все меньше и меньше. И даже неизвестно, был ли он с нами весь — хоть минуту...

Сара стояла рядом с гордо поднятой головой, словно бросала вызов в темноту кому-то или чему-то. Быть может, обстоятельствам, отнявшим у нас Тука. Мне уже не верилось, что в этом замешаны какие-то посторонние силы. Все сделали Тук и его башка...

Пламя вспыхнуло ярче, и я увидел слезинки, скатывавшиеся по щекам Сары. От прикосновения моей руки она вздрогнула, повернулась ко мне и вдруг — чего уж никак нельзя было предвидеть — уткнулась лицом в мое плечо. Я обнял ее, и она горько разрыдалась.

У костра неподвижно стоял бесстрастный Роско, и в тишине, прерываемой всхлипами Сары, я слышал: «предмет, привет, стилет, скелет, билет, галет...»

Глава 18

Мы прибыли следующим утром. Именно «прибыли», потому что никто не сомневался, что это место и есть цель нашего многодневного похода.

Поднявшись на небольшой холм, я увидел две огромные скалы, в щель между которыми ныряла наша тропа, и понял: перед нами вождеденные ворота.

Вдали высились горы, те самые, которые не так давно были похожи на размазанное фиолетовое пятно. Фиолетовость все еще оставалась, и это она отбрасывала на голубую землю, по которой мы шли, свою утрюмую тень.

Во всем — и в этих горах, и в воротах, и в ощущении того, что мы у цели — во всем этом была такая завершенность, что я стал опасаться подвоха.

— Хух! — сказал я громко.

Он не откликнулся, хотя и стоял рядом с нами, так же глядя на всю эту странную правильность.

— Пошли? — вопросительно предложила Сара, и мы двинулись по тропе вниз к огромному каменному portalу.

Приблизившись, мы увидели на одной из скал металлическую пластину с одним и тем же текстом, повторенным на множестве языков. Часть каракулей адресовалась к владеющим космическим аргo. И вот что там было написано:

ВСЕ БИОЛОГИЧЕСКИЕ СУЩЕСТВА, ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ. МЕХАНИЧЕСКИЕ, СИНТЕТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ, ЭЛЕМЕНТЫ ЛЮБЫХ ГРУППИРОВОК — ВХОД ВОСПРЕЩЕН. ИНСТРУМЕНТЫ, ОРУЖИЕ ЛЮБОГО ВИДА НЕ ВНОСИТЬ.

— Ну и ладно, — сказал Пэйнт. — Я составляю компанию нашему неуклюжему генератору рифм. И присмотрю за оружием. Только прошу не задерживаться. После этой жизни вверх ногами мне страшно оставаться без биологических персон. Соседство настоящей протоплазмы успокаивает...

— То, что мы идем туда совершенно беззащитными, мне очень не нравится, — сказал я Саре.

— Но ведь мы уже у цели! — напомнила она. — Вряд ли следует нарушать вполне безобидное предписание! Ведь там мы будем в полной безопасности, Майк! Разве вы не чувствуете?

— Чувствую, чувствую... Но все же мне это не нравится. Я не стал бы так уж доверять своим чувствам. Никто не знает, на что мы там напоремся... Кстати, если бы мы не обратили внимания на табличку, то...

«Би-ип!» — пискнула табличка, или скала, или неизвестно что. И мы прочитали следующее:

ЗА ПОСЛЕДСТВИЯ УМЫШЛЕННОГО НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕ НЕСЕМ.

— Ишь ты! — сказал я. — И какие же, вонючка, могут быть последствия?

Пластина не удостоила меня ответом — на ней остался прежний текст.

— Вы как хотите — а я пошла, — сказала Сара. — Причем, соблюдая все правила. Прodeлав такой путь, я не поверну назад.

— А кто собирается поворачивать?! — удивился я.

«Би-ип!» — пропищало снова, и на пластине появилась надпись:

БЕЗ ГЛУПОСТЕЙ, ВОНЮЧКА.

Сара прислонила свое ружье к скале, прямо под пластиной, и рядом положила патронташ.

— Идем, Хух! — сказала она.

«Би-ип!» — и пластина изобразила:

ЭТОТ МНОГОНОГИЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО БИОЛОГИЧЕСКИЙ?

— Знай же, вонючка! — яростно прогудел Хух. — Я высижен по всем правилам!

НО ТЕБЯ НЕСКОЛЬКО.

— Меня трое! — с достоинством ответил Хух. — Перед тобой мое второе «я». Оно выше первого, но во многом уступает третьему.

Текст исчез. Казалось, кто-то или что-то размышляет.

«Би-ип!» — прозвучало наконец, и появилась надпись:

НАШИ ИЗВИНЕНИЯ, СЭР. ПРОХОДИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА.

Сара вопросительно посмотрела на меня.

— Ну?

Я бросил оружие на землю.

Она шла первой, и я не возражал. В конце концов, это был ее бенефис и ее денежки. Хух легко катился за ней. А я тащился сзади.

Мы спустились по тропе вниз, почти в потемках — так как нависающие над нами скалы заслоняли свет. Мы прошли по канаве шириною около трех футов. Затем канава резко повернула, и впереди вспыхнул свет.

Оставив за собой камни и темноту, мы ступили на обетованные пределы.

Глава 19

Перед нами был вид Древней Греции, о которой я читал в школе, когда нам прививалась любовь к истории Земли. В те годы я плевал и на колыбель человечества, и на ее содержимое. Но концепции этого древнего народа поразили меня своим совершенством... Потом я, конечно, забыл о них и никогда больше не вспоминал. И вот теперь передо мной снова лежал школьный учебник...

Тропа не кончилась. Под шум сверкавшего на солнце ручья, который нещадно грохотал по уступам, она бежала по долине.

Ландшафт был довольно суров, но каменистую почву то тут, то там оживляла зеленая заплатка с деревцом-загогулиной.

Тропа то приближалась к ручью, то отдалялась от него, огибая встречные камни. А в вышине, на почти неприступных склонах, виднелись игрушечно маленькие, сложенные из мрамора, поразительные по благородству линий домики.

Даже солнце казалось здесь греческим — во всяком случае, именно таким я представлял его. Исчезла голубизна плато, исчезли мрачные тени, и был только чистый, безудержно льющийся на бесплодную почву солнечный свет.

Это было оно — место, которое мы искали, сами того не зная. Искомое могло оказаться и человеком, и вещью, и даже идеей. Мы тыкались наугад — и вот... Правда, в этой долине можно было обнаружить еще и человека, или могилу его, а может быть, какие-то следы, способные нам поведать о случившемся с этим легендарным странником.

При одном взгляде на долину уже невозможно было подумать, что тропа, приведшая нас сюда, могла иметь какой-то другой конечный пункт.

С тех пор, как мы вышли из холодного полумрака под эти греческие лучи, никто из нас еще не проронил ни слова. Слов просто не было. И когда Сара двинулась дальше, Хух и я молча последовали за ней.

Мы обнаружили узкую тропинку, тянувшуюся к первой из вилл, которая стояла на склоне горы, почти нависая над потоком. Чуть в стороне от тропинки стоял столб с прикрепленной к нему дощечкой. На дощечке было что-то написано, но что — мы не могли разобрать.

— Табличка с именем? — остановившись, спросила Сара.

Я кивнул. Это вполне могло быть именем какого-то существа, живущего там, наверну, на вилле.

Табличка-то была, но никаких признаков чьего бы то ни было обитания не проявлялось. Нигде никто не шевелился, не выглядывал ниоткуда и не летал над нами. Не было слышно жужжания насекомых или насекомоподобных. По-видимому и слышимому, единственными живыми существами здесь были мы.

— Да, — сказала Сара. — Скорее всего, это действительно табличка с именем...

— Допустим, — ответил я. — Допустим и пойдем дальше. Поищем табличку с именем Лоуренса Арлена Найта.

— Даже теперь вы не в состоянии отнестись к этому серьезно! — возмутилась она. — То, по-вашему, он уже умер, то и не жил никогда, то еще что-то...

— Я могу, конечно, ошибаться, Сара, но здесь нет ничего, представляющего для нас хоть какой-то интерес. И это была ваша идея...

— Против которой вы были с самого начала!

— Захвачен я ею не был, что правда — то правда...

— Мы проделали такой путь?.. — жалобно воскликнула она.

— Ладно. В конце концов, мы ничего не теряем. Давайте в самом деле пойдем и рассмотрим все надписи.

И мы пошли, то сбегая по скатам вниз, то карабкаясь вверх. Нам попадались столбики с табличками, на которых были начертаны неведомые нам знаки — если это вообще были знаки. Солнце палило, прозрачный поток разбивался о камни, и брызги искрились. Но все остальное сохраняло прежнюю неподвижность.

Очередная табличка крупными печатными — и главное, понятными — буквами извещала: ЛОУРЕНС АРЛЕН НАЙТ.

Это было, конечно, форменным безумием. Невозможно пересечь всю Галактику и наткнуться на того, кого искал. Невозможно найти человека, давно умершего. Невозможно оживить легенду... Тем не менее перед нами красовалась надпись: ЛОУРЕНС АРЛЕН НАЙТ...

И тут меня осенило! Это не жилище, а могила! Гробница!

— Сара! — воскликнул я, но она уже карабкалась вверх, возбужденно всхлипывая и радуясь счастливому итогу напряженных поисков...

А потом на крыльце этого белоснежного строения, сверкавшего перед нами, вышел человек. Это был глубокий, но еще крепкий старик с серебристой бородой и широкими плечами. Белая хламида не вызывала никакого удивления. С такой осанкой можно было носить только хламиду.

— Сара! — снова крикнул я и вместе с Хухом поспешил за ней.

Она ничего не слышала. Она ни на что не обращала внимания.

— Гости?! — воскликнул старик, выкидывая руку в нашу сторону. — Мои соплеменники?! Мог ли я думать, что увижу их вновь!

Его голос рассеял мои последние сомнения. Это не было ни миражом, ни призраком. Это был просто человек, приветствующий нас своим глубоким басом.

Сара протянула ему обе руки, он сжал их — и они оба застыли, глядя друг другу в глаза.

— Вероятно, это был долгий путь, — пророкотал старик. — Очень долгий. Тропа длинна, трудна, и никто ничего не знает... Но вы-то как узнали?!

— Сэр, — все еще тяжело дыша, сказала Сара, — вы, должно быть, Лоуренс Арлен Найт, не так ли?

— Ну да! — подтвердил старик. — Он самый! А кого же вы предполагали тут увидеть!

— Кого?.. — задумчиво повторила Сара. — Конечно, вас. Но мы могли только мечтать об этом...

— А кто эти ваши милые спутники?

— Капитан Росс и Хух, наш преданный друг, — представила нас Сара.

— Весьма польщен, сэр! — отвесив Хуху поклон, сказал Найт, после чего повернулся ко мне, и мы обменялись рукопожатиями. Пергаментную кожу его крепкой руки покрывало множество темных пятен.

— Добро пожаловать, капитан! Места хватит для всех! И для молодой леди, имени которой я, к сожалению...

— Сара Фостер, — торопливо сказала Сара.

— Подумать только! — воскликнул Найт. — Я больше не одинок! Как бы прекрасно все ни было, мне всегда не хватало звуков человеческой речи и человеческих лиц! Здесь, конечно, множество существ, добрых и тонко чувствующих, но потребность видеть сородичей неистребима!

— Как давно вы здесь? — спросил я, пытаюсь вспомнить, на какую же глубину уходит в прошлое легенда об этом человеке.

— Когда ты используешь каждый день в полной мере, когда с вечера нетерпеливо ждешь утра — отсчет времени не ведется. Минута становится частью вечности... Я много думал об этом и должен сказать, что не уверен в реальном существовании времени. Это абстрактное понятие, грубая измерительная линейка, перспективная структура, существующая далеко не во всех умах — но в тех лишь, которым необходимо поместить себя в так называемые пространственно-временные рамки. Время как таковое прячется в вечности, и невозможно найти ни начала его, ни конца.

Они не существовали никогда... Ну, а в моем случае тщательное измерение нелепо нарезанных ломтиков вечности — работа вовсе бессмысленная. Да и не нарезаются ломтики...

Он все говорил и говорил, а я, стоя между двумя мраморными колоннами, бросал рассеянные взгляды вниз, на долину, и думал: уж не тронулся ли старик от своего одиночества?.. Правда, все здесь действительно наводило на мысли о вечном, даже олицетворяло его. Я, конечно, не знал, как должна выглядеть вечность, но казалось, что именно так...

— Простите мне такую бессвязность, — остановился вдруг Найт, — но беда в том, что во мне накопилось слишком много невысказанного... Однако не все сразу. Вы и так, я вижу, утомлены. Не угодно ли зайти в дом?..

И мы вошли, мы погрузились в это классическое, умиротворенное изящество.

В доме не было окон, и солнечные лучи косо лились сверху, освещая великолепные стулья и софу, письменный стол с деревянной шкатулкой и разбросанными листами бумаги на нем, изысканный чайный сервиз на столике поменьше.

— Прошу вас, садитесь! — сказал Найт. — Я надеюсь, вы сможете уделить мне какое-то время?

«Так ведь его не существует!» — мысленно возразил я.

— Конечно же сможете! — ответил он сам себе. — Ведь вы располагаете всем существующим временем! Пришедшему сюда уже некуда спешить! У него даже не возникает желания уйти куда бы то ни было?..

Его монолог был гладким и понятным, как в добротной пьесе. Причина, по которой открылись его речевые шлюзы, не представляла загадки тоже. Одиноким старик неожиданно-негаданно получил возможность выговариваться. И все же, при всей этой ясности, я чувствовал какое-то смутное беспокойство...

— И для вас здесь, конечно же, места хватит, — продолжал Найт. — Многие жилища пока пустуют, так как добраться сюда не так-то просто. Через пару деньков я покажу вам окрестности, и мы кое-кого навестим. Нанесем, так сказать, официальные визиты.

Без этого не обойтись — этикет у нас чтут. Однако в дальнейшем вы будете совершенно избавлены от необходимости делать визиты, если они вам окажутся в тягость... Здесь, должен вам сказать, живет избранная публика, представители самых различных уголков Вселенной. Кого-то вы найдете забавными, кого-то — занудливыми, и в их поступках будет очень много непостижимого для вас. Порою вы даже будете неприятно шокированы. Старайтесь в таких случаях быть терпимыми к чужому своеобразием...

— А что это за место? — поинтересовалась Сара. — Как вы узнали о его существовании и как...

— Что это за место?... — глубоко вздохнув, переспросил Найт и умолк.

— Да, что это за место, собственно? — настойчиво повторила Сара. — Как оно называется?

— Ну-у... Вы знаете, я никогда не интересовался этим. Не думал об этом и никого не спрашивал.

— То есть, прожив здесь столько времени, вы не поинтересовались — где вы находитесь?! — удивился я.

Он посмотрел на меня с таким испугом, будто я призывал его к восстанию.

— А зачем?! Зачем интересоваться?! Что мне в этом названии?!

— Простите, — сказала Сара. — Простите нас. Мы не хотели вас обидеть.

Она-то, может быть, и не хотела его обидеть, а вот я был не прочь. В этом случае, возможно, он разрешился бы хоть чем-то толковым...

— Вы упомянули о наполненности каждого вашего дня, — сказал я. — Какого она рода?

— Майк! — одернула меня Сара.

— Но я хочу знать! — воскликнул я. — Созерцает ли он целыми днями свой пуп — или же...

— Я пишу, — сказал Лоуренс Арлен Найт.

— Снова вынуждена принести свои извинения, сэр, — вмешалась Сара. — Допрос — не лучшая форма беседы.

— Не для меня, — сказал я. — Не для невежи, желающего получить несколько вразумительных ответов. Он говорит, что никто из попавших сюда не

желает никуда уходить! Он говорит также, что его дни заполнены до предела! Так вот. Если нам суждено застрять здесь окончательно, я хотел бы узнать...

— Каждый, — мягко прервал меня Найт, — делает здесь то, к чему имеет склонность. И делает исключительно ради собственного удовлетворения. Других мотивов нет. Лишь радость, доставляемая хорошо сделанной работой. Нет никакого экономического или социального давления. Деньги, признание, слава — все это теряет здесь смысл. Твой судья — ты сам.

— И поэтому, значит, вы пишете?

— Я пишу, — ответил Найт.

— И что же такое вы пишете?

— То, что хочу. Я излагаю свои мысли, стараясь выразить их как можно точнее. Я пишу, и переписываю, и снова пишу. Мне хотелось бы запечатлеть весь опыт моей жизни и понять: что я за существо и почему я именно такой... Мне хотелось бы продолжить...

— Ну, и как успехи? — нетерпеливо спросил я.

Он кивнул на шкатулку.

— Все в ней. Все, что я пока успел. Работа отнимает достаточно много времени, но приносит несравненно больше наслаждения. Конечно, чтобы завершить этот труд — если только я успею его завершить — понадобится не день и не два. Но ведь в моем распоряжении все существующее время?.. Тут у нас и рисуют, и сочиняют музыку, и исполняют ее, и занимаются такими вещами, о которых я и не подозревал прежде! Один из моих ближайших соседей, весьма необычное существо, разрабатывает невероятно сложную игру со множеством фигур и фишек, помещаемых на четырехмерную доску и...

— Перестаньте! — закричала Сара. — Вы не должны отчитываться перед нами!

Умолкнув, она испепелила меня взглядом.

— Ну почему же... — удивился Лоуренс Арлен Найт. — По-моему, это может представлять для вас определенный интерес... Здесь так много удивительного! И я прекрасно понимаю, сколько вопросов может возникнуть у только что прибывшего к нам...

— Майк, — сказал Хух.

— Тихо! — сердито прошептала Сара.

— Это трудно объять сразу, — продолжал Найт. — Очень трудно... Почти невозможно, например, уяснить себе даже то, что время здесь застыло и что — несмотря на регулярное появление и исчезновение света, благодаря которому мы получаем наши искусственные дни — время неподвижно. «Вчера» едино с «сегодня» и «завтра». Мы погружены в неподвижный океан вечности, где исключена тирания минут и...

— Майк! — протрубил Хух, уже не сдерживаясь.

Я вскочил. Вслед за мной поднялась Сара. И едва мы это сделали, произошла странная перемена.

Мы стояли в грязной лачуге с дырявой крышей, кривыми стульями и треногим, прислоненным к стене, столом, на котором, среди раскиданных бумаг, стоял деревянный ящик.

— Это за пределами человеческого сознания, — продолжал разглагольствовать Найт. — Это действительно за его пределами... Мне иногда кажется, что кто-то, когда-то и каким-то образом увидел это место, проникся его смыслом и назвал небесами...

Он был стар. Он был невероятно стар. Он был омерзительным живым трупом с ввалившимися щеками и гнилыми зубами. Сквозь огромную дыру его негнувшегося от грязи халата видны были ребра, выпирающие, как у истощенного коня. Руки его стали когтистыми лапами. Борода слиплась от слюны. И только в полузакрытых глазах была странная, неумемая живость...

— Сара!! — закричал я испуганно, увидев ее все так же почтительно, благоговейно внимающей звукам, извергаемым грязной развалиной, скукожившейся на колченогом стуле.

— Сейчас, Майк, — бросив на меня недовольный взгляд, сказала она.

Я понял, что перед ней все тот же, прежний Найт! Что она ничего не заметила и все еще находится во власти дурмана, заманившего нас сюда, в эту ловушку!

Теперь я действовал очень быстро, почти не размышляя. Ударив Сару по челюсти, безжалостно и точно, я подхватил ее, уже падающую, и перекинул через плечо. Взглянув мельком на Найта, я увидел, что

он отчаянно пытается слезть со своего стула, в то время как рот его продолжает выплевывать слова.

— В чем дело, друзья мои? Может быть, я невольно обидел вас? Так трудно порою понять нравы некоторых людей... Одно неловкое слово и...

Отвернувшись, я увидел на столе все тот же деревянный ящик и протянул к нему руку.

— Майк! — умоляюще прогудел Хух. — Мы не можем медлить! У нас даже нет времени для приличествующих случаю церемоний! Бежим отсюда с максимальным проворством!

И мы побежали с максимальным проворством.

Глава 20

Мы мчались без оглядки. И только перед тем, как нырнуть в каньон, ведущий к воротам, я все же оглянулся...

Сара, уже пришедшая в себя, визжала и молотила меня кулаками по спине. Но я крепко держал ее одной рукой, другою сжимая все же захваченный ящик.

Когда мы выбрались из каньона, Роско и Пэйнт стояли в тех же позах, в которых были оставлены. Прислоненное к скале ружье Сары и мой меч со щитом тоже никуда не делись.

Я сбросил Сару на землю без всякого почтения. Получив столько ударов руками и ногами, я мог себе это позволить.

Бледная от гнева, она так и осталась сидеть. Рот ее открывался и закрывался, но ничего, кроме «ты! ты! ты!», из него не вылетало. Всегда защищенная денежками, она, вероятно, впервые испытала такое унижение.

Я стоял, тяжело дыша от этого бешеного бега и от побоев этой сумасшедшей, стоял и думал о том, что увидел, оглянувшись...

— Ты ударил меня! — сложила наконец слова оскорбленная Сара.

Сложила и выжидающе умолкла. А выжидать было нечего. Я не знал, что ответить, и у меня не было сил на ответ. Наверное, Сара надеялась, что я стану все

отрицать, и тогда на меня можно будет накинуться не только как на хулигана, но и как на лжеца.

— Ты ударил меня! — закричала она опять.

— Ты чертовски права. Ударил, — сказал я. — Потому что ты кое-что не видела и стала бы спорить со мной... Оставаться там было нельзя.

— Мы нашли Лоуренса Арлена Найта! — вскочив, возопила Сара. — Мы обнаружили райское место! После долгого пути мы нашли то, что искали! И теперь...

— Вина лежит на мне, благородная леди, — сказал Хух. — Я уловил это краешком моего третьего «я» и показал Майку. Моих сил не хватило на то, чтобы это увидели и вы...

— Ах ты, грязная скотина! — возмутилась она и пнула Хуха ногой.

Удар пришелся в бок — Хух перевернулся и стал беспомощно сучить своими маленькими ножками.

Сара тут же упала перед ним на колени и заплакала:

— Прости меня! Мне стыдно! Мне очень жаль, что так получилось! — А затем поставила пострадавшего на ноги.

— Майк! — жалобно воскликнула она. — О, Майк?.. Что же такое произошло с нами?

— Надули нас, вот что, — сказал я. — Других объяснений быть не может. Околдовали.

— Добрейшая! — воскликнул Хух. — Я не в обиде на вас! Такой реакции мне следовало ожидать!

— Видать, кидать, не дать, рыдать, — добавил Роско.

— Заткнись! — крикнул ему Пэйнт. — Свихнуться можно от твоей тарабарщины!

— Это была иллюзия, — сказал я Саре. — Там нет никаких мраморных вилл — одни лишь грязные лачуги. И ручей, который виделся нам прозрачным, на самом деле засорен отбросами. От него поднимается непереносимая вонь. А Лоуренс Арлен Найт — если это действительно он — имеет вид покойника, оживленного неизвестно каким способом...

— Нас совсем не оберегают здесь, — сказал Хух.

— Мы нарушители границы! Мы не должны улететь с этой планеты — потому что иначе расскажем о ней другим! Это же гигантская мухоловка! Как только мы

оказались поблизости, она заманила нас своим сигналом! А потом нам подкинули другую мухоловку, поменьше, использовав нашу склонность к серьезному восприятию мифов.

— Но ведь Найт, — сказала Сара, — преследовал свой миф еще там, в пределах Галактики!

— Как и мы! Как и те гуманоиды, чьи кости лежат в овраге! Видишь ли, в ловушках для насекомых иногда используются запахи, имеющие почти неограниченный радиус действия. Здесь же вместо запахов — легенды.

— Но этот человек, Найт или не Найт, был явно счастлив! Полон жизни! Его дни были насыщены делом, и он был уверен, что попал именно туда, куда ему хотелось?.. Может быть, ты все-таки ошибся? Или Хух просто подшутил над тобой?

— Не подшутил, — сказал Хух, — а дал реальное изображение.

— Реальное? Если Найт счастлив, и у него есть дело, и жизнь его полна смысла, и время над ним не властно...

— Ты хочешь сказать, что мы могли остаться? — спросил я.

Она кивнула.

— Ведь там было место и для нас... Можно было бы поселиться в одном из этих строений и...

— Сара! Ты действительно хотела бы этого? Ты хотела бы улечься на это воображаемое облачко? И никогда больше не увидеть Землю?..

Она хотела что-то сказать, но передумала.

— Ведь нет же! — продолжал я. — Там, на Земле, тебя ждет твой дом, набитый охотничьими трофеями — ты ведь у нас великий охотник! Гроза свирепых хищников! Эти шкуры и головы, собранные по всей Галактике, давали тебе известное положение, делали тебя романтической фигурой! Но вот беда — людям, в конце концов, это приелось! Они стали зевать! И чтобы их как-то взбодрить, ты решила поохотиться за чем-то совершенно иным...

Рука Сары, описав неотразимую дугу, звонко шлепнула меня по щеке

Я усмехнулся.

— Теперь мы квиты!

Глава 21

Мы повернули назад и шли по той же тропе, которая привела нас сюда, — через голубое плато. Горы, фиолетовые гиганты, были теперь за нашими спинами.

Шума, который подняла Сара из-за всего случившегося, конечно, следовало ожидать... Я и теперь не был убежден, что она поверила всему сказанному мной — скорее всего, не поверила. Мои слова остались для нее только словами, а покинутая долина — чудесным местом с мраморными вилами, весело журчащим ручьем и ярким солнцем. Если бы ей довелось побывать там снова, именно это она и увидела бы. Колдовство все еще действовало на нее...

У нас не было никакого плана, и нам некуда было идти. Желания снова увидеть пустыню не возникало. Огромный белый город тоже не манил. Не знаю, что думали Хух и Сара, но в моей голове была единственная мысль: уйти как можно дальше от этих ворот и от этой долины...

Я уже успел забыть голубизну плато, мшистые холмики, сладко пахнувший кустарник, ледяные ручьи и деревья, воткнутые в небо. То, что планета была закрытой, связывалось у меня каким-то образом именно с этими деревьями. Потому, может быть, что они обнаруживали чью-то работу? Ведь самостоятельно

они никак не расположились бы с такой правильностью?.. Вместе с тем, я ловил себя на мысли, что смотрю на эту правильность уже без прежнего недоумения, не пытаюсь разгадать ее причину. Мозг защищал себя от непосильных вопросов...

Ночью, сидя у костра, мы вяло размышляли о наших перспективах. Надежды проникнуть в корабль вроде бы не было. Там, на поле, стояло с дюжину других кораблей, и, вероятно, не первый год. Их, должно быть, тоже пытались взломать, но ничто не говорило о хотя бы одной успешной попытке... Неясной оставалась судьба экипажей этих кораблей. Мы знали — в общих чертах, конечно — о случившемся с гуманоидами, чьи кости лежали в овраге. Мы могли также предположить, что кентавры — мутировавшие потомки инопланетных существ, прилетевших сюда много веков назад... Планета довольно крупная, с гораздо большей, по сравнению с Землей, площадью суши. Пришельцы вполне могли отыскать на ней пригодную для себя нишу. А некоторые, возможно, поселились в городе, если только эти вибрации для них не смертоносны... Был еще один вариант. Экспедиции могли состоять только из мужчин — из самцов, точнее говоря. И они просто вымерли...

— Не исключено, — сказала Сара, — что кто-то из них живет там, в долине, как Найт.

Я кивнул. Долина была последней ловушкой. Если только гость не погибал по дороге, она захлопывалась за ним безотказно. Идеальны ловушки, из которых не хочется выбираться... Вряд ли, конечно, все прилетевшие искали то, что искал Лоуренс Арлен Найт, или то, что искали мы. Их могли привести сюда совершенно другие причины...

— Ты уверен, что действительно видел это? — спросила Сара.

— Ну что я должен сделать, чтоб ты мне поверила! — воскликнул я. — По-твоему, я просто хотел насолить тебе, да? Ты думаешь, что самому мне счастье противопоказано? Что после всех этих миль, которые...

— Да, конечно, — согласилась она. — У тебя не могло быть никакой другой причины... Но почему ты все видел, а я не видела?!

— Хух тебя все объяснил! Он мог предупредить только одного из нас. И он предупредил меня...

— Майк — часть меня, — сказал Хух. — Мы связаны друг другу жизнью. Это нас связало. Его сознание всегда во мне. Мы с ним почти одно...

— Чудно! На дно! — торжественно произнес Роско.

— Уймись! — прикрикнул на него Пэйнт. — Перестань пороть эту чушь!

— Туш!

— Этот почти человек хочет поговорить с нами, — сказал Хух.

— Его мозг поврежден, — сказал я. — В этом вся беда. Кентавры...

— Нет, он пытается контактировать, — настаивал Хух.

Повернувшись к Роско, я очень внимательно на него посмотрел. Тот стоял прямо и неподвижно. Пламя костра играло на его металлическом корпусе. И тут я вспомнил, что ведь это он указал нам дорогу на север. Значит, он еще соображает? И возможно, сейчас что-то хочет сообщить нам, но не может?..

— Хух! Не можешь ли ты что-то извлечь из него?

— Не в силах, Майк.

— Да разве не ясно, что ничего из этого не выйдет?! — возмутилась Сара. — И что мы никуда отсюда не улетим... Так и останемся здесь навсегда...

— Можно попробовать еще один вариант, — сказал я.

— Знаю. Другие миры. Вроде песков, в которых мы уже побывали. Их тут, должно быть, сотни...

— И один из этих сотен, возможно...

Она покачала головой.

— Невозможно. Ты недооцениваешь существ, построивших этот город и посадивших деревья. Они знали свое дело. Каждый из миров изолирован не менее надежно, чем этот. Иначе все потеряло бы смысл.

— А не думаешь ли ты, что в одном из миров живут строители города?

— Не знаю. Но даже если живут — что с того? Они раздавят тебя, как букашку!

— Да... — согласился я. — Ну, так что же предпримем?

— Лично я могла бы вернуться в долину. Как не видевшая того, что видел ты. И вероятно, не способная увидеть.

— Если ты мечтаешь о такой жизни, то конечно...

— Конечно! Потому что жизнь в долине была для меня вполне реальной! Кстати, ты уверен, что теперешняя наша жизнь реальна? Тебе известны какие-то критерии реального?

Ответить на этот вопрос было невозможно. Я не знал критериев реальности. Лоуренс Арлен Найт выбрал для себя псевдожизнь в ирреальной долине. И эта жизнь виделась ему такой же наполненной, как если бы она была реальной. И все обитатели долины пребывали в том же счастливом заблуждении... Интересно, а как объяснил Найт наш внезапный уход? Наверное, придумал какую-то хитроумно естественную причину, которая не могла бы вывести его из равновесия, не потревожила бы его сладкий сон...

— Пожалуй, ты могла бы там прижиться, — сказал я. — Но мне это не подходит...

Мы сидели у костра и молчали, потому что говорить было уже нечего. Спорить с ней, что-то доказывать мне не хотелось. Я понимал, что все это говорится не всерьез и к утру забудется. Восторжествует здравый смысл, и мы двинемся дальше. Только вот куда?..

— Майк, — тихо сказала она.

— Что?

— У нас с тобой могло бы что-то получиться — там, на Земле... Мы одного типа.

Я пристально вглядывался в ее лицо. Странная мягкость была в нем.

— Ты ничего не говорила, — строго сказал я. — И это не в моих правилах — приставать к нанимателям.

Я ожидал, что она взорвется, но обошлось. Даже не поморщилась.

— Ты прекрасно знаешь, Майк, что я говорила не об этом... Но путешествие все испортило. Мы слишком хорошо узнали друг друга. До отвращения хорошо... Прости, Майк.

— И ты прости меня...

Утром она исчезла.

Глава 22

— Ты ведь не спал! — накинулся я на Хуха. — Ты видел, как она уходила! И не разбудил меня!

— Для чего? Для чего я должен был тебя будить? Ты все равно не удержал бы ее!

— Я вбил бы немножко ума в ее голову!

— Ты не удержал бы ее, — повторил Хух. — Это судьба, Майк. Это ее собственная судьба. Вмешиваться нельзя. И у Джорджа своя судьба, и у Тука своя, и у нее. И моя судьба — моя, ничья больше.

— К черту судьбу, — заорал я, — если она такое вытворяет! Мало того, что исчезли Джордж с Туком, так теперь я еще должен идти и вытаскивать Сару из...

— Не должен! — зло прогудел Хух. — Не должен ты ее вытаскивать! У тебя мало понимания, Майк... Ты не понимаешь, что это дело — не твое...

— Но она сбежала от нас!

— Тогда Тук с Джорджем — тоже сбежали.

— С Джорджем и Туком было все по-другому...

— Мой друг! Друг мой! — воскликнул Хух. — Я рыдаю по тебе!

— Оставь эти idiotские сантименты, — сказал я раздраженно. — Не заставляй меня снова на тебя орать.

— Разве это так плохо? — удивился Хух.

— Не то слово.

— Я надеюсь дожждаться, — сказал он.

— Чего? — спросил я. — Или ты о Саре? Разве не понятно, что я отправляюсь за...

— Не о Саре. О себе. Я надеюсь дожждаться, но уже не могу ждать.

— Перестань говорить загадками. Что случилось?

— Сейчас я тебя покину, — сказал Хух. — Мне пора переходить в третье «я».

— Сколько я тебя знаю, Хух, столько ты талдычишь о своих номерных «я»...

— Да! У меня три фазы! — торжественно провозгласил он. — Сначала первая, затем вторая, и в конце — третья...

— Минуточку, минуточку... Ты, значит, у нас вроде бабочки? Гусеница, куколка и...

— Я не знаю о бабочке.

— Но за свою жизнь ты бываешь тремя различными существами?

— Мое второе «я» продлилось бы чуть дольше, — грустно сказал он, — если бы я не потревожил третьего — для того, чтоб рассмотреть Найта.

— Прости, Хух!

— Ничего. Третье «я» — это радость. Оно очень желанно. Ожидание его переполняет меня счастьем.

— Ладно, черт побери. Если так, валяй в свое третье. Я не против.

— Третье «я» — это удаленность, Майк. Оно не здесь. Оно где-то... Не знаю, как тебе объяснить. Я горюю по тебе и горюю по себе. Меня печалит расставание. Ты дал мне жизнь, и я дал тебе жизнь. Мы очень сблизились. Мы шли с тобой рядом через все опасности и научились понимать друг друга без слов. Я бы разделил свою третью жизнь с тобой, но это невозможно...

Шагнув к нему, я упал на колени и протянул руки навстречу его щупальцам. Соприкоснувшись, мы стали одним целым. На какой-то миг я увидел потаенные пределы его сущности — то, что он знал, что помнил, на что надеялся, о чем мечтал... А еще на миг мне открылись его предназначение и непостижимая структура его общества... Этот гремящий поток информации и эмоций хлынул в мой мозг, тут же его переполнив...

А потом все исчезло. И рукопожатие тоже. И сам Хух. Я стоял на коленях с протянутыми в пустоту руками. В голове чувствовался холод, а лоб был в испарине. Ко мне возвращался этот голубой мир, этот потухший костер и этот дурацкий робот.

Поднявшись на ноги и оглядевшись вокруг, я попытался вспомнить — чем же таким особенным была только что наполнена моя голова. Но ничего я не вспомнил. Наверное, мозг упрятал это поглубже или вовсе стер. Наверное, он защитил себя от перегрузки...

Пошатываясь и спотыкаясь, я приблизился к темным уголькам и, сев на корточки, поворошил их. Из глубины вскоре выглянула тлеющая головешка. Оставалось только подложить к ней тоненьких щепок — и вот уже закружилась струйка дыма и задрожал маленький огонек.

Сидя в тишине у костра, я подбрасывал в него сухие ветки и думал о своем одиночестве. Допрыгались, думал я... Из четырех человек и одной многоножки остался минимум... И никчемный робот в придачу... Я был близок к тому, чтобы пожалеть себя, но вовремя вспомнил, что это не первая передрыга в моей жизни и что одиночество — мое привычное состояние... Из-за исчезновения Тука с Джорджем, конечно, не стоило горевать. Хух — другое дело. О нем можно было и всплакнуть. Не о нем, вернее, а о себе — ведь он-то переселился во что-то лучшее... Сара, так много значившая для меня, ушла — туда, куда ее тянуло... И тут я понял, что Джордж с Туком — они ведь тоже ушли, куда им хотелось! У каждого было место куда уйти! У всех, кроме меня!

Как быть с Сарой? — думал я. Вернуться в долину и вытащить ее оттуда, терпя брыканье и вопли? Или сидеть на месте и ждать, когда она одумается и прибежит сама? Как же, прибежит... Или просто послать ее к черту и отправиться по тропе в сторону города?.. Последний вариант можно было избрать с совершенно чистой совестью. Свою работу, оговоренную контрактом, я выполнил. И даже лучше, чем можно было ожидать. Несмотря на всю сумасбродность затеи, мы нашли Лоуренса Арлена Найта. Вс-

оказались правы, а я — неправ. За что и сидел теперь один, как дурак, не зная, куда приткнуться...

Послышалось какое-то позвякивание, и, подняв глаза, я увидел, как ко мне подходит и подсаживается рядом Роско. Словно собирается предложить мне свою дружбу.

Усевшись поудобней, он протянул вперед руку, разровнял плоской ладонью землю перед собой, затем большим и указательным пальцами аккуратно поправил поникшую травку и еще раз провел рукой по только что разглаженной поверхности.

Я зачарованно наблюдал. Мне было интересно, что же он задумал, но спрашивать не имело смысла. Он разразился бы обычной чушью.

Выставив указательный палец, он нарисовал на земле короткую волнистую линию, а потом еще несколько непонятных знаков. Мне показалось, что он пишет какую-то математическую или химическую формулу, вроде тех, что я видел, листая как-то один научный журнал.

Не в силах больше сдерживаться, я крикнул:

— Что это, черт бы тебя побрал?!

— Врал, драл, крал, трал, — традиционно начал он и вдруг продолжил уже не в рифму, но все так же, насколько я мог понять, бессмысленно: — валентная связь функции волны равняется продукту функций асимметрично пространственной волны, а также функциям асимметричной волны, в то время как спин обеих асимметрично волновых функций...

— Стоп! — крикнул я. — В чем дело, Роско? Ты, измучивший нас своими идиотскими рифмами, говоришь теперь, как заправский профе...

— Графе, дрофе, софе! — отозвался он радостно и снова углубился в работу.

Писал он уверенно, не раздумывая, с видимым знанием дела. Заполнив гладкое пространство своими символами, он тут же стер их и принялся писать снова.

Затаив дыхание, я ждал. Ситуация уже не казалась мне такой комичной, как вначале. Тут происходило что-то очень важное.

Внезапно пишущий палец замер.

— Пэйнт, — сказал Роско, не подкрепив это слово никакими рифмами. — Пэйнт, — повторил он.

Я вскочил на ноги, и робот поднялся тоже. По тропе, грациозно подпрыгивая, к нам спешил Пэйнт. Он был один, без Сары.

— Хозяин! — сказал Пэйнт, остановившись перед нами. — Я вернулся и жду ваших приказаний! Она сказала вам «до свидания», она велела передать: «Да благословит вас Всевышний». Не понимаю, что это значит... Она сказала: «Надеюсь, что он благополучно вернется на Землю». Не могли бы вы, сэр, объяснить смиренному существу, что такое Земля?

— Земля — это родная планета нашей расы, — сказал я.

— Не могли бы вы, доблестный сэр, взять меня с собой?

— Почему ты хочешь отправиться на Землю?!

— Вы милосердны, сэр, — ответил он. — Придя в страшное место, вы не убежали прочь. Я был в очень стесненном положении, но вы освободили меня, проявив изысканную любезность. Мне не хотелось бы расстаться с вами по собственной воле.

— Спасибо тебе, Пэйнт, — сказал я.

— Значит, я следую с вами до Земли?

— Нет, не следуешь.

— Но ведь вы сказали, сэр...

— Для тебя здесь есть еще кой-какая работенка, Пэйнт.

— С радостью отплачу вам за ваше доброе дело, сэр, но я так желал бы попасть с вами на Землю!

— Ты отправишься назад, — сказал я, — и будешь ждать Сару.

— Но она сказала «до свидания» очень понятно! Было похоже, что она прощалась!

— Ты будешь ждать ее! — повторил я. — Я не хочу, чтобы она не имела возможности вернуться.

— Вы думаете, что она захочет уйти оттуда?

— Не знаю.

— Но я должен ее ждать?

— Именно так.

— Я буду ждать! — жалобно воскликнул он. — Вы полетите на Землю, а я буду еще ждать! Буду

ждать вечно, может быть! Если она вам нужна, добрейший сэр, то почему вы не вернетесь и не скажете ей это?

— Не могу. Хотя она и жуткая дура — у нее должен быть шанс. Как у Джорджа и Тука.

Сказав это, я удивился собственным словам. Решение, конечно, принять следовало. Но я принял его, совершенно не задумываясь, инстинктивно! Как будто это произошло не по моей воле, как-будто это сделал некто, стоящий в сторонке. Хух, например... Я вспомнил о его просьбе не вмешиваться, не идти в долину, не вытаскивать Сару оттуда. Как же много оставил мне Хух перед своим уходом?... Я вновь попытался что-то вспомнить, но кроме руки, обвитой щупальцем, память не предлагала мне ничего...

— Тогда я возвращаюсь, — сказал Пэйнт. — Возвращаюсь, полный грусти, но послушный. Там, конечно, не Земля — однако и не овраг...

Он повернулся, чтоб уже идти, но я, остановив его, приторочил к седлу ружье и патронташ.

— Оружие она оставила для вас, — сказал Пэйнт. — Ей оно не понадобится.

— Если уйдет оттуда — понадобится, — возразил я.

— Не уйдет. Вы знаете, что не уйдет. Когда она подходила к скалам, ее глаза сияли.

Я не ответил ему. Я стоял и смотрел, как он, повернувшись, удаляется по тропе — медленно, чтобы слышать, если его позовут назад. Но я не позвал его.

Глава 23

В тот вечер, сидя у костра, я открыл ящик, взятый со стола Найта.

За день мы прошли довольно солидное расстояние, хотя каждый шаг стоил мне немалых усилий. Что-то настойчиво и властно звало меня назад. Сопротивляясь, я пытался понять — кому же так хочется удерживать меня. Саре? Или, все же, это не «кто», а «что»? Может быть, собственная мысль о необходимости вернуться и ждать?.. Я чувствовал вину перед Сарой, хотя прекрасно знал, что вовсе не бросил ее — так же, как мы не бросили Джорджа и Тука. Мне казалось, я предал ее, но ведь не предал же?.. Больше всего меня беспокоило то, что она все-таки не поверила нам с Хухом, когда мы рассказали об увиденном в долине. Я должен был убедить ее не возвращаться туда! Но она предпочла фактам свою иллюзию, она не смогла и не захотела понять нас...

А может быть, это Хух тянет меня назад? Может быть, меня терзает именно то, что он успел перелить в мой мозг?.. Я еще раз попытался вытащить из подсознания хоть какой-то обрывок информации, но тщетно...

А если меня удерживает Пэйнт? Ведь я жестоко с ним обошелся, заставив делать мою работу. Не следует ли вернуться и все отменить?.. Я представил себе

бедного Пэйнта, стоящего там, у ворот, тысячу, миллион лет — в ожидании невозможного...

Обуреваемый такими мыслями, я уходил по тропе все дальше и дальше.

Стороннему наблюдателю мы показались бы довольно странной парочкой: один тащился с нелепым мечом, другой, с огромным горбом вещей, не переставая бормотать.

Когда мы остановились на ночлег, и я в поисках съестного стал рыться в одной из сумок — на глаза мне попался ящик Найта. Подумав, я отложил его в сторону, решив пока не отвлекаться.

Роско принес сухих веток и, пока я разогревал на костре ужин, без умолку гундосил — не рифмы на этот раз и не терминологическую белиберду.

— Имея глаз один, ты устрями его в молитве к небесам, — сказал он вдруг. — И солнце одноглазо, однако же весь мир обозревает!

— Роско, — сказал я, опасаясь, что он вот-вот свихнется окончательно. — Извини, но я ничего не слышал. Задумался. Мне хотелось бы узнать...

— И кроткими они бывают... — продолжил он. — Под гнетом бед душа томится. И мы бы плакали, когда б такой нам груз...

— О, Боже! — закричал я. — Поэзия! Уравнений и бессмысленных рифм тебе было мало!

Медленно поднявшись на ноги, он вдруг запрыгал в лязгающей жиге, весело при этом горлая:

— Сгоряча меня ударив, ты сказала: добрый день! все давно уже остыло! надо раньше приходить! видно, раньше не пришел, потому что не хотел! потому что где-то, видно, пообедать ты успел?..

Внезапно остановившись, он сосредоточенно посмотрел на меня и сказал:

— Пел, сел, мел.

Я облегченно вздохнул. Это было, по крайней мере, что-то привычное.

Сумерки сгустились, и над головой снова расцвела Галактика, сначала центральное ядро, а потом тонкие спиральные нити.

Дым от костра, едва поднявшись, подхватывался ветром и исчезал в темноте. Где-то кто-то кудахтал, а прямо под ногами, в траве, сновала невидимая мелюзга.

А не Шекспира ли декламировал этот Роско? Слова, вроде бы, похожи... Хотя, конечно, я не специалист... А если Шекспира — откуда Роско его знает? Может быть, во время долгого полета, а потом — идучи по тропе, Найт читал это вслух?..

Поужинав, я помыл посуду в ручье и отложил ее в сторонке до утра. Роско, сидя у костра, водил пальцем по земле.

Взяв деревянный ящик Найта, я открыл его. Внутри оказалось множество бумажных листов, взяв первый из которых, я прочитал:

«Голубой и высокий. Чистый. Совершенно голубой. Звук воды. Звезды над головой. Земля оголена. Смех в вышине. Голубой смех. Мы действуем неразумно. Думаем, не размышляя...»

Почерк был неразборчивый и очень мелкий. Я с трудом разбирал слова.

«...мелко. Нет ни начала, ни конца. Бесконечность и более того. Голубая бесконечность. Бегущие ни за чем. Небытие есть пустота. Пустота есть отсутствие. Беседа — пустота. Поступки — пустота. Где найти то, что не пусто? Нигде, напрашивается ответ. Высокое, голубое, пустое...»

Это было еще почище тарабарщины Роско. Я скользнул взглядом по странице и увидел все то же. Вытащив из ящика целую кипу листов, я поднес к глазам тот, на котором была пометка: «стр. 52», и прочитал следующее:

«...что далекое есть удаленное. Расстояния глубокие. Не малые, не большие, а глубокие. Некоторые без дна. И не могут быть измерены. Нет такой палки, чтоб измерить. Фиолетовые расстояния самые глубокие. Никто не преодолет фиолетовое расстояние. Оно ведет в никуда. Ему некуда вести...»

Я положил листы обратно и закрыл ящик. Я думал об этом психе, живущем в своей заколдованной греческой долине. И о Саре, живущей теперь там же. О Саре, которая ничего не знала и не желала знать.

Мне захотелось вскочить и закричать. Я еле удерживался от того, чтобы не побежать назад. Но я удерживался. Потому что впервые в жизни думал о ком-то, кроме себя... Вернувшись в долину, Сара сделала свой выбор. Ее влекло туда, где она надеялась обрести счастье. Счастье... Найдь ведь тоже был счастлив, когда писал эту чушь! Укутанный в кокон своего счастья, он считал жизнь вполне удавшейся и даже не подозревал, что все это — обман...

Был бы сейчас рядом Хух! Хотя можно было не сомневаться, что он посоветовал бы не лезть в чужие дела. И добавил бы что-то о судьбе. А что такое судьба? Заложена ли она в генах или только записана на звездах? И неужели все наши поступки предопределены?..

Острое чувство тоски вновь охватило меня, и я придвинулся поближе к костру — словно его тепло могло меня защитить... Из всех моих спутников со мной остался только Роско, и он никак не мог нарушить моего одиночества. Он был по-своему тоже одинок...

Сара, Джордж, Тук и Хух — все они достигли своей еле угадывавшейся цели, осуществили свою мечту. Где-то глубоко внутри они уже знали, где им следует искать, куда идти... А я — знаю?..

Как ни пытался я определить это — ничего не вышло.

Глава 24

Утром мы нашли куклу Тука. Она лежала футах в шести от тропы, на самом видном месте. Было непонятно, как мы не заметили ее раньше. Я попробовал выяснить, не здесь ли мы искали пропавшего Тука, но в памяти моей не застряло никаких ориентиров.

До сих пор мне как-то не приходилось особо всматриваться в эту куклу. Мой взгляд слегка задержался на ней лишь раз — в ту самую ночь, когда мы оказались загнанными в краснокаменное здание. Теперь же у меня была возможность рассмотреть ее основательно, проникнуться всей печалью этого грубо вырезанного лица.

Сработавший куклу был либо дикарем, совершенно случайно придавшим ее лицу такое выражение, либо искусным мастером, сумевшим простейшими средствами передать болезненную растерянность мыслящего существа перед загадками Вселенной.

Лицо было не совершенно гуманоидным, но — достаточно. Его даже можно было принять за человеческое, искаженное, правда, каким-то особым знанием — не тем, к которому стремишься, но тем, что обрушивается на тебя...

Я попытался выбросить ее — и не смог. Кукла как будто приросла ко мне, она явно не собиралась меня отпускать. Прижимая ее к груди одной рукой, другою

я пытался отбросить ее в сторону, но обе руки не слушались меня.

Это было так же, как с Туком, если не считать, что он был добровольной жертвой и видел в кукле какую-то привлекательность, какое-то значение... Но я же всего этого не видел! Возможно, она давала ему то, что он искал, возможно, он видел в ней что-то спасительное — Мадонну, как сказала Сара? Но я-то не видел в ней Мадонну!..

И вот я шел теперь, прижав проклятую куклу к себе и лопаясь от злости на самого себя, уподобившегося презренному Туку...

Мы по-прежнему шагали по голубому плато, и горы позади нас опять превращались в облака. Я размышлял над тем, не была ли заикленность Найта на голубизне, обнаружившая себя в первых же строках его рукописи, отражением, эхом того, что мозолило сейчас мои глаза. Он шел к долине этой же дорогой, и по ней же Роско, брошенный у ворот, добрался затем до города и стал пленником гнома — на свою голову...

Спустя несколько дней — скорее, от скуки, чем из любопытства, я опять вытащил рукопись. Я начал с первого листа и прочитал ее всю — не залпом, конечно, это не было захватывающим чтением...

Я корпел над ней, как корпит ученый над каким-нибудь древним свитком, обнаруженным в монастыре. Меня занимала не столько информация, сколько стремление понять — что же подвигнуло человека на такой грандиозно бессмысленный труд. Мне хотелось пробраться сквозь весь этот бред к рациональной крупнице, которая все же могла остаться в Найте.

Но там не было ничего. Рукопись была абсолютно непроходимой и непостижимой ни для кого, кроме конгениальных идиотов. Слова в им уютном порядке просто вылезали из Найта — и его нисколько не заботило их значение...

Кажется, на десятую ночь, в двух сутках пути от пустыни, я добрался наконец до той части рукописи, в которой брезжил некоторый смысл...

«И эти существа ищут голубое и фиолетовое знание. Они ищут его по всей Вселенной. Они заманивают все, что может быть познано. Не только голубое и фиолетовое, но весь спектр. Они вытаскивают знание с уединенных планет, затерянных в глубинах пространства и времени. Извлекают из голубизны времени. С помощью деревьев они ловят его и хранят до поры золотистого урожая. Огромные фруктовые сады. Мощные деревья, уходящие на мили в голубизну. Впитывающие мысль и знание так же, как где-то впитывается золото солнца. И это знание — их плоды. Плод — это не только плод. Плод — питание для тела и для мозга. Он крутой, длинный, твердый и мягкий. Он голубой, золотистый и фиолетовый. Иногда красный. Он созревает и падает. Его собирают. Потому что сбор урожая — это уборка, а плодоношение — это рост. Оба золотисто-голубые...»

И опять он скатывался в бессмыслицу, в которой цвет, форма и размер играли главную роль, как и в большей части рукописи...

Я прочитал этот абзац снова, затем внимательно просмотрел предыдущие листы в надежде найти хоть какое-то разъяснение того, кем являлись упомянутые «эти существа», но не нашел.

Убрав рукопись в ящик, я присел к костру и глубоко задумался. Был ли привлечший мое внимание кусочек всего лишь диковинной фиоритурой помраченного рассудка? Или это просветление, застигшее Найта в момент писания вывихнуто мистических откровений? А что если Найт вовсе и не сумасшедший, и вся эта белиберда — не более чем камуфляж, под которым скрывается вполне трезвое послание? Вариант, конечно, притянутый — будь Найт настолько в здравом уме, чтобы осуществить такое, он давным-давно ушел бы из долины и попытался бы убраться с самой планеты, унося в Галактику все то, что ему здесь открылось... Но если это все же послание, каким образом он получил такую информацию? Имелась ли в городе запись, которая могла бы что-то поведать ему? Или он разговаривал с кем-то или чем-то, поделившимся знанием истории фруктового сада? А может

быть, это Роско все раскопал? Ведь он телепатический робот...

Роско, совсем не похожий на телепатического, сидел на корточках рядом со мной и, бормоча, чертил свои бесконечные формулы.

Я хотел было задать ему парочку вопросов, но передумал. Что мог сообщить мне этот контуженный?..

Утром мы двинулись дальше и на второй день подошли к нашему тайнику, откуда, восполнив съестные припасы, продолжили свой путь уже по пустыне.

Мы быстро миновали поле, где я сражался с кентаврами, и овраг, где был обнаружен старина Пэйнт. Нам попадались следы наших костров, и под ногами снова была красно-желтая земля. Вдалеке кричали знакомые крикуны и бегали какие-то странные существа, которых в прошлый раз мы не видели... Никто не мешал нам продолжать свой путь.

Я видел рядом с собой — призрачно — нашу старую компанию: Сару верхом на Пэйнте, Тука, путающегося в своей длинной коричневой сутане и ведущего за руку Джорджа Смита, Хуха, бегущего впереди... Временами я начинал верить, что все они действительно были со мной, но даже тогда, когда я был уверен в обратном, мне хотелось обмануть себя... Смущала, впрочем, одна деталь. Тук нес куклу, прижимая ее к груди — и ту же куклу в кармане своей куртки нес я.

Она не была больше приклеена к моей руке. Я мог избавиться от нее, но не делал этого. Я каким-то образом знал, что должен нести ее... По ночам я сидел и смотрел на это творение — с отвращением и умилением одновременно. С каждым разом отвращения становилось все меньше.

Сидя у костра, я или любовался куклой, стараясь при этом постичь ее тайну, или читал рукопись, все такую же глупую... Но почти в самом конце ее мне попало еще одно откровение.

«Деревья — это высота. Деревья тянутся ввысь. Никогда не удовлетворены. Никогда не останавливаются. Написанное мною о деревьях и поглощенном

знании — правда. Вершины туманны, голубой туман. Сказанное мною о деревьях и поглощенном знании — правда...»

Преследовалась ли этим цель подкрепить и подтвердить то, что было сообщено многими страницами раньше? Еще один проблеск здравомыслия? Хотелось верить...

Следующей ночью я закончил чтение. А на третий день после этого мы увидели город. Он был похож на заснеженную гору.

Глава 25

Дерево по-прежнему лежало там, куда его повалил луч. Пень вздымался вверх, как огромное копьё. Листва на ветвях пожухла, обнажив мертвый скелет сучьев.

Поодаль виднелось здание из красного камня, в которое мы когда-то были загнаны внезапно начавшимся обстрелом. Глядя туда, я почти услышал хлопанье невидимых крыльев.

От дерева разило резким отвратительным запахом, и, когда мы подошли к пню, я увидел, что зеленая лужайка уже осела, превратившись в зловонную яму. В маслянистой жидкости, наполнявшей ее, плавали покрытые слизью скелеты — странного вида, но несомненно скелеты...

Это не были останки тех существ, которые, безутешно рыдая, обвиняли нас в жестокости — но и те, без сомнения, погибли тоже. Усохших, их, вероятно, уже давно унес ветер...

И все это сделал я. Они погибли от моей руки. Убив дерево, я ненароком убил многих и многих... Но ведь не я же первый начал! Дерево напало на нас! И у меня были все законные основания дать ему отпор! Это соответствовало моим убеждениям в конце концов! Если кто-то был груб со мной — я никогда не оставался в долгу?.. Кстати, на протяжении всего дальнейшего

го пути — туда и обратно — ни одно дерево не попыталось обстрелять нас. Словно их всех предупредили: не связывайтесь с этим парнем: неприятностей не оберетесь?.. Не зная, что я уже безоружен, они вели себя самым примерным образом...

Роско тронул меня за плечо и, обернувшись, я увидел, что он указывает куда-то вдаль.

Их было много там, целое стадо. И они были пугающе узнаваемы. Эти монстры напомнили мне об огромных костях, виденных в овраге.

Они бежали на задних лапах, удерживая равновесие при помощи мощных хвостов, выброшенных назад. Их когтистые передние лапы были угрожающе подняты. На мордах застыла удовлетворенная ухмылка. Возможно, они преследовали нас уже долгое время, до поры до времени держась на расстоянии...

Гигантские уродливые твари стремительно приближались. Я знал, что им ничего не стоит разделяться со мной, и вовсе не хотел дожидаться этого. Я бросился в сторону города.

Щит оттягивал руку, и я отшвырнул его в сторону, после чего, все так же на бегу, принялся расстегивать пояс. Меч больно бил по коленям, и, в конце концов о него же и споткнувшись, я кубарем покатился по тропе вниз.

И тут ко мне протянулась рука, ухватила за перевязь и слегка приподняла. С этого момента я просто висел и смотрел то на землю, прыгающую у самого носа, то на размытое пятно, каким выглядели ноги Роско. Бог мой, как он бежал?..

Я старался вывернуть голову таким образом, чтобы можно было определить наши быстро меняющиеся координаты. Но что-либо разглядеть было невозможно... Висеть становилось не очень удобно, но я не жаловался. Это было доплатой за скорость...

И вот под меня влетел тротуар, и я был бережно поставлен на ноги. Немного кружилась голова, и пошатывало, но эта узкая улочка, по которой мы шли много дней назад, была узнава сразу же.

За спиной послышался злобный рев, и я увидел, как наши преследователи отчаянно пытаются пролезть между зданиями. Теперь мне стало понятным, отчего в этом городе такие узкие улицы.

Призрачные корабли по-прежнему стояли на белом посадочном поле, как на дне гигантской чаши, стенками которой был город. Поле было все таким же стерильно чистым и безмолвным. Ничто не шевелилось. Не было ни малейшего ветерка...

Ссохшееся тело гнома неподвижно висело на конце веревки, накинутаой на толстую балку. Склад выглядел так же, как и прежде: горы ящиков, тюков и пакетов. Лошадки отсутствовали.

В огромной комнате, выходившей на улицу, я обнаружил все те же каменные плиты и рядом с ними — тот же диск управления. Одна из плит светилась изображением какого-то кошмарного мира. Это было похоже на рождение планеты: полурасплавленная, медленно пульсирующая поверхность, лопающиеся пузыри, струи пара, вулканы, извергающие пламя и дым.

Роско снял с себя поклажу и положил ее за дверь. А потом опустился на корточки, и палец его задвигался по полу, не оставляя следов. Сам он, к моему удивлению, хранил молчание.

Я разломал деревянную скамейку, прихваченную со склада, и разжег на полу костер. Я был дикарем, очутившимся в пустом городе исчезнувшей расы. Еще один дикарь болтался на веревке в соседней комна-

те. А искусственный разум бился над проблемой, никому — в том числе и ему — неизвестной...

Да, это было маловероятно — чтобы Роско осознал то, что делал. Он не мог быть запрограммирован на все эти вычисления... А что если кентавры, выбив из его мозга весь здравый смысл, еще и вколотили в него гениальность?..

Солнце уже миновало свой зенит, и нижняя часть улицы стала темной. Лишь закинув голову, можно было видеть освещенные лучами верхние этажи. Слышно было, как там шумит ветер...

Почему же он опустел, этот город? Что произошло, что могло выгнать отсюда его обитателей? А может, они не были выгнаны? Может быть, город был просто средством для достижения цели, достигнув которой все ушли добровольно? На другую планету, скажем, влекомые уже новой целью... Может быть, цель эта заключена в посадке деревьев? Или в посадке и длительном уходе — пока те достигнут определенных размеров? Это могло занимать века, даже тысячелетия. Предварительное исследование почвы, сама посадка, множество вспомогательных работ... Затем рытье ям для хранения семян, разведение маленьких грызунов-сборщиков... Все это стоило бы труда и траты времени, если деревья действительно были посажены с той целью, на которую в своей рукописи намекал Найт. Если каждое дерево — принимающая станция, которая отлавливает информацию — возможно даже на психоволновом уровне — по всей Галактике, обрабатывает ее и хранит до того момента, когда «садоводы» придут и соберут плоды. И все-таки, в каком виде информация хранится в этих семенах? Может быть, она заложена в комплекс ДНК-РНК — причем, с совершенно особыми свойствами кислот, позволяющими хранить не только биологическую информацию...

Я даже вспотел от размышлений... Значит, в ямах, куда грызуны сбрасывают семена, хранится уму непостижимое богатство? И любой, овладевший техникой извлечения, может вытащить из этих семян весь интеллектуальный потенциал Галактики?... Да, если бы кому-то удалось опередить хозяев этого сада, он собрал бы богатый урожай... Видно, такая вероятность

и побудила садоводов закрыть планету. Утечка информации исключена...

Как часто они сюда приходят?.. Вполне возможно, что раз в тысячу лет. За это время уж наверняка в Галактике выдумается что-то стоящее. А может быть, они уже не приходят? Может быть, с ними что-то стряслось? Или они уже отказались от проекта, сочтя его неэффективным? За тысячелетия, прошедшие, возможно, со времени постройки города, они могли стать достаточно зрелой или дряхлой расой, чтобы взирать теперь на все это садоводство, как на детские шалости...

Устав от долгого сидения на корточках, я протянул руку к полу, чтобы оперевшись, усесться поудобней. Рука неожиданно наткнулась на куклу. Я не поднял ее — я просто провел ладонью по ее печальному лицу и неожиданно понял, что существа, посадившие на этой планете деревья, не были здесь первыми. До них планету населяла другая раса, построившая храм из красного камня. Тогда же была вырезана и кукла. Это было не меньшим достижением, чем посадка деревьев и строительство города. Бóльшим, возможно...

Но теперь здесь не осталось никого, кроме меня, представителя еще одной расы, не такой, возможно, великой, какие водились в этих местах, но и не самой задрипанной. Я был здесь и знал о сокровищах. Я знал о том, что можно было продать! Найдт, конечно, тоже знал — раз написал... Но, погруженный в свои иллюзии, на все прочее плюнул... Дурак! Упустить такой шанс!

Может, он просто понял, что с этой планеты невозможно удрать? А я вот не понял. Не понял я, что какая-то садоводческая шайка может меня здесь удержать! Мне вот только перекусить, немного отдохнуть — и я займусь всеми этими мирами. Хоть Сара и утверждала, будто они тоже изолированы — проверить не помешает. А вдруг в одном из них меня поджидает корабль?..

Поразмыслив над тем, что же делать с гномом, я решил не делать ничего. Если б я его снял, было бы неизвестно, что делать дальше. Его последняя воля была мне тоже неизвестна. Может, он хотел висеть вечно?.. Однако я не мог понять, почему он это сделал.

Я понимал только, что способ, избранный им, доказывает: он был гуманоидом. Никто, кроме гуманоидов, не вешается...

Я посмотрел на Роско. Тот прекратил свои вычисления и теперь просто сидел — вытянув вперед ноги и неподвижно глядя в пространство. Как будто на него вдруг обрушилась какая-то ошеломляющая истина, и он ее переваривал.

Глава 27

Сара была права: эти миры не предлагали выхода.

Я просмотрел их все. Я спал урывками — и лишь из опасения, что утомленный не смогу правильно оценить увиденное. Я не спешил и потратил гораздо больше времени, чем это было необходимо.

Какое-то время ушло на то, чтобы выяснить принцип работы колеса — при помощи которого вызывался каждый из миров. Покончив с этим, я тут же принялся за дело, ни на что больше не обращая внимания.

Роско не отвлекал меня. Большую часть времени он отсутствовал. Мне казалось, что он бродит по городу, но о цели этих прогулок я как-то не задумывался...

Нельзя было, конечно, утверждать, что ни в одном из миров не было той техники, которую я искал. Ведь мне был виден только небольшой кусочек каждого. Проникнув же в какой-либо из них, я почти наверняка застрял бы там окончательно. Без Хуха и летающего на колесе существа мы бы никогда не выбрались из мира барханных песков...

Ни на одной из картинок я не увидел даже малейшего признака разумной жизни. Все они были до ужаса примитивными, эти миры. Буйство джунглей, ледяная пустота, а то и вовсе — процесс образования планетной коры.

Некоторые из них демонстрировали мне плотную атмосферу с клубами газов — от одного вида которых я чуть не задохнулся. Были и уныло мертвые — с громадными голыми равнинами, освещенными тусклым кроваво-красным солнцем. А один предстал в виде обугленной черноты — всего, что осталось после вспышки его светила...

С какой целью, спрашивал я себя, были прорублены двери во все эти миры? Ведь если они предназначались для простого перемещения на другие планеты, то наверняка я не увидел бы сейчас ни шлака, ни джунглей. Двери выходили бы, скажем, на окраину города или хотя бы деревеньки... Может быть, они служили лишь для избавления от незваных гостей? Но в таком случае одного или, самое большое, дюжины таких миров было бы вполне достаточно! А тут — сотни?... Конечно же, в этом была какая-то логика, но я уловить ее не мог. Наверное, она располагалась вне человеческой досягаемости...

Итак, я просмотрел их — и легче мне не стало. Мне стало еще хуже, так как, принимаясь за эту работу, я питал надежду. А теперь надежда испарилась.

Я подошел туда, где должен был гореть костер — но он не горел. Пепел был совершенно холодным. Роско, которого я не видел уже несколько дней, не было...

Может, он ушел от меня? Или просто бродит, не чувствуя необходимости вернуться?

Усевшись перед кучкой холодного пепла, я стал смотреть в темень улицы. Не конец ли это? — подумалось мне. Или человек еще что-то может сделать?..

Скорее всего, возможности не исчерпались. Где-то в этом городе могла отыскаться дорога или ключ к разгадке всех тайн... Где-то на этой планете, идя на восток или на запад, а может быть, на юг, но никак уж не на север — где-то можно было найти ответ на все вопросы... Но я не хотел ничего искать. Я не хотел даже шевелиться. Я был готов сдаться.

— Вот и все, гном, — сказал я...

Это было не все, конечно. Я знал, что просто малодушничаяю. Сгущаю краски. Я знал, что поднимусь и пойду, как только придет время... А пока я просто сидел и жалел себя. Себя и всех остальных. Почему я жалел Смита, Тука и Сару — было непонятно. Они получили то, чего хотели...

Снаружи мелькнула тень, черным по серому, и мне стало страшно. Я сидел и ждал нападения. У меня все-таки был меч, и, хотя владел я им неважно — сразиться мог...

Это нервы, подумал я тут же. Кто в этом пустом городе может на меня напасть? В городе, где могут двигаться только тени...

Но эта тень двигалась слишком энергично! Свернув с дороги, она поднялась по скату к двери и...

Я увидел перед собой Роско и очень обрадовался. Когда он подошел ближе, я поднялся ему навстречу.

Он остановился в дверях и тщательно артикулируя, сказал:

— Вы пойдете со мной.

— Роско! — воскликнул я. — Спасибо тебе, что вернулся! Что-нибудь случилось?

Он постоял с минуту, вперив в меня свой глупый взгляд, а потом сказал все так же осторожно:

— Если математика дейст... — Тут он запнулся, но вскоре продолжил: — Была неисправность. Я устранил ее. Ее устранение пошло мне на пользу...

Он говорил теперь гораздо лучше, но чувствовалось, что это стоит ему больших усилий.

— Успокойся, Роско, — сказал я. — Не следует так напрягаться. У тебя прекрасно получается!

Но он не собирался успокаиваться. Его переполняло то, что он должен был сказать. Оно наконец-то имело возможность вырваться наружу.

— Капитан Росс, — сказал он. — Все это время я опасался. Я опасался, что никогда не решу эту задачу. На планете существуют две вещи, настолько сходные по интенсивности, что мне никак не удавалось разделить их... тих, чих, лих...

— Ради Бога, успокойся! — воскликнул я, схватив его за руку. — Не нужно торопиться! У тебя есть время! Я выслушаю все!

— Благодарю вас, капитан, — с усилием сказал Роско, — за ваше терпение и уважение.

— Мы проделали большой путь, Роско. Теперь мы отдыхаем. Так что не торопись. Если у тебя есть какие-то соображения насчет этой планеты — выкладывай. Тем более, что у меня они отсутствуют.

— Это структура, белая структура. Из нее сделан город, ею покрыт космодром и запечатаны корабли...

Он остановился и молчал так долго, что я начал за него беспокоиться. Но он заговорил опять:

— В обычном веществе связь атомов затрагивает только внешние слои, понимаете?

— Смутно, но понимаю, — ответил я.

— В этом белом веществе связь простирается гораздо глубже электронных орбит... Вы улавливаете смысл?

Я открыл рот от изумления, хотя из сказанного понял совсем мало.

— Все силы ада, — сказал я, — не смогли бы разрушить эту связь.

— Совершенно верно, — кивнул Роско. — Именно так и было задумано... А теперь пойдете, капитан, если вы не против...

— Минуточку! — протестующе вскричал я. — Ты еще не все сказал! Ведь речь шла о двух вещах?

Он пристально посмотрел на меня, а потом спросил:

— Что вы знаете о реальности, капитан?

Это был глупый вопрос.

— Когда-то я мог ее отличить. Теперь — не знаю... — туманно ответил я.

— Эта планета, — сказал Роско, — состоит из пластов реальностей. Здесь по крайней мере две реальности. Но может быть, и намного больше.

Он говорил теперь свободно, хотя изредка и запинаясь.

— Но как, — спросил я, — ты узнал все это?! Про связь и про реальность!

— Я не знаю, — ответил он. — Я только знаю, что я это знаю. А теперь пойдете, пожалуйста!

Развернувшись, он двинулся по скату вниз. Я последовал за ним. Мне нечего было терять. Нельзя было, конечно, исключать, что все им сказанное — вдохно-

венная чушь, но мне ничего не оставалось, как ухватиться за эту соломинку!

Мысль о более прочной атомной связи, несмотря на необычность, выглядела вполне здоровой. Но эта многослойная реальность была совершенной ерундой...

Выйдя на улицу, Роско повернул в сторону космодрома. Он не бормотал себе под нос и шел таким целеустремленным шагом, что я едва поспевал за ним. Он изменился — в этом не было сомнений, но не являлись ли эти изменения лишь новой фазой его сумасшествия?..

Когда мы вышли на космодром, уже было утро. Солнце находилось в полпути от зенита, и молочно-белое поле блестело так ослепительно, что корабли едва можно было разглядеть.

Роско двигался все быстрее, и я уже перешел на легкую трусцу. Мне хотелось спросить, к чему такая спешка, но я не был уверен, что он ответит.

Долгое время казалось, что в своем марш-броске мы ничуть не продвигаемся вперед, но потом, довольно внезапно, городские стены отступили назад, а корабли приблизились.

У основания нашего корабля я вскоре разглядел какое-то приспособление. Это была несуразного вида штуковина с зеркалом и тем, что я сначала принял за блок питания, а также со множеством проводов и трубок. Довольно небольшая по размерам — фута три в высоту, и примерно столько же в длину и ширину, — издалека она выглядела, как куча хлама. При ближайшем рассмотрении впечатление менялось. Штуковина становилась похожей на нечто, построенное маленькими детьми из, опять-таки, различного хлама.

Я смотрел на нее, не в силах вымолвить ни слова. Из всех глупостей, виденных мною когда-либо, — эта была вне конкуренции... Значит, пока я в поте лица своего просматривал эти чертовы миры, умница робот носился по городу, подбирал все, что валяется — и вот, построил монумент...

Роско между тем опустился на корточки и протянул руку к панели управления — той самой, которую я принял за другое.

— А теперь, капитан, — сказал Роско, — если математика права...

Он что-то нажал, что-то повернул — и замерцали стеклянные трубки, и послышался звук, подобный звуку бьющегося стекла. Белое вещество отделялось от корпуса корабля, и множество осколков падало на грунт.

Корабль стоял свободный.

Я замер. Я не мог шевельнуться. Дурацкая машина сработала! Непостижимо! Я не мог в это поверить! Роско не мог этого сделать! Нескладный, бормочущий Роско, которого я знал, не мог этого сделать! Все это мне только снилось...

Роско встал и подошел ко мне. Он взял меня за плечи и посмотрел в глаза.

— Получилось, — сказал он. — И с ним, и со мной. Освободив корабль, я освободил и себя. Я вновь цел и невредим. Я такой, как прежде.

И действительно он выглядел так, хотя я и не знал, каким он был прежде. Ему уже не было трудно говорить. Он стоял и двигался естественно — как человек, а не как лязгающий робот.

— Мое сознание было помрачено, — продолжал он, — из-за всего случившегося со мной. Из-за изменений в моем мозгу, которых я не мог постичь и не знал, как использовать. Но теперь, использовав их и доказав, что они пригодны, я стал самим собой...

Мое оцепенение прошло, и я уже изготовился бежать к кораблю, но Роско, вцепившись в плечи, не отпустил меня.

— Хух говорил с вами о судьбе, капитан... Те, кто движет мирами, кем бы они ни были — вершат наши судьбы с безграничным разнообразием. Как еще объяснить то, что грубые удары по моему мозгу так изменили, так усовершенствовали его, дав способность понимать?..

Я стряхнул с себя его руки.

— Капитан, — сказал он.

— Да.

— Вы ведь даже сейчас в это не верите! Вы продолжаете считать меня дурачком! Я, вероятно, был дурачком. Но сейчас — нет?..

— Конечно, нет! — воскликнул я. — Не знаю, как и благодарить тебя, Роско, за...

— Не нужно благодарить, капитан. Мы ведь друзья. Вы освободили меня от кентавров. Я освобождаю вас от этой планеты. Это не может не сделать нас друзьями. Мы не раз сидели у костра. Это должно сделать нас...

— Замолчи! — крикнул я. — Избавь меня от этих чертовых сантиментов! Ты как Хух! Даже хуже!

Обогнув нелепое сооружение, я ступил на трап корабля. Роско шел следом.

Усевшись в кресло пилота, я протянул руку и нежно погладил приборную панель.

Наконец-то. Мы могли взлететь хоть сию же минуту. Мы могли покинуть эту планету, унося с собой секрет ее сокровищ. Каким образом их можно будет превратить в деньги — я еще не знал. Но знал, что найду способ. Когда у человека есть товар, он находит способ продать его.

И это был итог?.. Я мог теперь что-то продать — и все?.. Продать еще одну планету, а также информацию, хранившуюся здесь в виде семян, дерева, улавливающие знания, маленьких грызунов, огромные ямы с зерном?..

И это все, что здесь было? Это не все. Здесь человек мог просто исчезнуть — или растаять, как растаял Тук... Но исчезнув или растаяв — куда эти люди делись?.. Переместились ли они в другую реальность? А может быть, в другую жизнь, как это сделал Хух?..

Здесь была другая культура — до той, что построила город. Именно эта, более ранняя культура, воздвигла храм и вырезала куклу, торчавшую сейчас из кармана моей куртки. Могла бы эта культура, если б она еще существовала, раскрыть секрет того, как человек может растаять?..

Роско говорил о многослойной реальности. Не в ней ли все дело? И если в ней, то существует ли такая расщепленность только на данной планете? Вообще-то я считал все эти разговоры о многослойной реальности бредом, но Роско мог снова оказаться правым...

Я хотел побыстрее убраться с этой планеты — и я мог это сделать. Мне оставалось только задраить люк и включить двигатели. Это было таким простым делом — и все же я колебался. Сидя в кресле пилота, я продолжал тупо смотреть на приборы... Почему мне не хотелось улетать?

Из-за остальных? Ведь нас было четверо, когда мы прилетели...

Я сидел в этом кресле и пытался быть честным с собой. Но мне было трудно быть честным...

Тук с Джорджем были недосыгаемы. Хух тоже. Не было смысла разыскивать их. Но оставалась еще Сара. До нее можно было добраться, и я мог, я все еще мог вернуть ее...

Я вновь боролся с собой. Я чувствовал странное жжение в глазах и понимал, что это слезы.

Сара! — думал я. Зачем ты ушла туда? Почему ты не можешь вернуться и улететь вместе со мной на Землю? Почему я не могу прийти и забрать тебя?

Мне вспоминалась та последняя ночь, когда мы сидели у костра и она сказала, что мы могли бы поладить, не случись этой идиотской сделки... Почему глупая легенда оказалась правдой и все испортила?..

Я вспомнил тот первый день, когда она встретила меня в холле своего дома и мы прошли в комнату, где нас ждали Тук и Джордж.

Тук и Джордж недосыгаемы... Хух тоже... И Сара. Потому что я никогда не решусь на это... Кто еще?..

Поднявшись с кресла, я прошел в заднюю часть кабины, открыл металлический ящик и вынул оттуда запасное лазерное ружье.

— Мы возвращаемся, Роско.

— Возвращаемся? За мисс Фостер?

— Нет. За Пэйнтон.

Глава 28

Это было чистым безумием. Ведь речь шла всего лишь о лошадке. Пэйнт все еще лежал бы вверх качалками в своем овраге, если бы не я. Сколько раз я мог его спасти?..

Он сказал, что хотел бы отправиться на Землю, но что он знал про Землю? Он никогда там не был! Он даже не знал, что такое Земля. И он хотел туда, пока я не сказал ему, что это такое.

И все же я не мог стереть воспоминание о нем, медленно спускающемся по тропе и ждущем, что я позову его... Я помнил и то, как храбро вел он себя во время поединка с кентавром. Все лавры, правда, достались потом Саре, изрядно укоротившей эту схватку...

— Я бы хотел, — сказал Роско, шагая рядом со мной, — разобраться наконец с этой концепцией множественно-реального. Она, несомненно, уже сидит в моей голове — но если б можно было туда заглянуть?.. Это как головоломка из миллиона кусочков, составив которую, удивляешься: почему ты не видел всего этого с самого начала?..

Было бы лучше, подумал я, если б он вернулся к бормотанию. Не так отвлекал бы. А то ведь приходится слушать — на случай, если вдруг будет сказано что-то существенное...

— ...Способность эта новая, — не умолкал между тем Роско, — и весьма своеобразная. Чувство окружающего — я бы так ее назвал... Независимо от того, где находишься — ты чувствуешь и знаешь все, что происходит вокруг...

Я не обращал на него особого внимания, так как мне было о чем подумать...

Уверенности в том, что мы уцелеем и на этот раз, быть не могло. Самым разумным было бы следующее: закрыть входной люк и оставить эту планету далеко позади. Правда, если уж я собрался разбогатеть, мне следовало набрать полный карман семян — чтобы тщательно их исследовать...

А вообще-то я мог улететь с чистой совестью. Я отработал свои деньги. Цель путешествия была достигнута, и каждый получил то, что хотел.

Много раз я готов был вернуться к кораблю, но каждый раз будто кто-то подталкивал меня широкой ладонью в спину.

Когда мы вышли из города, там не было даже следа тех ужасных тварей, которые недавно преследовали нас. Я был почти уверен, что они станут поджидать, и почти хотел этого. Имея лазерное ружье, разделаться с ними не составило бы труда. Но никого там не было.

Мы пошли мимо красного здания, спящего на солнце, мимо дерева, протянувшегося по земле на многие мили и мимо зловонной ямы, окружавшей косо срезанный пенёк.

Путь казался не таким длинным, как во время нашего первого путешествия. Мы шагали очень быстро — хотя никакой необходимости в этом не было.

Ночью у костра Роско разравнивал кусочек земли и решал бесконечные уравнения, бормоча что-то — наполовину для меня, наполовину для себя. И каждый раз, когда он вот так писал и бормотал, я, сидя с ним рядом, пытался понять: почему мы здесь, а не в миллионах миль отсюда, в космосе. И однажды я понял, что виноват в этом не только Пэйнт, но и Сара. Это она тащила меня через эти пустынные мили. Это ее лицо с вечно падающим на глаза локоном, с полоской грязи, размазанной по щеке, пристально глядящее на меня, видел я в пламени костра.

Иногда я вытаскивал из кармана куклу и сидел, уставившись на ее лицо — на это страшное, искаженное лицо — для того, возможно, чтобы заслонить другое лицо, или же в безрассудной надежде, что деревянные уста разомкнутся, и я услышу ответ.

Спустя много дней мы поднялись на гребень горы и увидели перед собой унылые всхолмленные земли, на которых нас бросили лошадки, где мы нашли гору костей и Пэйнта.

Тропа сбегала вниз, пересекала равнину и, затейливо покрутившись, терялась среди холмов.

Далеко впереди, по тропе навстречу нам двигалась маленькая блестящая точка. Я наблюдал, недоумевая. Вскоре стало видно, что движется она резкими скачками.

— Это Пэйнт, — сказал Роско.

— Но Пэйнт не вернулся бы без... — И не договорив, я побежал по склону вниз, размахивая руками и крича. Роско следовал за мной.

Она увидела нас тоже и помахала в ответ — маленькая заводная кукла.

Пэйнт мчался как ветер. Его качалки едва касались земли. Мы встретились на равнине, и, как только он затормозил, на меня, как в недавние добрые времена, набросилась разъяренная Сара.

— Ты все это сделал! — кричала она. — Из-за тебя я не смогла остаться там! Ты все изгадил! Как я ни старалась, мне не удалось забыть сказанное тобой и Хухом! Ты на это и рассчитывал! Ты был настолько уверен в этом, что заранее прислал мне Пэйнта!

— Сара! — вставил я наконец слово. — Ради Бога, будь благоразумна?..

— Молчи! Ты все испортил! Ты разрушил все волшебство и...

Она вдруг умолкла, и лицо ее исказилось так, будто она пыталась сдержать слезы.

— Нет... — выдохнула она. — Не ты один... Все мы, с нашими мелочными спорами, с...

Шагнув вперед, я обнял ее. Она прижалась ко мне, ненавидя, возможно...

— Майк, — сказала она мне в ключицу, — у нас ничего не выйдет. Не стоит даже пытаться. Они не позволят нам сделать этого.

— Ничего подобного! Корабль в порядке! Роско его почистил! Мы возвращаемся на Землю!

— Если великодушный сэр бросит туда взгляд, — сказал Пэйнт, — он поймет, о чем речь... Нас преследуют. Они идут по нашим торопливым следам. Их становится все больше и больше.

Я резко повернулся и увидел на горизонте огромное стадо тех самых тварей, кости которых валялись в овраге.

Их были сотни, тысячи. Они уже не бежали — крались, отпихивая друг друга. Они не шли — текли, появляясь все в новых местах.

— Сзади — тоже, — сказал Роско.

Я обернулся и увидел их на только что покинутом нами гребне.

— Ты нашел куклу... — сказала Сара.

— Какую куклу? — спросил я, думая о другом.

— Куклу Тука. — Она вытащила ее из моего кармана. — Знаешь, пока она была у Тука, я так и не рассмотрела ее...

Мягко оттолкнув Сару, я поднял ружье.

— Здесь их слишком много! — предупредил Роско, хватая меня за рукав.

Я грубо вырвался.

— По-твоему, я должен стоять и хлопать глазами?

Они все прибывали и прибывали. Со всех сторон. Мы были в центре стада.

Эти твари были теперь совершенно спокойны. Они знали, что могут расправиться с нами в любой момент.

Роско вдруг упал на колени и принялся разглаживать землю.

— Какого дьявола?! — заорал я.

Нас окружали монстры-людоеды — Сара любовалась куклой, робот выписывал уравнения...

— Мир порою имеет мало смысла, — сказал Пэйнт, — но когда вы и я начеку...

— Отстань! — крикнул я, так как решал уже сугубо практические вопросы.

Всех их достать, конечно же, было невозможно. Но бóльшую часть — без труда. Я мог сжечь их в хрустящую корочку и отбить у оставшихся весь аппетит. Они ведь никогда не видели лазерного ружья — оттого такие храбрые...

Но понимал я и то, что их слишком много...

— Капитан Росс! — звонко крикнул Роско. — Кажется, получилось!

— Рад за тебя, — сказал я.

Сара, пятясь, приблизилась ко мне вплотную. На плече ее висело ружье, а к груди она прижимала куклу.

— Сара... — сказал я, и у меня, как у стеснительного подростка, перехватило дыхание. — Сара, если мы выберемся отсюда, — начнем сначала? Можем мы начать так, словно я все еще вхожу в ту самую дверь? Ты была одета в зеленое платье...

— И ты влюбился в меня, — продолжила она. — А потом обидел и стал насмехаться, а я высмеивала тебя в ответ... И все расстроилось...

— А может быть, не все?

— Ты просто хулиган! — сказала она. — Ох, как я ненавидела тебя! Мне казалось, что я могу проломить тебе череп! И при этом я любила каждую минуту, проведенную с тобой...

— Так, — сказал я решительно. — Когда они бросятся на нас — пригнись. Я буду стрелять во всех направлениях и так быстро, как...

— Есть другой путь, Майк... Путь, которым пользовался Тук... Кукла... Древняя раса сделала ее. Раса, которая понимала...

— Вздор! — вскричал я. — Тук обыкновенный идиот!

— Нет! Он все понимал! Он знал, как пользоваться куклой! Джордж тоже кое-что умел — даже без куклы... Хух бы понял...

Хух... Многоногий бочонок с головой в шупальцах и тремя жизнями, исчезнувший навсегда в своей третьей фазе... Да, если б он был сейчас здесь, он бы знал...

Едва я подумал об этом — он появился, бьющий ключом у меня в мозгу, такой, каким я узнал его в то мгновение, когда руки и щупальца сплелись, и мы стали как одно существо... Все это вернулось сейчас, все это я узнал и почувствовал счастье и страх, который всегда сопутствует постижению... И я был наполовину я — наполовину Хух. Не только Хух, но и все остальные. Ведь Хух дал мне способность сливаться с разумом других... Интересен был мне и я сам — с забытыми гранями, с неизмеримыми глубинами...

Интуиция Сары, символика куклы, философские искания Пэйнта, смысл уравнений Роско... И этот момент себя, когда полумертвый-полуживой я увидел пласты и время, проступившее на пластах... Теперь там было иное. Множество миров и множество уровней чувствительности, проявляющихся в определенные пространственно-временные промежутки. Подсчитать их было нельзя — можно было только увидеть и почувствовать, и просто знать, что они там есть... Древние жители этой планеты знали — до того, как были уничтожены садоводами, — знали и чувствовали не до конца, и вырезали на лице куклы удивление и чуть-чуть ужаса от знания... Джордж Смит знал, возможно, намного лучше, чем все остальные, а Тук со своим парящим в вышине сознанием, был близок к истине задолго до того, как нашел куклу... В Роско знание было вколочено молотками кентавров, и он не подозревал о многом из того, что знал... И теперь все это в моем мозгу сошлось вместе...

Кольцо ужасных тварей все сжималось — и вот в неудержимой атаке они подняли огромное облако пыли... Но все это было не опасно для нас, поскольку происходило в другом мире и в другом времени. Все, что нам понадобилось сделать — это маленький шагок.

Неизвестно, каким образом, но, исполненные таинственной веры, мы все сделали этот шаг в безграничную неизвестность...

Место напоминало гобелен и вызывало ощущение ирреальности, хотя и очень доброжелательной.

Казалось, здесь всегда тишина и покой, и населяющие этот мир — молчуны, и лодка на воде никогда не поплывет, и деревня, река, небо, деревья, облака, люди, собачки — все это элементы произведения искусства, созданного столетия назад и не тронутого временем.

Легкая желтизна неба повторялась отражением в воде, домики были коричневыми и красными, зелень деревьев была именно той зеленью, которую ожидаешь увидеть на ковре... И все же мы чувствовали человеческое тепло и приветливость, а также то, что, спустившись, мы навсегда там и останемся. Перспектива не огорчала.

Мы стояли на горе над деревней и рекой и были тут в полном составе. Не было только куклы. Она осталась позади — возможно, для кого-то еще. Оружия мы тоже не взяли — ни Сара, ни я. В этот мир нельзя было приносить подобные вещи.

— Майк, — тихо сказала Сара. — Вот оно — то место, которое искали мы и искал Найт. Он не нашел его, потому что не нашел куклу. Или по другой причине...

Я привлек ее к себе, обнял и поцеловал. В глазах ее светилось счастье.

— Мы не вернемся, — сказала она. — Мы не будем думать о Земле.

— Мы не можем вернуться, — сказал я. — Отсюда нет выхода...

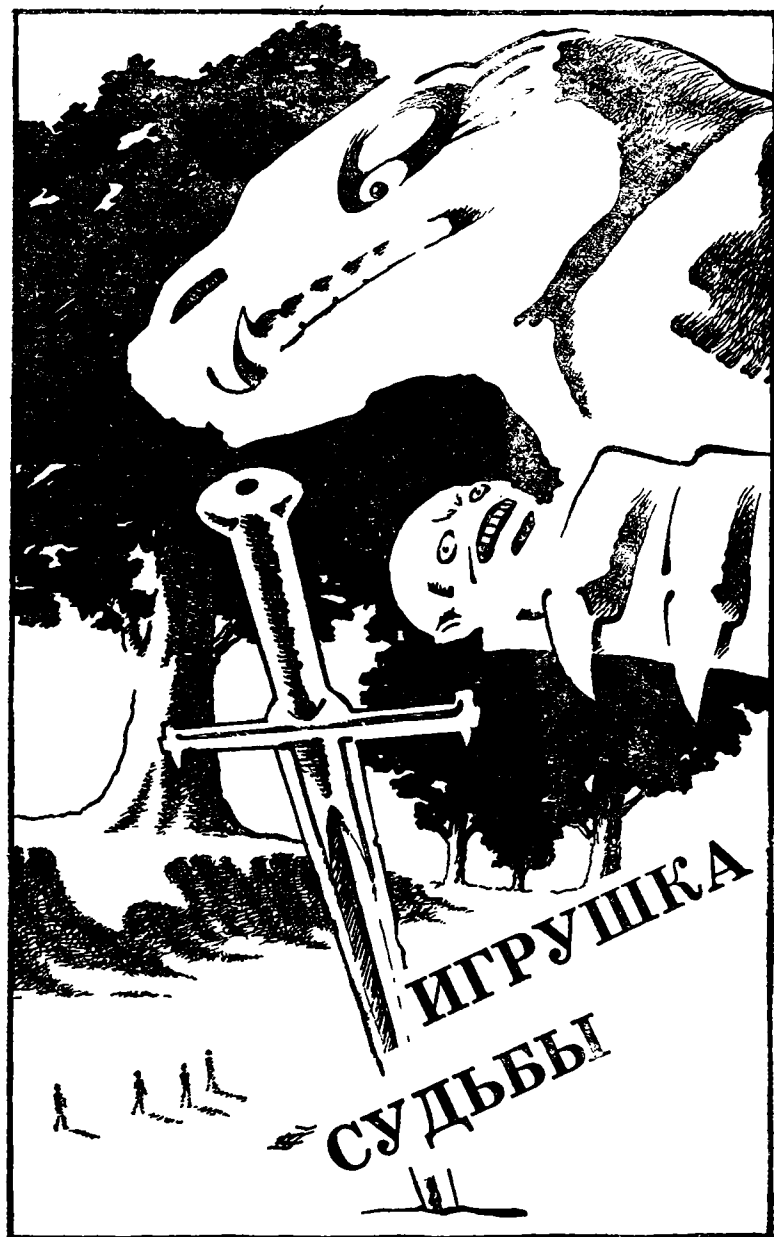
Деревня и река лежали внизу, поля и леса тянулись до горизонта. Я знал каким-то образом, что этот мир бесконечен и что время здесь не движется.

Где-то тут были Смит с Туком, а может быть, даже и Хух. Но мы вряд ли смогли бы отыскать их. Расстояния здесь были огромными, а путешествовать не хотелось.

Ирреальность исчезла, но гобелен все же остался. Лодка с мелькающими веслами плыла по реке. Дети и собаки, воплящие и лающие, бежали нам навстречу. Жители деревни повернули к нам головы, а некоторые приветливо махали рукой.

— Пошли знакомиться? — предложила Сара.

И мы все четверо спустились вниз, к новой жизни.

Глава 1

Последние желто-зеленые лучи догоравшего солнца еще мерцали на горизонте, когда из глубины сумерек вынырнул человек. Он остановился у изгороди и окликнул сидевшего в кресле мужчину:

— Мистер Адамс, это вы?

Кристофер Адамс вздрогнул от неожиданности и приподнялся. Кресло капризно скрипнуло.

Кто бы это мог быть? — подумал он. Может быть, новый сосед, который, если верить Джонатону, пару дней назад поселился неподалеку? Джонатон — известный сплетник, он знает все, о чем на сто миль в округе болтают люди, андроиды и роботы.

— Входите, — сказал Адамс. — Рад, что заглянули.

Он изо всех сил старался настроиться на добрососедский лад, хотя, по правде говоря, никакой радости не испытывал. Он был скорее раздосадован появлением этой тени из сумерек.

Адамс недовольно поморщился.

Господи! — подумал он. Ни минуты покоя, даже в этот единственный час, который я с таким трудом выкраиваю, чтобы отдохнуть, забыть о работе, чтобы хоть на короткое время окунуться в приглушенную зелень, в тишину театра теней заката. Я так люблю это время... Здесь, в тихом дворике, нет всей этой будничной мороки — отчетов по ментафону, заседаний Га-

лактического Совета, досье на роботов и прочей суесть. Нет проклятых ежедневных головоломок и тайн... Хотя я не прав. И здесь есть тайна. Но она такая нежная, хрупкая, она остается тайной, пока сам того желаешь... Тайна полета ястреба на фоне вечеряющего неба, загадка вспышки светлячка в темных зарослях сирени...

Незнакомец искал где бы присесть. Адамс не реагировал, мысли его были заняты совсем другим — даже в этот час, час отдыха, он не переставал думать об одном деле, разбирательством которого он занимался последние дни.

...Далекий Альдебаран-12, берег реки, обутленные трупы, а рядом, под деревом, искореженная груда металла, некогда бывшая вездеходом...

Погибло пятеро. Три человека и два андроида, но антроиды — почти люди.

Что они там, перебили друг друга? Странно... Человека мог убить только человек, и то — на дуэли, по всем правилам. Месть? Казнь? Что, черт подери?

Жизнь человека священна и неприкосновенна.

Убийство или авария?

Мысль об аварии он отбросил сразу. Исключено. Совершенство техники, почти человеческий интеллект и мгновенная реакция машин на любые виды опасностей уже давно свели к нулю вероятность аварий.

Ни одна машина не могла быть настолько тупа, чтобы вот так просто взять да и врезаться в дерево. Что-то тут было другое. Дерево ни при чем. Дураку понятно.

Убийство? Тоже как-то непохоже. Тогда все выглядело бы иначе. Где убийца? Скрываться глупо. От кого? Суда как такового давно нет, так, всего лишь моральный кодекс...

Три человека погибли. Три человека погибли на расстоянии пятидесяти световых лет отсюда, и это было мучительно важно для него, сидящего здесь, в своем тихом дворике на Земле. Три человеческих жизни отняты неизвестно кем, нет, это не должно остаться безнаказанным.

Адамс пошевелился в кресле, пытаясь расслабиться, проклиная собственные мысли. Ведь дал же он себе

зарок в это время, в час заката, отдыхать и не думать о работе!

— Прекрасный вечер, — сказал незнакомец.

Адамс усмехнулся:

— Вечера всегда прекрасны. Ребята из службы погоды придерживают дождь, пока все не уснут...

В роще у подножия холма послышалась вечерняя песенка дрозда, и разлилась по поверхности засыпающего мира, нежно поглаживая его баюкающей рукой. У ручья лягушки, одна за другой, начали пробовать голоса. Вдали, в туманном, почти потустороннем мире, затарахтел козодой. В долине и на холмах то тут, то там загорались окна домов.

— Это мое самое любимое время, — вздохнул Адамс.

Он опустил руку в карман и вытащил кисет и трубку.

— Курите? — спросил он.

Незнакомец отрицательно покачал головой.

— Честно говоря, я к вам по делу.

— В таком случае зайдите утром, — сухо ответил Адамс. — Не имею обыкновения заниматься делами в нерабочее время.

— Но речь идет об Эшере Саттоне, — тихо проговорил незнакомец.

Руки Адамса задрожали, рассыпая табак. Он с трудом набил трубку и был рад, что в темноте незнакомец не мог этого заметить.

— Саттон скоро вернется, — сказал тот.

Адамс покачал головой.

— Сомневаюсь. Прошло уже двадцать лет...

— Но вы его до сих пор не уволили!

— Да, — ответил Адамс. — Его фамилия еще значится в платежной ведомости, если вы это имеете в виду.

— А почему, если не секрет? Почему вы его не уволили?

Адамс приминал пальцем табак в трубке и думал, что ответить.

— Трудно сказать. Скорее всего из сентиментальных соображений. И еще потому, что я в него верю. Только веры почти уже не осталось.

— Ровно через пять дней, — заявил гость, — Саттон вернется.

Он немного помолчал и добавил:

— Ранним утром.

— Простите, но это из области невозможного!

— Это зарегистрированный факт.

— Ну знаете, — хмыкнул Адамс, — как можно зарегистрировать то, что еще не произошло?

— В мое время этим никого не удивишь.

Адамс чуть не вскочил на ноги, но сдержался.

— Как вы сказали? В ваше время?

— Да, — без тени смущения ответил незнакомец. — Видите ли, мистер Адамс, дело в том, что я — ваш преемник.

— Послушайте, молодой человек!

— Да никакой я не «молодой человек»! Я вдвое старше вас, представьте себе.

— Что за чушь! У меня нет никаких преемников. И разговора о преемниках сроду не было. И вообще я собираюсь прожить еще лет сто. А то и больше.

— Да, — кивнул незнакомец. — Именно так. Лет сто, а то и больше. Гораздо больше.

Адамс устроился поудобнее, поднес трубку ко рту и зажег спичку плохо слушающейся рукой.

— Ну, хорошо, допустим, — сказал он с напускной непринужденностью. — Итак, вы утверждаете, что вы — мой преемник, иначе говоря, вы занимаетесь моими делами после того, как я либо уволился, либо умер. Из этого следует, что вы не иначе как прибыли из будущего. Я, конечно, не верю ни единому вашему слову, но просто так, ради интереса...

— На днях в новостях мелькнуло сообщение, — прервал его незнакомец, — о человеке по фамилии Майклсон, который побывал в будущем.

Адамс фыркнул:

— Читал я эту чушь. Одну секунду он там якобы побывал. А как это, интересно знать, человек может осознать, что он проник вглубь времени на одну секунду? Объясните мне, старому дураку, как это можно понять, измерить, в конце концов? И, главное, что от этого меняется?

— Ничего, — согласился незнакомец. — В первый раз — ничего. Но в следующий раз он отправится в будущее уже на пять секунд. На пять секунд, мистер Адамс. А за пять секунд часы протикают пять раз, за пять секунд можно успеть вдохнуть и выдохнуть. Вот и все. Но это — отправная точка. Точка отсчета всего на свете.

— Например, путешествий во времени?

Незнакомец кивнул.

— Я в это не верю, — отрезал Адамс.

— Именно этого я и опасался.

— За последние пять тысяч лет, — продолжал Адамс, попыхивая трубкой, — мы освоили Галактику...

— «Освоили» — не совсем верное слово, если позволите...

— Ну, ладно. Захватили, завоевали. Как вам больше нравится. И обнаружили массу удивительных вещей. Гораздо более удивительных, чем могли предполагать. Но никаких путешествий во времени, заметьте! — Он указал на звезды. — Во всей Вселенной еще никто не путешествовал во времени. Никто!

— А теперь это произошло, — возразил незнакомец. — Произошло две недели назад, когда Майклсон вошел в глубь времени всего на секунду. Это начало. Важно начать.

— Ну, хорошо, хорошо, — согласился Адамс. — Предположим, что так оно и есть. Что вы, действительно человек, который лет так через сто займет мое место. Допустим, вы на самом деле из будущего. Но для чего, скажите, ради всего святого, для чего вы прибыли сюда?

— Для того, чтобы предупредить вас о возвращении Саттона.

Адамс пожал плечами.

— Да я и сам бы узнал в свое время. Зачем меня предупреждать? Вернется, так вернется, и слава Богу.

— Когда Саттон вернется, — холодно ответил незнакомец, — он должен быть убит.

Глава 2

Небольшой, изрядно потрепанный звездолет медленно и плавно, как перышко, опускался на поле, озаренное первыми лучами солнца.

В кресле пилота сидел бородатый мужчина, в одежде, потрепанной не меньше, чем корабль. Чудовищное напряжение чувствовалось в его позе.

Непривычно, вертелось в голове. Жутко тяжело и непривычно управлять такой машиной, следить за состоянием и скоростью... Заставлять тонны металла мягко опускаться, сопротивляясь чудовищной силе притяжения... Намного труднее, чем оторваться от поверхности. Тогда просто не было другой мысли, кроме той, что эта машина не имеет права не подняться, не взлететь...

Сильнейшая вибрация сотрясла корабль. Казалось, он вот-вот развалится на части. Неимоверным усилием воли человек превозмог вибрацию. Корабль продолжал плавный спуск. Теперь до поверхности поля оставалось всего несколько футов.

Уверенно, почти беззвучно, корабль коснулся земли.

Еще несколько минут человек сидел в кресле не шелохнувшись, напряженно, затем окаменевшие мышцы одна за другой начали расслабляться.

Устал, думал человек. Труднее работы у меня, пожалуй, в жизни не было. Еще бы пару миль, и я бы не выдержал и разбил корабль...

Вдали, на краю поля, возвышались какие-то постройки. От них отделилась черная точка — автомобиль.

...Сквозь трещины в кабину проникал ветерок. Он щекотал лицо, напоминал, торопил...

Дышать! — сказал себе человек. Когда они подъедут, ты должен дышать. Дышать должен, потом должен выйти и улыбнуться. Они не заметят. Ничего не заметят. По крайней мере, в первые минуты. Их отвлекут борода и драная одежда. Они будут тебя разглядывать и кое-какие мелочи пропустят. А дышать надо обязательно. Если не будешь дышать — заметят непременно.

Он старательно сделал глоток воздуха, почувствовал, как струя хлынула в горло, обожгла легкие...

Вдох, еще один — наконец воздух обрел запах и суть, вызвал непривычное возбуждение. Но вот неприятные ощущения исчезли, хотя не полностью, избавиться от них оказалось далеко не просто.

Сила воли... Сила воли и сила разума. Вот силы, которые ни один человек не умеет использовать до конца. Сила, способная отдавать телу приказы, и сила, способная завести механизмы, бездействовавшие столько лет...

Вдох, еще вдох. Сердце бьется все ровнее, все увереннее. Желудок. Не бойся, желудок. Печень, теперь твоя очередь, старушка! Сердце, давай в том же духе. Отлично!

Это же не старость, не усталость. Это ни с чем не сравнишь. О тебе позаботились — твой внешний облик сохранен, в любой момент ты можешь подняться по тревоге и включиться.

Но включение оказалось подобно шоку. Инстинктивно он чувствовал — так и будет — и боялся этого момента. Новая жизнь, забытый обмен веществ вызвали почти агонию, шквал в организме...

Теперь нужно заняться приведением в порядок цвета кожи. Вид ее ужасен — трупная синева с радужными разводами. Колоссальная концентрация энер-

гии — и вот игра красок прекратилась. Осталась устойчивая голубизна. Худшее позади...

Руки с такой силой сжали рычаги управления, что суставы металлически хрустнули. Тело покрылось испариной, снова навалилась слабость...

Но нервы успокаивались, кровь пульсировала, и человек понял, что дышит, уже не задумываясь об этом.

Еще минуту он просто сидел, расслабившись. Ветерок гулял по кабине, ласково касаясь щек. Автомобиль был уже совсем близко.

— Джонни... — прошептал человек, — мы дома. Мы добрались. Это мой дом, Джонни. То самое место, о котором я столько тебе рассказывал...

Никто не ответил ему. Только где-то в глубине сознания возникло неопишуемое чувство радости, знакомое разве что восьмилетнему мальчишке, который набегался за день и вечером забрался под теплое одеяло.

— Джонни! — крикнул человек. И вновь ощутил брожение радости, в этот миг напомнившее ему удовольствие, что испытываешь, сидя в кресле, уронив руку, и в нее тычется прохладный нос любимой собаки...

...Кто-то барабанил по обшивке корабля.

— Ну, ладно, — сказал Эшер Саттон. — Я иду. Все будет в порядке.

Он наклонился, вытащил из-под кресла портфель. Подойдя к выходу, щелкнул замком. Люк открылся, и он сошел на землю.

Там его ждал только один-единственный встречавший.

— Привет, — улыбнулся Эшер Саттон.

— Добро пожаловать на Землю, сэр, — сказал человек, и струны памяти дрогнули от сочетаний звуков в слове «сэр». Саттон остановил взгляд на лбу встречавшего, и разглядел неяркую татуировку — серийный номер.

Надо же — он начисто забыл о существовании андроидов! Наверное, вообще о многом забыл. Забыл тысячи привычных мелочей. Они выветрились из памяти за двадцать лет.

Он заметил, что андроид с любопытством разглядывает его. Взор того задержался на разодранной коленке, потом скользнул к босым ногам.

— Там, где я был, — резко сказал Саттон, — я не имел возможности каждый день покупать новые костюмы.

— Конечно, сэр, — ответил андроид.

— А борода, — продолжал Саттон, — потому, что бриться было нечем.

— Ну, что вы, сэр, я видел бородатых и раньше, — смущенно воскликнул андроид.

Саттон стоял, не двигаясь, и смотрел на раскинувшийся перед ним мир — на устремленные в небо верхушки башен, сверкающие в лучах рассветного солнца, на зелень парков и лугов, на голубые и алые вспышки цветов на склонах холмов.

Он глубоко вздохнул, чувствуя, как воздух живой струей наполняет самые дальние уголки легких, которые так соскучились по нему...

Откуда-то из глубины памяти всплыли и нахлынули воспоминания. О жизни на Земле, о первых лучах Солнца, о пожарах закатов, о ярко-синем небе, о росе на траве, о быстром течении человеческой речи, о радостных звуках музыки, о дружелюбии птиц и белок, о покое и счастье...

— Машина ждет, — прервал воспоминания голос андроида. — Я отвезу вас к патрону.

— Я бы предпочел прогуляться, — ответил Саттон. Андроид покачал головой.

— Он ждет, сэр, и просил поторопиться.

— Ну, если так, то, конечно, поехали.

Сиденье было мягкое, и Саттон почти утонул в нем, не выпуская из рук портфеля.

Машина мчалась вперед, а он смотрел вокруг, очарованный зеленью.

— Зеленые поля Земли... — тихо пробормотал он. — Или там было «зеленые долины»? Ладно, не так уж важно. Эта песня написана давным-давно, когда на Земле еще были поля, а не стриженные газоны, когда человек обрабатывал землю из куда более практических соображений, чем разбивка цветников... Это было давно, тысячу лет назад, когда человек только

начинал ощущать, как Вселенная стучится в его душу. Задолго до того, как Земля стала столицей и административным центром Галактической Империи.

Вдали, у самой линии горизонта пошел на взлет громадный лайнер. Он отдал Земле прощальный поклон и скоро превратился в крошечную серебристую точку в синеве небес. Еще через мгновение точка вспыхнула червонным золотом в лучах солнца, и ее поглотила кружевная дымка небес.

Взгляд Саттон вновь вернулся к земле. И он как будто растворился в ее красоте, словно, пережив долгую зиму, впервые окунулся в настоящее ласковое тепло весны...

Вдали, на севере, возвышались башни-близнецы Департамента Инопланетных Связей. На востоке сверкала громада из стекла и пластика — Североамериканский Университет. Другие здания... Другие он забыл, не помнил их назначения. Уже не помнил.

Небоскребы располагались на довольно значительном расстоянии друг от друга, между ними раскинулись парки, а жилые дома скрывались за деревьями и зелеными изгородями.

Машина въехала на стоянку у административного здания космопорта.

— Прошу вас, сэр, — сказал андроид, открывая дверь.

В приемной было занято несколько кресел; в ожидании приема большей частью сидели люди.

Что люди, что андройды, подумал Саттон. Ни за что не отличишь, пока на лоб не посмотришь.

Метка на лбу — штамп производителя — предупреждающее клеймо: «Это не человек, хотя очень похож.»

Вот кто меня выслушает. Вот те, кому будет не все равно, кто поможет мне, если люди отвернутся. Потому что быть андроидом хуже, чем быть человеком. Их родила не мать, а лаборатория. Их мать — смесь химических веществ. А отец — высшая ступень развития технологической мысли.

Андроид — искусственный человек. Человек, созданный в лаборатории на основании глубочайших человеческих знаний о собственной химической, атом-

ной и молекулярной структуре и том таинственном понятии, что именуется жизнью.

Настоящие люди, но с двумя исключениями — метка на лбу и неспособность к биологическому размножению. Искусственные люди, созданные в помощь настоящим, несущие на своих плечах тяжкий груз забот Галактической Империи, помогающие тонкой прослойке человечества стать немного шире. При всем том им отведены определенные рамки, за которые выходить не полагалось.

Коридор был пуст. Саттон, шаркая босыми ногами, шел следом за андроидом.

Они остановились перед дверью с табличкой:

Томас Г. Дэвис

(человек)

Начальник оперативной службы

— Входите, — пригласил андроид.

Саттон вошел в кабинет. Человек, сидевший за письменным столом, вздрогнул.

— Я человек, — сказал ему Саттон. — Может, странно выгляжу, но я человек.

Дэвис указал на стул.

— Присаживайтесь, — с вежливой улыбкой произнес он.

Саттон сел.

— Почему вы не отвечали на наши сигналы? — спросил Дэвис.

— У меня сломался передатчик, — ответил Саттон.

— На вашем корабле нет названия.

— Название смыли дожди. А краски у меня не было.

— Дождь не может смыть краску.

— Ну, это на Земле. Там, где я был, это вполне возможно.

— А ваши двигатели? — поинтересовался Дэвис. — Мы их не запеленговали.

— Они не работали, — ответил Саттон.

— Не работали? Интересно. А как же вы управляли кораблем?

— С помощью энергии, — скрывая раздражение, ответил Саттон.

— С помощью энергии... — повторил Дэвис, сглотив слюну, и замолчал. Ответы его явно не устроили.

Саттон смерил Дэвиса ледяным взглядом.

— Есть еще вопросы?

Дэвис повертел в пальцах карандаш.

— Самые обычные, если не возражаете? — Дэвис выложил на стол несколько бланков.

— Имя?

— Эшер Саттон.

— Способ передвижения... Стоп! Подождите, как вы сказали? Эшер Саттон?

Дэвис сунул карандаш в стаканчик и отодвинул его.

— Именно так, — подтвердил Саттон.

— Почему же вы сразу не сказали?

— Потому что вы не спрашивали.

Дэвис был как будто взволнован.

— Если бы я знал... — пробормотал он.

— Может быть, дело в бороде? — спросил Саттон.

— Да нет! Отец часто рассказывал о вас. Джим Дэвис. Вы его, случайно, не помните?

Саттон покачал головой.

— Он был большим другом вашего отца. Ну, то есть... вернее сказать, они были знакомы.

— Очень рад. Ну и как поживает мой отец?

— О, отлично! — с энтузиазмом ответил Дэвис. — Постарел, правда, но держится молодцом.

— Мой отец, так же как и моя мать, — стиснув кулаки, произнес Саттон, — погибли пятьдесят лет назад во время пандемии на Аргусе.

Он поднялся и, глядя на Дэвиса в упор, добавил:

— Если вопросов больше нет, я предпочел бы отправиться в гостиницу. Надеюсь, там найдется номер для меня.

— Ну, конечно, мистер Саттон, безусловно. Вам надо отдохнуть, — засуетился Дэвис. — Где бы вы хотели остановиться?

— В «Орионе», как обычно.

Дэвис выдвинул ящик, вытащил справочник, полистал его, провел пальцем по странице сверху вниз.

— Код для телепортации — «Черри 26—3489». Кабина рядом.

— Благодарю вас, — ответил Саттон.

— Что касается вашего отца, мистер Саттон...

— Я все прекрасно понял. Можете не извиняться.

Саттон вышел из кабинета и направился к телепортационной кабине. Но прежде чем закрыть за собой дверь, он резко оглянулся.

Дэвис уже с кем-то возбужденно разговаривал по видеофону.

Глава 3

Гостиница «Пояс Ориона» за двадцать лет не изменилась. На взгляд Саттона, все выглядело как в тот день, когда он покинул Землю. Немного обшарпанный, постаревший дом, где по-прежнему царила атмосфера существования на цыпочках, с пальцем, прижатым к губам, подчеркнутая предупредительность, тихий шорох приглушенной жизни... Все это он помнил и тосковал об этом в долгие годы отчуждения и одиночества.

Живая картина на стене холла была все та же. Неизменный сатир и через двадцать лет продолжал догонять все ту же перепутанную нимфу. И все тот же заяц выпрыгивал из-за куста и с привычной скукой наблюдал за погоней, меланхолично пожевывая неизменный пучок клевера.

Мебель, принимавшая формы тела, вышла из моды еще тогда, двадцать лет назад, но все еще стояла на своих местах, правда ее перекрасили в мягкие пастельные тона.

Пористое покрытие на полу пружинило чуть меньше, а цефейский кактус, видимо, приказал долго жить: на его месте красовалась начисто лишенная экзотики земная герань.

Из кабины видеофона вышел служащий.

— Доброе утро, мистер Саттон, — сказал он хорошо поставленным голосом андроида. Потом добавил: — А мы все ждали, когда же вы вернетесь.

— Двадцать лет? — удивился Саттон. — Долгонько вам пришлось ждать.

Андроид невозмутимо продолжал:

— Мы сохранили ваш костюм. Знали, что он вам понадобится. Все чистое и выглаженное.

— Очень любезно с вашей стороны, Фердинанд.

— А вы почти не изменились, — сказал Фердинанд. — Только бороду отпустили. Но я-то вас сразу узнал.

— Борода и одежда, — уточнил Саттон. — Одежда в жутком состоянии, сами видите.

— Ну что вы, не так уж... — с вежливой улыбкой ответил Фердинанд. — У вас есть багаж, мистер Саттон?

— Нет.

— Тогда, может быть, желаете позавтракать?

Саттон смутился, внезапно ощутив, что действительно голоден. Мгновение он соображал, как пища может подействовать на отвыкший от нее желудок.

— Желаете посмотреть меню?

Саттон покачал головой.

— Да нет, не нужно. Я лучше пока приму душ и побреюсь. А завтрак потом пришлите в номер. Все равно что. И одежду.

— Может быть, омлет? Вы раньше всегда заказывали омлет на завтрак.

— С удовольствием, — ответил Саттон, отошел от стойки и усталой походкой направился к лифту.

Он уже собирался закрыть дверь, когда услышал:

— Подождите, пожалуйста!

Он обернулся. Через холл бежала стройная рыжеволосая девушка. Она скользнула в кабину лифта и прижалась к стенке спиной.

— Огромное спасибо, что подождали, — переведя дыхание, сказала она.

Кожа у нее была белая, как цветок магнолии, а глаза глубокого серого цвета. Как гранит, подумал Саттон.

— Мне было приятно подождать вас, — сказал он и мягко закрыл дверь кабины.

Девушка смерила его любопытным взглядом, и губы ее дрогнули в улыбке. Саттон улыбнулся в ответ.

— Знаете, терпеть не могу обувь. Жутко трет, — простодушно признался он и нажал кнопку.

Лифт тронулся, мелькая огоньками этажей.

— Я приехал, — сказал Саттон, когда кабина остановилась. — Всего доброго.

— Мистер!

— Да, в чем дело?

— Я не собиралась над вами смеяться! Честное-пречестное слово, даже и не думала!

— А я и не обиделся. Почему бы вам не посмеяться! — с улыбкой ответил Саттон и закрыл дверь.

Минуту он постоял у лифта, пытаясь побороть охватившее его волнение.

Спокойно, сказал он себе. Полегче, парень. Как минимум, ты дома. Вот место, о котором ты мечтал. Десятка три шагов, и все. Подойдешь, повернешь ручку, толкнешь дверь, а там все будет точно так, как ты запомнил. Любимое кресло, живые картины на стенах, маленький фонтан с венерианскими русалками, и окна, из которых видна Земля... Но никаких эмоций. Раскисать нельзя. Потому что тот тип в космопорту врал. И в гостиницах по двадцать лет номера не держат.

Что-то тут не так. Непонятно пока, что именно, но что-то катастрофически не так...

Он сделал шаг, потом еще один... Шел медленно, борясь с волнением, часто сглатывая слюну...

На одной из картин, вспоминал он на ходу, был лесной ручей, деревья на берегу и птицы, перелетавшие с ветки на ветку. В самые неожиданные моменты какая-то из птиц начинала петь. Чаще всего — на рассвете или на закате. Вода в ручье заливалась радостной песенкой, и слушать ее, утонув в глубоком кресле, можно было бесконечно.

Он вдруг понял, что бежит, но даже не попытался остановиться.

Пальцы сжали ручку, повернули ее... Вот она, его комната — любимое кресло, бормотание ручейка, плеск русалочьих хвостов.

Опасность он почувствовал сразу, еще не успев переступить порог. Хотел бежать, но было поздно. Ноги подкосились, он упал.

— Джонни! — захлебнулся он собственным криком.

Перед тем, как погрузиться в темноту, Саттон успел услышать еле различимый шепот:

— Все нормально, Эш. Мы в ловушке.

Глава 4

Когда Саттон очнулся, то сразу понял, что в комнате кто-то есть; не открывая глаз, он продолжал дышать ровно, спокойно, как будто еще спал.

Итак, в комнате кто-то был. Сейчас он стоит у окна, теперь перешел к камину. Остановился. Наверное, разглядывает картину. Было так тихо, что Саттон сквозь плеск воды в фонтане слышал смеющееся журчание ручья и тихое пение птиц на ветвях деревьев, и ему даже показалось, что он отчетливо чувствует запахи хвои, листвы и мха, покрывавшего берега ручья.

Неизвестный сделал еще несколько шагов и сел в кресло, насвистывая какую-то незнакомую легкомысленную песенку.

Значит, меня обыскали, подумал Саттон. Сначала одурманили каким-то быстродействующим газом, а потом обыскали и обследовали. Господи, что же они со мной делали? Все, как в тумане. Он с трудом вспоминал... Мелькали огоньки приборов, на голове — датчики... Я мог бы сопротивляться, но понимал, что это бесполезно. И потом, мне нечего было скрывать от них. Что выкопали, то выкопали, и черт с ними. Тем лучше. До главного им все равно не добраться. И он мысленно ободряюще похлопал себя по плечу.

Теперь они ушли. Узнали, что хотели, и ушли, оставив кого-то приглядывать за мной. И этот кто-то сейчас здесь.

Саттон пошевелился и открыл глаза, делая вид, что он только что очнулся.

Неизвестный встал и подошел к нему. Саттон увидел на нем белый халат.

— Ну, пришли в себя? — спросил доктор, наклонившись над кроватью.

Саттон вяло поднял руку и рассеянно провел ею по лицу.

— Да, пожалуй, да...

— Вы потеряли сознание, — сказал доктор. — Видимо, очень устали.

— Да, — отозвался Саттон. — Чертовски устал.

Продолжай! — думал он. Давай, спрашивай еще. Тебя же проинструктировали. Лови меня на слове, пока я слаб и беспомощен. Качай из меня информацию, как воду из колодца. Ну, давай, спрашивай, зарабатывай свои вонючие деньги!

Но он ошибся.

Врач выпрямился.

— Надеюсь, вам скоро станет лучше, — сказал он. — Но если почувствуете себя неважно, позвоните. Я оставил на камине визитную карточку.

— Благодарю вас, доктор, — ответил Саттон.

Он проводил врача взглядом, дождался, пока закрылась дверь, и рывком сел. Быстро осмотрел номер. Одежда валялась кучей посреди комнаты. Портфель? Лежит на стуле. Обыскан, без сомнения. Содержимое, конечно, сфотокопировано. Всю комнату, конечно же, пронизывают насквозь лучи-шпионы. Уши слушают, глаза глядят.

Но кто? Кто, черт возьми? — спрашивал он себя. Ведь о его возвращении не знала ни одна живая душа. Никто не мог даже догадываться. Даже Адамс. Об этом просто невозможно было узнать. Как же они узнали?

Странно... Странно, Дэвис в космопорту прекрасно знал его имя, а потом начал врать и изворачиваться, чтобы скрыть это.

Странно и то, что Фердинанд солгал — они, видите ли, двадцать лет берегли его старый костюм. Чушь какая! Но еще более странно, что Фердинанд, обернувшись, заговорил с ним так, как будто он отсутствовал не двадцать лет, а каких-нибудь пару дней, не больше.

Все было организовано, думал Саттон. Отработано до мельчайших деталей. Механизм, точный, как хронометр, был заведен на момент моего появления. Но кто мог меня ждать? Еще раз, с самого начала: никто не знал, что я вернусь. Что я вообще вернусь. Ну, даже если, допустим, кто-то и знал, для чего было затевать всю эту суету?

Откуда им знать, думал он, что у меня с собой. Даже если бы знали, что я возвращаюсь, и то это было бы в миллион раз вероятнее, чем если бы знали, почему именно я возвращаюсь. А если бы узнали — не поверили... Конечно, если бы они осмотрели корабль, вот там-то им было бы чему удивиться. Тогда то, что происходит, еще можно хоть как-то объяснить. Но у них не было времени осмотреть его. Нет, им нужен был именно я, я сам, и они начали меня обрабатывать с первой же секунды после приземления.

Дэвис отправил меня в телепортационную кабину, а сам, как сумасшедший, стал кому-то названивать. Фердинанд знал, что я приду. Знал, что, обернувшись, увидит именно меня. Ну, а девушка — та, рыжеволосая? Тоже из этой компании?

Саттон встал, потянулся.

Значит, так, сказал он себе, сначала под душ и бриться. Потом одеться и позавтракать. Потом сделать пару звонков по видеофону. Нельзя вести себя так, как будто все кончено, уговаривал он себя. Вести себя надо так, как будто ничего не произошло. Выше нос. Поговори сам с собой. Это помогает. Ну в зеркало погляди. На кого ты похож? Душераздирающее зрелище. Давай, давай, в порядок себя приводи. И вообще, чувствуй себя как дома. Но будь внимателен, понял? За тобой следят.

Глава 5

Саттон заканчивал завтрак, когда в дверь постучали, и вошел тихий, застенчивый андроид.

— Меня зовут Геркаймер, — представился он. — Я принадлежу мистеру Джеффри Бентону.

— Вас мистер Бентон послал?

— Да, сэр. Он прислал вам вызов.

— Вызов?!

— Да, сэр. Вызов на дуэль.

— Но... у меня нет никакого оружия, — ответил Саттон первое, что пришло в голову.

— Не может быть, — удивленно сказал Геркаймер.

— Да я ни разу в жизни не дрался на дуэли, — ответил вконец обескураженный Саттон. — Да и сейчас, признаться, особого желания не испытываю.

— Простите, сэр, но у вас нет выбора.

— Что значит «нет выбора»? Выходит, я должен отправиться к вашему хозяину безоружным, так что ли?

— Но вы не должны быть безоружным, сэр. Вы разве не знаете? Пару лет назад вышел новый закон. Теперь ни один мужчина моложе ста лет не должен ходить без оружия.

— Ну а если у меня его нет, тогда как?

— Тогда, — с искренним сожалением в голосе ответил Геркаймер, — всякий, кто захочет, может пристрелить вас, сэр, извините, как котенка.

— И вы совершенно уверены в том, что говорите?

Геркаймер полез в карман и вытащил небольшую книжечку. Послужив палец и перелистал страницы.

— Вот, прочитайте!

— Да нет, не нужно. Верю вам на слово.

— Значит, вы принимаете вызов? — обрадованно спросил Геркаймер.

Саттон печально улыбнулся.

— А куда деваться? Надеюсь, мистер Бентон подождет, пока я куплю себе пистолет?

— Не беспокойтесь! — радостно засуетился Геркаймер. — Пистолет я вам принес. Мистер Бентон прислал. На всякий случай. Этикет, понимаете. Вдруг у кого оружия нет при себе.

Он полез в другой карман и вытащил пистолет. Саттон взял его и положил на стол.

— Довольно дурацкая штукавина, — сказал он, разглядывая оружие.

Геркаймер слегка смутился.

— Стандартный, — сказал он. — Самый лучший. 45-го калибра. Пристрелян на пятьдесят футов.

— Вот тут потянуть? — ткнул пальцем Саттон.

Геркаймер кивнул:

— Это пусковой крючок, сэр. Только его не тянут, как вы сказали, а нажимают.

— Послушайте, если не секрет, а почему мистер Бентон меня вызывает? Чем я ему не угодил, ведь я его ни разу в жизни не видел?

— Зато вы очень знамениты, сэр!

— Ну, это сомнительно...

— Нет-нет, что вы! Вас все знают. Вы — космонавт-исследователь, вернулись на Землю из долгой экспедиции. Еще у вас с собой загадочный портфель. А внизу, сэр, вас ожидают репортеры.

— Ага, я, кажется, начинаю понимать — ваш мистер Бентон предпочитает приканчивать знаменитостей.

— Да, это его больше устраивает. Шумиха, разговоры...

— Но я не знаком с вашим мистером Бентоном! Должен же я, черт подери, хотя бы знать, с кем я, в конце концов, стреляюсь.

— Я вам покажу его, — сказал Геркаймер дрожащим от испуга голосом. — Вот... сейчас... вы его увидите.

Он подошел к видеофону, набрал на панели номер и отошел в сторону.

— Вот он, сэр!

На экране возник мужчина, сидевший в позе глубокой задумчивости за шахматным столиком. Партия была разыграна наполовину. С противоположной стороны столика разместился довольно симпатичный робот. Мужчина взял слона, повертел его, сделал ход. Робот заворчал, защелкал и пошел пешкой. Бентон ссутулился, склонился над доской, поскреб затылок волосатой пятерней.

— Оскар огорчил его, — хихикнул Геркаймер. — Всегда так. Все время огорчает мистера Бентона. Бедняга, ни одной партии не выиграл за десять лет!

— Зачем же он играет?

— Упрямый, — ответил Геркаймер. — И Оскар упрямый. Хотя... машины и должны быть упрямее людей. Так устроены.

— Следовательно, ваш хозяин заранее знал, что Оскар всегда будет выигрывать. Человек просто не способен обыграть робота-профессионала!

— Знать-то он знал, да не поверил. Сам хотел убедиться.

— Самовлюбленный маньяк! — процедил Саттон.

Геркаймер внимательно посмотрел на него.

— Пожалуй, вы правы, сэр, — сказал он осторожно. — Признаться честно, я и сам иногда так думаю.

Саттон снова взглянул на Бентона. Тот продолжал сидеть, склонившись над доской, подперев кулаком массивный подбородок. Обрюзгшее лицо его было покрыто тонкой сетью расширенных кровеносных сосудов, взгляд был тупой, почти бессмысленный.

— Ну, сэр, будем считать, познакомились? — спросил Геркаймер.

Саттон кивнул:

— Да, пожалуй, при встрече я его узнаю. Честно говоря, он не кажется мне таким уж страшным.

— Он убил уже шестнадцать человек, — холодно сказал Геркаймер. — Дал обет двадцать пять убить, тогда успокоиться.

Посмотрев Саттону прямо в глаза, он добавил тихо:

— Вы семнадцатый.

— Постараюсь облегчить его задачу, — обреченно ответил Саттон.

— Как вы предпочитаете драться, сэр? Я имею в виду — официально или нет?

— Знаете что? Меня бы устроило что-то вроде кетча.

Геркаймер был явно недоволен.

— Но... существуют определенные правила...

— Можете передать мистеру Бентону, что засаду я устраивать не собираюсь.

Геркаймер повертел в руках кепку, надел ее.

— Желаю удачи, сэр, — сказал он.

— Ну, спасибо, Геркаймер, — с усмешкой ответил Саттон.

Когда за андроидом закрылась дверь, Саттон еще раз взглянул на экран. Бентон сделал рокировку. Оскар защелкал, замигал, передвинул слона на две клетки и объявил шах королю Бентона.

Саттон выключил видеофон.

Потирая ладонью гладко выбритый подбородок, он размышлял: совпадение или нет? Пока трудно понять...

Одна из русалок забралась на бордюр фонтана, и, балансируя трехдюймовым тельцем, что-то просвистела. Саттон оглянулся.

Русалка нырнула и стала плавать кругами, подмигивая весьма недвусмысленно. Пожав плечами, Саттон дотянулся до панели видеофона, вытащил справочник, быстро перелистал страницы...

ИНФОРМАЦИЯ

(для землян)

И подзаголовки:

*Питание
Культура
Ритуалы*

Ага, вот это то, что надо. Ритуалы. Он отыскал слово «Дуэль», набрал номер. Переключил рычажок на прямую связь. На экране возникла бесстрастная физиономия робота.

— К вашим услугам, сэр, — произнес робот.

— Видишь ли, тут такое дело... Меня вызвали на дуэль.

Робот ожидал вопроса.

— А я не хочу драться, — сказал Саттон. — Нет ли какого-нибудь хитрого юридического хода, чтобы отказаться поизящнее? Можно что-нибудь придумать?

— Нельзя, — отрезал робот.

— Что, прямо-таки никак нельзя?

— Вы моложе ста лет? — спросил робот.

— Да.

— Вы здоровы и в трезвом уме?

— Ну... думаю, что да.

— Точнее. Да или нет?

— Да.

— Не принадлежите ли вы к какой-нибудь религиозной секте, где убийство запрещено?

— Вообще-то я всю жизнь считал себя христианином. А в христианстве есть заповедь «Не убий».

Робот покачал головой:

— Это не считается.

— Но сказано же четко и ясно, — заспорил Саттон. — «Не убий!»

— Сказано-то оно сказано, — ответил робот, — но заповедь дискредитирована. Вами же, людьми, между прочим. Вы, по существу, никогда ее и не исполняли. То есть вы вольны как исполнять ее, так и наоборот, разрушать. Это та вещь, которую вы забываете на вдохе, а на выдохе вспоминаете, образно говоря.

— Тогда я, пожалуй, пропал, — произнес Саттон.

— В соответствии с пересмотром от 7990 года, — продолжал робот официальным тоном, — принят закон, что всякий мужчина моложе ста лет, здоровый умственно и физически и свободный от религиозных установок (если таковые имеются, он должен обратиться в апелляционную комиссию), получив вызов, обязан драться на дуэли.

— Понятно, — обреченно проговорил Саттон.

— История дуэлей, — продолжал робот более оживленно, — весьма интересна и увлекательна.

— Что может быть увлекательного? Варварство одно, — пробурчал Саттон.

— Возможно. — В голосе робота появились менторские нотки. — Но людям оно свойственно до сих пор и не только в этом аспекте.

— А ты, однако, наглец! — отметил Саттон.

— А надоело мне все, — признался робот. — Чертовски устал я от вашего человеческого самодовольства. Вот вы говорите, что отменили войны, а что на деле? Вы просто все устроили так, что другие не осмеливаются напасть на вас. Говорите, что покончили с преступностью. Покончили, конечно. С чьей угодно, только не с собственной. Причем, честно признаться, та преступность, с которой покончено, по человеческим-то меркам, и не преступность вовсе. Так, детские шалости.

— Послушай, дружище, — доверительно сказал Саттон. — А ты не рискуешь, произнося подобные речи?

— А вы можете выключить меня, когда надоест, — ответил робот. — Моя жизнь немного стоит, так же, как и моя работа. — Поймав взгляд Саттона, он заторопился: — Постараюсь объяснить, сэр, а вы послушайте... На протяжении всей своей истории человек был убийцей. С самого начала своего существования он был хитер и жесток, хотя слаб и уязвим, вот он и научился пользоваться дубинкой и камнями. Вначале были твари, которых он не умел убивать. Убивать могли они. Но человек был хитер, дубинкой и каменным топором он стал убивать мамонтов и саблезубых тигров, которых голыми руками не возьмешь. Так он обрел власть над животными, и истребил всех, кроме тех, которым милостиво позволил служить себе. Но уже тогда, когда он дрался с животными, он дрался и с себе подобными. Животные были побеждены, но продолжались другие битвы — человека с человеком, народа с народом.

— Все это в прошлом, — возразил Саттон. — Уже более тысячи лет назад войны прекратились. Теперь людям нет нужды убивать.

— Вот в этом-то и загвоздка, — сказал робот. — Действительно, теперь как будто нет нужды ни сражаться, ни убивать. О, ну разве только в исключительных случаях, где-нибудь на далеких планетах, где иной раз приходится кого-нибудь прикончить из соображений самозащиты, или, как у вас говорится, для поддержания торжества власти человечества. Но по большому счету необходимость в убийстве действительно отпала. И все же вы убиваете. Вы без этого просто не можете! Древняя жестокость сидит в вас. Вы упиваетесь властью, а убийство — одно из проявлений власти. У вас это в крови. Вы вынесли это из пещер. Теперь вам осталось одно — убивать друг друга, чем вы и занимаетесь, сочинив для этого красивое название — «дуэль». В общем-то, вы понимаете, что это нехорошо, но вы — лицемеры, и поэтому разработали целую систему понятий, чтобы вся эта мерзость выглядела прилично, даже благородно. Вы называете это ритуалом, рыцарством или, по крайней мере, стараетесь думать, что это так. Вы одеваете убийство в блестящие одежды вашего порочного прошлого, укутываете его в пелену красивых слов, но слова — чушь. Король-то голый!

— Послушай, — прервал его Саттон, — я же как раз не хочу драться на этой проклятой дуэли! Я так сразу и сказал!

В голосе робота прозвучала радость мщения:

— Придется! Деваться-то некуда. Но могу кое-что подсказать, если желаете. Я знаю уйму всяческих хитрых способов...

— Постой, это как же? Мне показалось, что ты как раз против дуэлей.

— Ну, против, — согласился робот. — Но это моя работа. Я к ней привык. Стараюсь работать получше, а про себя думаю другое, вот, с вами по душам поговорил. А сколько я всего знаю, сэр... Могу рассказать вам о любом человеке, когда-либо дравшемся на дуэли. Могу часами разглагольствовать о преимуществах пистолетов перед рапирами. Но если надо будет — начну превозносить рапиры... Могу поведать вам о вольных стрелках Дикого Запада, о чикагских гангстерах, о ямайских пиратах, о...

— Спасибо, не нужно, — отказался Саттон.

— Неужели не интересно?

— Интересно, но у меня мало времени, — ответил Саттон и протянул руку к панели видеофона.

— Но, сэр, — взмолился робот. — У меня так редко бывает возможность! Так мало запросов. Всего лишь часок-другой, а? Может, все-таки послушаете?

— Нет, — твердо отказался Саттон.

— Ну, нет так нет. Скажите хотя бы, кто вас вызывает?

— Бентон. Джеффри Бентон.

Робот присвистнул.

— Что, плохо дело?

— То есть не то слово, сэр, — ответил робот.

Саттон выключил видеофон.

Он откинулся в кресле, разглядывая лежавший на столе пистолет. Потом протянул руку и взял его. Рукоятка удобно легла в ладонь. Саттон поднял пистолет и прицелился в дверную ручку. Удобная штука! Почти часть тела. Внутри нее чувствовалась власть. Власть и господство. Он как будто сразу стал сильнее. Сильнее и опаснее. Он огорченно вздохнул и положил пистолет на место.

А робот-то был прав, мелькнуло в голове.

Он встал, подошел к видеофону и набрал номер. На экране возник Фердинанд.

— Меня кто-нибудь ждет внизу, Фердинанд?

— Никого нет, — ответил тот.

— Кто-нибудь спрашивал?

— Никто, мистер Саттон.

— Репортеры, фотографы?

— Нет, мистер Саттон. Вы их ждете?

Саттон ничего не ответил и выключил видеофон, чувствуя себя в высшей степени по-дурачки.

Глава 6

Людей в Галактике было немного: тут — один, там — горстка. Хрупкие комочки плоти и крови, призванные держать под контролем всю Галактику. Слабые плечи, на которых покоилась мантия людского величия, шлейф которой тянулся через многие и многие световые годы.

Но человек удерживал звездные форпосты не физической силой, а силой разума, колоссальной интуицией и еще — непоколебимой убежденностью в том, что он, человек, является венцом творения всего живого в Галактике, несмотря на обилие фактов, способных опровергнуть эту убежденность. (Такие факты изучали, оценивали и выбрасывали в корзинку для бумаг.) Человек с презрением относился к любым цивилизациям, если их величие не сопровождалось агрессивностью и жестокостью.

Слишком тонкая прослойка, твердил про себя Адамс. Слишком тонкая, да еще и неравномерная. В принципе, один-единственный человек в компании с дюжиной андроидов и сотней роботов мог бы управлять Солнечной Системой, мог бы, при необходимости. Через какое-то время, если удастся сохранить уровень рождаемости, людей станет много больше, но для этого понадобится не одна сотня веков, так что пока в руках человека только ключевые объекты — планета-другая

на целую планетную систему, да и то не на каждую. Поскольку людей не доставало, процесс управления Галактикой напоминал чехарду. Были определены стратегические сферы влияния, и особое внимание уделялось только наиболее богатым и влиятельным цивилизациям. Места для экспансии хватало на миллионы лет вперед... Если через миллион лет во Вселенной останутся люди, если живущие на других планетах позволят человечеству выжить, не возжелав в один прекрасный день дорого заплатить за уничтожение рода человеческого...

Цена будет высокая, размышлял Адамс, разговаривая сам с собой. Но произойти это может, и сделать это будет нетрудно. Работы на несколько часов. Утром люди есть, а вечером их нет. Что с того, что за одну человеческую жизнь будут отданы тысячи жизней других существ. В определенной ситуации такая цена может оказаться и не столь уж высокой.

Уже сейчас кое-где существуют островки напряженности и сопротивления, где нужно соблюдать предельную осторожность, а то и обходить стороной эти места. Как на Лебеде-61, к примеру. Пока все держится на абсолютной и бесповоротной уверенности человека в том, что он неприкасаем, что ему не положено погибать.

И тем не менее — пятеро погибли: три человека и два андроида, погибли на берегу реки, на Альдебаране-12 всего в нескольких милях от Андрелона, главного города планеты.

Это не несчастный случай, никакого сомнения.

Адамс пробежал глазами параграф из последнего отчета Торна.

«Сила действовала извне. Мы обнаружили отверстие, прожженное в защитном покрытии атомного двигателя. Силой кто-то управлял, в противном случае разрушение было бы полным. Автоматика сработала, и предотвратила взрыв двигателя, но машина потеряла управление и врезалась в дерево. В районе катастрофы отмечена интенсивная радиация.»

Торн отличный парень, думал Адамс. Он ничего не упустил, моментально направил роботов по горячим следам.

Но из отчета мало что было понятно, очень мало, чтобы получить ответ. Одни вопросы, новые вопросы.

Пятеро погибли, и этим сказано все. Но, увы, ни следов, ни отпечатков пальцев, ничего, что могло бы хоть как-нибудь помочь расследованию.

В нескольких метрах от распростертых на земле тел валялась беспомощная машина, практически распоротая надвое стволом дерева. Машина, у которой, как и у погибших, уже ничего не спросишь. Уникальная машина, не имеющая аналогов в Галактике, но теперь абсолютно бесполезная.

Торн докопался бы. Он мог исследовать на солидографах все, что там осталось, — все, до последнего искореженного кусочка металла, стекла, пластика; провести анализы, построить графики, ввести данные в компьютеры, а уж они тщательно, молекулу за молекулой, исследовали бы все до конца. Что-нибудь да обнаружили бы. Почему...

Адамс отложил отчет в сторону и откинулся в кресле. Рассеянно прочитал свое имя и фамилию на двери кабинета. Туда, потом обратно. Медленно, старательно. Как будто впервые видел или как будто разгадывал ребус. Потом так же рассеянно прочитал то, что было написано ниже:

*Инспектор бюро инопланетных связей
Департамент Галактических Исследований
Сектор N 16
(Юстиция)*

Послеполуденное солнце ласково согревало голову, шаловливо щекотало серебристые усы...

— Пятеро погибли...

Господи, как же ему хотелось перестать думать об этом! Есть дела поважнее. Хотя бы эта заварушка с Саттоном. Адамс как раз ожидал новостей по этому поводу.

Но мысли возвращались к фотографии, последней фотографии из отчета Торна, и он никак не мог выбросить ее из головы. Разбитая вдребезги машина, изуродованные трупы и гигантские клубы дыма над местом катастрофы... Серебристая река молчаливо

несла вдаль свои воды, и безмолвие чувствовалось даже на снимке. А вдали, на фоне розоватого неба, виднелась паутина строений Андрелона...

Адамс улыбнулся.

Альдебаран-12, думал он. Там, наверное, красиво...

Он никогда там не был и вряд ли уже побывает. Слишком много планет, нечего и надеяться побывать везде и увидеть все собственными глазами.

Когда-нибудь, наверное, настанет время, и система телепортации сможет действовать на расстояниях, измеряемых световыми годами, а не паршивыми милями, как сейчас. Может быть, тогда человек сумеет ступить на любую, какую пожелает, планету — на день, да хоть на час, чтобы потом с гордостью сказать: «Я там был!»

Конечно, Адамсу вовсе не обязательно везде присутствовать лично. У него повсюду глаза и уши, на всех населенных планетах инспектируемого им сектора.

На Альдебаране — Торн. Торн — надежный парень. Он бы не успокоился, пока не добыл бы всю, до последнего грамма информацию из груды разбитого металла и почерневших трупов.

Боже, как я хочу забыть об этом! — продолжал Адамс безмолвную беседу с самим собой. Это важно, конечно, но не важнее же всего остального!

Размышления Адамса прервал звонок. Он вострепнулся и нажал рычажок на пульте связи.

— Адамс слушает.

Голос андроида произнес:

— На связи мистер Торн, сэр. По ментафону из Андрелона.

— Благодарю, Элис, — ответил Адамс, выдвинув ящик стола и вытаскивая шлем для ментафонной связи. Он надел его и приладил поудобнее.

В мозгу тут же забежали мысли — чужие, беспорядочные, далекие. Неведомо чьи мысли, носившиеся во всей Вселенной, — обрывки мыслей неведомых существ из неведомого времени и пространства.

Адамс поежился.

Никогда не привыкну, подумал он. Вечно буду дергаться, как мальчик, заслуживший порку.

Мысли-невидимки попискивали, пощелкивали в глубинах мозга, совсем как на волнах радиоприемника. Адамс закрыл глаза и откинулся в кресле.

«Привет, Торн», — подумал он. Ответная мысль Торна добралась до него — тихая, потрепанная, прошедшая расстояние более пятидесяти световых лет.

«Это вы, Адамс? У нас тут довольно паршиво.»

«Да, это я. Что там у вас?»

Вместо ответа, откуда ни возьмись, влезла громкая, пронзительная, как модный шлягер, идиотская мысль:

«Потише, потише, рыба на крыше, кислород нынче дорого стоит.»

Адамс выгнал из сознания эту абракадабру и попытался сконцентрироваться.

«Простите, Торн, повторите еще раз. Влез какой-то призрак и перебил вас.»

Мысль Торна прозвучала более громко и отчетливо:

«Я хотел поинтересоваться насчет одной фамилии. Такое впечатление, что я слышал ее когда-то, но не уверен...»

«Что за фамилия? Кто вас интересует?»

«Эшер Саттон. Меня интересует Эшер Саттон.»

Адамс выпрямился в кресле, раскрыв рот от изумления.

«Как вы сказали?» — мысленно вскрикнул он.

Тут опять в сознание проник чей-то посторонний голос:

«Следуйте на Запад. На Запад, потом прямо...»

«Еще раз! — мысленно взмолился Адамс. — Еще раз, будьте добры, и помедленнее. Я плохо вас расслышал!»

«Дело было так. Помните, я вам сообщал о катастрофе? Погибли пятеро...»

«Да, да, конечно помню!»

«Ну так вот. Мы нашли там книгу, вернее, нечто, что раньше было книгой. Она оказалась рядом с одним из погибших. Почти целиком сгорела, вся обуглилась, сильно облучена. Роботы исследовали ее, как смогли, но почти ничего не выудили. Сохранились единичные слова. Каково ее содержание, понять невозможно...»

В течение мысли вмешивались гул и мурлыканье. Какие-то неоконченные предложения или, наоборот,

окончания фраз. Помехи, мысленные помехи, в которых было нечто непонятное для человека, даже если бы удалось расслышать эти фразы целиком.

«Еще раз, — безнадежно отправляя свою мысль в пространство Адамс. — Еще раз, прошу вас!»

«Помните аварию, где пятеро погибли?»

«Помню прекрасно. Вернитесь к книге. Откуда там взялся Саттон?»

«Роботы нашли всего два слова. «Эшер Саттон». Такое впечатление, что он автор этой книги. Имя стояло на одной из первых страниц. Может быть, это был титульный лист...»

Адамс расслабился и почувствовал, как струйки холодного пота потекли по спине...

«Может быть, я напрасно трачу время, но меня не покидает ощущение, что я уже слышал это имя раньше.»

«Конечно, слышали, — мысленно ответил Адамс. — Саттон был на Лебеде-61.»

«О, так это он?!»

«Да, и сегодня утром он вернулся.»

«Ну, тогда это не он. Наверное, однофамилец какой-нибудь.»

«Наверное.»

«У меня все, — сказал Торн. — Имя не давало мне покоя.»

«Продолжайте расследование, — ответил Адамс. — И сообщайте немедленно, как только что-нибудь выясните.»

«Обязательно, — пообещал Торн. — До свидания.»

«Спасибо, что держите меня в курсе. Всего доброго.»

Адамс стащил с головы шлем, открыл глаза, и вид собственного кабинета, такого привычного, земного, освещенного ласковым солнцем, почти шокировал его.

Он сидел в кресле, совершенно разбитый, и напряженно вспоминал...

В сумерках пришел человек, пересек двор, сел рядом в полумраке и завел странный разговор, сумасшедший разговор, с точки зрения нормального человека. «Когда Саттон вернется, он должен быть убит.» «Я — ваш преемник.» Белиберда, полная белиберда. Поверить невозможно. А ведь, наверное, надо было

бы его выслушать более внимательно и постараться понять. Как можно допустить мысль о том, что человека можно убить после двадцатилетнего отсутствия? Особенно такого человека, как Саттон!

Саттон — отличный сотрудник. Один из лучших в Бюро. Опытный, прекрасно разбирающийся во внеземной психологии, крупный авторитет в галактической политике. Кроме него просто некому было поручить исследование Лебедя-61. Кроме Саттона никто бы не справился. А справился ли он?

Этого Адамс не знал.

Завтра он появится, и сам мне все расскажет, успокоил он себя, отодвинул шлем и ослабевшей рукой нажал клавишу на пульте.

— Элис, принесите-ка мне досье Эшера Саттона, будьте добры.

— Хорошо, мистер Адамс.

Адамс откинулся в кресле, потянулся. Плечи приятно согревало солнце. Тиканье часов успокаивало...

Да... — думал Адамс. Тут за пятнадцать-то минут с ума сойдешь, а ведь тысячи сотрудников дни и ночи напролет только этим и занимаются — вслушиваются во вселенский эфир, охотясь за отдельными словами и предложениями, пытаясь уловить смысл, выудить из них то, что могло бы пойти на пользу человечеству — новую технологию, новую науку, о которых люди пока не могут и помышлять.

Но не только переговоры на расстоянии в десятки и сотни световых лет и технический шпионаж составляли задачу проекта ментафонной связи. Было и другое... Человечество боялось новой философии, новой идеи, могущей поколебать границы, которые с таким трудом приходилось удерживать. Все должно было оставаться, как есть.

Новая идея, подумал Адамс, не дай Бог!

Глава 7

Видимо, эти люди ждали именно Саттона, и, как только он вышел из кабины лифта, они направились ему навстречу.

Их было трое, они встали перед ним в ряд, как загонщики.

— Мистер Саттон? — спросил один из них, и Саттон утвердительно кивнул.

Мужчина, обратившийся к нему, выглядел так себе. Может, он и не провел ночь не раздеваясь, но выглядел именно так. В заскорузлых грязных руках он мял выдавшую виды кепку. Давно не стриженные ногти украшали траурные каемки грязи.

— Чем могу быть полезен? — спросил Саттон.

— Мы хотели бы поговорить с вами, сэр, если вы не возражаете, — сказала единственная женщина в этом странном трио. — Видите ли, мы — что-то вроде делегации.

— Честно говоря, я собирался пообедать, — рассеянно сказал Саттон.

Женщина изо всех сил кокетливо улыбалась.

— О, сэр, — заволновалась она, — мы вас долго не задержим. Позвольте представиться. Меня зовут миссис Джеллико, — сказала она таким тоном, будто это сообщение должно было несказанно обрадовать

Саттона. — А вот этот джентльмен, что обратился к вам, мистер Гамильтон. А это — капитан Стивенс.

Капитан Стивенс, как отметил Саттон, казался крепким мужчиной, и одет был гораздо приличнее своих спутников. Его голубые глаза, казалось, говорили: «И я не в восторге от них, Саттон, но что делать — так уж вышло...»

— Капитан? — заинтересовался Саттон. — Звездолетчик?

Стивенс кивнул.

— В отставке. — Он откашлялся. — Мы просим извинения, мистер Саттон, что потревожили вас. Мы хотели подняться к вам в номер, но нас не пустили. Мы ждали несколько часов. Надеюсь, вы не откажете нам.

— Ну, пожалуйста, это совсем недолго, выслушайте нас, — умоляюще замурлыкала миссис Джеллико.

— Может, тут в холле и присядем? — буркнул Гамильтон, продолжая усиленно мять кепку.

— Как вам будет угодно, — нехотя согласился Саттон и сел в кресло. — Ну, что же у вас за дело?

Миссис Джеллико набрала воздуха, собираясь, видимо, произнести длинную тираду.

— Мы представляем Лигу Борьбы за права андрондов, — начала она торжественно и сделала еще один глубокий вдох.

Но тут вмешался Стивенс, не дав ей перейти в галоп.

— Я надеюсь, мистер Саттон, вы слышали о нас?

— Я знаю о существовании Лиги, — подтвердил Саттон.

— О! — вмешалась миссис Джеллико. — Тогда, может быть, вы знакомы и с какими-нибудь нашими изданиями?

— Нет, — признался Саттон. — Как-то не довелось.

— Значит, мы правильно сделали, что захватили кое-что с собой! — радостно воскликнул Гамильтон и, запустив грязную лапищу во внутренний карман мятого пиджака, достал пачку разлохмаченных листков и потрепанных брошюр.

Он вручил все это Саттону, тот рассеянно взял бумаги, повертел и положил на пол около кресла.

— Говоря коротко, — сказал Стивенс, — мы придерживаемся точки зрения, что у андроидов должны быть равные права с людьми. Ведь они же настоящие люди, за исключением одного...

— Им нельзя иметь детишек, — трагически произнесла миссис Джеллико и смахнула слезу.

Стивенс вздернул белесые брови и, взглянув на Саттона так, будто просил прощения, опять откашлялся.

— Это именно так. И вы это, конечно, знаете. Они абсолютно стерильны. Иначе говоря, люди научились производить на свет совершенное во всех отношениях человеческое тело, но оказались неспособны разрешить загадку биологического размножения. Было предпринято множество попыток создать яйцеклетку, способную к оплодотворению, но все безуспешно.

— Не все потеряно, я надеюсь, — попытался утешить его Саттон. — Научимся когда-нибудь.

Миссис Джеллико энергично затрясла головой.

— Мы многого не знаем, мистер Саттон, — заявила она с подчеркнутой таинственностью. — Многое от нас скрывают. Есть силы...

Тут Стивенс снова прервал ее.

— Короче говоря, сэр, мы хотели бы добиться равенства между людьми и андроидами, то есть между теми, кто появился на свет божий обычным путем, и теми, кто создан в лаборатории. Мы считаем, что они такие же человеческие существа, как мы, и, следовательно, должны пользоваться такими же привилегиями. Мы, люди, создали андроидов для того, чтобы увеличить численность человечества, чтобы как можно больше людей могли занять командные посты в Галактике. Я надеюсь, вы отдадите себе отчет в том, что все неурядицы, происходящие в Галактике, вызваны не чем иным, как недостатком людей?!

— Да, я это прекрасно знаю, — ответил Саттон. А про себя подумал: ничего удивительного, что эту Лигу все считают сборищем идиотов; стареющая кокетка, чумазый маразматик и отставной звездолетчик, которому время девать некуда.

Стивенс продолжал:

— Тысячи лет назад люди покончили с рабством. Но теперь рабами стали андроиды. Они не хозяева

своей судьбы. Они служат людям, от которых, в сущности, ничем не отличаются.

Из книг вычитал, подумал Саттон. Говорит совсем как страховой агент или агитатор по подписке.

— Что же вы хотите от меня? — сказал он вслух.

— Мы хотим, чтобы вы подписали обращение, — улыбаясь во весь рот, сообщила миссис Джеллико.

— И внес пожертвование?

— Ну, что вы, Боже сохрани! — торопливо вмешался Стивенс. — Вашей подписи будет вполне достаточно. Это все, о чем мы хотели попросить. Так приятно, когда получаешь поддержку от людей известных.

Саттон резко поднялся.

— Мое имя, — сказал он сухо, — вовсе не так уж известно.

— Но мистер Саттон!.. — засуетилась миссис Джеллико.

— Я сочувствую вашим целям, — обрубил Саттон, — но весьма скептически отношусь к избранным вами методам. А теперь прошу извинить меня — мне пора обедать.

Он церемонно раскланялся и направился к ресторану. На полпути кто-то нагнал его и схватил за локоть. Он рассерженно обернулся. Это был Гамильтон.

— Вы там забыли кое-что, — обиженно проговорил он и всучил ему растрепанные агитки.

Глава 8

Зажужжал зуммер, и Адамс нажал клавишу.

— Да, — сказал он. — Ну, что там?

— Личное дело, сэр. Досье Саттона, — запинаясь, проговорил Элис.

— Что с ним?

— Оно исчезло, сэр.

— Может быть, у кого-нибудь на руках?

— Нет, сэр, я проверил. Его выкрали.

Адамс вскочил.

— Выкрали?

— Выкрали, — ответил Элис. — Это точно. Двадцать лет назад.

— То есть как это, двадцать лет назад?

— Мы все проверили, сэр. Досье украдено через три дня после того, как мистер Саттон улетел на Лебедь-61.

Адвокат представился как Веллингтон. И по метке на лбу, замазанной тонким слоем грима, и по голосу было ясно, что он андроид.

Адвокат аккуратно положил на стол шляпу, аккуратно сел на стул и поставил на колени тоненький портфельчик. Протянув Саттону свернутый в трубочку лист бумаги, он вежливо сказал:

— Ваша газета, сэр. Она лежала под дверью. Я подумал, что вам она, наверное, нужна.

— Благодарю вас, — сказал Саттон.

Веллингтон откашлялся.

— Вы Эшер Саттон? — спросил он.

Саттон кивнул.

— Я представляю интересы одного робота, известного под именем Бастер. Надеюсь, вы его помните?

Саттон резко наклонился вперед.

— Помню? Еще бы мне его не помнить! Да он мне отца заменил! Он вынянчил меня после смерти родителей. Он служил в нашем доме почти четыре тысячи лет!

Веллингтон еще раз откашлялся.

— Все правильно.

Саттон откинулся в кресле, теребя газету.

— Ради Бога, только не говорите мне...

Веллингтон успокаивающе покачал головой.

— Нет-нет, не беспокойтесь, беды никакой не случилось. И не случится, если вы не донесете на него.

— Что он натворил? — обеспокоенно спросил Саттон.

— Он убежал.

— О, Боже! Убежал! Куда?

Веллингтон поерзал на стуле.

— Полагаю, на одну из планет в созвездии Тауэр.

— Но, — запротестовал Саттон, — это же безумно далеко! Почти на краю Галактики!

Веллингтон кивнул.

— Он купил себе новый корпус, звездолет и улетел.

— На какие деньги, — спросил Саттон удивленно. — Откуда у Бастера деньги?

— Ну, деньги у него как раз водились. Он их копил, как вы сказали, четыре тысячи лет или около того. Что-то гости давали, что-то дарили на Рождество и тому подобное. За четыре тысячи лет набежала кругленькая сумма.

— Но зачем? — спросил Саттон. — И что он там собирается делать?

— Он собирается там построить дом. Он не прячется. Вы можете его отыскать, если захотите. Его беспокоит только одно — он хотел бы жить под вашей фамилией, если вы не будете возражать. Он очень на это надеется.

Саттон пожал плечами.

— Конечно, я не возражаю. У него столько же прав на эту фамилию, как и у меня...

— Значит, вы не против? — обрадовался Веллингтон. — Ведь в общем-то он был вашей собственностью...

— Нет, — ответил Саттон. — Ничего не имею против. Только мне так хотелось его увидеть... Я звонил домой, но там никто не отвечал. Я-то думал, что он просто вышел куда-нибудь, а он...

Веллингтон пошарил во внутреннем кармане плаща.

— Он оставил вам письмо, — сказал он, протягивая Саттону конверт, — и еще старый чемодан, он у меня в офисе. Сказал, что там старые семейные бумаги, которые вас могут заинтересовать.

Саттон ничего не ответил. Он вспоминал...

...У ворот росла яблоня, и каждую весну маленький Эш обедался зелеными яблоками, а Бастер терпеливо его выхаживал — ведь последствия поедания зеленых яблок во все времена одинаковы... Выхаживал, а потом задавал хорешую трепку, дабы научить Эша уважать собственный организм. А когда соседский мальчишка как-то отколотил Эшера по дороге в школу, то не кто иной, как Бастер, отвел его на задний двор и научил драться головой и кулаками...

Саттон непроизвольно сжал кулаки, вспомнив, как ему нравилась эта тренировка, несмотря на разбитые костяшки. Соседский мальчишка неделю ходил со здоровенным синяком под глазом, зато потом стал его лучшим другом...

— Насчет чемодана, сэр. — Голос Веллингтона прервал нить воспоминаний. — Хотите, чтобы вам его доставили?

— Да, конечно, — ответил Саттон. — Будьте так добры, распорядитесь.

— Вам доставят чемодан завтра утром, — сказал адвокат, затем взял со стола шляпу, встал и поклонился. — Хочу искренне поблагодарить вас, сэр, от имени своего клиента. Он так и говорил мне, что вы все поймете и будете снисходительны.

— Это не снисходительность, — ответил Саттон, — а справедливость. Он отдал нашей семье столько лет. И заслужил свободу.

— Всего наилучшего, сэр, — попрощался Веллингтон.

— Всего наилучшего, — искренне ответил Саттон, — и большое вам спасибо.

Одна из русалок свистом поманила Саттона. Тот строго посмотрел на нее и сказал по-отечески:

— В последнее время, милочка, ты ведешь себя просто непристойно!

В ответ она сделала ему «нос» и нырнула.

Дверь за Веллингтоном тико закрылась. Саттон взял конверт и достал письмо на одной страничке:

«Дорогой Эш!

Сегодня я зашел к мистеру Адамсу, и он сказал мне, что боится, будто ты уже не вернешься, но я

сказал ему, что знаю, что ты вернешься обязательно. Так что я улетаю не потому, что думаю, что ты не вернешься. Я знаю, что ты непременно вернешься. Когда ты покинул меня и улетел совсем один, я почувствовал, какой я старый и никому не нужный. Во всей Галактике, где столько всяких дел, мне делать было нечего. Ты сказал мне, что хочешь, чтобы я остался в старом доме и чтобы я не волновался, и я знал, что ты говорил так потому, что ты добрый и никогда не продаст бы меня, даже если бы я совсем-совсем не был тебе нужен. Поэтому я и решился на то, о чем всегда мечтал. Я отправляюсь на одну планету. Мне сказали, что это неплохая планета, и я постараюсь сделать там что-нибудь хорошее — построю дом, заведу хозяйство и, может быть, ты когда-нибудь прилетишь ко мне и наведишь старика.

Твой Бастер.

P. S. Если я понадобится тебе, адрес можешь узнать в справочном бюро.»

Саттон был совершенно растроган. Он грустно сложил листок и убрал в карман. Он сидел в кресле, безучастно слушая мурлыканье ручейка, доносившееся с картины. Пела птица, в изгибе ручья плескалась рыба.

Завтра, думал он, я увижу Адамса. Может быть, мне удастся узнать, есть ли в происходящем доля его участия. Хотя — ему-то это зачем? Я ведь на него работаю!

Саттон покачал головой.

Нет, не может быть, чтобы Адамс. Но кто-то должен за этим стоять! Кто-то, кто ждал его, а теперь следит...

Так ни до чего и не додумавшись, он машинально развернул газету. Это был свежий номер «Галактик пресс». Земные новости, как обычно, занимали верхний левый угол первой страницы, за ними шли марсианские, затем — венерианские, потом новости с пояса астероидов, потом — полторы колонки новостей со спутников Юпитера, потом — с планет, расположенных за пределами Солнечной Системы. Новости из

более отдаленных уголков Галактики, как он помнил, печатались на развороте. Параграф-другой на каждое событие.

Хотя, подумал Саттон, редакцию трудно упрекнуть в легкомысленности. Новостей так много! — из бесчисленных миров и цивилизаций. Ну, а потом — были ведь и другие газеты, где информация из различных секторов Галактики давалась более подробно. А в «Галактик пресс» в сокращенном виде можно было познакомиться со всем сразу. Такая газета необходима Земле — административному центру Галактики.

Саттон пробежал глазами земные новости.

«Землетрясение в Восточной Азии». «Строительство нового подводного комплекса для размещения сотрудников и гостей из водных миров». «Старт трех новых звездолетов в сектор 19».

И вдруг:

«Эшер Саттон, специальный агент Департамента Галактических Исследований, сегодня вернулся из экспедиции с Лебеда-61 после двадцатилетнего отсутствия. Надежды на его возвращение были утрачены еще несколько лет назад. Сразу же после приземления его корабль был оцеплен, а сам он находится под надзором в гостинице «Пояс Ориона». Все попытки войти с ним в контакт и взять интервью оказались безуспешными. Вскоре после прибытия в гостиницу Саттон получил вызов на дуэль от Джеффри Бентона. Мистер Саттон выбрал пистолет и предпочел неформальный характер поединка.»

Саттон еще раз перечитал заметку:

«Все попытки войти с ним в контакт...»

Геркаймер сказал, что в холле Саттона ожидают репортеры и фотографы, а десятью минутами позже Фердинанд заверил его, что там никого нет. Саттону никто не звонил. Никто не пытался прорваться к нему. Ну да! Не пытался! А делегация из Лиги? То-то! Значит, пытались, и не только они, однако попытки кто-то пресекал, мягко и незаметно. Все понятно. Все это делается по приказу того же человека, который знал о его возвращении.

Он уронил газету на пол.

Меня вызвал один из самых известных, если не самый известный на Земле дуэлянт. Старый фамильный робот удрал. Или его вынудили удрать? Журналистов ко мне не пустили...

Вдруг раздался звонок. Саттон вскочил. Кто-то звонил по видеофону. Это был первый звонок за все время! Он дотянулся до пульта и нажал клавишу. На экране появилось женское лицо. Гранитно-серые глаза, кожа белая, как лепесток магнолии, корона медно-рыжих волос...

— Меня зовут Ева Армор, — сказала девушка. — Это я просила вас подождать меня внизу, в лифте.

— Я узнал вас, — ответил Саттон.

— Я звоню, чтобы извиниться.

— Но вы ни в чем не виноваты...

— Нет, мистер Саттон, виновата. Вы подумали, что я смеюсь над вами, а я вовсе не смеялась.

— Я выглядел потешно, — ответил Саттон, — могли и посмеяться.

— А вы не хотите пригласить меня поужинать? — спросила она.

— Конечно. С удовольствием приглашаю вас поужинать.

— А потом еще куда-нибудь пойдем, — предложила она. — Мы отлично проведем вечер!

— Договорились, — ответил Саттон.

— Буду ждать вас в холле в семь. Не опоздаю.

Экран померк, Саттон встал.

Они отлично проведут вечер, подумал он. Вот как это надо понимать.

Они отлично проведут вечер... и хорошо, если он доживет до завтра!

Глава 10

Адамс сидел, молча поглядывая на четверых экспертов, собравшихся в его кабинете, и пытался догадаться по выражениям их лиц, о чем они думают. Но лица их выглядели совершенно буднично.

Кларк, инженер-конструктор космической техники, постукивал по столу записной книжкой. Лицо его было непроницаемо спокойно.

Андерсон, анатом, крупный, грубоватый, раскуривал трубку, и казалось, что сейчас для него нет на свете ничего важнее.

Блэкберн, психолог, был поглощен разглядыванием кончика своей сигареты, а Шулькросс, эксперт-лингвист, утонул в кресле так, что казалось, там сидит не он, а его костюм.

Они что-то обнаружили, догадался Адамс. Даже, наверное, много чего обнаружили, но не все им понятно...

— Кларк, — предложил Адамс, — давайте начнем с вас.

— Мы осмотрели корабль, — сказал Кларк, — и обнаружили, что он начисто лишен полетных качеств.

— Тем не менее, — отметил Адамс, — Саттон привел его на Землю.

Кларк пожал плечами:

— С таким же успехом он мог прилететь на бревне. Или на булыжнике. Его корабль — груда бесполезной рухляди.

— Рухляди? Что вы имеете в виду?

— Двигатели полностью разрушены, — сказал Кларк. — Только благодаря аварийной автоматике они не рассыпались. Бортовая обшивка потрескалась, в некоторых местах — сквозные отверстия. Одно из сопл, что называется, вырвано с мясом. Вообще, весь корабль искорежен донельзя.

— Вы считаете, была авария?

— Он здорово стукнулся обо что-то, очень резко. Швы обшивки разошлись, переборки треснули, внутри все перекосилось. Даже если бы удалось запустить двигатели, кораблем все равно было бы невозможно управлять. Даже если бы сопла были в порядке, не было бы возможности придерживаться курса. Эта куча хлама просто обязана была развалиться, не пролетев и десятка метров.

Андерсон откашлялся:

— А что должно было случиться с Саттоном, если он находился в корабле в момент удара?

— Он должен был погибнуть, — ответил Кларк.

— Вы уверены в этом?

— Никаких сомнений. Даже чудо не спасло бы его. Мы построили графическую модель ситуации. Если он находился в корабле, он неминуемо должен был погибнуть. Судя по диаграммам, у него не было ни единого шанса спастись.

— Саттон вернулся, — напомнил Адамс.

Наступила пауза. Адамс и Кларк смотрели друг на друга, готовые взорваться в любое мгновение. Молчание нарушил Андерсон.

— Скажите, Кларк, а не пытался ли Саттон отремонтировать корабль?

Кларк отрицательно покачал головой.

— Нет. Никаких попыток. И нечего было пытаться. И вообще, нам известно, что он ничего не смыслит в технике. А для того, чтобы отремонтировать ядерный двигатель, нужно иметь немалый опыт. Я говорю «отремонтировать», хотя по-настоящему его надо было монтировать заново.

Шулькросс впервые подал голос. Он заговорил мягко, спокойно, не меняя положения в кресле.

— Может быть, мы не с того начали? — сказал он. — Лично у меня впечатление, что мы начали с середины. Нужно бы начать с самого начала, заложить фундамент для размышлений, и тогда мы лучше поймем, что же на самом деле произошло.

Все удивленно уставились на него, пытаясь догадаться, к чему он клонит. Шулькросс почувствовал, что нужно пояснить мысль.

— Скажите, Адамс, вы представляете себе, ну, хотя бы приблизительно, что это за место, где побывал Саттон?

Адамс криво улыбнулся.

— Весьма приблизительно. Наверное, похоже на Землю. Это седьмая планета в системе Лебедя-61. В принципе, можно было отправить его на любую из семнадцати планет системы, но расчеты показали, что именно на седьмой должна существовать жизнь.

Он сделал паузу, скользнул взглядом по лицам присутствовавших, и продолжил:

— Лебедь-61 — наш ближайший сосед. Это одна из первых звезд, к которым отправился человек, покинув пределы Солнечной Системы. И с тех самых пор ее загадка мучает нас, как заноза под ногтем.

— Потому что не можем ее вытащить! — усмехнулся Андерсон.

Адамс кивнул.

— Вот именно. Это — недоступная система, секреты которой можно было бы раскрыть, лишь проникнув туда. Уже многие годы, — продолжал он, — мы исследуем Галактику, и не мне вам рассказывать, что всякое удалось повидать. Условия жизни, абсолютно несхожие с земными, непривычные и опасные формы жизни, общественные системы и психология обитателей других миров, от которых можно просто свихнуться. У меня, например, начинается головная боль, как только я принимаюсь обо всем этом размышлять. Но мы всегда могли посмотреть своими глазами, хотя бы посмотреть — я подчеркиваю — на все, что нас интересовало. С Лебедем-61 все было иначе. Мы просто не могли попасть туда. Планеты там покрыты плотным

слоем облаков, а самое главное — на расстоянии нескольких миллионов миль от системы начинает действовать эффект скольжения...

Тут он посмотрел на Кларка.

— Я верно говорю?

— На самом деле описать это невозможно, — отозвался Кларк. — Но лучше всего подходит слово «скольжение». Вы не останавливаетесь, скорость не уменьшается, но вас как бы отталкивают. Как будто корабль натывается на лед. Приборы ничего не регистрируют, однако преграда существует, и она непреодолима. Курс корабля отклоняется от заданного. Вы проводите коррекцию курса — и снова отклоняетесь. Я слышал, что, бывало, люди натурально сходили с ума, пытаясь приблизиться к системе, но им не удавалось ни на милю пробиться за некую воображаемую сферу.

— Да-да, — подхватил Адамс. — Все выглядит именно так. Как будто кто-то взял, да и заключил систему в магический шар.

— Что-то вроде того, — подтвердил Кларк.

— Однако Саттон проник за эту черту, — констатировал Андерсон.

Адамс кивнул.

— Выходит, что так.

— Странно слышать это от специалиста, — процедил сквозь зубы Кларк. — Меня возмущает болтовня вокруг этой проблемы. Кое-кто, по-моему, вообще лишился рассудка. Говорят: «Наши корабли слишком большие. Если бы мы посылали звездолеты поменьше, мы бы проскользнули туда». Нет, как вам нравится?! Как будто там забор стоит, и нужно в нем лазейку найти!

— Саттон проскользнул, — настойчиво повторил Адамс. — Его маленький корабль прошел там, где не смогли пройти большие.

Кларк упрямо покачал головой.

— Это бессмыслица. Размеры корабля ничего не меняют. Существует некий непонятный нам фактор, о котором мы даже никогда по существу не думали. Саттон действительно преодолел преграду, потерпел аварию при посадке и, если был внутри корабля,

погиб. Но попал он туда не потому, что его звездолет был небольшим. Дело не в этом...

Все остальные сидели в напряженном ожидании.

— Но почему именно Саттон? — не вытерпел Андерсон.

Адамс спокойно объяснил:

— Корабль, как я уже сказал, выбрали небольшим. Можно было послать только одного человека, поэтому послали сотрудника, который лучше других мог справиться с работой, если бы проник туда.

— И Саттон лучше всех подходил?

— Да, — отрезал Адамс.

— Ну хорошо, — не унимался Андерсон, — допустим, он действительно лучше всех подходил для этой роли. Наверное. Ведь он, в конце концов, попал туда...

— Или его пропустили, — уточнил Блэкберн.

— Не обязательно, — возразил Андерсон.

— Но это вполне логично, — настаивал Блэкберн. — Почему мы хотим проникнуть в систему Лебеда-61? Чтобы узнать, опасна ли она. Я правильно понимаю?

— Правильно, — подтвердил Адамс. — Задача была именно такая. Все неизвестное потенциально опасно. И пока не узнаешь — не успокоишься. Именно такие инструкции и были даны Саттону: выяснить, нет ли опасности в этой системе.

— Следуя той же логике, — продолжал Блэкберн, — почему бы не допустить, что тамошние обитатели не хотят узнать то же самое о нас. Мы надоедаем им своими визитами несколько тысяч лет. Я вполне допускаю, что им тоже было бы интересно узнать нас поближе.

— Я понял, куда вы клоните, — Андерсон кивнул. — Получается, что они ждали, когда придет корабль с одним человеком на борту, поскольку пропускать корабль с большой командой и напичканный оружием не решались.

— Ну, что-то в этом роде, — подтвердил Блэкберн.

Адамс прервал их диалог и обратился к Кларку:

— Вы говорили о повреждениях. Вам удалось установить, когда именно они появились?

— Двадцать лет назад приблизительно.

— Давайте все-таки предположим, что Саттону каким-то чудом было известно, как отремонтировать корабль, — сказал Андерсон. — Тогда ему понадобились бы материалы, так?

— И очень много материалов, — ехидно уточнил Кларк.

— Жители той планеты могли дать ему все, что требовалось, — предположил Шулькросс.

— Если там вообще есть жители, — с сомнением сказал Андерсон.

— Не думаю, чтобы они смогли снабдить его материалами, — заявил Блэкберн. — Цивилизация, прячущаяся за силовым экраном, не может иметь развитой техники. Если бы у них была техника, они вышли бы в космос вместо того, чтобы прятаться. Я склонен полагать, что технически развитой цивилизации там нет.

— А экран? — спросил Андерсон.

— Он может не иметь никакого отношения к технике.

— Что толку от ваших предположений! — раздраженно воскликнул Кларк. — Саттон не ремонтировал корабль, сколько можно повторять! Он каким-то образом прилетел на нем обратно без всякого ремонта. Он и не прикасался ни к чему. Там кругом толстенный слой пыли.

Шулькросс наклонился к столу.

— Одного не могу понять, — сказал он. — Кларк говорит, что сломано сопло, что сильно повреждена обшивка. Это же означает, что Саттон летел в открытом космосе одиннадцать световых лет!

— У него же был скафандр!

— Не было у него никакого скафандра, — невозможно произнес Кларк. Он огляделся, как будто опасался, что кто-то еще, кроме четверых собеседников, может услышать то, что он собирался сказать, и понизил голос: — И это еще не все. У него не было ни пищи, ни воды...

Андерсон постучал трубкой по ладони, и звук безответно повис в молчании. Старательно, как бы пытаясь сконцентрироваться на том, что делает, он стряхнул пепел с ладони в пепельницу.

— Мне кажется, я смог бы кое-что прояснить, — сказал он задумчиво. — Пока мы получим окончательный ответ, нам придется проделать еще уйму работы. И даже тогда мы, наверное, еще не будем совершенно уверены, что правы...

Он застыл в кресле, ощущая, как остальные с ожиданием смотрят на него.

— Я даже боюсь произнести вслух... — признался он.

Все молчали.

Часы на стене бесстрастно отсчитывали секунды. За окном в траве стрекотал кузнечик.

— Я полагаю, — наконец решился Андерсон, — что существо, вернувшееся на землю, не человек.

Часы продолжали тикать. Кузнечик стрекотал в полной тишине.

— Но... — наконец прервал молчание Адамс, — отпечатки пальцев... И другие методы идентификации...

— Нет, я не то хотел сказать, — поправился Андерсон. — Это, безусловно, Саттон. В этом нет сомнения. То есть, это его тело, его плоть. По крайней мере, в какой-то степени — то тело, которое двадцать лет назад покинуло Землю.

— К чему вы клоните? — вскричал Кларк. — Если тело его, значит, это Саттон, и он — человек.

— Ну, представьте, Кларк, что у вас неисправный звездолет, и вы его ремонтируете. Добавляете деталь-другую, что-то выбрасываете, что-то налаживаете... Что вы получаете в итоге?

— Переделанный звездолет, — ответил Кларк. — Ну и что?

— Именно это я и хотел от вас услышать. Кто-то или что-то сделали то же самое с Саттоном. Он переделан. И переделан, доложу вам, потрясающе. У него два сердца, нервная система разветвлена гораздо сильнее, чем у обычного человека. Кроме того, у него есть система экстрациркуляции. Она абсолютно не похожа на нормальную систему кровообращения, но выполняет ту же функцию. Самое потрясающее — она не соединена с сердцем! Такое впечатление, что до сегодняшнего дня она не использовалась. Как будто

запасная. То есть он пользуется обычной системой кровообращения, а в случае необходимости может переходить на запасную. — Андерсон убрал трубку в карман и нервно потер руки. — Вот, примерно так.

Блэкберн всплеснул руками.

— В это невозможно поверить!

— Мы почти час обследовали Саттона, и, поверьте мне, каждый дюйм его тела исследован на самой совершенной аппаратуре. Все результаты зафиксированы. Мы продолжаем обработку информации и пока еще не закончили. Потребуется время... Но в одном мы потерпели полную неудачу. Мы применили психометр и не выудили ни-че-го! Прибор не зарегистрировал ни единой мысли, ни единого намека на мысль. Его сознание заблокировано, полностью закрыто.

— Может быть, прибор барахлил? — предположил Адамс.

— Нет, мы все проверили, — покачал головой Андерсон. — И не раз. Прибор был в полной исправности. — Он обвел взглядом присутствующих. — Может быть, вы не совсем знакомы с принципом работы психометра? Дело в том, что когда человек спит обычным сном, или под гипнозом, или в любом другом случае, когда он не догадывается, что его обследуют, психометр выворачивает его сознание наизнанку. Он вытаскивает наружу такие вещи, о которых человек наяву и не помышляет.

— Но с Саттоном ничего не вышло? — резюмировал Шулькросс.

— Вы правы. С Саттоном ничего не вышло. Я повторяю: он — не человек.

— Значит, вы полагаете, что его организм изменен настолько, что Саттону и открытый космос нипочем?!

— Не знаю, — хрипло ответил Андерсон.

Он облизнул губы и огляделся по сторонам, как затравленный зверь в поисках выхода.

— Не знаю, — повторил он. — Честное слово, не знаю...

— Не стоит так пугаться, — мягко сказал Адамс. — Чужеродность организма — не такая уж необычная вещь. Мы уже сталкивались с этим не раз с тех пор, как начали осваивать космос.

Кларк нетерпеливо прервал его:

— Если бы речь шла об инопланетянине, Адамс! Но когда человек превращается в инопланетянина?.. — Сглотнув слюну, он обратился к Андерсону: — Как вы полагаете — он опасен?

— Не исключено, — ответил Андерсон.

— Даже если так, он не сможет причинить нам никакого вреда, — спокойно сказал Адамс. — Его номер в гостинице прослеживается насквозь лучами-шпионами. Ситуация полностью контролируется.

— Есть какие-нибудь сообщения? — поинтересовался Блэкберн.

— Самые невинные. Ничего особенного. Саттон держится довольно непринужденно. Несколько раз звонили ему. Несколько раз — он сам. Ему нанесли пару визитов.

— Он не может не понимать, что за ним следят, — сказал Кларк. — Он притворяется.

— Ходят слухи, — сказал Блэкберн, — что его вызвал на дуэль сам Бентон.

Адамс кивнул.

— Да, это так. Эш попытался избежать поединка, что говорит, пожалуй, о том, что он не агрессивен.

— Может быть, — как-то безнадежно проговорил Кларк. — Может быть, Бентон сработает в нашу пользу.

— Во всяком случае, — тонко улынулся Адамс, — я думаю, что вторую половину дня Эш провел в раздумьях о том, как ему разделаться с нашим мистером Бентоном.

Андерсон выудил из кармана трубку и принялся сосредоточенно набивать ее. Кларк рассеянно вертел сигарету.

— Вы хотели что-то добавить? — обратился к Шулькрессу Адамс.

— Да, — кивнул эксперт-лингвист, — но мне кажется, наша информация особого восторга не вызовет. В портфеле Саттона мы обнаружили рукопись. Мы скопировали ее и положили на место. Пока что сообщить особенно нечего, то есть мы не смогли прочитать ни одного слова...

— Шифр? — спросил Блэкберн.

Шулькросс покачал головой.

— Если бы?.. Роботы бы его расщелкали за пару часов. Но это не шифр. Это язык. А язык без ключа не расшифруешь.

— Вы, конечно, все проверили?

Шулькросс мрачно усмехнулся:

— Начиная с санскрита и шумерского. Сравнивали со всеми языками и диалектами Галактики. Не похоже ни на один.

— Язык... — задумчиво протянул Блэкберн. — Новый язык. Следовательно, Саттон что-то обнаружил...

— Вполне, вполне возможно, — пробурчал Адамс. — Он наш лучший сотрудник.

Андерсон пошевелился в кресле.

— Вам нравится Саттон? — спросил он с нескрываемым интересом. — Вам лично, Адамс, он нравится?

— Нравится, — просто ответил Адамс.

— Адамс, — продолжал Андерсон, — вот что удивительно, есть один момент, который мне не дает покоя с самого начала...

— Да, слушаю вас.

— Вы же знали, что Саттон вернется. Знали с точностью до минуты. И устроили засаду. Как это понять?

— Просто догадался. Чистая интуиция.

Наступило долгое молчание. Адамс больше не сказал ни слова. Сопровождение окончилось. Все встали.

Глава 11

В зале заведения, куда привела Саттона Ева, было шумно. Освещение все время менялось — от апрельской небесной синевы до умопомрачительного сочетания серого и красного цветов. Пол качнулся под ногами Саттона, и он почувствовал, как Ева крепче сжала его руку. Они сели за столик. Подошел хозяин, марсианин Заг. Впечатление было такое, что перед ними ожившая египетская мумия.

— Что вам угодно? К вашим услугам все, о чем только можно мечтать. Можете уйти от реальности, обрести все, что желаете...

— Хочу на берег ручья, — подумав, сказал Саттон. — В детство...

Свет стал зеленым, сказочно зеленым, в его лучах засверкала радостная жизнь пробуждающейся природы, в нем угадывалось рождение мира... Возникли деревья, покрытые сияющей, свежей, тронутой поцелуями солнца зеленью распускающихся почек.

Саттон пошевелил пальцами ног, ощутил траву — первую нежную весеннюю траву, и ему показалось, что он чувствует запах ветрениц и подснежников, хотя они, по идее, пахнуть не должны...

...Он бежал по берегу ручья, по теплой гальке, рядом с ним наперегонки, весело журча, бежал ручей

к Большому Омуту. В одной руке у Эшера была удочка, в другой — банка с червями.

На верхушке старого вяза распевал дрозд. Эш отыскал на берегу удобное местечко — тут можно было устроиться на изгибе вяза, как на стуле. Он уселся, перевел дыхание. Дрожащей рукой достал из банки самого большого червяка и насадил на крючок. Затаив дыхание, он забросил крючок и пристроил удочку на коленях. Поплавок нырял в бурном потоке, крутился в водоворотах. Подпрыгивал, исчезал, снова появлялся на поверхности и плясал на волнах...

Эш следил за движением поплавка, наклонившись к воде, до боли сжимая удище. Но как ни был он поглощен своим занятием, он ощущал, как хорош день, какие вокруг покой и чистота, как прекрасна утренняя прохлада и как нежно греет солнце, как красивы синее небо и белые облака... Вода что-то говорила ему, и Эшу вдруг представилось, что он тоже растет здесь на берегу, что он тоже стал частью этого удивительного и прекрасного утреннего мира — мира холмов, ручья, луга, земли, облаков, воды, неба и солнца...

Вдруг поплавок глубоко нырнул. Клюет! Он вскочил, и сразу почувствовал на другом конце удочки солидный вес. Дернул. Рыба описала дугу над его головой и шлепнулась в траву. Эш бросил удочку и помчался к добыче. В траве бил хвостом здоровенный голавль! Эш потянул вверх леску. Рыба повисла в воздухе. Она была просто громадная! Почти шесть дюймов!

Дрожа от восторга, Эш опустился на колени, вынул крючок дрожащими пальцами...

— Неплохое начало! — сказал он весело, обращаясь к небу и ручью. — Может быть, сегодня все будут такие? Наловить бы дюжину! Вот было бы здорово?..

— Привет, — неожиданно произнес рядом детский голосок.

Эшер, все еще стоя на коленях, обернулся. Под вязом стояла маленькая девочка. Ему показалось, что он ее где-то видел. Нет, показалось. Девочка была незнакомая. Эш расстроился. Девочки — не самая подходящая компания для рыбалки.

Хоть бы ушла! — подумал он. Если она собирается тут торчать, день можно считать испорченным.

— Меня зовут...

Имя он не расслышал: она сильно картавила.

Эш не ответил.

— Мне восемь лет, — добавила девочка.

— Меня зовут Эшер Саттон, — сообщил он неохотно. — Мне десять, скоро будет одиннадцать.

Она все еще стояла под деревом и смотрела на него, теребя кружевной фартучек. Фартучек был чисто выстиран и выглажен, но она так волновалась, что совсем смяла его.

— Я тут рыбу ловлю, — сказал Эшер как можно более небрежно. — Только что поймал здоровенную.

В то же мгновение он заметил, что глаза девочки наполнились ужасом. Он вскочил, обернулся и быстро сунул руку в карман курточки...

По залу вновь метались красные и серые краски, звучал капризный женский смех, а над Саттоном нависло лицо человека... то самое, которое он уже видел сегодня и не мог не узнать. Глаза, налитые кровью, с упрямой злобой уставились на Саттона. Грубая волосатая рука уверенно сжимала пистолет. Намерения его не оставляли никаких сомнений.

Саттон резко вырвал свой пистолет из кармана. Он был уверен, что опоздает.

Внутри у него проснулась ярость — холодная, одинокая, обнаженная. Он возненавидел этот массивный волосатый кулак, это улыбающееся лицо, лицо маньяка, пытавшегося с бараньим упрямством победить робота-профессионала; маньяка, который сообразил, что может прикончить Эшера Саттона.

Это была злость... нет, больше чем злость, не просто выброс адреналина... Чувство, овладевшее им, было и частью его самого и не принадлежало ему, оно не принадлежало смертному из плоти и крови по имени Эшер Саттон. Что-то в нем было нечеловеческое...

Улыбка исчезла с лица противника, и Саттон ощутил, как гнев покинул сознание и со скоростью пули устремился в направлении цели — человека по имени Джеффри Бентон.

Пистолет Бентона рявкнул, пыльно-красное освещение зала разорвала яркая вспышка пламени. Почти в это же мгновение Саттон выстрелил в ответ.

Бентон покачнулся и упал лицом вперед.

В зале воцарилась тишина. Сквозь рассеивающийся дым Саттон увидел, что взгляды всех присутствующих устремлены на него. Он почувствовал, как кто-то тянет его за руку, и пошел, повинуясь тому, кто шел рядом. Он с трудом передвигал ноги, преодолевая навалившуюся страшную слабость и думал: о, Господи, я только что убил человека!

— Быстрее! — произнес голос Евы Армор. — Нужно поскорее уйти отсюда. Сейчас все набросятся на тебя. Пошли быстрее!

— Это была ты! — сказал он, внезапно вспомнив что-то. — Ты сказала, как тебя зовут, а я не понял. Это была ты!

Девушка волокла его к выходу.

— Они наняли Бентона, — на ходу говорила она. — Они решили, что такой вариант устроит всех. Они не предполагали, что победишь ты.

— Это была ты, — повторял Саттон, не слушая Еву. — Ты была маленькая. У тебя был кружевной фартучек, и ты его все теребила. Ты очень волновалась. Почему?

— Боже мой, о чем ты?

— Как о чем? Я ловил рыбу, помнишь? Поймал здоровенного голавля, и тут появилась ты, в таком фартучке...

— В фартучке... С ума сошел! — срывающимся голосом, не глядя на него, вскричала Ева. — Рыбу он ловил! Быстрее давай!

Она толкнула плечом дверь, вытащила Саттона на улицу. В его разгоряченное лицо плеснула волна вечерней прохлады.

— Ну, подожди секундочку, — умоляюще попросил он и крепко сжал руку Евы. — Ты сказала «они». Кто «они»?

Она смотрела на него, широко раскрыв глаза.

— Ты что, ничего не знаешь?

Он помотал головой.

— Бедный Эш, — сказала она с искренним состраданием.

Ее рыжие волосы отливали червонным золотом в свете горевшей над их головами вывески заведения Зага:

СНОВИДЕНИЯ ПО ЗАКАЗУ

Не упустите свой шанс!

Здесь — жизнь, о которой вы мечтаете!

— Машину, сэр? — вежливо обратился к Саттону портье-андроид. Стоило ему произнести эти слова, как мягко и беззвучно подъехала машина, будто черный блестящий жук выполз из темноты на свет. Портье открыл дверцу. — Сказано — сделано, — улыбнулся он.

Что-то было такое в его теплом дружелюбном голосе, от чего Саттон немного пришел в себя. Он подошел к автомобилю, сел за руль и втянул за собой Еву. Андроид закрыл за ними дверцу.

Саттон нажал акселератор, и машина тронулась, а выехав на шоссе, взревела от нетерпения и понеслась в сторону холмов.

— Куда? — спросил Саттон.

— Назад, в гостиницу, — ответила Ева. — Там они не осмелятся тебя тронуть. Но ты должен знать, что вся комната просвечивается. Там сплошные лучи-шпионы.

— И мне нужно там ходить осторожненько, чтобы за них не зацепиться, да? — усмехнулся Саттон. — Интересно, а откуда ты это знаешь?

— Это моя работа. Я должна знать.

— Кто ты — друг или враг?

— Друг, — мягко ответила она.

Он повернул голову и внимательно посмотрел на нее. Ева сидела, утонув в мягком сиденье, и была точь-в-точь как та маленькая девочка, только без кружевного фартучка, и совсем не волновалась.

— Видимо, — сказал Саттон, — вопросы задавать смысла нет?

Она кивнула.

— Если я начну расспрашивать, ты будешь врать?

— Если захочу.

— Но я могу вытрясти из тебя правду!

— Можешь, но не будешь. Видишь ли, Эш, я очень хорошо тебя знаю.

— Но, прости, мы только вчера познакомились!

— Нет, я действительно знаю тебя. Я уже двадцать лет за тобой наблюдаю.

Саттон расхохотался.

— Глупости! А, понимаю, ты шутишь!

— Эш!

— Что, Ева?

— Ты просто прелесть!

Он быстро взглянул на нее. Она все так же сидела, уютно устроившись на сиденье, и ветерок трепал ее медно-рыжий локон. У нее была такая нежная кожа... Лицо ее сияло счастьем. Неужели обман? — подумал Саттон.

— Спасибо за комплимент, — сказал он. — Не знаю, правда, чем я его заслужил. Можно тебя поцеловать в знак признательности?

— Ты можешь целовать меня, Эш, — тихо ответила она, — когда тебе захочется.

Саттон остановил машину.

Глава 12

Чемодан принесли утром, когда Саттон завтракал. Он был старый, потертый. Сквозь порванную кожу виднелся ржавый металлический каркас. На крышке кожу почти целиком обгрызли мыши.

Саттон помнил этот чемодан... Он стоял в дальнем углу чердака, когда он мальчишкой забирался туда в дождливые дни.

Он отвел взгляд от чемодана и развернул свежий номер «Галактик пресс». Заметка, которую он искал, была на первой странице — третья по счету из земных новостей.

«Мистер Джефффри Бентон был убит вчера в неофициальном поединке в одном из развлекательных центров университетского округа. Победителем оказался мистер Эшер Саттон, только вчера вернувшийся из экспедиции на Лебедь-61.» И последнее предложение — позорное для любого дуэлянта: «Мистер Бентон стрелял первым и промахнулся».

Саттон аккуратно сложил газету и положил на стол. Закурил.

На его месте должен был быть я, подумал он. Ведь до вчерашнего дня я такого пистолета в глаза не видел. «Мистер Эшер Саттон убит вчера в неофициальном поединке» — вот так должно было быть.

«Мы отлично проведем вечер», — сказала Ева и, наверное, она что-то знала. «Поежинаем и отлично проведем вечер. Отлично проведем вечер, а потом Бентон кокнет тебя в заведении Зага.»

Да, продолжал размышлять Саттон, она могла что-то знать. Вообще Ева, наверное, много чего знает. Про лучи-шпионы в комнате, к примеру. Знает, что кто-то нанял Бентона, чтобы тот вызвал меня на дуэль и отправил на тот свет...

Она сказала, что она — друг, но слово-то можно сказать какое уютно. Двадцать лет наблюдала за мной! Ну, это уж точно ерунда. Двадцать лет назад я улетел к Лебедю, и тогда меня никто не знал. Да и сейчас я не слишком важная персона. Для кого я и представляю интерес, так исключительно для самого себя, мне доверили величайшую идею. Мне одному. Неважно, что эти проныры пересняли рукопись, все равно они в ней ничего не поймут, ни единого слова.

Его мысли опять вернулись к Еве. Я спросил ее — друг она или враг? Она знала, что Бентона наняли. Ответила, что она — друг. Она позвонила и назначила мне свидание. Она сказала... Слова словами, но было еще кое-что, чего словами не скажешь — ее губы, ее пальцы, нежно коснувшиеся моей щеки...

Он погасил сигарету, встал и подошел к чемодану. Замок проржавел, ключ повернулся с трудом...

В чемодане оказалась груда старых бумаг, однако все они были аккуратно перевязаны и рассортированы. Саттон невольно улыбнулся. Бастер всегда отличался педантичностью.

Саттон уселся на пол и стал перебирать содержимое. Пачки старых писем. Его студенческая записная книжка. Альбомчик с переводными картинками, а вот этот — побольше — с коллекцией дешевых марок.

Саттон уселся поудобнее и принялся перелистывать старый альбом. Пахнуло детством. Марки были дешевые, потому что денег на дорогие не хватало; яркие, потому что только такие и нравились. Многие уже в весьма плачевном состоянии, но было время, когда он от них приходил в восторг...

Филателистическая лихорадка, вспоминал он, продолжалась два, самое большее — три года. Тогда он

просматривал от корки до корки все каталоги, покупал пакетики с марками, научился странному языку своего хобби: «гашеные, негашеные, штриховка, водяные знаки, инталия...»

Саттон улыбнулся. Были марки, которые ему жутко хотелось заполучить, но он знал, что это невозможно, и довольствовался тем, что любовался их изображениями в каталогах, он знал их, если можно так сказать про марки, наизусть... Саттон положил альбом на пол и снова заглянул в чемодан.

Еще какие-то блокноты и тетради. Письма. Какой-то странный гаечный ключ. Обглоданная до снежной белизны кость — вероятно, это сокровище принадлежало одной из любимых собак.

Хлам, подумал Саттон. Бастер сэкономил бы уйму времени, если бы просто взял и сжег все это.

Пара старых газет. Съеденный молью вымпел. Пухлое письмо в нераспечатанном конверте. Саттон повертел конверт и положил его поверх остальных бумаг, вынутых из чемодана. Но что-то заставило его снова взять конверт в руки.

Очень, очень странная марка... Ну, во-первых, цвет! Он напряг память и вспомнил эту марку. То есть не ее, конечно, а ее изображение в каталоге. Потом поднес конверт ближе к глазам и ахнул от изумления. Марка была старая, безусловно, старая. Очень старая и очень дорогая... Господи, сколько же она тогда стоила?

Он попытался разглядеть стоимость марки, но цифры почти совсем стерлись.

Он поднялся, подошел к столу, сел в кресло и стал разглядывать конверт. Что за адрес такой на штампе?

БРИДЖП... ВИС...

Скорее всего — Бриджпорт. А Вис?... Какой-нибудь из древних штатов? Штат — территориальная единица, смысл и значение которой давно смыты волнами времени.

Июль, 198...

Июль тысяча девятьсот восемьдесят какого-то года!

Это что же! Получается, что письмо написано шесть тысяч лет назад? Рука Саттона дрогнула.

Нераспечатанное письмо, отправленное шесть тысяч лет назад! Оно лежало в этой куче хлама. Рядом с

обглоданной костью и несуразным гаечным ключом. Нераспечатанное письмо с маркой, стоившей целое состояние...

Саттон еще раз внимательно разглядел штамп почтового отделения. Бриджпорт, Вис... Июль, а число? Как будто, 11. 11 июля 198... Последняя цифра была такая бледная, что разобрать ее можно было разве что с хорошей лупой.

А вот адрес был виден прилично:

М-ру Джону Г. Саттону,
Бриджпорт,
Висконсин

Ага, вот что значило это «Вис...». Висконсин, вот что! Письмо предназначалось Саттону. А кому же еще?

Что сказал тот андроид, адвокат Бастера? «Целый чемодан семейных бумаг».

Нужно будет заглянуть в историческую географию, подумал Саттон, и выяснить, где находился этот Висконсин.

Ну, а кто такой этот Джон Г. Саттон? Какой-то давний предок, чей прах уже столько лет покоится в земле. Наверное, человек рассеянный, поскольку не распечатал предназначенное ему письмо.

Саттон перевернул конверт. Нет, конверт действительно не вскрывали. Клей засох от старости, и, когда он провел ногтем по краю заклеенного уголка, в воздухе рассыпалось облачко... Бумага сильно истлела. С письмом нужно было обращаться осторожно.

«Целый чемодан семейных бумаг»... Да не бумаг, а трухи! И среди всего этого хлама — письмо, отправленное шесть тысяч лет назад и нераспечатанное.

А Бастер знал про это письмо? Задав себе этот вопрос, Саттон ни минуты не думал над ответом. Конечно, знал.

Знал и постарался, чтобы оно не слишком бросалось в глаза. Он засунул письмо в середину, хорошо понимая, что тот, кому оно предназначено, отыщет его. Чемодану намеренно был придан такой вид, будто в нем нет ничего важного — так, ерунда. Старый, дра-

ный чемодан, в замке торчит ключ — что это должно было значить? Вот что: «Да ничего у меня внутри нет, так, хлам один, но если тебе некуда девать время, открой и посмотри.» И если бы кто-то открыл и посмотрел, то не испытал бы ничего, кроме недоумения и разочарования. Да ничего не было в этой груде бумаг, кроме копившейся долгие годы сентиментальности.

Саттон смотрел на конверт.

Джон Г. Саттон, мой предок, живший шесть тысяч лет назад... Его кровь течет во мне, хотя время и разбавило ее во много раз. Но он существовал, этот человек — жил, дышал, ел, пил, а потом умер. Он видел, как встает солнце над зелеными холмами Висконсина... если, конечно, в Висконсине есть холмы, и вообще — где он, этот Висконсин?

Наверное, он ходил на реку ловить рыбу, а на склоне лет, вероятно, возился в садике у дома...

У него была совсем другая жизнь, думал Саттон, и в ней наверняка были свои прелести. Джон Г. Саттон жил ближе к Земле, потому что у него кроме Земли ничего не было. Он понятия не имел ни о какой инопланетной психологии, и Земля в его время была всего лишь местом для жизни, а не центром управления, где никто уже не выращивает полезных растений и не производит полезных вещей. Он мог выбрать себе любую профессию и не страдал от этой треклятой обреченности — трудиться только в органах управления, на благо экспансии Галактической Империи.

И до него, и после него были другие Саттоны. Цепь жизни тянется от одного поколения к другому, и все звенья похожи, как две капли воды, и вдруг какое-то из них по странной случайности привлекает внимание. Нераспечатанное письмо именно такая случайность.

В дверь постучали. Саттон сунул письмо во внутренний карман куртки и крикнул:

— Войдите!

Вошел Геркаймер.

— Доброе утро, сэр, — сказал он тихо и опустил глаза.

Саттон с нескрываемым интересом смотрел на него.

— Что вам угодно, Геркаймер? — спросил он.

— Я пришел, сэр, потому что по закону теперь принадлежу вам. Вам отходит третья часть имущества Бентона, в том числе и я.

— Третья часть? Это еще что за новости? Ах, да...

Был такой закон. Победивший на дуэли наследует третью часть собственности побежденного. А он-то и забыл.

— Не прогоняйте меня, сэр, — взмолился Геркаймер. — Со мной вам будет легко, честное слово! Я очень способный и трудолюбивый. Готовлю хорошо, шить умею, могу выполнять любые поручения, могу читать и писать.

— А предавать?

— О, нет, нет, никогда!

— Это почему же?

— Потому, что вы — мой хозяин.

— Ну, ладно, оставайся, — без особого энтузиазма сказал Саттон.

Геркаймер воодушевленно продолжал:

— А кроме меня, сэр, есть кое-что еще. Еще вы получаете в полное распоряжение астероид — охотничье поместье Бентона. И звездолет. Маленький, правда, но очень удобный. Потом еще несколько тысяч долларов наличными, и особняк на западном побережье, и акции какой-то компании по освоению новых планет, ну, в общем, много еще чего, всего не перечислишь. Вот я тут все переписал, посмотрите, если интересно.

— Нет-нет, только не сейчас, — отказался Саттон. — Сейчас я занят.

Геркаймер просиял:

— Я с радостью помогу вам, сэр. Все, что в моих силах!

— О нет, Геркаймер. В этом деле ваша помощь мне не понадобится. Я отправляюсь к Адамсу.

— Ну так я портфель ваш понесу!

— Я иду без портфеля.

— Но, сэр?..

— Значит так, Геркаймер: ты останешься здесь. Извини, что я на «ты». Сиди тут, дружок, ничего не трогай, и жди. Я скоро вернусь.

— Вот тоска-то... — разочарованно протянул андроид. — А со скуки, сэр, я тут могу и нашалить, — предупредил он Саттона.

— Неужели? Ну ладно, ты прав, нужно тебя чем-нибудь занять. Вот что. Займись охраной портфеля.

— Слушаюсь, сэр, — уныло ответил Геркаймер. Задание его явно не устроило.

— Да. Еще есть поручение. Здесь, в гостинице, живет девушка по имени Ева Армор. Что-нибудь знаешь о ней?

Геркаймер покачал головой.

— Нет. Правда, у меня есть кузина...

— Кузина?

— Честно. Кузина. Ее сделали в той же лаборатории, что и меня. Поэтому она считается моей кузиной.

— Но, извини, пожалуйста, тогда у тебя колоссальное количество кузин!

— Так оно и есть, сэр, Несколько тысяч. И мы все дружим. Это что-то вроде семейных отношений, — произнес он торжественно.

— И что ты думаешь, твоя кузина может что-то знать?

Геркаймер кивнул.

— Она работает в этой гостинице. Я постараюсь у нее что-нибудь выудить.

Тут его взгляд упал на стопку смятых листков на столе.

— А, значит, они все-таки добрались до вас?

— Кто «они»?

— Ну, эти, из Лиги Борьбы за права андроидов. Они не пропускают ни одного мало-мальски известного человека. И всем подсовывают свою петицию.

— Да, они меня просили подписать...

— Неужели вы подписали, сэр?

— Нет, — отрезал Саттон.

Он внимательно разглядывал Геркаймера.

— Ты ведь андроид, — сказал он прямо, — и по идее должен быть с ними заодно.

— Сэр, — с неожиданным энтузиазмом ответил Геркаймер. — Говорят-то они правильные вещи, но делают все не так. Они призывают людей проявить к

нам милосердие, пожалеть нас. А нам не нужны ни милосердие, ни жалость.

— А что вам нужно?

— Нам нужно, чтобы с нами обращались, как с равными. Но чтобы равенство было таким, каким мы его понимаем, и чтобы это было не по указу ни по какому, и чтобы люди не думали, что они нас облагодетельствовали!

— Понятно, — сказал Саттон, тронутый его искренностью. — Я, видимо, так все и понял, только не мог выразить словами...

— Дело обстоит вот как, сэр, — заторопился Геркаймер. — Люди создали нас. Спасибо им за это. Но они выращивают нас, как фермер выращивает скотину. Они создали нас для определенных целей, так и пользуются нами. Они могут быть даже очень добры к нам, но в этой доброте почти всегда есть что-то от жалости. А нам не положено иметь своего мнения. Мы не имеем права ни на что. Мы...

Он сделал паузу, чтобы набрать воздуха, но блеск в его глазах внезапно померк, черты лица снова стали печально-безучастными.

— Простите, сэр. Зря я вам надоедаю.

— В этом деле я твой товарищ, Геркаймер, — просто и спокойно сказал Саттон. — Помни об этом. Я твой друг, и доказал это тем, что не подписал эту дурацкую петицию.

Геркаймер смотрел в пол, а Саттон — на него. Он дерзок и хитер, думал Саттон. И мы сами их такими сделали. Это печать рабства, которую они получают вместе со штампом на лбу.

— Ты можешь быть совершенно уверен в том, что уж чего-чего, а жалости я к тебе не испытываю, — сказал он Геркаймеру.

— Благодарю вас, сэр, — радостно встрепенулся Геркаймер. — За себя и за остальных, спасибо вам.

Саттон повернулся и пошел к двери.

— А вас можно поздравить, сэр, — сказал ему в спину Геркаймер. — Вчера вечером вы были на высоте.

Саттон обернулся.

— Бентон промахнулся, — ответил он. — Мне ничего не оставалось, кроме как убить его.

Геркаймер кивнул.

— Но дело не в этом, сэр. Насколько я знаю, это первый случай, когда человек убит выстрелом в руку.

— В руку? То есть, как это — в руку?!

— В руку, сэр. Точнее, в плечо.

— И он умер?

— О да. Совсем умер, совсем.

Глава 13

Адамс щелкнул зажигалкой и подождал, пока пламя станет устойчивым. Он смотрел на Саттона, но во взгляде его не чувствовалось ни радости, ни удивления, ни волнения — все это было спрятано внутри.

Этот взгляд, помнил Саттон, одна из его излюбленных штук. Он смотрит на тебя, как сфинкс, и если его не знаешь, можно вообразить, что перед тобой сам всемогущий Господь.

Но, пожалуй, невозмутимости поубавилось. Теперь ему приходится прилагать кое-какие усилия, а двадцать лет назад ничего не было заметно. Тогда он был непроницаем, как глыба гранита. Теперь гранит дал трещины... Что-то он задумал. Но что-то у него не клеится.

Адамс поднес пламя к трубке, несколько раз глубоко затянулся. Нарочно тянул время.

— Вы, надеюсь, понимаете, — сказал Саттон как можно более спокойно, — что я не могу быть с вами вполне откровенен.

Огонек зажигалки наконец погас. Адамс выпрямился в кресле.

— Что-что?

Саттон слегка смутился, но быстро овладел собой. Очередной прием. Хочет сбить меня с толку. Не выйдет.

— Вам, конечно, известно, что я привел на Землю корабль, на котором невозможно летать. Вы знаете, что у меня не было скафандра, что обшивка была повреждена, что у меня не было ни пищи, ни воды, и что тем не менее я преодолел расстояние в одиннадцать световых лет.

Адамс сдержанно кивнул.

— Да, все это мне известно.

— То, как мне удалось вернуться и что со мной там произошло, не имеет никакого отношения к отчету, поэтому я не буду распространяться на эту тему.

— Ну и зачем вообще об этом говорить? — проворчал Адамс.

— Затем, чтобы мы лучше поняли друг друга, — спокойно сказал Саттон. — Затем, чтобы вы не задавали мне вопросы, на которые я все равно не отвечу. Сэкономим время, вот и все.

Адамс устроился поудобнее, сделал глубокую затяжку.

— Эш, вас послали туда, чтобы собрать информацию, — напомнил он Саттону. — Любые данные. Любые данные, которые помогли бы лучше понять, что там такое. Вы были представителем Земли, и Земля платила вам за работу. Поэтому вы в какой-то степени должник.

— Той планете я тоже кое-что задолжал, — возразил Саттон. — Там мне спасли жизнь. Корабль разбился, и я погиб, понимаете?

Адамс кивнул, сделав вид, будто и вправду понял.

— Да, именно так и говорил Кларк. Что вы погибли.

— Кто это — Кларк?

— Кларк — инженер-конструктор космической техники, — ответил Адамс. — Спит и во сне видит чертежи и графики. Он со своей командой осмотрел ваш звездолет, после чего они построили графики динамического приложения сил. По их расчетам выходит, что вы неминуемо должны были погибнуть, находясь внутри корабля. Что от вас должно было остаться, образно говоря, мокрое место.

— Просто потрясаяще, — удивился Саттон. — И все это с помощью расчетов?

— И Андерсон сообщил мне, что не считает вас человеком.

— Ну, для такого вывода достаточно было взглянуть на корабль.

Адамс кивнул.

— Конечно. Ни пищи, ни воздуха. Вывод вполне логичен.

Саттон медленно покачал головой.

— Ошибся ваш Андерсон. Если бы я не был человеком, только бы вы меня и видели. Да я просто бы не вернулся. Нет, Адамс, я тосковал по Земле, а вы ждали отчет. И я вернулся.

— Однако вы, мягко говоря, подзадержались.

— Я должен был все исследовать досконально, — ответил Саттон. — Вы ведь дали мне задание выяснить, опасны ли обитатели Лебедея-61, не так ли?

— И что же?

— Они не опасны, — ответил Саттон.

Адамс ждал объяснений, но Саттон молчал.

Наконец Адамс спросил:

— И это все, что вы хотели мне сообщить?

— Все, — ответил Саттон.

Адамс постучал по зубам кончиком трубки.

— Мне бы очень не хотелось посылать еще кого-нибудь туда для проверки вашей работы, Саттон. В особенности потому, что я всех уверил в том, что уж вы-то постараетесь...

— А туда бесполезно кого-либо посылать, — прервал его Саттон. — Больше туда никто не попадет.

— Но вы же попали!

— Да, я был первым, кто проник туда. И именно поэтому я стал и последним.

— Такое впечатление, — холодно улыбнулся Адамс, — что вы просто в восторге от людей, что живут там.

— Они не люди.

— Ну, хорошо, от тамошних существ.

— Они даже не существа. Очень трудно объяснить, кто они такие. Если я скажу вам, как я их себе представляю, вы будете смеяться.

— И все-таки постарайтесь описать их как можно точнее, — пробурчал Адамс.

— Это... симбиотические абстракции. Вот самое точное определение, которое я могу дать.

— Вы хотите сказать, что в действительности они не существуют?

— Да нет, они существуют вполне реально. Они присутствуют, и об их присутствии можно догадаться. Оно ощущается столь же реально, как и то, что мы с вами сейчас видим друг друга.

— И они разумны?

— Да, они разумны.

— И так-таки никто не может попасть туда?

Саттон покачал головой.

— Послушайте, Адамс, а почему бы вам вообще не вычеркнуть систему Лебеда-61 из ваших списков? Ну, забыть, что ли, что она существует? Уверю вас, там нет никакой опасности! Они никогда не причинят человечеству никаких неприятностей, а люди просто не смогут туда попасть, вот и все!

— Скажите, а как у них с техникой?

— Нет у них никакой техники.

Тут Адамс резко изменил направление беседы.

— Простите, Эш, напомните, пожалуйста, сколько вам лет?

— Шестьдесят один, — ответил Саттон.

— Ну, да вы еще мальчишка. У вас все еще только начинается. — Он повертел в руках трубку. — И какие у вас планы?

— Никаких планов у меня нет.

— Хотели бы по-прежнему работать у нас?

— Это зависит от вас. У меня есть основание думать, что я вам не особенно нужен.

— Мы должны вам за двадцать лет, — сказал Адамс довольно дружелюбно. — Деньги можете получить в любое время. А потом можете в отпуск уйти года на три-четыре. Почему бы вам не отдохнуть, дружище?

Саттон не отвечал.

— Заходите еще как-нибудь, — предложил Адамс. — Поговорим.

— Я не скажу ничего нового, — сухо ответил Саттон.

— Я не настаиваю.

Саттон медленно поднялся.

— Очень жаль, Эш, что я не вызываю у вас доверия.

— Вы дали мне задание, — ответил Саттон. — Задание я выполнил. Отчет написал.

— Да. Все правильно, — согласился Адамс.

— Вы будете держать связь со мной? — спросил Саттон.

— Да, конечно. Обязательно.

Взгляд Адамса был мрачен.

Глава 14

Саттон расслабился в кожаном кресле. Сорок лет будто стерлись из памяти. Все здесь было, как тогда. Даже чайные чашки те же.

Через открытое окно в кабинет доктора Рейвена доносились веселые молодые голоса. Студенты разбегались по аудиториям. Кончалась перемена. Ветер шумел в верхушках вязов. Саттон хорошо помнил этот шум.

Вдали зазвенел церковный колокол.

Доктор Рейвен подвинул чашку поближе к Саттону.

— По-моему, я все сделал, как ты любишь. Три кусочка сахара и без сливок.

— Да, все правильно, — удивился Саттон.

Еще помнит, подумал он. Хотя помнить — это ведь так легко. Мне, например, кажется, что я сам могу вспомнить все что угодно. Как будто знания, словно старинные сервизы, стояли где-то на полочках, и чья-то заботливая рука ежедневно стирала с них пыль все эти годы, пока я был там, в чужом, непривычном мире, и теперь можно снять это семейное серебро с полки, вычищенное, сияющее...

На потолке играли отблески пламени, пылавшего в беломраморном камине.

— Я думаю, — сказал Саттон, — вам все-таки интересно, зачем я пожаловал?

— Во всяком случае, — ответил доктор Рейвен, — не могу сказать, что ты так уж удивил меня своим визитом. Все мои мальчики нет-нет да и заглядывают ко мне. И я страшно рад, когда меня навещают.

— Честно говоря, сам не знаю, с чего начать, — взволнованно сказал Саттон.

— Давай проще, — предложил старик. — Вспомни, как в старые добрые времена мы говорили часами и, в конце концов, докапывались до какой-никакой истины...

Саттон рассмеялся.

— Да, профессор, конечно, помню. Мы решали тончайшие проблемы теологии. Разбирали основополагающие аспекты сравнительной религии. Именно это и волнует меня сейчас, потому я и приехал. Ведь вы посвятили этому всю жизнь. О земных и инопланетных религиях никто на Земле не знает больше, чем вы. Удалось ли вам при этом сохранить свою собственную веру? Не возникало ли у вас искушения отказаться от земной религии?

Доктор Рейвен улыбнулся и поставил чашку на стол.

— Я должен был быть готов к тому, что ты, как обычно, задашь мне какой-нибудь каверзный вопрос. Это в твоём духе.

— Я не собираюсь вас долго мучить, — оправдывающимся тоном проговорил Саттон. — Я просто хочу узнать, не нашли ли вы в огромном количестве верований какой-нибудь религии, которая оказалась бы лучше, выше других?

— Надо понимать, что ты нашел такую религию?

— Нет, — ответил Саттон тихо. — Не религию.

Церковный колокол все еще звонил вдалеке. В университетских коридорах наступила тишина. Перемена закончилась.

— Не казалось ли вам когда-нибудь, — спросил Саттон, — что вы сидите одесную Господа и слышите нечто, чего никогда в жизни не слышали и не ожидали услышать?

Доктор Рейвен недоуменно покачал головой.

— Нет, пожалуй, ничего подобного мне испытать не довелось.

— А если бы довелось, как бы вы себя вели?

— Ну, я думаю, что мне пришлось бы так же мучительно размышлять об этом, как и тебе.

— Восемь тысячелетий люди жили только верой, — сказал Саттон, глядя на пылающий камин. — Восемь тысячелетий, а то и больше. Да, конечно, больше. Чем же, если не верой, пусть какими-то начатками веры, объяснить ориентацию захоронений неандертальцев и то, что кости в захоронениях окрашены охрой?

— Вера, — мягко вставил Рейвен, — могущественное явление.

— Да, могущественное, — согласился Саттон, — но, при всем том порой она — не что иное, как признание нами своей собственной слабости. Мы как бы сами признаем, что мы не в силах существовать в одиночку, что нам нужна соломинка, за которую мы могли бы ухватиться, надежда и убежденность в том, что есть высшая сила, которая нам поможет и укажет путь.

— Ты как-то озлобился, Эш. Это твое открытие так повлияло на тебя?

— Да нет. Это не озлобленность, — смущенно ответил Саттон.

Где-то тикали часы, и в наступившей тишине их тиканье казалось нарочито громким.

— Профессор, — спросил Саттон, — а что вы думаете о таком понятии, как судьба?

— Вот уж действительно странно слышать от тебя подобный вопрос! Никогда не считал тебя человеком, который покоряется судьбе.

— Я имею сейчас в виду научное, книжное, что ли, определение этого понятия. Что по этому поводу говорит литература?

— Ну, в общем, люди, верившие в судьбу, существовали во все времена. Каждый, наверное, верил по-разному. Не все, правда, именовали то, во что верили, судьбой. Одни называли это фортуной, другие — предчувствием, третьи — предначертанием, остальные — еще как-нибудь.

— Да, но ведь нет никаких подтверждений, что судьба действительно существует. Никаких фактов, что она представляет собой реально действующую силу. Ее ведь, так сказать, нельзя потрогать руками!

Доктор Рейвен покачал головой.

— Да, Эш. Ты прав. «Судьба», в конце концов, — просто слово. Руками, действительно, не потрогаешь. Но когда-то и вера была не более чем словом, так же как теперь судьба. Однако за тысячи лет миллионы людей сделали веру осязаемой. Ее можно узнать, принять и жить по ее законам.

— Ну, а такие вещи, как удача или предчувствие, это что — всего лишь случайности?

— Да, но они могут служить проявлениями судьбы, — ответил Рейвен. — Вспышки, в свете которых можно разглядеть суть. Всего лишь отдельные волны в бурном потоке событий. Я так это понимаю, хотя специально этими вопросами никогда не занимался.

Он поднялся и подошел к книжному шкафу. Запрокинул голову, глядя на верхние полки.

— Тут у меня где-то была одна книга. Не знаю, найду или нет.

Он поискал и не нашел.

— Ну, это не так важно, — сказал он. — Я найду ее обязательно и дам тебе почитать, если тебе действительно так интересно. В ней рассказывается о древнем африканском племени с очень странными верованиями. Они верили, что у каждого человека есть душа. Можно это называть, как угодно — эго, сознание, разум, но лучше — душа. Так вот, они верили, что у каждой души есть двойник, вторая половинка, и эта половинка обитает где-то на далекой звезде. Если я правильно помню, они даже знали, на какой именно, и могли показать ее на ночном небе.

Он оторвал взгляд от книг и посмотрел на Саттона.

— А знаешь что, может быть, это и есть судьба, — сказал он тихо. — Очень, очень может быть.

Рейвен прошелся по кабинету и подошел к догоравшему камину. Он стоял, заложив руки за спину и склонив набок седую голову.

— А почему, собственно, ты так интересуешься судьбой?

— Потому, что я ее нашел, — тихо промолвил Саттон.

На экране видеофона возникло лицо человека. Он был в маске.

— Если хотите говорить со мной, — холодно и резко сказал Адамс, — снимите маску.

— Придется так поговорить, — произнес голос из-под маски. — Я — тот человек, что разговаривал с вами во дворе. Помните?

— Надо понимать, что теперь вы говорите со мной из будущего? — съязвил Адамс.

— Нет, — невозмутимо ответил человек в маске. — Я пока в вашем времени. Я за вами наблюдаю.

— И за Саттоном тоже?

Человек в маске кивнул.

— Вы с ним беседовали. Что вы теперь думаете?

— Он что-то скрывает, — нехотя ответил Адамс. — И он, как бы это лучше выразиться... Он не совсем человек.

— Намерены ли вы убить его?

— Нет, я не думаю, что в этом есть необходимость. Кроме того, как я уже сказал, он что-то знает, и нам бы было очень желательно выудить из него эту информацию. Сами понимаете, убийство — не лучшее средство.

— Было бы гораздо лучше для вас, — сказал человек в маске, — если бы то, что он знает, умерло вместе с ним.

— Может быть, — сказал Адамс, ерзая в кресле, — я бы лучше вас понял, если бы вы объяснили наконец, что имеете в виду?

— Не могу, Адамс. И хотел бы, да не могу. И не имею права посвящать вас в тайны будущего.

— Не можете... Очень мило. Ну а я, со своей стороны, не позволяю вам вмешиваться в прошлое.

Про себя он подумал: сдрейфил, собака. Сдрейфил. Не вышло у него. Он-то мог кокнуть Саттона уже сто раз, но не имеет права делать этого сам, своими руками. Ему нужно, чтобы Саттона убил кто-то из нашего времени.

— Между прочим... — выдавил человек в маске.

— Да-да? — отозвался Адамс.

— Я хотел спросить у вас, как там дела на Альдебаране-12?

— Что — на Альдебаране-12? О чем вы?

— Просто — если бы не Саттон, аварии на Альдебаране-12 не было бы, — объявил человек в маске.

— Но Саттон в это время еще не вернулся на Землю! Он тогда вообще неизвестно где был! — удивленно воскликнул Адамс. Но удивление его быстро сменилось отчаянием: он вспомнил, вспомнил проклятый титульный лист из книги, где стояло имя автора: «Эшер Саттон». — Послушайте, — умоляюще проговорил Адамс. — Ради всего святого, объясните мне хоть что-нибудь, если это можно объяснить!

— Вы хотите меня уверить, что до сих пор не догадались, что из всего этого может получиться?

Адамс обреченно помотал головой.

— Война, — мрачно произнес человек в маске.

— Какая война? У нас нет никаких войн!

— Да не в вашем времени. В будущем.

— Но как?

— Майклсона помните?

— Это тот, что одну секунду побывал в будущем...

Человек в маске кивнул, экран померк. По коже у Адамса побежали мурашки страха. Руки похолодели.

Внезапно раздался звонок видеофона, Адамс почти машинально нажал клавишу. На экране появился Нельсон, его агент.

— Саттон только что вышел из университета, — сообщил Нельсон. — Он пробыл час у доктора Рейвена. Гораций Рейвен, профессор кафедры сравнительной теологии.

— О! Вот, значит, в чем дело...

Адамс сидел, растерянно постукивая пальцами по столу. Происходившее было непонятно и страшно.

Это просто стыд и позор, думал он, убивать такого парня, как Саттон. Но, наверное, так будет лучше. Да, так будет лучше, мысленно повторил он уже более убежденно.

Глава 16

Кларк заявил, что я погиб, а Кларк — специалист. Кларк построил графики, и по ним выходит, что я погиб. Это понятно. А Андерсон утверждает, что я — не человек. Ему-то откуда знать?

Дорога петляла, как серебристая лента в лучах луны. Земля благоухала ароматами ночи и утопала в ее звуках. Резкий, чистый запах молодых растений, волнующая свежесть воды. Справа от шоссе через болотце бежала небольшая речушка, поблескивая в лунном свете. Окрестности оглашало залиvistое кваканье лягушек, то тут, то там, как сигнальные фонарики, мелькали огоньки светлячков.

Как Андерсон мог узнать? — думал Саттон. Никак, если только не обследовал меня. Если не был одним из тех, кто копался во мне, когда я первый раз вошел в номер и меня чем-то одурманили.

А раз об этом знает Адамс, значит, он тут наверняка приложил руку, а Адамс без крайней необходимости этого бы не сделал. Но, сказав мне про Кларка и Андерсона, он тем самым обнаружил свое участие. Значит, он хотел мне что-то сказать. Но не смог. Не мог же он в самом деле прямо выложить мне, что я там у них весь разложен по полочкам — снимки, пленки, записи. Тогда стало бы ясно, что он — один из тех, кто устроил всю эту охоту.

Единственное, что он мог себе позволить, так это тонкий намек, что он и сделал, сказав про Андерсона. Он думал, что я пойму, и полагает, что напутал меня.

В свете передних фар внезапно возникли очертания массивного дома у подножия холма. Потом был поворот. Ночная птица, бесшумная, призрачная, перелетела через шоссе и скрылась во мраке.

Адамс. Это был Адамс... — продолжал размышлять Саттон. Он ждал меня. Каким-то непонятным образом он пронюхал о моем возвращении и был наготове. Он все продумал еще до того, как я приземлился. А теперь он, конечно, узнал много такого, чего не мог и вообразить...

Саттон грустно усмехнулся. В это мгновение за ближайшим холмом раздался душераздирающий вопль, небо озарила яркая вспышка, поток огня устремился к болоту, и там пламя быстро опало.

Взвизгнули тормоза. Но еще до того, как машина окончательно остановилась, Саттон выпрыгнул из нее и помчался по склону к странному черному предмету, полыхавшему в трясине.

Вода хлупала под ногами, острые листья болотной осоки резали кожу. Лужицы отливали масляно-черным блеском в лучах пламени; странный корабль — если это был корабль — догорал. На другом краю болота взхлеб орали лягушки.

Кто-то барахтался в грязной воде всего в нескольких футах от горевшего корабля. Вспышка пламени озарила это место, и Саттон понял, что там — человек.

Огонь осветил лицо несчастного. Блеснули выпученные глаза. Человек с трудом приподнялся на локтях, пытаясь отползти подальше от горевшего звездолета. Еще одна вспышка — его лицо исказила гримаса ужаса и боли. До Саттона донесся жуткий запах горелого мяса. Он подбежал, подхватил несчастного под мышки и потащил через болото к дороге. Грязь чавкала под ногами.

Наконец он ступил на твердую почву и стал карабкаться по склону вверх, где стояла его машина. Голова страдальца моталась из стороны в сторону. Он что-то пытался говорить, но вряд ли звуки, вылетавшие из его рта, можно было назвать словами.

Саттон резко оглянулся и увидел, как языки пламени взметнулись до самого неба. Ярко-голубая вспышка разогнала ночной мрак. Вспугнутые болотные птицы покинули свои гнезда и, ослепленные огнем, в страхе метались во все стороны, оглашая тишину криками ужаса.

— Ядерный двигатель, — прошептал Саттон. — Сейчас взорвется!

— Нет, — прохрипел человек. — Нет, не взорвется. Я поднял стержни...

Саттон наступил на корень дерева, споткнулся и упал на колени. Руки его разжались, и он выпустил несчастного. Тот ткнулся лицом в землю, Саттон помог ему перевернуться на спину. Он тяжело дышал и смотрел в небо обезумевшими от ужаса глазами.

Молоденький совсем, огорченно подумал Саттон.

— Ядерный двигатель не взорвется, — бормотал человек. — Я его заблокировал...

В его словах была гордость человека, который хорошо сделал свое дело. Говорить ему было трудно. Когда он замолчал, Саттону показалось, что все конечно. Мгновение спустя он снова начал дышать, в горле у него хрипело и булькало. Кожа на висках потрескалась от ожога, из трещин сочилась кровь. Челюсти двигались медленно, изо рта со свистом и хрипом вырывались слова.

— Было сражение... в восемьдесят третьем... я видел, как он шел... хотел совершить прыжок во времени...

Он глотал окончания, набирал воздух, вновь пытался говорить:

— У них были новые пистолеты... Они подожгли кора...

Он повернул голову и наконец увидел Саттона. Он приподнял голову, потом откинулся назад, тяжело дыша.

— Саттон! — прошептал он.

Саттон склонился над ним.

— Я понесу вас. Отвезу к доктору.

Человек смотрел на него, не отрываясь, и шептал только два слова:

— Эшер Саттон... Эшер Саттон...

На краткий миг в глазах умирающего вспыхнула гордая радость, какой-то фанатичный восторг. Он с трудом приподнял правую руку и сложил пальцы в непонятном знаке. Было непохоже, что он собирается перекреститься...

Но блеск в его глазах быстро угас, рука упала, пальцы разжались. Можно было и не слушать сердце, и так было ясно, что страданиям его пришел конец.

Саттон медленно поднялся на ноги.

Пламя утихало, птицы улетели. Сгоревший корабль наполовину затянула трясина. Очертания его показались Саттону незнакомыми, а уж он на своем веку звездолетов повидал немало.

Человек назвал его по имени. Перед смертью взгляд его на мгновение загорелся, он пытался подать какой-то условный знак. И — «в восемьдесят третьем было сражение...»

В восемьдесят третьем году? Или — веке? Кто-то там пытался совершить прыжок во времени. Белиберда какая-то. Какие еще прыжки во времени?

Я-то точно знаю, что с этим парнем никогда в жизни не встречался, сам себе говорил Саттон, будто оправдываясь. Боже правый, я его не знаю! А он назвал меня по имени — значит, он меня знал и хотел сделать рукой какой-то знак. Похоже было даже, что он рад меня видеть.

Саттон опустил взгляд и посмотрел на мертвое тело, лежавшее у его ног, и сердце его сжалось от горечи и сострадания.

Он осторожно опустился на колени и стал ощупывать безжизненное тело — нет ли какого-нибудь пакета, документов, или хоть чего-нибудь, чтобы можно было понять, кто перед ним.

Он знал меня, думал Саттон. И мне нужно понять откуда.

В нагрудном кармане комбинезона оказалась небольшая книжка. Саттон осторожно вытащил ее.

Обложка была из черной кожи с золотым тиснением, так что даже при свете луны Саттон смог прочесть буквы, сочетание которых резануло по глазам:

Эшер Саттон
ЭТО СУДЬБА

Саттон просто окаменел. Сгорбившись, сидел он на корточках и, не отрываясь, смотрел на золотые буквы на обложке.

Книга!

Книга, которую он собирался написать, но еще и не начинал!

Книга была перед ним, зачитанная, видимо, не раз переходившая из рук в руки...

С болота поднимался холодный туман. Кричала одинокая выпь...

Странный звездолет свалился в болото и сгорел. Из него успел выскочить человек. Перед смертью он узнал Саттона и назвал его по имени. В кармане у него оказалась книга, которая еще не была написана. Таковы факты. Несвязные, непонятные факты.

В темноте слышались голоса. Саттон встал и прислушался. Голоса слышались вновь, на этот раз ближе. Кто-то шел к месту происшествия.

Саттон быстро пошел вверх по склону к машине.

Больше мне здесь делать нечего, сказал он себе.

Глава 17

За кустами сирени прятался человек, в тени забора притаился другой.

Саттон медленно шел вперед. Тянул время, по пути соображая, как быть.

— Джонни! — беззвучно произнес он.

— Да, Эш, — беззвучно ответил голос.

— Как ты думаешь — их там только двое или еще есть?

— Похоже, Эш, что где-то есть еще один, но пока непонятно, где именно. Все вооружены.

Саттон ощутил радостную уверенность в себе. Ему помогали, он был не одинок. У него был друг.

— Подскажешь, если что, Джонни!

Он шел вперед, насвистывая куплет из песенки, которую на Земле давным-давно забыли. Машину он оставил в гараже в двух кварталах отсюда, и до «Пояса Ориона» оставалось еще два квартала. Между ним и гостиницей было препятствие в виде двух вооруженных мужчин. Двух, а может, и больше.

Между гаражом и гостиницей построек не было. Там тянулся парк — стриженные кусты, газоны, аккумуляторные клумбы — типичный образчик пейзажа административной Земли.

Да, думал Саттон, этот парк как нельзя лучше подходит для того, чтобы без лишнего шума убрать, кого надо.

Опять Адамс? — лихорадочно соображал он. Не может быть. Вряд ли. Адамс не прочь еще кое-что вытянуть из меня, а зачем же убивать человека, который тебе нужен. Глупо.

Про других ему говорила Ева. Это были те, кто нанял Бентона. Скорее, это были они, потому что Адамсу он был нужен живой, а эти, кто бы они ни были, вознамерились, видимо, покончить с ним во что бы то ни стало.

Он опустил руку в карман куртки, чтобы достать сигарету, но пальцы его ощутили холод стали. Там был пистолет, из которого он стрелял в Бентона. Он подержал пистолет в руке, потом разжал пальцы, вынул руку из кармана и достал сигареты из другого.

Рано еще, подумал он. Еще успею вынуть пистолет. Если он мне понадобится. Если мне оставят шанс им воспользоваться.

Он остановился и закурил. Тянул, тянул время. Время работало на него.

Пистолет в такой ситуации, конечно, слабоват, думал он. Но уж лучше быть с пистолетом, чем совсем безоружным.

— Эш! — произнес беззвучный голос. — Там есть еще один. Он ждет, что ты пройдешь мимо, и тогда они окружают тебя с трех сторон.

— Отлично, — тихо проговорил Саттон. — А точнее?

— За кустом с белыми цветами. Он по ту сторону. Ближко к дорожке.

Саттон затянулся сигаретой, кончик ее светился, как красный глаз циклопа.

— Убрать его, Джонни?

— Да, лучше убрать.

Саттон остановился и увидел куст — в четырех шагах.

Шаг.

В чем же здесь дело, черт подери?

Еще шаг.

Прекрати гадать. Надо действовать, гадать потом будешь.

Еще шаг.

Вот он. Вижу!

Саттон резко свернул с дорожки на газон, выхватил из кармана пистолет и выстрелил два раза. Человек, прятаясь за кустом, повалился лицом в траву. Оружие выпало у него из рук, Саттон быстро поднял его. Это был электронный бластер, жуткая штука, стрелявшая пучком лучей. Двадцать лет тому назад такое оружие было только что разработано и засекречено, а теперь, как видно, оно доступно любому.

Саттон выпрямился и побежал вперед, продираясь сквозь заросли колючего кустарника. Перебегая через клумбу с тюльпанами, он увидел сбоку вспышку — беззвучный выстрел. Серебристый луч пронзил ночную тьму. Саттон перепрыгнул канавку и оказался в роще кипарисов и берез. Он остановился, перевел дыхание, оглянулся назад.

Там было все тихо и спокойно. Парк мирно спал в лучах луны. Никого и ничего подозрительного. Никто не стрелял. Вдруг Джонни шепнул:

— Эш! Сзади. Друг.

Саттон резко обернулся, сжал пистолет.

В свете луны он разглядел фигуру Геркаймера. Тот бежал, пригнувшись к земле, как собака, ищущая след.

Саттон выглянул из-за густого кипариса и шепотом окликнул его. Геркаймер остановился, огляделся и быстро подбежал.

— Мистер Саттон!

— Да, Геркаймер!

— Надо бежать!

— Да, — ответил Саттон. — Похоже, придется. Я попал в засаду. Меня тут трое поджидали.

— Все гораздо серьезнее, — обреченно сказал Геркаймер. — Теперь на вас покушаются не только Ревизионисты и Морган, но и сам Адамс.

— Адамс?

— Адамс отдал приказ стрелять в вас без предупреждения.

Саттон остолбенел.

— А ты откуда знаешь?!

— Это не я. Эта девушка знает все. Ева. Та, про которую вы спрашивали. Она мне сказала. — Геркаймер подошел поближе и, глядя Саттону прямо в глаза, сказал: — Вы должны поверить мне, сэр. Утром вы спросили, могу ли я предать вас, но я никогда бы этого не сделал. Я был за вас с самого начала.

— А девушка?

— Ева тоже за вас, сэр. Как только мы все разузнали, мы начали вас разыскивать, но опоздали. Ева ждет нас в звездолете.

— В звездолете... — мало что понимая, повторил Саттон. — Ах, да, «звездолет и еще много чего...» Ты говорил.

— Это ваш собственный звездолет, сэр, — сказал Геркаймер. — Тот самый, что достался вам от Бентона. Вместе со мной.

— И ты хочешь, чтобы я пошел с тобой, сел в звездолет, и...

— Простите, сэр!

Геркаймер действовал так решительно, что Саттон не успел оказать сопротивления. Он только увидел, что кулак Геркаймера приближается к его лицу, попытался выстрелить... Удар был силен и резок. Ноги подкосились, в глазах поплыли круги...

Глава 18

Голос Евы Армор нежно звал его:

— Эш! Ну, Эш, очнись!

До слуха Саттона донесся приглушенный шум двигателей. Маленький звездолет рассекал просторы космоса.

— Джонни! — произнес он мысленно.

— Мы на борту корабля, Эш.

— Сколько нас?

— Кроме нас — андроид и девушка. Ева. Я же говорил тебе, что они друзья. Почему ты не поверил мне?

— Я теперь никому не верю.

— Даже мне?

— Я не могу доверять твоим оценкам, Джонни, прости. Ты плохо знаешь Землю.

— Не так уж плохо, Эш. Я знаю и Землю, и землян. Гораздо лучше, чем ты. Ты — не первый землянин, с которым я сосуществую.

— Джонни, я не помню... Мне нужно вспомнить что-то очень важное. Я пытаюсь вспомнить, но все путается. Главное я, конечно, помню. То, чему я учился у вас, то, что я записал и взял с собой на Землю. Но саму планету и людей на ней я не помню...

— Они — не люди, Эш.

— Я знаю. Но какие же они? Не помню...

— И не нужно тебе помнить, Эш. Все там было слишком чужое, непривычное. Ты бы не вынес таких

воспоминаний, потому что они стали бы частью тебя самого. А тебе нужно остаться человеком, Эш. Нам нужно, чтобы ты остался человеком.

— Но ведь когда-нибудь я должен вспомнить!

— Когда надо будет, тогда и вспомнишь. Я об этом позабочусь.

— И еще, Джонни...

— Что, Эш?

— Ты не против этой выдумки, ну... в смысле, не против ты, что я тебя называю «Джонни»? Все-таки это как-то фамильярно. Но, если честно, я не знаю, как бы я мог назвать лучшего друга. Это самое лучшее из всех имен, какие я знаю.

— Нет-нет, я не против! Совсем не против!

— Ты что-нибудь понимаешь в том, что происходит, Джонни? Кто такой Морган? Кто такие Ревизионисты?

— Нет, Эш. Я не знаю, кто это.

— Ну, может быть, ты хотя бы догадываешься?

— Да, Эш, начинаю догадываться.

...Ева Армор трясла его за плечо.

— Эш, проснись! Ты слышишь меня? Ну очнись же!

Саттон открыл глаза. Он лежал на кушетке. Ева изо всех сил теребила его.

— О'кей! — запротестовал он. — Хватит, пожалуй!

Он спустил ноги с кушетки и уселся. Поднял руку, потрогал ушиленную скулу.

— Геркаймеру пришлось стукнуть тебя, — сказала Ева. — Он не хотел тебя бить, но ты не слушался, а мы торопились.

— Геркаймер? Это кто такой?

— Ох, видно он слишком здорово тебя стукнул. Все забыл. Геркаймер — андроид Бентона. Он теперь ведет корабль.

Саттон огляделся. Корабль был маленький, но очень уютный и удобный, в нем хватало места для двух-трех пассажиров.

— Итак, раз уж вы меня похитили, — сказал Саттон девушке, — может, вы все-таки будете настолько любезны, что сообщите мне, куда мы, собственно, направляемся?

— Мы и не думали ничего от тебя скрывать, — ответила Ева, улыбаясь. — Мы летим на астероид, который достался тебе в наследство от Бентона. Там

есть охотничий домик, большие запасы еды, и потом — там никто не будет нас искать.

— Здóрово, — усмехнулся Саттон. — Мне только охоты и не хватало для полного счастья.

— Да не нужно вам там охотиться, — произнес голос андроида за спиной Саттона.

Саттон обернулся. На пороге отсека управления стоял Геркаймер.

— Ты будешь там писать свою книгу, — мягко сказала Ева. — Ты ведь знаешь про книгу. Про ту самую, которую Ревизионисты...

— Да, — оборвал ее Саттон. — Про книгу я знаю.

Он замолчал, вспоминая, и рука его машинально потянулась к нагрудному карману. Книга была там, на месте. И еще какая-то бумага зашуршала... Ах, да, письмо. То старинное письмо.

— Что касается книги... — пробормотал Саттон, но сразу же замолчал, потому что чуть было не брякнул, что книгу писать, собственно, не нужно, поскольку у него есть готовый экземпляр. Но что-то остановило его. Он понял, что как раз этого говорить не надо.

— Я захватил ваш портфель, сэр, — сообщил Геркаймер. — Рукопись там, в целости и сохранности. Я проверил.

— Ну, и конечно, кучу бумаг тоже захватил? — насмешливо спросил Саттон.

— И кучу бумаг, — невозмутимо ответил Геркаймер.

Ева Армор склонилась к Саттону, и он ощутил волнующий запах ее медно-рыжих волос.

— Ты что, не понимаешь, — спросила она тихо, — как это важно, чтобы ты написал книгу? Неужели ты не понимаешь?

Саттон покачал головой.

Важно? — подумал он. Для кого? И для чего?

...В памяти возникло лицо, искаженное гримасой смерти, голос умирающего, его слова...

— Но я действительно не понимаю, — ответил он. — Может, вы объясните мне?

Она покачала головой.

— Ты должен написать книгу — это все, что я могу сказать.

Глава 19

Астероид был освещен мерцающим светом далеких звезд. Заснеженные вершины гор вздымались к небу серебристыми пиками.

Воздух был разреженный и холодный, и Саттон удивился, что здесь вообще есть атмосфера. Хотя за те деньги, что отваливают на доведение любого такого астероида до состояния обитаемости, можно и не только атмосферу сотворить.

Бентон вбухал как минимум миллиард долларов, прикинул Саттон. Только атомные установки стоят половину этой суммы, а без них вообще невозможно создать атмосферу. А гравитационные машины для ее удержания... Влетело в копеечку.

Когда-то, думал он, человеку для счастья хватало уединенного коттеджа на берегу озера, маленького охотничьего домика в лесу или путешествия за океан на яхте, но теперь, когда в распоряжении людей вся Галактика, можно купить за миллион долларов астероид, а то и целую планету...

— Домик там, — сказал Геркаймер, и Саттон посмотрел в ту сторону, куда он указывал.

Вдали, на возвышенности, виднелось небольшое темное строение. Там горел свет.

— Откуда свет? — встревоженно спросила Ева. — Здесь кто-то есть?

Геркаймер отрицательно покачал головой.

— Не может быть. Просто кто-то забыл выключить.

Вечнозеленые березы, такие чужие, нереальные в свете звезд, были похожи на кучки солдат, взбирающихся по склону горы к домику.

— Здесь есть тропа, — сказал Геркаймер.

Он пошел первым, за ним — Ева, Саттон замыкал шествие. Тропа была довольно крутая и неровная. То и дело попадались острые камни.

Домик, как понял Саттон, располагался на небольшом, видимо, искусственном плато, поскольку других ровных площадок вокруг не было. Насколько хватало глаз — везде торчали зубцы скал.

Движение воздуха, слабое, почти неощутимое, качнуло верхушки деревьев. Что-то метнулось в сторону от тропы и скрылось среди камней. Издалека донесся жутковатый крик.

— Это зверь, — спокойно объяснил Геркаймер. Он остановился и указал на небольшую, причудливых очертаний скалу. — Тут можно отлично поохотиться, — сообщил он и добавил: — Если ноги не переломаешь.

Саттон оглянулся назад и впервые почувствовал по-настоящему первозданную дикость здешнего пейзажа. Внизу свернулись застывшие водовороты камней и скал, а наверху — черные провалы неба между вершинами серебристых неприступных пиков.

Саттон поежился.

— Пошли! — поторопил он спутников.

Наконец они одолели последние сто ярдов и ступили на плато. Остановились, перевели дыхание. Зрелище этого мира, словно явившегося из ночного кошмара, действовало на психику настолько неприятно, что Саттон просто физически почувствовал, как холодная рука одиночества подбирается к нему и вот-вот дотронется до него ледяными пальцами. Одиночество здесь было вымученным, ненормальным. Нет, не о таком уединении он мечтал! Здесь царило отрицание жизни, движения. Сама мысль о жизни казалась странной, невозможной.

Вдруг позади раздался звук шагов. Все трое резко обернулись.

Из темноты возник приземистый мужчина и как ни в чем не бывало обратился к ним приятным баритоном.

— Добрый вечер! — поприветствовал он. — А мы, понимаете, услышали, как вы приземлились, и пошли встречать вас.

Ева ответила холодно и сердито:

— Вы нас напугали. Мы не ожидали здесь кого-нибудь застать.

— Надеюсь, мы вам не помешаем, — сказал мужчина. — Мы — приятели мистера Бентона, и он сказал нам, что астероид в нашем полном распоряжении.

— Мистер Бентон умер, — не меняя тона, сообщила Ева. — А этот человек — новый владелец астероида.

Мужчина с любопытством взглянул на Саттона.

— Простите, сэр, — произнес он удивленно. — Мы были не в курсе. Если так, то мы, конечно, быстренько соберемся и улетим.

— А зачем вам, собственно, улетать? — пожал плечами Саттон. — Можете и остаться.

— Мистеру Саттону, — вмешалась Ева, — нужен покой и тишина. Он прилетел сюда, чтобы писать книгу.

— Книгу... — повторил за ней мужчина. — Писатель, что ли?

Саттону показалось, что тот подшучивает, но не только над ним, а над всей компанией.

— Мистер Саттон... — сказал человек так, как будто пытался вспомнить. — Что-то не припомню. Но, с другой стороны, я не так много читаю.

— Не трудитесь вспоминать, — сказал ему Саттон. — Я пока еще ничего не написал.

— А, ну тогда понятно, — облегченно рассмеялся мужчина.

— Здесь холодно, — резко вмешался Геркаймер. — Пойдемте в дом.

— О, конечно, конечно, — засуетился мужчина. — Холодно, а я, дурак, болтаю. Кстати, меня зовут Прингл. А моего приятеля — Кейз.

Никто не ответил, так что ему ничего не оставалось, кроме как повернуться и направиться к домику.

Подойдя ближе, Саттон отметил, что дом гораздо больше, чем казалось снизу. Он был высокий и темный, его легко было принять за большую скалу.

Как только они преодолели массивную каменную лестницу, дверь открылась, и на пороге появился второй мужчина, рослый, худой и очень подтянутый.

— Новый хозяин объявился, Кейз! — сообщил ему Прингл, и Саттону показалось, что он чуть-чуть понизил голос, как бы стараясь вложить в сообщение какой-то особый смысл.

— Бентон-то помер, оказывается, представляешь? — пояснил Прингл.

— Правда? Вот интересно! — отозвался Кейз.

Саттон подумал, что это несколько необычная реакция на сообщение о смерти.

Кейз отступил в сторону, пропуская всех в дом, и закрыл дверь.

Потолок в комнате был высокий, но горела только одна лампочка, поэтому в углах сгустились утрюмые тени.

— Боюсь, что вам придется самим о себе позаботиться. Мы с Кейзом прилетели налегке, роботов не взяли. Но если вы хотите есть, я сейчас быстренько что-нибудь соображу. Что-нибудь горяченькое и сэндвичи, идет?

— Спасибо, мы поели только что, перед посадкой, — отказалась Ева. — Вещей у нас немного, Геркаймер сам управится.

— Ну, тогда присаживайтесь. Вам я настойчиво рекомендую вот это кресло. Очень удобное. Садитесь, поболтаем!

— Мы не в силах разговаривать. Полет был тяжелый, вы уж нас простите.

— Ох, какая вы нелюбезная девушка! — всплеснул руками Прингл, и было совершенно очевидно, что он не шутит.

— Я просто усталая девушка, — в тон ему ответила Ева.

Прингл подошел к стене, нажал выключатели. Комната озарилась ярким светом.

— Спальни на втором этаже, — сказал он. — Через балкон. Кейз и я занимаем первую и вторую слева. Все остальные — в вашем распоряжении.

Он пошел вперед, чтобы показать им дорогу. Но тут неожиданно заговорил Кейз:

— Мистер Саттон! Мне кажется, я где-то слышал ваше имя.

— Думаю, вы ошибаетесь, — ответил Саттон, обернувшись. — Я совершенно неизвестен.

— Да, но... вы убили Бентона.

— А кто вам сказал, что я его убил?

— Ну, это вполне логично. Как бы вам иначе перепал этот астероид? Только так. Я знаю, что Бентон обожал это местечко и по доброй воле от него не отказался бы ни за что.

— Ну, хорошо, если вам угодно, я действительно убил Бентона.

Кейз восхищенно покачал головой.

— Просто потрясюще!

— Доброй ночи, мистер Кейз, — сказала Ева и обратилась к Принглу: — Можете не беспокоиться. Мы сами отлично найдем дорогу.

— Ну, что вы, нет проблем! — воскликнул Прингл, идя вверх по лестнице.

Саттону опять послышалась насмешка в его голосе.

Глава 20

Что-то в этих людях было не то. Сам факт их пребывания здесь наводил на размышления.

В голосе Прингла звучала плохо скрытая ирония — болтун, шут. А Кейз наоборот — подчеркнуто вежлив, серьезен, корректен, говорит, взвешивая каждое слово. На кого-то он похож, но пока Саттон не мог вспомнить, на кого именно.

Саттон сидел на краешке кровати и размышлял.

Надо бы вспомнить. Надо хорошенько представить себе, как он держится, как разговаривает. Должно что-то связаться. Если я вспомню, многое можно будет понять. Может быть, я просто вспомню, кто он такой, этот Кейз, и станет ясно, почему он здесь.

Кейз знает, что я убил Бентона. Кейз знает, кто я такой. По идее ему следовало держать язык за зубами, однако он почему-то захотел дать мне понять, что знает меня.

У Евы они тоже не вызывают доверия. Она попыталась мне что-то сказать, когда мы прощались у ее двери. Я точно не понял, что именно она хотела сказать — она только шевелила губами, чтобы никто не услышал. Но скорее всего она хотела сказать: «Не верь им!». Как будто я вообще кому-нибудь верю теперь...

Прингл и Кейз ждали нас здесь, продолжал размышлять Саттон. Подумал так и невольно оборвал себя. Может быть, это лишь плод фантазии? Как это они могли ждать нас здесь, если понятия не имели о том, что Ева и Геркаймер отправляются на этот треклятый астероид?

Он потряс головой, пытаясь прогнать догадку, но мысль о том, что эти двое ожидали здесь их прибытия, не уходила.

А, в конце концов, чему удивляться? Адамс ведь узнал откуда-то о моем возвращении на Землю после двадцатилетнего отсутствия! Узнал и расставил капканы. А ведь неоткуда ему было узнать об этом. Неоткуда!

Но почему? — спрашивал он себя. Почему?

Почему Адамс устроил западню?

Почему Бастер удрал неизвестно куда? Вынудили удрать?

Зачем кому-то понадобилось подговорить Бентона, чтобы тот вызвал меня на дуэль?

Зачем Ева и Геркаймер утащили меня на этот астероид, будь он трижды неладен?

«Книгу писать» — сказали они.

Но книга уже написана...

Книга.

Он протянул руку к внутреннему карману куртки, висевшей на спинке стула. Достал книгу. Вместе с ней вытащил письмо, про которое опять забыл. Оно упало на ковер. Он поднял письмо, положил рядом с собой на кровать и открыл книгу.

На титульном листе стояло:

Эшер Саттон
ЭТО СУДЬБА

Чуть пониже что-то напечатано мелким шрифтом. Саттон поднес книгу поближе к глазам и прочитал:

Первоначальный вариант

И все. Ни даты публикации, ни названия издательства. Только заглавие, фамилия автора и строчка мелкого шрифта, в которой говорилось, что книга напечатана в первоначальном варианте.

Выглядит так, как будто книга настолько хорошо известна, что, кроме названия и фамилии автора, никому ничего и не надо.

Саттон перевернул две страницы — они были пустые, на следующей начинался текст:

«Мы не одиноки.

Никто и никогда не одинок.

С тех самых времен, когда на самой первой в Галактике планете появились первые признаки жизни, не было ни единого существа, которое бы летало, ходило, ползало или прыгало по тропе жизни в одиночку.»

Он читал и думал.

Все так. Именно так я и собирался написать. Так я и написал. Или собирался? Или написал? Значит, написал, раз держу в руках собственную книгу?

Тут он решительно закрыл книгу и сунул ее обратно в карман куртки.

Нельзя мне это читать, решил он. А то еще перепису слово в слово, а так нельзя. Я должен писать о том, что знаю, и так, как задумал.

Надо быть честным, потому что когда-нибудь люди... и не только люди... могут открыть эту книгу, и каждое слово в ней должно быть на месте, поэтому написать нужно хорошо и просто — так, чтобы любой смог понять.

Он откинул одеяло, забрался в постель и уронил на пол конверт. Поднял его с ковра. Засохший клей облачком рассыпался под ногтем...

Саттон аккуратно вынул письмо из конверта, осторожно развернул. Оно было напечатано на машинке, с опечатками, исправленными потом от руки. Он повернулся на бок, чтобы лучше падал свет.

Глава 21

Бриджпорт, Вис.,

11 июля 1987 г.

«Я пишу это письмо себе самому и отправляю его по почте, чтобы штемпель на конверте подтвердил, что оно действительно отправлено в такой-то день такого-то года, и я не буду его распечатывать, а положу рядом с другими бумагами. Пусть лежит там до того дня, когда кто-нибудь, дай Бог, чтобы это был кто-нибудь из нашего семейства, найдет его и прочитает. И узнает о том, что я видел и что я об этом думаю, ну, а я, наверное, к тому времени уже отправлюсь в мир иной.

А жить мне недолго осталось. Мне уже девятый десяток пошел, и, хотя песок из меня еще не сыплется, я-то знаю, что смерть может явиться за мной в любой день.

Скорее всего письмо это попадет в руки кому-нибудь из моих ближайших потомков, которые меня хорошо знают, но может и так повернуться, что оно проваляется нераспечатанным много лет и попадет совсем в чужие руки.

Случай, о котором я хочу рассказать, — больше, чем просто забавное происшествие, и это, конечно, главное; но все-таки мне кажется, нужно немножко рассказать о себе и о том, где я живу.

Зовут меня Джон Генри Саттон, и я — член многочисленного семейства, перебравшегося сюда из восточных штатов. Мои предки поселились в этой местности уже много лет назад.

Прошу поверить мне на слово — мы, Саттоны, люди серьезные, шутить не любим, и каждый знает, что в нашей семье все люди порядочные и честные.

В свое время я учился на юриста, но быстро понял, что это не мое дело, и последние сорок с лишним лет занимаюсь фермерством, и это мне гораздо больше по душе. Честный труд и для души полезный, в нем столько радости от общения с природой. Это так приятно — выращивать что-то своими руками!

В последние годы мне самому стало тяжело работать на ферме, но я все-таки кое-что делаю по хозяйству и лично за всем приглядываю, то есть, попросту говоря, имею обыкновение осматривать весь свой участок самолично.

За годы, что я здесь живу, я очень полюбил здешнюю природу, хотя на моем участке земля неровная, и местами ее трудно обрабатывать. Но, по правде говоря, мне жаль тех хозяев, что покупают себе громадные ровные участки, где на много акров вокруг нет ни одного холмика или хотя бы бугорка, где бы можно было глазу отдохнуть. Может, у них почва более плодородная, и обрабатывать ее легче, но на моем участке есть кое-что, чего у них нет.

В последнее время ходить я стал медленнее, труднее стало преодолевать подъемы, и у меня вошло в привычку при обходе кое-где делать привалы.

Из этих обычных мест отдыха есть одно, с самого начала показавшееся мне каким-то особенным. Если бы я был ребенком, я бы сказал, что это «заколдованное место». Лучше, честное слово, не скажешь.

Там глубокая расселина в обрыве, который тянется по краю пастбища. На краю обрыва лежит большой валун, на нем очень удобно сидеть, и, может быть, поэтому я и выбрал это место для привала — честно говоря, люблю устроиться с комфортом.

Когда присядешь там, на камне, видна речная долина, и все представляется как бы объемным что ли.

Может, оттого, что смотришь с высоты, а может, и потому, что там необыкновенно чистый воздух.

Там так красиво, что я частенько просиживаю часами, ничего не делая, просто смотрю и наслаждаюсь.

Но все-таки есть в этом месте что-то странное, но что именно — словами выразить не берусь.

Ну, как будто все замерло, как будто вот-вот что-то должно произойти.

Мне часто приходило в голову, что именно здесь, в этом тихом уголке земли, может случиться что-то такое, что никогда бы не произошло ни в каком другом месте на всей планете. И когда я порой пытался представить себе, что именно тут могло бы произойти, то меня просто озноб пробирал. Чего я себе только не представлял, а ведь особым фантазером я никогда не был.

Чтобы подойти к валуну, я обычно иду напрямик, через дальний край пастбища. Трава там всегда выше, чем в других местах, — скотина почему-то не очень любит это место. Пастбище заканчивается узкой полоской деревьев, и в двух шагах от деревьев лежит валун, потому на него всегда падает тень.

Однажды, почти десять лет назад, а точнее — в июле 1977 года, я шел к своему излюбленному местечку и на краю пастбища встретил незнакомого человека и увидел странную машину.

Я говорю — «машину», потому что иначе это сооружение не назовешь, хотя, с другой стороны, точнее выразиться трудно. Она была похожа на яйцо, на которое будто бы наступили, но при этом оно не расколосось, а как бы немного сплющилось и вытянулось в длину. Никаких там колес, крыльев, ничего такого не было. И окон никаких.

А человек стоял рядом с машиной. В ней была приоткрыта маленькая дверца, и он что-то там чинил, может быть, мотор, но когда я подошел поближе и взглянул, то ничего похожего на мотор не увидел. Правду сказать, я вообще разглядеть-то ничего не успел, потому что, как только я подошел поближе, человек, колдовавший у странной машины, сразу же прикрыл дверцу, взял меня под руку, отвел в сторонку и завел со мной исключительно вежливый и приятный

разговор, так что я никак не мог повести себя бестактно и дать волю своему естественному любопытству. Теперь я вспоминаю, что хотел расспросить его о многом, но не сумел, и мне кажется, что он намеренно пресекал вопросы и умело и непринужденно уводил разговор в сторону.

Так что в общем он так и не сказал мне, кто он такой, откуда прибыл и как попал на мое пастбище.

Он вроде бы неплохо разбирался в фермерских делах, хотя вовсе не был похож на фермера. А вот как он выглядел, я, убей Бог, вспомнить не могу. Помню только, что он был одет так, как у нас никто не одевается. Не то чтобы кричаще или по-иностранному, но что-то в его одежде было непривычное.

Он похвалил мое пастбище, сказал, что трава очень хороша, спросил, сколько у нас голов скота, сколько молока надаиваем. Я отвечал на все его вопросы.

В руке у него был какой-то инструмент. Он указал им в сторону пшеничного поля и сказал, что пшеница знатная, а потом спросил, будет ли она по колено к четвертому. Я тогда сказал ему, что сегодня как раз четвертое и что пшеница уже выше, чем по колено, и что я очень этому рад, потому что это новый сорт. Он как бы немного смутился, рассмеялся, и говорит: так значит, сегодня уже четвертое, а я то закрутился в последнее время, даже числа спутал. И сразу перевел разговор на другую тему, так что я даже и спросить у него не успел, как это он мог так закрутиться, что забыл про четвертое июля.

Он спросил, давно ли я живу в этих краях — я ответил, потом он сказал, что он где-то слышал нашу фамилию. Я сказал, что Саттоны живут тут давно, и как-то само собой вышло, что я рассказал ему почти все про наше семейство, даже кое-какие анекдоты, которые мы обычно рассказываем только в узком кругу. Честно признаться, хоть мы и считаем, что род наш исключительно добропорядочный, но и у нас, как говорится, «в семье не без урода». Он слушал внимательно и хохотал до упаду.

Мы разговаривали очень долго, прошло время обеда, и, вспомнив про обед, я спросил своего собеседника, не откажется ли он отобедать с нами, но он

поблагодарил и отказался, потому что у него было много работы, а он торопился.

Прежде чем расстаться с ним мне все-таки удалось задать ему один вопрос. Меня очень интересовал инструмент, который он все вертел в руке, и я спросил его, что это такое. Он показал мне инструмент, и сказал, что это — гаечный ключ. Ну, в общем, если на что-то это и было похоже, так, пожалуй, на гаечный ключ, но все-таки он был какой-то странный.

После того, как я пообедал и вздремнул маленько, я снова отправился на пастбище. Мне все-таки очень хотелось расспросить незнакомца кое о чем, что мне пришло в голову.

Но ни человека, ни его странной машины уже не оказалось на том месте, только трава была примята. Но там остался его гаечный ключ, и когда я наклонился, чтобы поднять его, то заметил на одном конце пятно краски, а когда разглядел поближе, то увидел, что это не краска, а кровь. Сколько раз потом я корил себя, что тогда же не отправил ключ на анализ, чтобы узнать, человеческая это кровь или какого-нибудь животного!

Я, конечно, все время потом думал о том, что же тогда произошло. Кто был тот человек, почему он оставил свой гаечный ключ и почему на нем кровь.

То место, где лежит валун, по-прежнему остается одним из самых моих любимых. Там все такая же тень, и воздух такой же чистый и прозрачный. И все так же меня там охватывает ощущение волнующего ожидания, и кажется, что в этом месте еще что-то может произойти таинственное, и что происшествие, о котором я рассказал, — только одно из многих, которые могли бы случиться тут, а может, и раньше что-нибудь такое происходило.

Гаечный ключ, который я подобрал, все еще у нас, он оказался удивительно удобным инструментом. То есть мы попросту перестали пользоваться другими нашими инструментами, потому что он подходит к любой гайке, к любому болту. Стоит только поднести его к металлической детали, как он тут же сам подстраивается под ее размер. Но мы все-таки стараемся, чтобы никто посторонний его не увидел, потому

что нас тогда сочтут колдунами, не иначе, уж больно эта штука смахивает на волшебную палочку.

Мы никогда не ведем разговоров о том происшествии на пастбище, даже в кругу семьи, словно решили, не сговариваясь, что то, что случилось, плохо сочетается с репутацией нашего семейства, в котором сроду не было мечтателей и фантазеров.

Но сам я частенько об этом размышляю. Я теперь дольше, чем обычно, задерживаюсь у валуна, как будто надеюсь, что найду там ключ к разгадке тайны.

У меня, понятно, нет никаких доказательств, но я думаю, что тот человек был из будущего, а машина, на которой он прилетел, — машина времени, и гаечный ключ, конечно, тоже из будущего. Пройдет еще много-много лет, пока люди научатся делать такие инструменты.

Я думаю, что там, в будущем, люди изобрели способ передвижения во времени, и, конечно, разработали целую систему правил поведения, чтобы никак не навредить, когда попадаешь в другое время. И еще я думаю, то, что человек этот забыл свой гаечный ключ в нашем времени, было нарушением правил, и, хотя ничего плохого из этого не вышло, при других обстоятельствах могло бы и выйти. Именно по этой причине я строго-настрого наказал своим домашним не болтать лишнего.

Кроме того, я пришел к выводу, хоть и здесь у меня нет никаких доказательств, что расселина в обрыве, наверное, служит дорогой для путешествий во времени. Может быть, именно в этом месте легче преодолеть пространство и время, и этим пользуются посланцы из будущего, может, этот участок дороги как бы более оживлен, и по нему, если можно так выразиться, как по натопанной траве, легче ходить.

Дай Бог, чтобы мое письмо попало в руки кому-нибудь, кто живет в те времена, когда люди уже разбираются в таких вещах, и оно кому-нибудь в чем-нибудь поможет. И я очень надеюсь, что тот, кто прочтет его, не посмеется надо мной, даже если меня к тому времени не будет в живых. Мне почему-то кажется, что даже, если я буду лежать в могиле, я все равно почувствую, что надо мной смеются.

А чтобы никто не усомнился в моем психическом здоровье, я прилагаю справку от психиатра, подписанную три дня назад, и удостоверяющую, что я здоров душой и телом.

Но это еще не конец моей истории. Надо было по идее написать об этом выше, но я как-то не нашел подходящего места.

Дело касается странного случая с кражей одежды и появлением в наших краях Вильяма Джонса.

Одежду украли через несколько дней после случая на пастбище. Марта с утра, пока не жарко, взялась за стирку и развесила выстиранное белье на длинной веревке. Когда она пошла снимать высохшее белье, то обнаружила, что пропали мои старые штаны, рубашка Роланда и еще две пары носок, не помню, чьих.

Кража нас очень удивила, потому что сроду у нас такого не водилось. Нам даже в голову не могло прийти, что это мог сотворить кто-нибудь из соседей, мы гнали прочь подобные мысли.

Мы долго вспоминали об этом происшествии, и в конце концов порешили, что кража — дело рук какого-нибудь бродяги, что, по совести говоря, было не слишком похоже на правду — ведь наша ферма стоит в стороне от дороги.

Примерно через две недели после кражи в нашем доме появился Вильям Джонс и спросил, не нужен ли нам помощник в уборке урожая. Мы были рады нанять его на работу, потому что рук у нас и правда не хватало, а плату он попросил вдвое ниже обычной. Мы взяли его только на время уборки, но он оказался таким умелым и проворным работником, что так и остался у нас. В то время, как я пишу это письмо, он находится у амбара и чинит молотилку.

Вильям Джонс — человек большого благородства и достоинства, наверное поэтому к нему и не приклеилась никакая кличка, что в наших краях происходит быстро. Его все уважают, а уж в нашем семействе он занял место... ну, в общем, я хочу сказать, что мы скорее относимся к нему, как к родственнику, чем как к наемному работнику.

Он трезвенник, ни разу не выпил ни глотка, и я этому очень рад, хотя однажды чуть было не взял грех

на душу. Дело в том, что когда он появился, голова у него была перевязана, и он, очень смущаясь, объяснил мне, что подрался с кем-то в кабачке на том берегу, в округе Кроуфорд.

Я даже точно не могу сказать, когда впервые всерьез стал задумываться о Вильяме Джонсе. Но не с самого начала, конечно. Сначала я принимал его за того, за кого он себя и выдавал — то есть за человека, который искал работу. Теперь я так не думаю. Потому что, как ни пытается он играть свою роль, разговаривать так, как мы говорим, иногда в его речи проскальзывает нечто такое, что выдает его образованность и понимание таких вещей, о которых несвойственно думать человеку, работающему на ферме за семьдесят пять долларов в месяц.

И потом — одежда. Не могу точно сказать насчет штанов, потому что все штаны более или менее похожи, но рубашка, которая была на нем в тот день, когда он пришел, была точь-в-точь такой, что пропала с веревки. Хотя — что тут такого? Почему бы кому-то и не иметь такую же рубашку? Но он пришел босиком, вот это было особенно странно. Он тогда просто сказал, что ему в последнее время жутко не везет, ну, я и понял, что у него просто не было денег купить себе ботинки, и я сразу же предложил ему денег на ботинки и носки, но он отказался, сказав, что носки у него есть, даже две пары, в кармане.

Сколько раз я все порывался спросить у него о тех пропавших вещах, но что-то меня останавливало, и, в конце концов, я понял, что никогда не смогу спросить его об этом. Потому что мне нравится Вильям Джонс, и я знаю, что он ко мне тоже хорошо относится, и ни за что на свете я не соглашусь испортить наши добрые отношения, а то он, не дай Бог, возьмет да и уйдет с фермы.

Еще вот что. На первую свою зарплату Вильям Джонс купил пишущую машинку и первые два-три года по вечерам целые часы напролет что-то печатал на ней. А в один прекрасный день, спозаранку, когда все еще спали, он вынес во двор большую кипу бумаг и сжег. Я наблюдал за ним из окна спальни и видел, что он не ушел, пока не сгорел дотла последний листок.

Я никогда не спрашивал у него, почему он сжег бумаги, потому что чувствовал, что этого он никому не скажет.

Я мог бы писать еще долго и рассказывать о всяких догадках, которые бродят у меня в голове, но они ничего не добавят к главному, о чем я хотел поведать, и потом — не хочу утомлять ненужными подробностями того, кто будет читать это письмо.

Кому бы оно ни попало в руки, я хочу сказать последнее: может быть, теория моя и неверна, но я хочу, чтобы тот, кто будет читать, поверил, что все события, о которых я рассказал, действительно были. Я действительно видел странную машину и странного человека на своем пастбище; действительно я поднял там странный гаечный ключ, на котором была кровь; действительно одежда пропала с бельевого веревки, и действительно человек по имени Вильям Джонс сейчас пьет воду у колодца, потому что сегодня очень жарко.

Искренне ваш,
Джон Г. Саттон»

Глава 22

Саттон сложил письмо. Старая бумага захрустела, как древний пергамент.

Потом он кое-что вспомнил, снова развернул листки и нашел то, что хотел, — справку. Она была написана от руки, бумага сильно пожелтела, чернила совсем выцвели. Дату разобрать было невозможно, кроме последней цифры — «7».

Джон Г. Саттон сегодня был мною обследован, и я свидетельствую, что он здоров.

После подписи, представлявшей собой такую замысловатую закорючку, что вряд ли по ней можно было разобрать фамилию врача даже в тот самый день, когда он подписал справку, можно было различить две четкие буквы: ДМ — доктор медицины.

Саттон рассеянно глядел в потолок и пытался представить себе все, что произошло в тот день много лет назад.

«Доктор, я собираюсь составить завещание. Не могли бы вы...»

Иначе и быть не могло, потому что не мог же Джон Генри Саттон сообщить доктору истинную причину своего визита.

Саттон представил себе его довольно отчетливо. Грузный, медлительный, неторопливый, долго и тща-

тельно обдумывавший события, веривший во всякие выдумки, которые устарели уже и в его время.

Наверняка тиранил домашних. А соседи посмеивались над ним у него за спиной. У старика начисто отсутствовало чувство юмора, но зато он придавал исключительное значение тонкостям этикета.

Он учился на юриста, и точно, у него была железная логика, скрупулезность в описании деталей вкупе с консервативностью да еще старческая болтливость.

Одно не оставляло сомнений — его искренность. Он поверил в то, что встретил странного человека и непонятную машину и разговаривал с тем человеком, и подобрал гаечный ключ, испачканный...

Гаечный ключ!

Саттон рывком сел на кровати.

Гаечный ключ был в чемодане. И он, Эшер Саттон, держал его в руках! Да-да, он повертел его и положил на пол, рядом с другим хламом, вынутым из чемодана, — обглоданной костью и студенческими блокнотами.

Саттон дрожащей рукой убрал письмо в конверт. Итак: сначала его внимание привлекла марка, которая стоила Бог знает сколько тысяч долларов, потом — само письмо, а теперь еще этот гаечный ключ. На ключе все сходилось.

Если был ключ, значит, было и все остальное: и странный человек, и странная машина... Человек, который прекрасно разбирался в людях и ловко обвел вокруг пальца сентиментального и болтливого старика-на, не дав тому задать ни единого вопроса.

«Кто вы такой? Откуда будете? Что это у вас за машина такая странная — я такой ни разу не видал?»

Что бы человек ответил, если бы старик сумел задать эти вопросы?

Да, не все тут ясно... Сначала письмо потерялось или его засунули куда-то, где сразу не найдешь, а потом, наверное, опять положили на место, и в конце концов оно попало в руки Эшера Саттона, через шесть тысяч лет.

Что ж, ему оставалось только поблагодарить своего далекого предка. Письмо пришло вовремя и многое объясняло.

Люди путешествуют на машинах времени, и однажды такое транспортное средство совершило вынужденную посадку (приземлилось или лучше — «привременилось») на пастбище. А недавно другое, преодолев барьер времени, свалилось в болото. Война...

«Сражение в восемьдесят третьем», — так сказал умирающий парень. Не битва при Ватерлоо, не бой на марсианской орбите, а «сражение в восемьдесят третьем». И перед тем как умереть, сложил пальцы в условном знаке...

Значит, меня знают в восемьдесят третьем веке, думал Саттон, и даже позднее, потому что он сказал: «Было... было сражение в восемьдесят третьем», а сам он, получается, из более позднего времени.

Саттон встал, убрал письмо в карман куртки, туда, где лежала книга. Оделся.

Он понял, что нужно делать.

Прингл и Кейз прилетели на астероид на своем корабле. Этот корабль нужно украсть.

Глава 23

В доме было тихо. Он был такой безжизненный, пустой и темный, что даже у видавшего виды Саттона мурашки побежали по коже.

Он немного постоял у двери, прислушался к дыханию дома. Как всякий дом, он был наполнен ночными звуками — потрескивали от холода рамы, подрагивали на ветру стекла...

Звуки шагов заглушал пушистый ковер. В одной из спален раздавался жуткий храп, и Саттон подумал: интересно, кто это так храпит, Кейз или Прингл?

Он тихо спустился по лестнице в гостиную, остановился и подождал, пока глаза привыкнут к темноте.

Постепенно фантастические животные превратились в кресла и диваны, столы и шкафы. В одном из кресел кто-то сидел.

Ощувив на себе взгляд, человек пошевелился и повернулся к Саттону лицом. И, хотя было очень темно, Саттон узнал Кейза.

Стало быть, храпит Прингл, подумал Саттон, хотя по большому счету какая разница.

— Итак, мистер Саттон, — с расстановкой проговорил Кейз, — вы решили пойти и отыскать наш корабль.

— Да, — жестко ответил Саттон, — я так решил.

— Ну, что ж, очень мило, — сказал Кейз. — Люблю откровенных людей. — Он вздохнул. — А то все, знаете ли, лицемеры попадают. Всякий так и норовит соврать, думая, что он самый умный. — Кейз поднялся и произнес почти торжественно: — Мистер Саттон, вы мне очень нравитесь.

Саттон понимал, насколько смехотворна ситуация, но внутри у него бушевала ярость, и он чувствовал, что тут не до смеха.

Раздались мягкие шаги, и послышался голос Прингла:

— Значит, он все-таки решил попытать счастья!

— Как видишь, — отозвался Кейз.

— Я же говорил тебе, что он так и сделает, — с нескрываемой гордостью объявил Прингл. — Что он непременно догадается.

Саттон сглотнул стоявший в горле комок. Но злость осталась. О, как он ненавидел их сейчас за то, что они говорили о нем так, будто его тут не было!

— Боюсь, — подчеркнуто вежливо обратился к нему Кейз, — что мы разволновали вас. Мы — люди неотесанные, а вы, судя по всему, человек чувствительный. Но давайте забудем это и перейдем к делу. Я так понимаю: вы хотели не только посмотреть на наш корабль, но и, мягко говоря, похитить его?

Саттон пожал плечами.

— Теперь ваш ход, — сказал он сквозь зубы.

— Да нет, вы не так меня поняли, — сказал Кейз. — Идите и похищайте!

— Хотите сказать, что я его не найду?

— Конечно, найдете! Мы его и не прятали.

— Мы вам и дорожку покажем, — хихикнул Прингл. — Вместе пойдем — проводим, так сказать.

По лбу Саттона пробежала струйка пота.

Ловушка, сказал он себе. Откровенная ловушка, ничем не прикрытая. И я попался так глупо.

Но было поздно. Назад дороги нет.

Он постарался сказать как можно небрежнее:

— О'кей. Рискну.

Глава 24

Корабль был настоящий. Странноватый какой-то, но настоящий. Только он и был реален. Все остальное имело оттенок миража, дурного сна, и казалось, что вот-вот сейчас очнешься — и все исчезнет.

— Я вижу, вы с интересом разглядываете карту, — с улыбочкой сказал Прингл. — Она кого хочешь заинтересует. Это — карта времени. — Он фыркнул и потер затылок здоровенной ручищей. — По правде говоря, я и сам толком не понимаю, что тут к чему. Кейз знает. Он — военный, а я — простой пропагандист, а пропагандисту вовсе не обязательно знать все до тонкостей. В принципе, мы можем трепаться на любую тему. А военные, те всегда точно знают что к чему. Иначе бы их на работе не держали.

Так вот оно что! — сообразил Саттон. Вот что не давало мне покоя! Он военный, вот почему он здесь!

А ведь можно было догадаться! Но я-то строил свои догадки в настоящем времени, а не в прошлом и тем более не в будущем. И в нашем времени нет никаких военных. Раньше были, и, судя по всему, будут в будущем...

— Наверное, — спросил он Кейза, — трудно воевать в четырех измерениях?

Он спросил не потому, что сейчас его очень интересовала война, его интересовала проблема четвертого

измерения, и, кроме того, он чувствовал, что нужно, как ни странно, поддержать эту беседу, удивительно напоминавшую разговор о времени на чаепитии у Мартовского Зайца.

Ей-богу! — думал он. Все выглядит потрясающе похоже: абсурдная ситуация, психопатическая интерлюдия...

И молвил Морж: «Пришла пора
Подумать о делах:
О башмаках и сургуче,
Капусте, королях,
И почему, как суп в котле,
Кипит вода в морях.*

Кейз улыбнулся. Улыбка у него была узкая, натянутая — так улыбаются военные.

— Ну, во-первых, — сказал он, — существует уйма всяких таблиц и графиков — целая наука. Нужно вычислить, где находится враг и что он задумал, затем необходимо попасть в то место раньше него.

Саттон недоуменно пожал плечами.

— Ну и что? Такова была тактика во все времена — опередить противника.

— Да, — вмешался Прингл. — Но теперь у наших противников есть куча мест для укрытия!

— Мы работаем с графиками мыслей, диаграммами отношений, а также с историческими документами, — продолжил Кейз, как будто его и не прерывали. — Прослеживаем цепочку событий и затем попадаем в такое время, где можем что-то изменить, но не очень сильно: значительных изменений допускать нельзя. Главное, чтобы конечный результат оказался немного другим, чуть менее благоприятным для противника. Там что-то изменится, тут что-то подправится, и — враг обращен в бегство!

— Это трудно, — доверительно сообщил Прингл. — Надо знать все до тонкостей. Выкапываешь какое-нибудь историческое событие, изучаешь его до черт знает каких подробностей, отыскиваешь

---

* Л. Кэррол «Алиса в Стране Чудес» (перевод Г. Демуровой).

точку, в которой нужно произвести изменения, отправляешься туда...

— И получаешь по морде, — резюмировал Кейз.

— Потому что, как выясняется, — продолжал Прингл, — историк допустил ошибочку, будь он трижды неладен. Что-то приукрасил, или его метод был неправильный, или вообще он, может быть, был не в своем уме...

— Где-то в цепи событий, — сказал Кейз, — он упустил одно маленькое звено, и...

— Вот-вот, — подтвердил Кейз. — Именно — пропустил звено, и когда ты туда влезашь со своими изменениями, оказывается, ты больше навредил себе, чем противнику.

Саттон слушал и думал.

Шесть тысяч лет назад на пустынном пастбище приземлился человек, а Джон Генри Саттон, эскайр, спустился с холма, опираясь на палку... У него, наверняка, была палка, такая крепкая, солидная палка, буковая, и он по вечерам у камина украшал ее замысловатыми узорами... И тот человек разговаривал с Джоном Генри, пользуясь тем же принципом мозговой атаки, что сейчас Прингл пытается использовать на мне, его потомке.

Давай, давай, подначивал про себя Саттон. Говори, пока у тебя в горле не пересохнет и язык не отвалится. Я понял, кто вы такие, и скоро вы поймете, что я это понял. Тогда вы быстренько перейдете к делу.

Как будто прочитав мысли Саттона, Кейз сказал Принглу:

— Джейк, так дело не пойдет.

— Похоже на то, — отозвался Прингл.

— Давайте присядем, — любезно предложил Кейз. У Саттона отлегло от сердца.

Ну наконец, подумал он, я узнаю, чего они от меня хотят и соответственно что происходит.

Он опустился в кресло. С того места, где он сидел, ему хорошо была видна кабина управления. Она представляла собой небольшой пятачок. Перед креслом пилота располагался пульт управления, но приборов на нем практически не было. Один ряд кнопок, пара рычагов, цепочка лампочек — вероятно, контроль бор-

товых систем и освещения. И все. Простенько и со вкусом.

Корабль, подумал Саттон, видимо, летит сам по себе.

Кейз скользнул в кресло, вытянул и скрестил ноги. Прингл устроился на краешке стула и, наклонившись вперед, потирал волосатые лапищи.

— Саттон, — спросил Кейз, — чего вы хотите?

— Ну, во-первых, — начал Саттон, — я хотел бы узнать об этих делах с путешествиями во времени...

— Как, вы разве не знаете? — удивился Кейз. — Ведь в ваше время был человек, то есть, я хотел сказать, что он есть, и жив и здоров...

— Кейз! — вмешался Прингл. — Сейчас 7990-й год. А у Майклсона, насколько я помню, шибких успехов до 8003-го не отмечалось.

Кейз стукнул себя по лбу.

— А, ну да! А я и забыл.

— Вы понимаете? — спросил Прингл у Саттона. — Улавливаете, о чем речь?

Саттон на всякий случай кивнул, хотя ни черта не понял.

— Но как? — спросил он.

— Это все из области психологии, — ответил Прингл.

— Естественно, — подтвердил Кейз. — Стоит только перестать думать об этом и сразу поймешь, что к чему.

— Время, — сказал Прингл, — понятие ментальное. Раньше его искали, где только можно, пока наконец не уразумели, что его место — исключительно в сознании. Когда-то это называли четвертым измерением. Помните, у Эйнштейна...

— Эйнштейн не называл время четвертым измерением, — возразил Кейз. — И не тебе, Джейк, об этом судить. Это не измерение, если рассматривать его с точки зрения длины, ширины или глубины. Он рассматривал его, как длительность...

— А это и есть четвертое измерение! — подхватил Прингл.

— Нет! — отрезал Кейз.

— Джентльмены! — вмешался Саттон. — Джентльмены, прошу вас?..

— Ну, ладно, как бы то ни было, — продолжил Кейз. — Этот ваш Майклсон пришел к выводу, что время является не чем иным, как продуктом умственной деятельности, что оно существует только в сознании людей и что за пределами сознания оно лишено каких-либо свойств. Свойствами его наделяют люди.

— Ну, вы знаете, конечно, — опять влез Прингл, — что есть люди, у которых обострено чувство времени. Они с точностью до минуты могут сказать, сколько времени прошло после того, как то-то и то-то произошло. Они отсчитывают секунды не хуже хронометра.

— Итак, Майклсон сконструировал временной мозг, — продолжил Кейз. — Мозг, у которого чувство времени усилено в миллиарды раз. И обнаружил, что с помощью этого мозга можно контролировать время на определенном участке пространства. Что во времени можно передвигаться, переносить из одного времени в другое предметы.

— Этим принципом мы пользуемся и по сей день, — сказал Прингл. — Временной мозг — это очень просто. Устанавливаете рычажок в такое-то положение и тем самым сообщаете мозгу, куда вы хотите попасть, вернее сказать, не куда, а «в когда», а все остальное — его дело. — Он подмигнул Саттону. — Просто, правда?

— Да, — согласился Саттон. — Просто, как апельсин.

— Ну, мистер Саттон, — перебил Кейз. — Что еще вас интересует?

— Ничего. Больше ничего.

— Но это глупо! — запротестовал Прингл. — Так-таки ничего?!

— Совсем немного, если не возражаете.

— А именно?

— А именно — что все это значит?

— Вы собираетесь писать книгу, — сказал Кейз.

— Да, — ответил Саттон. — Собираюсь.

— И хотите, конечно, чтобы она была продана.

— Скорее, чтобы она была напечатана.

— Книга, — сказал Кейз; — это товар. Продукт умственного и физического труда. У нее есть рыночная стоимость.

— Надо понимать, — спросил Саттон, — что рынок — это вы?

— Мы — издатели, — ответил Кейз, — и подыскиваем материал для издания.

— Нам нужен бестселлер, — добавил Прингл.

Кейз подтянул ноги, сел прямо.

— Все очень просто, — сказал он. — Нормальная сделка. Назовите вашу цену.

— Называйте любую, — посоветовал Прингл. — Мы не поскупимся.

— Да я и не думал о цене, — обескураженно ответил Саттон.

— А вот мы подумали, — сказал Кейз. — Мы прикинули, сколько вы можете запросить и сколько мы вам можем предложить. Может быть, вас устроит планета?

— Мы могли бы вам предложить дюжину планет, — подхватил Прингл, покачиваясь на стуле, — но в этом нет никакого смысла. На кой черт, собственно, человеку дюжина планет?

— Ну, их можно продать. Или сдать в аренду, — иронично проговорил Саттон.

— Вы хотите сказать, что вас устроила бы такая цена — двенадцать планет?

— Да нет, я не к тому. Просто Прингл поинтересовался, что можно сделать с этой кучей планет, вот я и ответил. Только и всего.

Прингл наклонился к самому лицу Саттона.

— Послушайте, — сказал он, — мы не станем предлагать вам какое-нибудь заброшенное дерьмо в тридцатом царстве! Мы предлагаем вам хорошенькую, уютненькую планетку, без всяких там чудищ болотных, с прекрасным климатом, гостеприимными аборигенами и со всеми современными удобствами!

— И впридачу деньги, — добавил Кейз. — Такой суммы вам хватит до конца дней.

— А планетка-то — в самом центре Галактики! — заискивающе добавил Прингл. — И адресок будет не стыдно сказать.

— Это все меня не интересует, — ответил Саттон. Тут терпение Кейза лопнуло.

— Черт подери, чего же тебе надо?

— Мне нужна информация, — спокойно ответил Саттон.

Кейз глубоко вздохнул и выдохнул сквозь зубы:

— Ну, ладно. Какая информация?

— Зачем вам нужна моя книга?

— В вашей книге заинтересованы три группировки, — отчеканил Кейз. — Одна из них хочет вас прикончить, чтобы ваша книга вообще не увидела свет. Точнее сказать, они так и сделают, если вы не передадите ее нам.

— Понятно. А вторая и третья?

— Третья группировка хочет, чтобы вы написали книгу, но они не заплатят вам за нее ни гроша. Они создадут вам все условия для того, чтобы вы поскорее ее написали, и будут защищать вас от тех, которые хотят вас прикончить, но денег вы от них не дождетесь.

— Если я вас правильно понимаю, — сказал Саттон, — вы тоже хотите оказать мне помощь в издании книги? Презентация там и всякое такое?

— Безусловно! — радостно подхватил Кейз. — Мы в этом заинтересованы. И постараемся все организовать на высшем уровне!

— Честно говоря, — добавил Прингл, — мы в этом заинтересованы не меньше вас.

— Мне очень жаль, — сказал Саттон, — но моя книга не продается.

— Назовите любую цену! — рявкнул Прингл.

— Все равно — не продается.

— Это ваше последнее слово? — спросил Кейз. — Окончательное?

Саттон кивнул.

Кейз вздохнул.

— Ну, что ж, — сказал он с тоской, — в таком случае, как это ни прискорбно, у нас нет другого выхода... — Он вынул из кармана пистолет.

Психотрейсер постукивал то быстро, то медленно, как неисправный будильник.

Это был единственный звук, нарушавший тишину комнаты, и Адамсу казалось, что в нем действительно слышатся биение сердца, дыхание, ток крови в сосудах...

Он покосился на стопку досье, которую несколько минут назад сбросил со стола на пол в порыве ярости. Потому что ничего в них не нашел. То есть абсолютно ничего! У них все было в порядке. Свидетельства о рождении, аттестаты, рекомендации, результаты проверки на лояльность, обследования психиатра — все было в ажуре.

То-то и оно... Никого из персонала не в чем было заподозрить. Никаких оснований. Белоснежная невинность!

И все-таки — кто-то спер досье Саттона! Кто-то ухитрился вырвать Саттона из западни, расставленной у «Пояса Ориона». Кто-то ждал этого часа, зная о готовящемся покушении, и предотвратил его.

Шпионы, твари такие! Адамс изо всех сил трахнул кулаком по столу...

Никто, никто, кроме сотрудников бюро, не мог выкрасть досье Саттона. Никто, кроме сотрудников

бюро, не знал о решении убрать Саттона, не знал, кому это поручено.

Адамс потер ушибленную руку.

Трейсер будто насмеялся над ним. «Трик-трак, — говорил он. — Трик-трак, клик-клик, трик-трак...»

Это было сердцебиение и дыхание Саттона. Это где-то билась его жизнь. Пока он жив, где бы он ни был, трейсер будет продолжать отстукивать ритм его жизни.

«Трик-трак, трик-трак...»

«Он где-то в Поясе астероидов», — так говорил трейсер, но это слишком неопределенно. Однако можно и уточнить. Уже готовы корабли с другими трейсерами на борту, и скоро круг замкнется. Раньше или позже, через несколько часов, дней или недель, но Саттон будет найден!

«Трик-трак...»

«Война», — сказал человек в маске.

А через несколько часов неподалеку от города в болоте был обнаружен горящий корабль. Таких кораблей на Земле не строили. В нем обнаружили расплавленное оружие неизвестной модели. Недалеко от корабля нашли мертвое тело. И следы, которые вели от корабля до того места, где лежал труп. А на одежде несчастного, перепачканной грязью, — отпечатки пальцев. Они принадлежали Эшеру Саттону.

Саттон, опять Саттон! — раздраженно и лихорадочно соображал Адамс. Его имя стояло на титульном листе книги, найденной на Альдебаране-12. Его пальцы отпечатались на одежде человека, погибшего в этой странной аварии. Человек в маске сказал, что если бы не Саттон, катастрофы на Альдебаране-12 не случилось бы. И еще — Саттон прикончил Бентона выстрелом в руку...

«Трик-трак, клик-клик...»

Доктор Рейвен сидел вот тут, напротив, и говорил так, будто во всей истории не было ровным счетом ничего удивительного.

«Он нашел судьбу», — сказал доктор Рейвен.

Да-да, он именно так и сказал:

«Не религию. Нет-нет, не религию, а судьбу, как вы не понимаете?»

«А как это Саттон мог найти судьбу? Судьба — это идея, абстракция!»

«Судьба — это предопределенное течение событий, часто рассматриваемое, как действие сил, которым невозможно противостоять. Саттон нашел именно это — неотразимые силы.»

Тогда, вспоминал Адамс, я сказал:

«Саттон поведал мне о существах, которых он обнаружил в системе Лебеда-61. Он был в затруднении относительно их точного определения, сказал, что лучше всего назвать их симбиотическими абстракциями.»

А Рейвен кивнул и ответил, что, пожалуй, такое определение, как «симбиотические абстракции» подходит лучше всего, хотя понять, что такое симбиотическая абстракция и как она выглядит, очень трудно. Может быть, в книге будет яснее...

...Информационный робот начал довольно резво.

— Симбиоз? — переспросил он, и пошло-поехало: — О, сэр, симбиоз — это очень просто. Это — обоюдовыгодное сосуществование двух организмов различных видов. Обоюдовыгодное, прошу учесть, сэр. Это очень важно, что сосуществование обоюдовыгодное. То есть оно не для кого-то одного выгодное, а выгодное именно для обоих организмов. Мутуализм — это вот нечто другое. Здесь также присутствует взаимная выгода, но она носит скорее внешний, сэр, чем внутренний характер. Это также и не паразитизм, поскольку в случаях паразитизма выигрывает только одна, так сказать, сторона. Выигрывает, как это ни прискорбно, не хозяин, а паразит. Такова суровая правда жизни.

— Расскажи-ка мне, — с трудом сдерживая улыбку, попросил Адамс, — побольше о симбиозе. Чепуха, про которую ты так увлекательно рассказываешь, меня не очень интересует.

— На самом деле, — охотно откликнулся робот, — все предельно просто. Возьмем, к примеру, вереск. Вы, конечно, знаете, что это растение не может расти без связи с определенным грибом?

— Нет, — буркнул Адамс, — представь себе, не знаю.

— Ну так я вам расскажу. Гриб как бы живет внутри растения — внутри корней, цветов и семян. Если бы не этот гриб, вереск не смог бы произрастать на тех почвах, где он обычно встречается. Редкое растение может расти на таких бедных почвах. А все потому, сэр — вы следите за мыслью? — что ни у одного другого растения нет такого прекрасного гриба-напарника. Вереск дает грибу место для жизни, а гриб добывает для вереска питательные вещества из почвы.

— Ну, знаешь, — пожал плечами Адамс, — я бы не сказал, что это так просто...

— Ну, — сказал робот, — есть, сэр, и другие примеры. Существуют, например, лишайники, которые представляют собой не что иное, как симбиотическую комбинацию гриба и водоросли. Иначе говоря, если посмотреть с фактической стороны, лишайника как такового и нет. Есть два отдельных организма.

— М-да, — выговорил Адамс с усмешкой, — просто удивительно, как это только ты сам до сих пор не сгорел дотла в лучах своей гениальности!

— А еще есть такие маленькие зеленые существа... — невозмутимо продолжал робот.

— Лягушки, что ли?

— Нет, не лягушки, — без запинки ответил робот. — Это простейшие организмы, одноклеточные. Такие малюсенькие, в воде живут, ну, вы что, не знаете разве? Они вступают в симбиотические отношения с определенными видами водорослей. Животное потребляет кислород, который выбрасывает водоросль, а водоросль в свою очередь потребляет углекислый газ, который выделяет животное.

А еще существует симбиотическая связь между червем и водорослью. Водоросль помогает процессу пищеварения червя, и все идет хорошо до тех пор, пока червь не взбредет в голову сожрать водоросль, а что он без нее? Абсолютное ничтожество, вот что я вам скажу, сэр, больше ничего!

— Все это безумно интересно, — прервал Адамс робота. — А теперь попробуй-ка сказать, как, по-твоему, выглядит симбиотическая абстракция?

— Не знаю, — растерянно ответил робот. — Не знаю, сэр...

И доктор Рейвен сказал то же самое:

«Очень трудно себе представить, как выглядит симбиотическая абстракция...»

А потом, вспоминал Адамс, он еще раз подчеркнул, что это не религия. Так и сказал: «Да нет же, о Господи, не религия!»

Рейвен зря не скажет, думал Адамс, он лучший специалист в Галактике по сравнительной религии.

«Но, может быть, это новая идея», — так сказал доктор Рейвен.

О, Боже, только этого мне не хватало — новая идея!

Все новые идеи опасны, думал Адамс, потому, что людей в Галактике мало. И одного неосторожно оброненного слова достаточно, чтобы где-нибудь вспыхнул очаг недовольства, от которого может быстро разгореться пожар, и человечество вновь будет отброшено в Солнечную Систему.

Никаких новых идей! Нельзя играть с огнем! Лучше пусть погибнет один человек, чем все человечество утратит власть над Галактикой. Лучше пожертвовать одной идеей, пусть даже супергениальной, чем отказаться от принципов, позволяющих сохранить нынешнее положение вещей.

Итак:

Пункт 1: Саттон — не человек.

Пункт 2: Он сказал не все, что знает.

Пункт 3: Он владеет тайной рукописью.

Пункт 4: Он собирается писать книгу.

Пункт 5: У него — новая идея.

Вывод: Саттона надо убить.

«Трик-трак, клик-клик...»

«Война, — сказал человек в маске. — Война во времени».

Что же это будет за война? Дело тонкое... Шахматная доска о четырех измерениях с миллиардом клеток и миллионом фигур и с правилами, которые меняются каждую секунду.

Чтобы побеждать в этих битвах, нужно будет возвращаться назад, наносить удары в таких точках

времени и пространства, чтобы никто не догадался, что идет война. Логически, военные события такого рода смогут происходить на древнегреческих серебряных рудниках, в них смогут принять участие колесницы Тутмоса III и корабли Колумба. Войной будут охвачены все сферы жизни, и в мыслях людей, никогда не задумывавшихся о том, что такое время, произойдет переворот...

Разведутся шпионы и пропагандисты. Шпионы станут изучать прошлое, чтобы получить данные для разработки стратегии военных действий, а пропагандисты — обрабатывать материал для осуществления кампаний...

Следовательно уже сейчас, в 7990 году, департамент кишит шпионами, агентами пятой колонны и саботажниками. Но все это делается так ловко, что комар носа не подточит.

Однако как и в обычной, так сказать честной войне, тут должны существовать стратегические точки. Как в шахматах — должен быть ключевой квадрат. И этот квадрат — Саттон. Он — та клетка, которую нужно держать под боем. Пешка, вставшая на пути слона и ладьи. Точка, в которой сходятся все линии. Кто начнет атаку — черные или белые?

Адамс уронил голову на руки. Плечи сотряслись от рыданий, но слез не было.

— Эш, мальчик, — сказал он. — Эш, как я верил в тебя! Эш...

Внезапно воцарившаяся тишина оборвала этот крик души. В первое мгновение он даже не понял, в чем дело.

Психотрейсер замолчал.

Адамс наклонился к прибору, прислушался. Нет, ошибки не было. Трейсер молчал. Молчало сердце Саттона.

Сила, приводившая в действие прибор, иссякла.

Адамс медленно поднялся, надел шляпу и на ватных ногах пошел к двери.

Впервые в жизни Кристофер Адамс ушел домой до окончания рабочего дня.

Саттон на мгновение напрягся, но быстро взял себя в руки. Шутят, подумал он. Они не смогут меня убить. Им книга нужна, а покойники книг не пишут.

И опять, как будто подслушав мысли Саттона, Кейз сказал:

— Не рассчитывайте на наше благородство. Чем-чем, а этим мы похвастаться не можем. Верно я говорю, Прингл?

— Что правда, то правда.

— Нам бы, честно говоря, гораздо выгодней доставить вас к Тревору, и...

— Минуточку! — вмешался Саттон. — Тревор — это уже что-то новенькое!

— Ну, Тревор... — развел руками Прингл. — Тревор — шеф нашей корпорации.

— Той самой корпорации, — добавил Кейз, — которая жаждет приобрести вашу книгу.

— Тревор покрыл бы нас неувядаемой славой, — вздохнул Прингл, — и отвалил бы нам целое состояние, если бы удалось уговорить вас. Но, поскольку вы такой упрямый мужик, нам придется добыть себе на жизнь другим путем.

— А потому, — заключил Кейз, — мы меняем диспозицию, и, повторяю, как это ни прискорбно, вынуждены отправить вас на тот свет. За вас, мертвого, нам

заплатит другой — Морган. Этот спит и видит ваш скелет. Вот так-то.

— Который вы ему уступите по сходной цене, — усмехнулся Саттон.

— Можете в этом не сомневаться! — хихикнул Прингл. — И не продешевим, будьте уверены!

Кейз подмигнул Саттону:

— Надеюсь, вы не будете возражать?

Саттон покачал головой.

— Какое мне дело до того, что вы будете делать с моим трупом?

— Стало быть, договорились? — процедил сквозь зубы Кейз и поднял пистолет.

— Одну минутку, — спокойно произнес Саттон.

Кейз опустил пистолет.

— Ну что еще? — недовольно спросил он.

— Сигаретку хочется выкурить, не иначе, — усмехнулся Прингл. — Перед казнью всегда просят выкурить сигаретку или винца стаканчик, а некоторым еще жареного цыпленка подавай!

— Я хотел бы кое-что уточнить, — сказал Саттон.

Кейз кивнул.

— Надо полагать, что в ваше время моя книга уже написана?

— Да, — ответил Кейз. — И, если позволите, я скажу вам свое личное мнение. Это честная и хорошая работа.

— Ну и кто же ее опубликовал-то? Ваша фирма или какая другая?

Прингл крикнул.

— Да то-то и оно, что другая! Если бы ее опубликовали мы, какого бы хрена мы тут с вами возились?

Саттон нахмурился.

— Значит, я уже написал ее, — размышлял он вслух, — без вашей великодушной помощи и поддержки. И издал в другом месте... Следовательно, если я начну все сначала и все пойдет так, как вам надо, могут возникнуть некоторые, мягко говоря, осложнения?

— Никаких, — невозмутимо ответил Кейз. — Все можно устроить и объяснить.

— Но если вы меня убьете, книги не будет вообще! Это разве вас устраивает?

Кейз немного смутился.

— Ну, будут некоторые трудности, — ответил он. — И кое-кому придется поворочать извилинами. Но как-нибудь выкрутимся.

И снова поднял руку с пистолетом.

— Вы не измените вашего решения? — спросил он.

Саттон отрицательно качнул головой.

Не выстрелит, думал он. Пугает. Не выстрелит!

Кейз нажал на спусковой крючок.

Мощный удар сотряс тело Саттона и отбросил его назад с такой силой, что покачнулось привинченное к полу кресло.

В голове вспыхнуло пламя. Агония схватила его в жаркие объятия и начала трясти каждый нерв, каждую косточку...

Быстрая мысль судорожно пульсировала в сознании, пытаясь найти в умирающем теле хоть одну клетку, где бы она могла утнестись:

«Меняйся! Меняйся! Меняйся!»

И Саттон выполнил команду. Умирая, он уже чувствовал, что началась другая жизнь.

Смерть была так нежна, темна, прохладна и мило-сердна. Он скользнул в нее, как пловец в воду, и вода сомкнулась над ним...

...А на Земле, в кабинете Адамса, замолчал трейсер, и инспектор отправился домой раньше положенного времени впервые в жизни, чем немало удивил сотрудников...

Глава 27

Геркаймер пытался уснуть, но сон не приходил. Он лежал на спине и пытался что-нибудь вспомнить из своей жизни, но воспоминания, как и сон, не шли к нему.

А к чему мне сон и воспоминания — мне, набору химикатов? Я ведь не человек, хотя такой же смышленный и ловкий, и, наверное, мог бы стать столь же гадким, какими бывают люди. Я — такой же, если бы не штамп на лбу, не рабство. И еще — у меня нет души. Хотя иногда кажется, что есть.

Сначала были инструменты, потом машины — не что иное, как более сложные инструменты, впрочем, на самом деле и те, и другие — просто-напросто усовершенствованные руки человека. Затем появились роботы — машины, которые умели ходить и разговаривать, как люди. Но это, конечно, — карикатура на настоящих людей. Как бы хитро они ни были устроены, какие бы хитроумные операции ни выполняли, они — не люди.

Ну, а потом...

Нет, мы не роботы, думал Геркаймер. Но мы и не люди. Мы не машины, мы из плоти и крови. Мы — набор химикатов, повторяющий форму своих создателей.

Так похожи на людей, но все же не люди...

Но надежда есть. Если мы сможем сохранить в тайне Колыбель. Если никто из людей ее не увидит. Вот тогда настанет день, когда нас будет не различить, тогда и человек будет разговаривать с андроидом, думая, что говорит со своим другом...

Геркаймер скрестил руки за головой.

Почему же мне так горько? — спрашивал он себя.

Нет, это не озлобленность. Не ревность. Это... непреодолимое чувство собственной неполноценности, знакомое тому, кто оступился и упал за метр до финиша.

Он долго еще лежал и размышлял в таком же духе, глядя на черный квадрат окна, покрытый морозными узорами, прислушиваясь к нытью ветра — противного, злобного, порывы которого как ножом скребли по крыше...

Сон не шел, и, в конце концов, Геркаймер встал и включил свет. Дрожа от холода, оделся и вынул из кармана книгу. Сев поближе к лампе, он перелистал страницы и нашел нужное место. Страничка была зачитана до дыр.

«Ни одно существо, когда-либо появившееся на свет — как бы оно ни было рождено, создано или сделано, если оно живое, — не одиноко. Поверьте этому.»

Он закрыл книгу и мысленно повторил прочитанное:

«...рождено, создано или сделано...»

Сделано.

Самое главное — это биение жизни.

Я исполнил свой долг, думал он.

Я сыграл свою роль. И, вроде бы, сыграл неплохо. Начиная с того момента, когда принес ему вызов на дуэль от Бентона. И продолжал играть, когда явился к нему в качестве трофея...

Я делал это для него, но нет — не только для него. Для того, чтобы не расстаться с этой спасительной мыслью — «никто, в том числе и я, не одинок, никогда не одинок».

Я стукнул его, ох, и здорово же я его стукнул, а он упал, тогда я взял его на руки и понес. Он обиделся на меня, но это ничего. Что это значит по сравнению с тем, что он дал мне!

Громовой удар сотряс стены дома, багровая вспышка озарила комнату.

Геркаймер вскочил, подбежал к окну и остолбенел: в небе пылали языки пламени, вырывающегося из сопла стартовавшего корабля.

Охваченный страхом, он выбежал из комнаты и помчался к спальне Саттона. Стучать не стал. Толкнул дверь, та распахнулась со зловещим скрипом.

Кровать была пуста, в комнате никого не было.

Глава 28

Саттон чувствовал, как в нем пробуждается жизнь, но никакого желания пробуждаться не испытывал — смерть была так приятна... Он нежился в ней, как в мягкой и теплой постели. А воскрешение пришло, точно звонок зловредного настырного будильника, раздавшийся в предрассветной тишине в незнакомой, полной опасностей комнате. Жизнь была страшна своей обнаженной реальностью, и одно напоминание о том, что нужно вставать и рождаться заново, — противно.

Но ведь мне не привыкать, думал Саттон, не впервой. Это уже случилось однажды, тогда я пробыл в объятиях смерти гораздо дольше...

Он лежал лицом вниз на чем-то плоском и твердом. Казалось, прошла уйма времени, пока он понял, что лежит именно на чем-то твердом. «Твердое, плоское и гладкое» — всего три слова, но чтобы понять, что это, нужно не только почувствовать — увидеть...

Жизнь превращалась в тело. Но он не дышал, и сердце не билось.

Пол — вот на чем он лежал.

Саттон пошевелил одним пальцем. Потом — другим. Открыл глаза и увидел свет.

Звуки, доносившиеся до него, были голосами, они складывались в слова, словами выражались мысли...

Как же трудно называть вещи своими именами, думал Саттон.

— Нужно было еще попробовать, — говорил кто-то. — Уж больно мы нетерпеливы.

— При чем тут нетерпение, — раздраженно отозвался тот, кого звали Кейзом. — Он был уверен, что мы с ним шутки шутим. Что бы мы ни говорили, что бы ни делали, он думал — мы валяем дурака. Поэтому, как бы мы ни лезли вон из кожи, ни черта бы у нас не вышло, старина. Другого выхода не было.

— Ага, — согласился Прингл. — Как еще можно было доказать ему, что мы не шутим? — Он откашлялся.

— А вообще-то жалко, — добавил Прингл минуту спустя. — Неплохой парень был.

Какое-то время они молчали, а к Саттону тем временем возвращалась не только жизнь, но и силы... Скоро он почувствовал, что в состоянии встать, двигаться и дать волю охватившему его гневу. Он готов убить этих двоих?..

— Ну, а в общем и целом, все не так уж плохо, — продолжал Прингл. — Морган и его ребята отвалят нам солидный куш!

— Не в моем это вкусе, если честно, — поморщился Кейз. — Мертвец — он мертвец и есть, если его не трогать, но вот когда продашь его, становишься вроде мясника.

— Вот уж что меня ни капельки не волнует, — хмыкнул Прингл. — Но что это означает для будущего? А, Кейз? Для нашего будущего? Ведь будущее сильно зависело от книги Саттона. Если бы нам удалось подправить книжку, ничего страшного не случилось бы, то есть не должно было бы случиться по нашим-то расчетам, правда? А теперь? Саттон убит. Книги не будет. И будущее... что будет с будущим?

Саттон встал на ноги.

Кейз и Прингл резко обернулись. Кейз потянулся за пистолетом.

— Давай, чего там, — любезно предложил Саттон. — Можешь изрешетить меня, но потом тебе и минуты не прожить.

Ему хотелось ненавидеть их так, как он ненавидел Бентона в тот жуткий вечер на Земле. Но ненависть улетучилась, осталась только тяжелая, четкая уверенность, что он должен убить этих людей.

Он шагнул вперед.

Прингл кинулся наутек как крыса, ищущая дырку в полу. Кейз выстрелил два раза, но увидев, что Саттон, истекая кровью, продолжает надвигаться, бросил оружие и прижался к стене.

Все было кончено за полминуты.

Глава 29

Саттон направил корабль в сторону от астероида — осколка размером чуть больше самого корабля.

Рука сама легла на пульт, подала вверх рычаг гравитации, и корабль рванулся в пространство.

Он опустил руки, откинулся в кресле пилота. Перед ним лежал черный недружелюбный космос, испещренный точками звезд, которые, казалось, складываются в таинственные послания, написанные холодным белым светом на черном поле вечной ночи...

Живой! — думал он. По крайней мере, пока. А может, и навсегда, потому что теперь меня никто не ищет.

Живой, с дырой в груди. Вся рубашка в крови, кровь по ногам течет...

Удобная штука это мое тело. Тело, которое мне подарили там, в созвездии Лебеда. Могу жить, пока... пока...

Пока — что?

Пока не вернусь на Землю, не приду к доктору и не скажу:

— В меня стреляли маленько. Будьте так добры, поддайте, как сможете!

Саттон усмехнулся. Он отчетливо представил себе, как доктор падает в обморок.

Может быть, вернуться туда, в систему Лебеда?

Нет, они не пустят меня.

Или вернутся на Землю, как есть, и ни к какому врачу не ходить? Можно ведь добыть другую одежду, а кровь перестанет течь... когда вся вытечет.

Но тогда я не смогу дышать, и они это заметят.

— Джонни, — произнес Саттон, но ответа не последовало, только что-то шевельнулось в сознании, будто пес хвостом завилял, давая понять, что, мол, слышит, да сейчас слишком занят — кость больно вкусная, не оторваться!

— Джонни, есть какой-нибудь выход?

Должен же быть выход! Должна же быть надежда, соломинка, за которую можно ухватиться!

Даже теперь он не до конца понимал, какие возможности таят в себе его тело и разум.

Ненависть... Одна его ненависть способна убивать, она может как пуля вылетать из сознания и разить людей наповал. Ведь Бентон погиб, а пуля всего-навсего угодила ему в руку... значит, он умер еще до того, как в него попала пуля. Бентон выстрелил первым и промахнулся, а живой Бентон ни за что на свете не промахнулся бы...

Саттон не знал, что с помощью одного только сознания смог поднять мертвую громаду звездолета из каменной могилы и провести его через пространство длиной в одиннадцать световых лет. Но он сделал это и пронес энергию пылающих звезд до самой Земли, откуда их почти не видно.

И хотя он знал, что может по своему желанию переходить от одной формы жизни к другой, он просто не представлял себе, что в то мгновение, когда его жизнь прекращалась, другая включалась автоматически. Тем не менее, произошло именно это. Кейз убил его, и он умер, а потом воскрес. В этом он был уверен. Потому что почувствовал смерть, узнал ее. Не в первый раз умирал.

Саттон ощутил, что организм буквально сосет энергию звезд, как дети сосут молоко из бутылочки. Кроме того, подпитка шла тонкими струйками от атомного двигателя.

— Джонни, неужели нет выхода?

Тишина...

Саттон поник, склонив голову на пульт управления.

Организм продолжал впитывать энергию, а кровь все капала и капала на пол...

Сознание его было словно затуманено, но он не прилагал никаких усилий, чтобы прояснить его; делать было нечего, думать не хотелось, и он, расслабившись, балансировал где-то на грани реальности. Саттон не представлял себе, на что он способен и как теперь обращаться с собственными возможностями.

Он вспомнил, как кричал в порыве дикого восторга, падая на чужую землю, понимая, что все-таки прорвался, что ему удалось сделать то, что до сих пор не удавалось сделать ни одному землянину.

...Планета приближалась, он уже увидел ее странную поверхность — змеящиеся черные и серые тени...

Двадцать лет прошло, но он помнил все, как будто это случилось вчера...

Тогда он потянул рычаг, но не смог сдвинуть его с места. Корабль снижался, и его охватила паника, а потом — настоящий страх.

Одна мысль стучала в его воспаленном мозгу, заглушая надежды и молитвы. Его единственная мысль — он сейчас разобьется.

Потом — темнота. Ни паники, ни страха — покой и забытие.

Понимание того, что случилось, вернулось как озарение. Теперь он не смог бы описать это ощущение — так мало в нем было человеческого.

И еще откуда-то взялись новые здания, но тогда ему показалось, что он знал это всегда и должен навсегда сохранить.

Он чувствовал, не видел — чувствовал, что лежит на земле, разбитый, утративший всякое подобие человеческого существа.

Потом вспомнил Шалтая-Болтая, причем, будто сам только что сочинил этот детский стишок, или нет — знал, да забыл и вдруг вспомнил...

«Шалтай-Болтай, — говорила какая-то часть сознания, но не та, что вспомнила стишок, — ничего не подскажет.» И Саттон понимал, что это правильно, потому, что — как говорилось в стишке — Шалтая-Болтая так и не удалось собрать...

Раздвоение, догадался он. Одна его половина отвечала на вопросы другой. Как бы вместе, но в то же время — порознь. Где проходила граница, он не понимал и не чувствовал.

«Я — твоя судьба, — говорила одна половинка. — Я была с тобой с того мгновения, как ты появился на свет, и останусь с тобой, пока ты жив. Я не слежу за тобой, не преследую тебя, но стараюсь помогать тебе, хотя ты и не подозреваешь об этом.»

Саттон, вернее та его маленькая часть, которая тогда была Саттоном, ответила: «Да, теперь я понимаю.»

И он действительно все понимал. Как будто всегда знал, и было просто удивительно, что услышал об этом только сейчас. В голове вообще все перемешалось, ведь теперь их было двое — он и его судьба. Он не мог разобрать, что именно он знает, как Саттон, а что — как судьба Саттона...

Никогда не разберусь, вздохнул он. Тогда не смог и теперь не могу — так глубоко во мне спрятаны две мои сущности: я — человек, и я — судьба, что ведет меня к высшей цели и высшей славе, когда, конечно, я позволяю ей это.

Судьба не может ни заставить, ни остановить меня, может только намекнуть, шепнуть словечко-другое. Это как бы сознание, рассудок, справедливость что ли.

Это сидит у меня в мозгу, больше ни у кого. Только у меня, у меня одного. Никто и понятия не имеет, что такое бывает; расскажи им — на смех поднимут.

Но узнать об этом должны все. Как знаю я. Так или иначе, мне надо попасть в будущее и все устроить.

«Я — твоя судьба», — говорила вторая половинка.

«Судьба — не рок.»

«Судьба — не обреченность.»

«Судьба — путь людей, народов, миров.»

«Судьба — дорога, по которой ты пошел в жизни, те контуры, которые ты придал своему существованию.»

«Судьба — спокойный, тихий голос, что столько раз обращался к тебе на поворотах и перекрестках бытия.»

«Если ты меня не слышал — значит просто не прислушивался. Никакая сила не может заставить тебя слышать. Но и никто не может наказать тебя за то, что ты ничего не слышишь. Наказание ты выбираешь сам, идя наперекор судьбе.»

Были и другие слова, и другие мысли, и другие голоса. Саттон не мог определить, кому они принадлежат, но понимал, что они звучат за пределами той странной системы, которой в тот миг являлся он и его судьба.

Вот мое тело, думал он тогда. А я — где-то в другом месте, там, где все по-другому, все не так — и слух не тот, и зрение...

«Экран пропустил его!» — вот одна из перехваченных тогда мыслей. Саттон понял ее сразу, хотя вместо слова «экран» там было какое-то другое...

Вторая мысль: «Экран выполнил свою задачу.»

И еще одна: «Какая у него сложная машина!»

И такая: «Очень, очень сложный организм, и зачем только все эти сложности, когда можно напрямую брать энергию у звезд?!»

Саттону хотелось крикнуть им: «Ради бога, поторопитесь, потому что мое тело — очень хрупкая вещь, и если вы помедлите, его уже нельзя будет привести в порядок!» Но он не смог вымолвить ни слова, продолжая, как во сне, внимать этому мысленному разговору.

Где он? Что с ним? Саттон не понимал. Кто он? Человек? Простое тело? Личное местоимение?

Он чувствовал себя невесомым, нематериальным, не пребывающим ни в каком времени. Он был каким-то вакуумом, которым управляло нечто, тоже, возможно, вакуум — другого слова Саттон не мог подобрать.

Он был вне собственного тела, и он был жив. Но где и как — понять было невозможно.

«Я — твоя судьба», — сказала одна половинка.

«Судьба... Что такое судьба? — спросила другая. — Слово, только и всего. Идея. Абстракция. Не слишком удачное определение чего-то, что едва улавливает сознание человека, и только.»

«Ты не прав. Судьба реальна, хотя ты не можешь ее увидеть. Она реальна и для тебя, и для всех

остальных. Для любого существа, изведавшего биение жизни. Она всегда была, и всегда будет.»

«Это не смерть?» — спросила половинка Саттона.

«Ты — первый, кто пришел к нам, — сказала судьба. — Мы не можем позволить тебе умереть. Мы вернем тебе тело, но до той поры ты будешь жить со мной. Ты будешь частью меня. Так и должно быть, потому что раньше я была частью тебя.»

«Вы не хотели пропускать меня, — сказал Саттон. — Вы устроили экран, чтобы я не попал к вам.»

«Нам нужен был один, — сказала судьба. — Только один. Ты. Других не будет.»

«А экран?»

«Он был запрограммирован на разум определенного типа, — ответила судьба. — Такой, какой был нам нужен.»

«Но вы не спасли меня от смерти!»

«Ты должен был погибнуть. Если бы ты не погиб и не стал бы одним из нас, ты так бы ничего и не понял. Пока ты пребывал в теле, мы не могли приблизиться к тебе. Ты должен был умереть, чтобы освободиться, а я... я взяла тебя и сделала частью себя, чтобы ты понял все.»

«Но я не понимаю!» — сказал Саттон.

«Поймешь, — ответила судьба. — Поймешь.»

И я понял, вспоминал Саттон.

Он вздрогнул и мысленно преклонился перед неведомым величием судьбы... величием миллиардов и миллиардов судеб, соответствующих числу жизней в Галактике...

Судьба родилась миллион лет назад, и тогда беспомощное и уязвимое существо вдруг остановилось и подняло с земли сломанную палку. Судьба пошевелилась — и существо ударило камнем о камень. Встала на ноги — и появились лук и стрелы. Пошла — и родилось колесо...

Судьба шепнула что-то — и другое существо вылезло из воды на сушу. Прошли годы — его плавники превратились в ноги, жабры — в ноздри.

Настало время Галактике узнать о Судьбе.

Симбиотические абстракции, паразиты... Называйте, как хотите. Это — судьбы.

Если они паразиты — они полезные паразиты, готовые отдать больше, чем взяли. Для себя им нужно только ощущение жизни, чувство бытия. Ведь многие из существ, с которыми они жили, были, мягко говоря, не очень умны. Дождевые черви, к примеру.

Но благодаря судьбе дождевой червь в один прекрасный день может стать чем-то большим, даже великим. И ничтожные микробы могут подняться на один уровень с человеком. Потому что любое существо, которое двигалось и жило, быстро или медленно, в каком угодно мире, жило не само по себе. Всегда вдвоем. Тварь и ее личная, собственная судьба.

Иногда судьба останавливала и страховала, а иногда — нет. Но там, где была судьба, — была надежда. Судьба и была надеждой. Везде и всюду.

Никто не одинок. Ни ползающие, ни прыгающие, ни плавающие, ни летающие, ни роющиеся в земле...

...Планета, закрытая для всех, кроме одного, и, после того, как этот, единственный, прибыл, закрывшаяся навсегда!

Один-единственный человек должен поведать Галактике все, когда Галактика будет к этому готова. Один-единственный должен рассказать всем о Судьбе и о Надежде.

И они выбрали меня, думал Эшер Саттон.

И — да поможет мне Бог!

Господи, помоги мне! Лучше бы это был не я, а кто-нибудь другой. Лучше бы они ждали миллион лет!

Они слишком много хотят. Слишком многого требуют от такого хрупкого существа, как человек! Разве под силу ему нести груз Откровения, поднять ношу Знания?!

Но Судьба выбрала меня!

Удача, или случай, или просто слепое везение — это Судьба.

Судьба выбрала меня. У нее не было имени. Я назвал ее Джонни, это смешно, и судьба моя имеет полное право надо мной посмеиваться.

Сколько я прожил с Джонни, моей неотъемлемой частью, моей искоркой (люди называют ее жизнью, но они ничего в этом не смыслят), пока не вернулся в свое тело и не понял, что оно стало другим, стало

лучше? Над ним поколдовало много разных судеб, и они, видимо, сочли мой организм не слишком хорошо устроенным.

Они не только починили его, но и усовершенствовали. Они здорово повозились — в теле появилось множество всякой всячины, которой у меня раньше не было. Я, пожалуй, и сейчас не знаю всего, что мне тогда презентовали, и не узнаю, пока не придет пора воспользоваться тем или иным подарком. А кое о чем, так и не узнаю никогда.

Итак, я снова вернулся в свое тело, но судьба не оставила меня.

...Симбиоз, думал Саттон, симбиоз на много, много порядков выше, чем симбиоз гриба и вереска, простейшего и водоросли... Духовный симбиоз. Я — хозяин, Джонни — мой гость, и мы вместе, потому что понимаем и любим друг друга. Джонни мне дает уверенность в себе, освещает мои дни и часы, я даю Джонни ощущение жизни, которого он был лишен в своем одиночестве.

— Джонни, — снова окликнул Саттон и снова не получил ответа. Он испугался. Джонни должен быть здесь. Судьба должна быть рядом!

Если только... если только... Мысль пробиралась тягуче и мерзко... Если только я не умер совсем. Если все, что происходит сейчас, не сон, если я действительно находился на призрачной грани между жизнью и смертью.

Голос Джонни был тих и очень, очень далек:

— Эш!

— Да, Джонни! — встрепнулся Саттон.

— Двигатели, Эш. Иди к двигателям.

Саттон выбрался из кресла пилота. Ноги подкашивались.

Он плохо видел... Очертания предметов расплывались. Ноги словно налились свинцом.

Он споткнулся и упал.

Шок, подумал он. Смертельный шок. От кровопотери, от сознания того, что я прострелен насквозь...

Но ведь какая-то сила воскресила меня, ее хватило на то, чтобы убить двоих... Месть?..

Но эта сила ушла, и теперь его могли поднять на ноги только разум и воля.

Он поднялся на четвереньки и пополз. Остановился, отдохнул... пополз еще несколько футов... Голова кружилась. По полу протянулся кроваво-слизистый след.

Саттон нащупал порог двери моторного отсека, дотянулся до ручки, со всей мочи дернул ее вниз, но пальцы только скользнули по гладкому металлу, и он рухнул на пол.

Долго-долго лежал он, не шевелясь, потом попытался еще раз, и ручка поддалась, он опять упал, но уже на пороге распахнутой двери...

Казалось, прошла вечность, когда, наконец, он с большим трудом встал на четвереньки и пополз вперед, медленно-медленно, дюйм за дюймом...

Глава 30

Когда Саттон очнулся, кругом была темнота. Темнота и неизвестность. Неизвестность и... удивление.

Он лежал на гладкой и твердой поверхности, над головой нависал металлический козырек, рядом что-то ревело и ворчало, одной рукой Саттон обнимал эту ворчащую штуку. Он понял, что так и спал, обняв ее, прижавшись к ней, как ребенок прижимается к любимому плюшевому мишке.

Сколько прошло времени? Где он находится? Опять воскрес?

Глаза постепенно привыкали к темноте, и он различил на полу темную дорожку, протянувшуюся через порог в соседнее помещение. Он лежал и думал о том, кто бы это мог так наследить и куда этот кто-то подевался. Может быть, думал он, этот кто-то все еще здесь, и опасен.

Но довольно скоро он понял, что никого нет, он — один; ощутил вибрацию двигателя... Ага! Вот он и назвал эту штуку своим именем! Теперь понятно, что это такое. Название пришло чуть раньше, чем понимание, что было несколько странно.

Итак, рядом с ним двигатель, он лежит на полу, а над головой потолок, стало быть — крыша.

Тесновато, подумал он. Двигатели... Дверь, ведущая... Куда?

Корабль! Вот что это. Он на корабле. Так. Ну, а этот кровавый след на полу?

Сначала он решил, что какое-то неизвестное существо здесь проползло, оставив за собой след собственной слизи, но потом вспомнил... Это он сам полз, полз к двигателям.

Саттон лежал неподвижно, вспоминал, и ему стало интересно проверить, на самом ли деле он жив. Он поднял руку, прикоснулся к груди. Рубашка продырявлена, обожжена, ткань рассыпалась под пальцами, но грудная клетка была цела, кожа гладкая. Никаких тебе дыр.

Значит, это возможно, подумал он. Все подтвердилось — мой организм впитывает энергию звезд. Получив первый импульс от астероида, он восстановился, а сил набрался от двигателя. Двигатель был ближе, чем звезды, поэтому Джонни и подсказал, что нужно идти к нему. Я приполз сюда, этот жуткий мертвенный след — мой. Спал, обнявшись с реактором. И мое удивительное тело — этот удивительный потребитель энергии — зарядилось от него, от раскаленных камер реактора.

Я снова цел и невредим.

У меня опять есть тело, в нем течет кровь, я могу дышать. Могу вернуться на Землю.

Он поспешил прочь из машинного отделения.

Призрачный свет далеких звезд озарял кабину, рассеиваясь по стенам, как алмазная пыль. На полу распростерлись два тела — одно посередине кабины, другое в углу.

Какое-то мгновение Саттон соображал, откуда они здесь. Его человеческая сущность содрогнулась при виде черных безжизненных тел, но другая половина — холодное, жесткое ядро — бесстрастно взирала на чужую смерть.

Он тихо подошел, опустился на колени. Вроде Кейз, подумал он. Кейз был высокий и худой. Переворачивать труп и разглядывать лицо не хотелось.

Саттон обыскал убитого. Вещей в карманах было немного, и он быстро нашел, что искал.

Не поднимаясь с колен, он открыл книгу ни титульной странице. Все то же самое, только внизу тоненькая строчка:

Исправленное издание

Вот оно что. Вот что означает слово, которое он никак не мог понять: ревизионисты.

Перед ним лежала его книга, его исправленная книга, и те, кто издал ее, назывались ревизионистами. А другие? Саттон размышлял, перебирая названия. Как могли называться другие? Фундаменталисты? Ортодоксы? Неважно.

Дальше шли две чистые страницы, и начинался текст:

«Мы не одиноки.

Никто и никогда не одинок.

С тех самых времен, когда на самой первой в Галактике планете появились первые признаки жизни, но не было ни единого существа, которое бы летало, ходило, ползало или прыгало по тропе жизни в одиночку...»

Внизу страницы была сноска:

«Это — первое из многих утверждений, которое, будучи неверно интерпретированным, вызвало у многих читателей веру в то, что все формы жизни, независимо от степени их разумности и моральной направленности, наделены судьбой. Но все объясняет первая строка. В ней Саттон пользуется местоимением «мы», а любой лингвист, даже студент, понимает, что так можно сказать только о своей нации, о своем роде, о себе подобных. Если бы Саттон имел ввиду все формы жизни, он бы так и написал: «все формы жизни». Но, используя личное местоимение «мы», он тем самым обозначил свою принадлежность к роду человеческому и только к человеческому. Он, видимо, ошибочно полагал (и это было весьма широко распространенным заблуждением в его дни), что Земля была первой планетой в Галактике, на которой зародилась жизнь. Нет сомнений в том, что Откровение, которое Саттон получил в виде своего величайшего открытия — Судьбы, позднее частично было извращено. Тщательные исследования однозначно установили, какие от-

рывки оригинальны, а какие — нет. Искаженные места в книге отмечены и прокомментированы соответствующим образом.»

Саттон быстро перелистал книгу. Больше половины текста было снабжено пространным комментарием. На некоторых страницах так вообще — всего навсего две-три строчки текста, а остальное место занимали пространные сноски.

Он захлопнул книгу и до боли в руках сжал ее.

Господи! Не человеческая жизнь, нет, не только... Все формы жизни, конечно... Все живое!

Все перевернули. Переврали, стервецы!

Начинать войну, чтобы переписать книгу! Чтобы все переиначить по-своему. Они строили планы, дрались и убивали, чтобы великий покров Судьбы простерся исключительно над человечеством, чтобы эта раса самых жестоких хищников, каких когда-либо порожидала природа, присвоила себе то, что принадлежало не только ей одной, а каждому живому существу...

Я должен хоть попытаться навести порядок. Этому надо положить конец. Надо что-то такое придумать, чтобы мои слова остались там, где я их поставил, чтобы любой, кто прочтет, всё понял, понял как надо.

Господи, ведь это так просто! У всякой твари есть своя судьба, не только у человека.

Судьбы?... Судьбы ждут, и, как только родится новая жизнь, одна из них устремляется к ней, чтобы остаться с ней до конца. Я не знаю, как и почему это происходит. Я не знаю, действительно ли мой Джонни рядом со мной или он разговаривает со мной оттуда, из системы Лебеда. Но он — со мной. И я знаю, он со мной останется.

Но, черт, все равно ревизионисты переврут мои слова, дискредитируют меня, изменят всю книгу, выкопают из прошлого какие-нибудь скандальные подробности о нашем семействе, раздуют их и опорочат мое имя.

Кто-то из них уже поговорил с Джоном Генри Саттоном, и старик наверняка выболтал ему много всякого, что им могло пригодиться. Он же пишет в письме, что в каждой семье не без уроды, и это, естественно, так. И поскольку он был старым добро-

душным болтуном, то и выложил там все про этих самых уродов.

Однако его рассказы в будущее не попали, не принесли никакой пользы. Что-то случилось, и пришелец не смог вернуться в свое время. Ведь это именно он появился на ферму с перевязанной головой.

Что-то там случилось.

Саттон медленно поднялся.

Что-то там случилось... И я догадываюсь что. В месте под названием Висконсин шесть тысяч лет назад...

Твердой походкой он направился к креслу пилота.
В Висконсин.

Глава 31

Кристофер Адамс вошел в кабинет, повесил на вешалку пальто и шляпу.

Он подошел к письменному столу и, опускаясь в кресло, вдруг замер и прислушался.

Психотрейсер работал!

«Трик-трак, — бормотал трейсер. — Трик-трак, трик-трак, клик...»

Адамс, так и не успев сесть, выпрямился, подошел к вешалке, надел пальто и шляпу.

Выходя, он сильно хлопнул дверью.

Этого за ним раньше тоже не водилось.

Глава 32

Саттон плыл к берегу, рассекая воду сильными, размашистыми гребками. Вода была теплая. Она что-то шептала ему низким, влажным голосом.

Она мне что-то хочет сказать. Уже много веков напролет она пытается что-то сказать людям. Могучий язык, на котором вода говорит с сушей, на котором разговаривают между собой волны... Всегда, во все времена вода старалась что-то поведать людям. И действительно, некоторые сумели почерпнуть кое-какие истины, сидя на берегу. Но никому и никогда не посчастливилось понять язык воды.

Так же, усмехнулся Саттон, как и тот язык, на котором я делал свои наброски, который забыт еще на заре становления Галактики.

Да и я толком его не знаю, вздохнул Саттон. Не знаю, откуда, когда и как он появился. Я спрашивал, но мне не сказали. Джонни как-то пытался объяснить, но я ничего не понял, просто человек не в состоянии этого понять.

Я знаю символы, знаю, что они обозначают, но как звучат сами слова? Может быть, мой язык и не способен выговорить эти звуки. Мне кажется, что так говорит река... А может быть, на нем объяснялась какая-то цивилизация, прекратившая свое существование миллионы лет назад.

Над рекой сгустился ночной мрак, но луна еще не взошла. Звездный свет отражался в воде алмазными бликами, а на берегу виднелись неровные ряды светящихся окон.

Записки у Геркаймера, думал Саттон. Надеюсь, у него хватит ума сохранить их. Они понадобятся позднее, не сейчас. Но нужно будет увидеться с Геркаймером, хотя за ним наверняка следят — впрочем, как и за мной — по трейсеру. Но если действовать быстро, можно успеть...

Ноги коснулись каменистого дна, и вскоре он вышел на отлогий берег. Ночной воздух был прохладен, гораздо холоднее воды.

Конечно, Геркаймер — один из тех, кто вернулся, чтобы присмотреть за мной, пока я буду писать книгу, чтобы мне никто не помешал. Геркаймер и Ева. Но из них двоих Саттон больше доверял Геркаймеру. Андроид умрет за то, что написано в этой книге. Андроид, собака, лошадь и муравей... Но ни собака, ни муравей, ни лошадь, ни пчела ничего не узнают, потому что не умеют читать.

Он нашел лужайку, сел и снял мокрую одежду. Выжал и надел снова. Затем направился к дороге.

Никому не придет в голову искать корабль на дне реки. По крайней мере, сразу. А ему и нужно-то всего несколько часов, чтобы навести необходимые справки.

Но нельзя терять ни минуты. Необходимо как можно скорее добыть информацию. Если Адамс нацелил на него трейсер, а Адамс наверняка это сделал, они уже знают, что он вернулся на Землю.

Он шел и думал. Все-таки — как Адамс мог пронюхать о его возвращении, почему расставил капканы? Что он откопал, зачем, в конце концов, отдал приказ убить Саттона?

Кто-то ему сообщил... и у этого «кого-то» были достаточно веские доводы. Адамс никогда и никому не верил на слово. Единственным, кто был способен предоставить ему достоверную информацию, мог быть посланец из будущего. Скорее всего, один из тех, которые хотят, чтобы книга вообще не была написана, чтобы знания, содержащиеся в ней, исчезли навсегда.

И самое простое — прикончить того, кто собирается писать эту книгу.

Да, проще некуда. Но есть одно маленькое «но». Если он успеет написать книгу, если она начнет распространяться по Галактике...

В противном случае из будущего окажется вырванным огромный пласт.

Этого не должно произойти, убеждал себя Саттон, быстро шагая по влажной траве.

Нет, Эшер Саттон не может, не должен умереть, не написав книгу.

Как бы то ни было, книга появится, иначе будущее переполнится ложью.

Саттон встряхнулся. Эти логические хитросплетения замучили его. Да и понятно — в истории еще никто и никогда не стоял перед подобной проблемой.

Варианты будущего?.. Может быть, но не очень-то верится. Варианты будущего — фантазия, жонглирование понятиями для доказательства своей правоты, словесная эквилибристика.

Он пересек шоссе и пошел по тропинке к дому на холме.

В болотце у реки завели разговор лягушки, вдали одиноко крикнула дикая утка. На холмах начались переговоры козодоев. В воздухе стоял густой запах свежескошенной травы, смешивающийся с речной прохладой.

Тропинка привела его к изгороди. Саттон отворил калитку и прошел через двор.

— Добрый вечер, сэр, — донесся до Саттона приятный мужской голос.

Саттон огляделся.

Человек сидел в кресле и покуривал трубку.

— Мне очень неудобно беспокоить вас, но нельзя ли мне воспользоваться вашим видеофоном?

— Конечно, Эш, — ответил Адамс. — Конечно. Сколько угодно.

Саттон резко остановился.

Адамс!

Это же надо было — столько домов на берегу, а он напоролся именно на дом Адамса!

Адамс усмехнулся:

— Судьба работает против вас, Эш.

Саттон подошел поближе, отыскал плетеный стул и уселся рядом с Адамсом. А что еще было делать?!

— А у вас красиво.

— Да, очень, — согласился Адамс. Он выбил трубку, и убрал ее в карман. — Значит, вы опять умерли? — спросил он.

— Меня убили, — ответил Саттон. — Но я, как видите, жив.

— Кто-нибудь из моих парней? — поинтересовался Адамс. — Они за вами охотятся.

— Нет, я их не знаю, — ответил Саттон. — Из шайки Моргана.

Адамс покачал головой.

— Нет, даже не слышал о таком.

— Может быть, он вам не представился, — сказал Саттон. — Ведь, скорее всего, это он сообщил вам, что я возвращаюсь.

— Хм, было такое... — ответил Адамс. — Тот человек был из будущего. Вы ему чем-то здорово насолили, Эш.

— Мне нужно сделать один запрос по видеофону, — попросил Саттон.

— Пожалуйста.

— Мне нужен час.

— Часа не обещаю.

— Ну хоть полчаса. Я думаю, что успею. Полчаса, после того, как позвоню.

— И полчаса не обещаю.

— Вы ведь никогда не рискуете, Адамс?

— Никогда, — ответил Адамс.

— А я рискую, — сказал Саттон и встал. — Где у вас видеофон? Я рискну за вас.

— Сядьте, Эш, — произнес Адамс почти умоляюще. — Сядьте и объясните мне одну вещь.

Саттон садиться не стал.

— Если бы вы могли дать мне слово, — сказал Адамс, — что вся эта штука с судьбой не повредит человечеству. Если бы вы могли уверить меня в том, что это не будет на пользу нашим врагам...

— У человека нет никаких врагов, — ответил Эшер, — кроме тех, которых он сам себе создал.

— Галактика ждет не дождется, когда мы сдохнем, — возразил Адамс. — Спит и видит первые признаки агонии...

— Это все потому, что мы сами научили их этому. Они видели, как мы используем их слабости, чтобы выбить у них почву из-под ног.

— Ну, а эта затея с судьбой — что она дает?

— Человек научится милосердию, — ответил Саттон. — Милосердию и ответственности.

— Доктор Рейвен сказал мне, что это не религия, но вера. Особенно, что касается милосердия.

— Доктор Рейвен прав, — сказал Саттон. — Это не религия. Судьба и религия могут существовать параллельно, нисколько не мешая друг другу. Я бы даже сказал, что они дополняют друг друга. Только судьба не обещает загробной жизни. Это остается прерогативой религии.

— Эш, — спокойно спросил Адамс, — вы ведь изучали историю?

Саттон кивнул.

— Ну так оглянитесь назад, — сказал Адамс. — Вспомните хотя бы Крестовые походы. Вспомните возвышение мусульманства. Вспомните восстание Кромвеля в Англии. Америку, Россию. Везде религия и идеи, Эш. Религия и идеи. Человек будет драться за идею так, как никогда не будет драться за свою собственную жизнь, за свою страну. Пальцем не пошевелит. Но за идею...

— И поэтому вы боитесь идей?

— Мы просто не можем себе позволить такой роскоши! По крайней мере, сейчас.

— И все-таки человечество возросло именно на идеях, — заметил Саттон. — У нас не было бы ни культуры, ни цивилизации, если бы не идеи.

— Именно сейчас, — сердито сказал Адамс, — в будущем идет война из-за этой вашей «судьбы».

— И именно поэтому мне нужно позвонить. Именно поэтому мне нужен час.

Адамс медленно встал.

— Я наверное совершаю ошибку, — сказал он. — Я так еще ни разу в жизни не поступал. Но я рискну — впервые в жизни.

Он вошел в дом, Саттон — за ним.

В неосвещенной гостиной стояла старомодная мебель.

— Джонатон, — позвал Адамс.

Послышались шаги, и появился андроид.

— Принеси кости, — сказал Адамс мрачно. — Мистер Саттон и я хотим бросить жребий.

— Кости, сэр?

— Да-да, те самые, в которые вы с поваром играете.

— Хорошо, сэр... — обескураженно ответил Джонатон.

Он повернулся и ушел, звук шагов его еще долго слышался откуда-то из глубины дома.

Адамс хмуро взглянул на Саттона.

— Бросим по разу. Выиграет тот, у кого выпадет больше очков.

Саттон сдержанно кивнул.

— Если выиграете вы, получите час. Если я, вы будете выполнять мои распоряжения.

— Идет, — ответил Саттон.

А про себя он подумал: я поднял изуверенный звездолет и довел его до Земли. Я был и двигателем, и пилотом, и штурманом, и всем остальным. Энергия, накопленная моим телом, подняла корабль и пронесла его через пространство длиной в одиннадцать световых лет. Сегодня я преодолел атмосферу Земли с выключенными двигателями, чтобы меня не запеленговали, и посадил корабль в реку. Я мог бы сейчас вытащить вон из той коробки ботинок и перенести его на стол, мог бы перелистать книгу, не прикасаясь к страницам.

Но кости...

Это дело другое.

Они вертятся так быстро.

— Что же касается видеофона, — сказал Адамс, — то им вы можете воспользоваться независимо от того, выиграете или нет.

— Если я проиграю, — ответил Саттон, — видеофон мне не понадобится.

Вернулся Джонатон. Положил кости на стол и с любопытством стал ожидать продолжения событий, но

поняв, что лучше уйти, удалился, пару раз оглянувшись по дороге.

— Вы первый, — предложил Саттон.

Адамс взял кости, сжал их в кулаке, потряс. Звук был такой, словно кто-то с перепугу стучит искусственными зубами.

Он разжал руку, и два белых кубика покатались по столу. Остановились. На одном выпало «пять», на втором — «шесть».

Адамс поднял голову и посмотрел на Саттона. Взгляд его не выражал ровном счетом ничего. Ни радости, ни ехидства. Абсолютно ничего.

— Ваша очередь, — сказал он.

Отлично, подумал Саттон. Просто отлично. Две шестерки. Нужно, чтобы выпали две шестерки.

Он протянул руку, взял кости, покатал их в кулаке, фиксируя в сознании размеры и очертания.

А теперь, отдал он себе мысленный приказ, сожми их мысленно так же, как сжимаешь в кулаке. Держи их крепко, пусть они станут частью тебя, как те два корабля, которые ты провел через пространство, как любая вещь, которую бы ты хотел поднять или передвинуть — стул, книга, цветок...

На мгновение он переключился на другой режим. Сердце замедлило ритм, кровь запульсировала тише, дыхание прекратилось. Он почувствовал, как включилась система, способная заряжаться от всего, что обладало энергией.

Сознание приняло кости, сжало мысленно в кулак, потом разжало пальцы... Кости покатались по столу... Они кувыркались в его сознании точно так же, как на столе, он их видел и чувствовал, словно они часть его тела. Но управлять ими было невероятно трудно. В какое-то мгновение ему показалось, что они наделены собственным разумом и волей.

...На одном кубике выпало шесть. Другой все еще катился по столу... Вот она, грань с шестеркой! Кубик чуть-чуть покачнулся... и замер. Шесть!

Кубики лежали смирно. Две шестерки.

Саттон глубоко вздохнул, сердце вновь забилося, кровь побежала по венам.

Какое-то время они стояли молча и смотрели на кубики, потом глянули друг на друга.

Первым заговорил Адамс.

— Видеофон там, — он показал в угол.

Саттон кивнул, сглотнул слюну. Он чувствовал себя героем плохого романа.

— Судьба, — прошептал он, — пока работает на меня.

— Час, который вы выиграли, начнется сразу после окончания разговора, — холодно сказал Адамс, резко повернулся и вышел во двор.

Саттон ощущал жуткую слабость, но взял себя в руки и, пошатываясь, побрел к видеофону.

Он сел на стул перед экраном и взял справочник «География и история Северной Америки».

Он нашел номер, набрал его. Экран загорелся.

— К вашим услугам, сэр!

— Я хотел бы узнать, — сказал Саттон, — где находится Висконсин.

— А где находитесь вы, сэр?

— На вилле мистера Кристофера Адамса.

— Того самого мистера Адамса, который работает в Департаменте Галактических Исследований?

— Того самого, — ответил Саттон.

— В таком случае, — вежливо произнес робот, — вы находитесь в Висконсине.

— А где находился Бриджпорт?

— На северном берегу реки Висконсин, примерно в семи милях от места ее впадения в Миссисипи.

— Но что это за реки? Я о них никогда не слышал.

— О, они совсем рядом с вами, сэр. Висконсин впадает в Миссисипи в двух шагах от виллы мистера Адамса.

Саттон резко встал и вышел во двор.

Адамс сидел на прежнем месте как ни в чем не бывало.

— Узнали, что хотели? — мирно спросил он.

Саттон кивнул.

— Тогда торопитесь, ваш час уже начался.

Саттон не двигался с места.

— Ну, в чем дело, Эш?

— Да я думаю, протянете ли вы мне руку на прощанье?

— Конечно, — ответил Адамс.

Он церемонно поднялся и протянул Саттону руку.

— Не могу сказать точно, Эш, — произнес он, глядя Саттону в глаза, — но вы или величайший человек, какого я когда-либо знал, или самый большой идиот на свете.

Глава 33

Бриджпорт томно дремал в пыльной долине, окаймленной скалами, рядом с лениво текущей рекой. Полуденное солнце так накалило землю, что казалось, скоро запылают и ветхие домишки, и пыль на дороге, и кустики с пожухлой листвой, и жиденькие цветочные клумбы.

Железнодорожные рельсы вились вокруг холмов, пробегали через городок и снова терялись в горах; короткий отрезок этой железной дуги, приходящей ниоткуда, и уходящей в никуда, сверкал на солнце, как лезвие ножа. Между железнодорожной линией и рекой ютилось квадратное здание вокзала, покособившееся за много лет от жары и холода, оно казалось безучастным, съезжившимся, поникшим в ожидании очередного сюрприза погоды или судьбы...

Саттон стоял на платформе и слушал, как шумит река, как чавкает и посвистывает вода в маленьких водоворотах, как она ворчит, переваливая через большую корягу. Слышал мягкие вздохи волн, пытающихся утащить за собой низко склонившиеся ветви ив. Все это было говором реки, языком, на котором она объяснялась с берегами, могучим языком, выдававшим ее скрытую силу...

Подняв голову, Саттон заслонился рукой от солнца и посмотрел на мощный металлический мост, соеди-

нявший тот, крутой берег реки с этим, отлогим. От моста в долину черной лентой бежала автострада.

...Человек перешагивал реки с помощью стальных мостов и никогда не слышал, что говорит река, впадая в море. Человек переносился через моря на крыльях самолетов, а на такой высоте не слышался шум моря. Человек переплывал пространство в металлических цилиндрах, внутри которых время течет по-другому, где все заверчено в таких дебрях математической логики, какие и не снились людям в этом мире, в городке под названием Бриджпорт, в 1977 году.

Человек вечно спешил, он взлетел слишком быстро и слишком высоко. Так высоко и так быстро, что многое потерял. Прошел мимо вещей, которые нужно было изучать годами. Он еще схватится за голову и вернется к их изучению через много, много веков. Да, когда-то придется пройти по собственному следу, чтобы понять наконец-то, мимо чего прошел когда-то; он еще удивится — как же мимо этого можно было пройти?!

Саттон сошел с платформы и увидел едва заметную тропку, что вела к реке. Он пошел по ней, осторожно глядя под ноги, стараясь не споткнуться об острые камни.

Тропинка кончилась, и Саттон увидел на берегу старика.

Старик сидел, ссутулившись, на небольшом валуне, вросшем в глинистую землю. Между коленями у него была зажата самодельная удочка. Лицо украшала борода двухнедельной давности. Он курил вонючую трубку, а рядом с ним стоял заляпанный глиной кувшин, заткнутый огрызком кукурузного початка.

Саттон тихонько присел на землю рядом с камнем. Он обрадовался и немного удивился, когда его обдало речной прохладой. Легкий ветерок приятно ласкал щеки.

— Поймали что-нибудь? — поинтересовался Саттон.

— Ни хрена не поймал, — грубо ответил старик, не выпуская мундштук изо рта.

Он попыхивал трубкой, и Саттон с любопытством наблюдал за тем, как он курит. Окутанная клубами дыма борода его, казалось, давным-давно должна была бы сгореть синим пламенем.

— И вчера — ни хрена, — сообщил старик.

Он вынул трубку изо рта и рассеянно уставился куда-то на середину реки.

— Хлебни, — сказал он, не поворачивая головы. Взял кувшин, протер горлышко грязной рукой.

Саттон, потрясенный до глубины души таким отношением к гигиене, чуть не расхохотался, но сдержался и принял кувшин из рук старика.

У жидкости был вкус желчи, от нее драло горло, как наждаком. Саттон отодвинул кувшин и с минуту сидел, тяжело дыша, широко открыв рот, надеясь, что воздух охладит пылающее нутро.

Старик взял у него кувшин, Саттон утер текшие по щекам слезы.

— Выдержка, жаль, слабовата, — посетовал старик. — Не было времени дожидаться, пока поспеет.

Он тоже хлебнул прилично, вытер рот тыльной стороной ладони и, смачно крикнув, выдохнул... Пролетавший мимо шмель свалился замертво.

Старик поддел шмеля ногой.

— Хиляк, — презрительно отметил он.

Поставил кувшин на место и крепко заткнул огрызком початка.

— Откуда будешь-то? — спросил он, разглядывая Саттона. — Что-то я тебя раньше не видал.

Саттон кивнул.

— Разыскиваю одно семейство — Саттоны. Знаете таких? Джон Саттон мне нужен.

Старик хмыкнул:

— Старина Джон?! Так мы с ним, того, с малолетства... Редкостный негодай, доложу я тебе. Ничего хорошо про него не скажу. Вот. Учился, понимаешь, законы изучал. Образованный... А толку-то? Копаются на своей ферме. Во-он там, на другом берегу. — Старик быстро глянул на Саттона. — А ты, часом, не родич ему, а?

— Ну, — замялся Саттон, — не совсем. Не очень близкий.

— Завтра четвертое, — пробормотал старик. — А знаешь, что я тебе расскажу? Когда мы со стариной Джоном еще пешком под стол ходили, мы однажды подорвали водосток в Кемпбелловской долине — ей-

Богу! Там рабочие оставили динамит, ну а мы, как говорится, тут как тут. Ну и устроили салют ко Дню Благодарения. Засунули динамит в трубу и подожгли шнур. Дорогуша ты мой, трубу разнесло к чертовой матери! Помнится, родители две недели прятали нас, чтобы не нашли. Так-то вот. Эх, времечко было...

Пустозвон, подумал Саттон. Но зато сказал главное. Джон Саттон живет на том берегу реки, а завтра четвертое июля 1977 года — все, как в письме.

И спрашивать не пришлось — сам сказал.

Солнце палило по-прежнему, но здесь, под деревьями, зной почти не чувствовался. Мимо проплыл листок, на нем сидел кузнечик. Кузнечик прыгнул, но до берега не дотянул, свалился в воду. Течение подхватило его и унесло.

— Бедняга, — сказал старик с усмешкой. — И нечего было рыпаться. Самая злющая река в Штатах — наш Висконсин. Нету ему никакой веры. Когда-то пробовали по нему пароходы пустить, но ни хрена не вышло: сегодня на этом месте высокая вода, а завтра — мель. Нанесет откуда-то песка, и все дела. Тут один мужик, шибко умный, написал бумагу в министерство, про Висконсин-то. Дескать, чтобы на Висконсине пароходы плавали, надо всю реку перековывать.

Издали слышался шум поезда...

— Незавидная судьба у того кузнечика, верно я говорю, а, парень?

Саттон напрягся, выпрямился, совершенно ошеломленный.

— Как вы сказали?

— А, не обращай внимания, — ответил старик. — Так болтаю, считай, сам с собой разговариваю. Все думают, что я псих.

— Но... вы сказали что-то о судьбе?

— Ну просто мне было когда-то интересно. Я даже написал рассказ про это, ей-Богу, хочешь — верь, хочешь — не верь. Но, правда, не очень хорошо вышло. Молодой был, мало что в жизни-то понимал.

Саттон расслабился и откинулся на спину.

Рядом кружилась стрекоза. Недалеко от берега плеснула маленькая рыбка по воде пошли крuti.

— А вот насчет рыбалки, — сказал Саттон. — Мне показалось, что вам, в общем, все равно, поймаете вы что-нибудь или нет?

— А, лучше бы ничего не ловилось, — ответил старик, махнув рукой. — А то ведь как поймаешь, так это ж надо рыбу с крючка снимать. Потом надо обратно наживлять, да еще и забрасывать. Целая канитель, ну ее совсем. — Он вынул изо рта трубку и с чувством плюнул в реку. — Ты, сынок, Торо читал?

Саттон покачал головой, пытаясь вспомнить. Шелвельнулись какие-то смутные воспоминания. В колледже по древней литературе проходили один фрагмент. Он помнил только, что фрагмент был довольно длинный.

— Не читал, так почитай, — наставил старик. — Он не дурак был, Торо этот.

Саттон встал и отряхнул брюки.

— Куда торопишься? — поднял голову старик. — Посиди еще. Ты мне не мешаешь.

— Вообще-то мне надо идти, — сказал Саттон.

— Ну ладно. Может, еще когда забредешь. Поболтаем. Звать меня Клифф, а теперь все величают старым Клиффом. Так и спроси, где старого Клиффа найти. Всякий скажет.

— Как-нибудь, обязательно, — вежливо ответил Саттон.

— Может, хлебнешь еще на дорожку? — предложил старик.

— Нет-нет, благодарю вас, — поспешно отказался Саттон.

— Ну как хочешь, — пожал плечами старик, поднял кувшин и сделал приличный глоток. Увы, выдох на сей раз не был столь эффектен — никто не пролетал мимо.

Саттон вновь вернулся на платформу, жара не спадала.

— Все правильно, — сказал ему служащий на вокзале. — Саттоны живут на другом берегу, в округе Грант. Туда можно по-разному попасть. Вы как хотите — покороче?

— Наоборот, подскажите мне самый длинный путь, — ответил Саттон. — Я не тороплюсь.

Когда Саттон взобрался на холм у моста, взошла луна. Он не торопился — у него в запасе была вся ночь.

Земля была беспорядочно усеяна обломками скал, которые, казалось, какой-то разгневанный великан нашвырял в незапамятные времена. Тут не росли высоченные деревья, соревнующиеся с горами в высоте и могуществе. В укромных расщелинах прятались летние цветы, прижимаясь к корням могучих деревьев. Неподалеку на ветке сидела белка и что-то цокала — не то восхищенно, не то рассерженно, поглядывая на всходившее солнце.

Саттон карабкался вверх по каменистому ущелью. Иногда ему удавалось выпрямиться, но большей частью он продвигался на четвереньках.

Он часто останавливался и отдыхал, утирая пот. Оставшаяся далеко внизу в долине река уже не казалась грязной и серой, а приобрела яркий голубой оттенок, соперничающий с ультрамарином небес, отражавшихся в ней. Воздух над рекой казался отсюда кристально-чистым, гораздо чище, чем был на самом деле. Ястреб коснулся воды на самой границе, там, где голубизна неба переходила в голубизну реки, и Саттону показалось, что он различает каждое пятнышко на крыльях птицы.

Взглянув вверх, он заметил в скалах проход и понял: это именно то место, о котором писал Джон Саттон.

Солнце встало только пару часов назад, и у него еще было достаточно времени...

Наконец Саттон выбрался наверх. Валун лежал на своем месте. Сидеть на нем, и правда, оказалось очень удобно. Предок был прав.

Все было как в письме — покой и величие исходили от раскинувшегося перед его глазами пейзажа, действительно, — все выглядело объемно, как панорама. И, на самом деле, чудилось, что здесь может что-то произойти — вероятное и невероятное.

Саттон посмотрел на часы. Половина девятого. Он встал, прошел за кусты, улегся в густую траву и стал ждать.

Прошло совсем немного времени, и раздался приглушенный звук двигателя. Совсем рядом опустился корабль. Маленький, одноместный корабль. Он опустился за изгородью, на пастбище.

Из корабля вышел человек и устало прислонился к обшивке, с явным удовольствием глядя на небо и деревья — он попал, куда хотел.

Саттон тихо усмехнулся.

Спектакль, подумал он. Неожиданно появиться на якобы поломанном корабле; дожидаться старика, который подойдет и заговорит с тобой... Как это, черт побери, естественно! Ты его даже звать не будешь, сам придет и, конечно же, заговорит.

Понятное дело, не идти же тебе к ферме, не стучать в ворота и не говорить:

«Здравствуйте. Я прибыл сюда, чтобы раздобыть побольше всяких сплетен и пересудов о вашем семействе. Давайте сядем поудобнее. Ну, рассказывайте!»

Этот номер не прошел бы. Поэтому ты, скотина, приземляешься на пастбище и заводишь треп о погоде, пшеничке, травке-муравке и незаметно, плавненько так, переводишь разговор на дела личные и семейные...

Человек вытащил гаечный ключ и стал рассеянно постукивать им по обшивке.

Саттон приподнялся на локтях.

Джон Генри Саттон спускался с холма. Это был грузный седобородый старик в старой черной шляпе. Он шел прихрамывая, но старался держаться прямо.

Глава 35

Проиграли, думала Ева Армор.

Геркаймер сказал, что психотрейсер в кабинете Адамса замолчал.

Жизнь Саттона прекратилась, и замолчал трейсер. Саттон мертв. Но нет, этого не может быть. Достоверно известно, что он написал книгу. А на сегодняшний день он ее еще и не начинал.

Хотя, вздохнула она, истории трудно доверять. Ее или плохо пишут, или недобросовестно переписывают, а то и перевирают или приукрашивают люди с богатым воображением. Правду так тяжело удержать, а мифы и выдумки так легко смешиваются с реальностью, что выглядят в конце концов куда более логичными, чем реальность.

История Саттона, как знала Ева, была наполовину апокрифична. Но многое в ней — правда.

Кто-то написал книгу, и этот кто-то — Саттон, потому что никто больше не мог перевести записи, сделанные на неизвестном языке. Да и написана эта книга просто и естественно, как Эш разговаривал в жизни.

Саттон умер, но не на Земле, и не в Солнечной Системе, и не в возрасте шестидесяти лет. Он умер на планете, вращавшейся вокруг далекой звезды...

Таковы факты, и эти факты извратить трудно.

Но трейсер замолчал.

Ева встала, подошла к окну; оно выходило в парк, примыкавший к гостинице «Пояс Ориона». Светлячки кружились над черными кустами, озаряя их вспышками холодного света. Луна вышла из-за облаков.

Столько работы, думала она. Столько лет обдумывания, составления планов. Создание андроидов без меток на лбу — точных копий людей, на места которых они отправлялись. Тонкие сети шпионажа, расставленные ко дню возвращения Саттона. Годы разгадывания загадок прошлого в попытке отделить правду от вымысла...

Годы наблюдения и ожидания, борьбы с контрразведкой Ревизионистов. И осторожность, всегда осторожность, чтобы в восьмидесятом столетии никто ни о чем не догадался...

Но чего мы не учли...

Прискакал Морган и убедил Адамса в том, что Саттона нужно убить... Та парочка вылетела на астероид.

Но это ничего не объясняло... Было что-то еще.

Она стояла у окна, смотрела на всходящую луну, нахмутив брови и пытаясь сосредоточиться. Устала. Никакие мысли в голову не приходили. Никакие. Кроме одной: «Проиграли!»

Они проиграли, и этим объяснялось все.

Саттон, видимо, мертв, и это означало поражение, полное и бесповоротное. Это означало победу официоза, который был жесток и одновременно труслив, слишком труслив, чтобы принять открытый бой. Победа официоза, который стремился во что бы то ни стало сохранить статус-кво, официоза, который способен стереть с лица истории целые столетия здравого смысла только лишь для того, чтобы удержать руку на пульсе Галактики.

Такое поражение, думала она, еще хуже, чем если бы победили Ревизионисты. Книга все-таки была бы, и это лучше, чем ничего.

Вдруг раздался звонок. Ева бросилась к видеофону.

— Звонил мистер Саттон. Наводил справки о Висконсине, — сообщил робот.

— Жив! Как ты сказал — о Висконсине?

— Это древнее географическое название, — ответил робот. — Он интересовался местом под названием Висконсин. Бриджпорт, городок в штате Висконсин. Это его интересовало.

— Он что, собирался туда, ты так понял?
— Да, я понял именно так.
— Быстро скажи мне, где этот Висконсин?
— Пять или шесть миль отсюда. А по времени — как минимум — четыре тысячи лет.

Она вздохнула.

— Нашел времечко...

— Да, мисс...

— А поточнее? — спросила Ева.

Робот обреченно помотал головой.

— Не знаю. Этого я не понял. Его сознание было практически недоступно. Я только понял, что перед тем, как позвонить, он пережил сильный стресс.

— Значит, ты не знаешь?

— На вашем месте, мисс, я бы так не беспокоился. Он разговаривал, как человек, который знает, что делает. Я думаю, у него все в порядке.

— Ты уверен?

— Да, я уверен, — твердо ответил робот.

Ева выключила видеофон и вернулась к окну.

Эш! — лихорадочно думала она, Эш, милый Эш! У тебя обязательно должно быть все в порядке. Ты жив и знаешь, что делаешь. Ты должен вернуться к нам и написать книгу... Не только для меня... Ты непременно должен вернуться. У меня, к сожалению, прав на тебя меньше всех. Ты нужен Галактике, а однажды ты станешь нужен и всей Вселенной. Маленькие, неприемные жизни ждут твоих слов, ждут той надежды, которую им подарит твоя книга. Но больше всего они ждут уверенности. Уверенности в том, что все формы жизни равны. Уверенности, что придет великое братство, которое будет выше всего, что за многие века придумано людьми.

А я, думала она, не имею права ни хотеть того, что хочу, ни думать так, как думаю.

Я ничего не могу поделать, Эш!

Ничего не могу поделать, потому что люблю тебя.

— Когда-нибудь, — тихо проговорила она. — Когда-нибудь...

Она стояла у окна, одинокая и несчастная, и слезы набегали на глаза и текли по щекам, но не было сил поднять руку и смахнуть их.

Глава 36

Сучок хрустнул у Саттона под ногой, и человек с гаечным ключом в руке медленно обернулся. Быстрая улыбка скользнула по его лицу, в морщинках, собравшихся в уголках глаз, читалось удивление.

— Добрый день, — произнес Саттон.

Джон Генри Саттон был уже далеко и казался крошечной точкой на вершине холма. Солнце, перевалив зенит, склонялось к западу. Внизу, в долине реки, лениво каркали вороны.

Человек протянул руку для приветствия.

— Мистер Саттон, не так ли? Мистер Саттон из восьмидесятого века, если не ошибаюсь?

— Бросьте ключ, — сказал Саттон.

Человек сделал вид, что не услышал.

— Меня зовут Дин, — сообщил он. — Арнольд Дин. Я из восьмидесят четвертого.

— Бросьте ключ, — повторил Саттон, и Дин повиновался. Саттон ногой откинул гаечный ключ подальше. — Так-то лучше. А теперь давайте присядем и потолкуем.

Дин предостерегающе поднял указательный палец.

— Старик скоро вернется, — предупредил он. — Он любопытен, поэтому вернется — не успел задать мне кучу вопросов.

— У нас есть время, — заверил Саттон, — пока он пообедает и вздремнет.

Дин что-то недовольно пробурчал, но все-таки присел на траву спиной к кораблю.

— Случайные факторы, — сказал он, глядя в одну точку. — Вот отчего все задуманное может полететь к чертям. Вы, Саттон, — случайный фактор. Ваше появление не было запланировано.

Саттон удобно устроился на траве, поднял гаечный ключ, взвесил его в руке.

На тебе должна остаться кровь, мысленно обратился он к инструменту, еще до того, как закончится день.

— А скажите-ка мне, если не секрет, — поинтересовался Дин, — что вы намерены предпринять?

— Спокойно, — сказал Саттон. — Вам придется поговорить со мной и сообщить кое-что меня интересующее.

— С радостью, — откликнулся Дин.

— Вы сказали, что прибыли из восемьдесят четвертого столетия. А точнее?

— Из восемь тысяч триста восемьдесят шестого года, — ответил Дин. — Но на вашем месте я бы не задавал столь глобальных вопросов. Детали гораздо интереснее, уверяю вас.

— Вы ведь не ожидали, что я здесь появлюсь? Думали, что дело в шляпе?

— Конечно. Но мы победим, не сомневайтесь.

Саттон поковырял землю гаечным ключом.

— Не так давно, — тихо произнес он, — мне довелось стать очевидцем космической катастрофы. Человек, которого я оттащил от корабля, прожил несколько минут, но он узнал меня и пытался сложить пальцы в какой-то условный знак.

Дин сплюнул.

— Андроид, — бросил он пренебрежительно. — Они вам поклоняются, Саттон. Они из вас просто идола сделали. А все потому, что вы, так сказать, подарили им надежду. И они возомнили, что равны человеку.

— Надо полагать, — сказал Саттон, — вы не верите тому, что я написал?

— Еще чего не хватало!

— А я верю, — твердо сказал Саттон.

Дин молчал.

— Вы взяли мою книгу, — спокойно продолжал Саттон, — и пытаетесь воспользоваться ею как еще одной ступенькой в лестнице человеческого тщеславия. Вы ничегошеньки не поняли. У вас нет ни малейшего понятия о том, что такое судьба! Вы не оставили судьбе никаких шансов...

Саттон говорил и чувствовал, что говорит как проповедник. Выходило наподобие древних пророков, чьи длинные седые волосы спутаны, а бороды пожелтели от табака...

— Я не собираюсь читать вам лекцию, — сказал он, чтобы исправить положение, мысленно проклиная Дина, который одним словом поставил его в позицию обороняющегося. — И проповедовать не собираюсь. Судьбу либо принимают, либо отвергают. У меня никогда не повернется язык обвинить человека, не принимающего этого понятия. Моя книга — это мои переживания, мои мысли и мои знания. Принимать или не принимать — личное дело каждого.

— Саттон, — сказал Дин, — вы бьетесь головой о стену. У вас нет никаких шансов. Вы боретесь с человечеством. Против вас весь род людской. На вашей стороне всего-то и есть, что кучка презренных андроидов, да пара-тройка людей-ренегатов из породы тех, что интересуются древними культурами.

— Империя стоит на андроидах и роботах, — ответил Саттон. — Они могут бросить вас в любую минуту, и вы останетесь одни, беспомощны... Без них вам не удастся удержать ни пяди земли за пределами Солнечной Системы!

— Ну уж нет! В имперских делах они будут рядом с нами, — уверенно заявил Дин. — Что касается этих глупостей насчет судьбы, тут — да, они будут бороться, но никуда от нас не денутся, потому что без нас им конец. Они же размножаться не могут! Чтобы их раса продолжала жить, им нужны люди. — Он усмехнулся. — До тех пор, пока один андроид не сумеет сделать другого андроида, они будут держаться нас и работать на нас.

— Я никак не могу понять, — полюбопытствовал Саттон, — а как вы узнаете, кто из них против вас, а кто за?

— Черт бы их побрал, — буркнул задетый за живое Дин. — Этого мы и сами не знаем. Если бы знали, война бы давно кончилась. В том-то все и дело, что андроид, который только вчера что-то против тебя затевал, сегодня может преспокойненько чистить твои ботинки. А как узнаешь-то? Никак.

Он подобрал камешек и зашвырнул его подальше в густую траву.

— Саттон, — сказал он, не глядя на Эшера, — хватит нам дурака валять. Никаких сражений, конечно, нет и в помине. Партизанские вылазки там-сям да пустяковые стычки между группами, оказавшимися случайно в одной точке одновременно.

— Например, как мы сейчас, — закончил его мысль Саттон.

— Ха! — задрал голову Дин, и его лицо просветлело. — Вот именно, как мы сейчас!

Еще мгновение Дин сидел на траве и вдруг резко рванулся к Саттону и крепко вцепился в другой конец гаечного ключа. Нападение было столь внезапно, что ключ выскользнул из рук Саттона, блеснув на солнце. Дин занес руку для удара, губы его шевелились, и Саттон разобрал слова:

— А ты думал, что это буду я?

Резкая боль пронзила его, стало темно, и темнота длилась целую вечность.

Глава 37

Обманули!

Обвели вокруг пальца! И кто?! Пройдоха из будущего!

Пойман на удочку письмом из прошлого.

Попался, попался! — повторял Саттон. И все из-за собственного тупоумия!

Он поднялся с земли, сел, обхватил голову руками, почувствовал, как греет спину закатное солнце, услышал, как кричит пересмешник дрозд в зарослях ежевики и как шуршат под ветром колосья на поле.

Обманут и пойман в ловушку!

От отнял руки от головы и увидел гаечный ключ. Саттон тронул ключ пальцем, и на пальце осталась кровь, теплая и липкая. Он осторожно потрогал голову. Волосы слиплись.

Схема, подумал он. Все по схеме.

Вот он я, а вот — гаечный ключ, а за изгородью — пшеничное поле, и пшеница выше чем по колено...

Прекрасный солнечный день, четвертого июля 1977 года...

Корабль улетел, и примерно через час Джон Генри Саттон спустился с холма, чтобы спросить кое о чем, что забыл, а теперь вспомнил. А через десять лет он напишет письмо, в котором изложит свои сомнения

про меня, а я в это время буду вытаскивать ведро из колодца, чтобы напиться...

Саттон встал. Было тихо. Грело мягкое послеполу-денное солнце. Внизу шумела река.

Он пошевелил гаечный ключ носком ботинка и задумался.

Я могу изменить схему. Я могу забрать гаечный ключ. Тогда Джон Генри не найдет его. Но даже эта малость может сильно повлиять на дальнейший ход событий.

Я неправильно понял содержание письма. Я ошибся. Я думал, что это буду не я. Мне и в голову не приходило, что на гаечном ключе может оказаться моя собственная кровь и что именно мне придется стащить одежду с веревки.

Однако кое-что все-таки не укладывается в схему. Моя одежда — на мне, нет никакой необходимости обворовывать старика. Корабль по-прежнему покоится на дне реки, так зачем мне оставаться здесь?

Но может быть, все еще случится, иначе откуда бы взялось письмо? Я ведь и попал сюда только из-за письма, и оно было написано только потому, что я побывал здесь. И остался... Остался потому, что не смог улететь. Но причин задерживаться вроде нет. Надо улетать. Я улечу и попытаюсь еще раз.

Нет, не то. Если бы я прибыл во второй раз, старый Джон Саттон узнал бы об этом. О каком втором разе может идти речь, если в письме указано именно сегодняшнее число, и именно в этот день Джон Генри Саттон говорил с человеком из будущего?

Саттон покачал головой.

Что-то случится, понял он. Что-то должно такое произойти, из-за чего я не смогу вернуться обратно. Почему-то мне придется украсть одежду и наняться на уборку урожая. Потому что схема установлена раз и навсегда.

Размышляя, Саттон еще раз пнул ногой гаечный ключ, развернулся и пошел вниз к реке. Оглянувшись через плечо, он увидел, что Джон Генри Саттон, опираясь на палку, спускается на пастбище...

Глава 38

Три дня Саттон пытался освободить корабль из-под толщи песка, который нанесло предательское течение. Когда три дня бесплодных попыток истекли, он признался себе, что положение практически безнадежно — течение приносило новые тонны песка быстрее, чем ему удавалось убирать.

Тогда Саттон сосредоточил свои усилия на расчистке входного люка и через день достиг цели.

Он устало прижался к обшивке.

Будем бороться...

Он понимал, что поднять корабль из-под мощных наносов не удастся даже с помощью двигателей. Сопла забиты песком, и при первой же попытке пустить реактор и корабль, и немалая часть окрестностей просто-напросто взлетят на воздух.

Он поднял корабль там, в созвездии Лебедя, и провел его через одиннадцать световых лет одной лишь силой разума. Он выбросил на костях две шестерки.

Может быть... — подумал он. Может быть...

С одной стороны — тонны песка, с другой — смертельная усталость, несмотря на то что запасная система обмена веществ действовала безукоризненно.

Ведь я же выбросил две шестерки! — в отчаянии думал он.

Неужели не справлюсь теперь?! Да... Тогда нужна была ловкость, а сейчас мощь, сила, а сил-то у меня как раз и нет...

Если использовать временной двигатель, то можно оставить корабль на месте, просто перенести его через шесть тысячелетий. Однако черт знает что произойдет с рекой за это, прямо скажем, немалое время?..

Он коснулся шеи, где на цепочке должен был висеть ключ от люка. Ключа не было.

Охваченный ужасом, Саттон на мгновение замер.

Может, в кармане? — подумал он, но быстро убедился, что там пусто. Он никогда не клал ключ в карман, а всегда носил на цепочке на шее — так было надежнее.

Саттон ещё и ещё раз обшарил все карманы. Ключа не было.

Цепочка порвалась... — лихорадочно соображал Саттон. — Цепочка порвалась, и ключ провалился под рубашку!

Он ощупал себя с ног до головы, но так и не нашел ключа. Потом снял рубашку, очень осторожно, чтобы не выронить ключ, если он все-таки там. Вывернул рубашку. Ключа не было! Снял брюки, перетряхнул их — ничего.

Саттон встал на четвереньки, обшарил все дно вокруг корабля.

Час спустя он прекратил безнадежные поиски.

Непрерывный поток песка за это время засыпал проход, который он с таким трудом прорыл к входному люку. Да и что проку было в люке, если его нечем открыть? И это еще не все. Одежду унесло течением.

Усталый, измученный, выбрался он на берег. На небе загорались первые звезды.

Он сел, прислонившись спиной к дереву. Сделал вдох, второй, почувствовал биение сердца и ощутил, как возвращается обычная, человеческая жизнь.

Река, казалось, посмеивается над ним. На противоположном, лесистом берегу затарахтел козодой. Над темными кустами танцевали светлячки.

Над ухом жужжал комар. Саттон равнодушно отмахнулся.

Надо найти, где бы переночевать, соображал он. Может, стог какой-нибудь. Какое-нибудь яблоко-другое в саду, чтобы утолить голод. Потом попытаться раздобыть одежду.

Слава Богу, где добыть одежду, он знал...

Глава 39

По воскресеньям всегда одиноко.

Другие дни заняты работой, непрерывный круг забот. Нужно пахать, сажать, ухаживать, потом — собирать урожай, пилить бревна, ставить изгороди и чинить их, ремонтировать нехитрую технику — для всего этого требуются физические силы. От такой работы к концу дня немеют руки, ломит спину, летом солнце сжигает кожу, а поздней осенью холодные ветры пробирают до костей...

Фермер трудится шесть дней в неделю, а работа обладает удивительным свойством — она отвлекает от болезненных воспоминаний. Сон после тяжелого труда легок и приятен...

Но случается, когда работа не только успокаивает, но и бывает не лишена интереса, даже приносит удовлетворение. Прямая линия изгороди, поставленной собственными руками, что ни говори, дает повод для кое-какой радости и даже гордости. Убранное поле, пахнущая солнцем солома, жужжание косилки — все это создает символическую картину изобилия и довольства. А еще бывают моменты, когда розовая пена яблоневых цветов, сияющая в струях серебристого весеннего дождя, превращается в образ воскрешения земли после жестокой и холодной зимы...

Шесть дней ему приходилось трудиться не покладая рук, и времени на размышления не оставалось. Седьмой день он отдыхал, попадая в объятия одиночества. Безделье приводило его в отчаянье.

Это было не то одиночество, что связано с отсутствием рядом людей. Его одиночество имело характер ноющей раны, оно терзало, напоминая, что главная работа не сделана, и неизвестно, будет ли сделана вообще.

Сначала была надежда...

Сначала Саттон думал, что его будут искать.

Они придумают, как меня найти, утешал он себя.

Это успокаивало, и он даже не пытался анализировать такую возможность, потому что стоило поразмыслить трезво, как становилось ясно, что мысль эта держится только на надежде и желании и при ближайшем рассмотрении готова лопнуть, как мыльный пузырь...

Прошное нельзя изменить, думал он во время молчаливых бесед с самим собой. Нельзя изменить радикально. Его можно лишь немножко подправить. Его можно скрутить, а потом расправить, но в общем и целом оно останется прежним...

Вот почему я здесь, и мне придется остаться, пока Джон Генри Саттон не напишет письмо себе самому. Прошное зафиксировано в письме. Из-за письма я попал сюда, и я останусь здесь, пока оно не будет написано. До этого момента схема должна быть обязательно соблюдена, так как, надо полагать, прошлое известно в будущем именно до этого момента. Но потом — полная неизвестность...

Дальнейший ход событий неясен. После того, как он напишет письмо, Бог знает, что может случиться...

Нет, признался себе Саттон, я не совсем прав. Все прошлое имеет определенную схему, хотя бы потому, что оно уже произошло. Я нахожусь сейчас во времени, где не существует неожиданностей.

Но и в этих его мыслях была надежда, даже в неизвестности прошлого, даже в понимании того, что раз произошедшее изменить нельзя, даже в этом. Ведь он же где-то и когда-то написал книгу! Книга существовала, следовательно, была свершившимся фактом.

Он видел две копии, и это могло означать только одно: наличие книги укладывалось в схему событий.

Когда-нибудь, думал Саттон, они меня найдут. Они должны меня найти!

«Они?» — как беспощадно прозвучал собственный вопрос.

Геркаймер, андроид.

Ева Армор, женщина.

«Они» — всего двое.

Но не двое же их всего на самом-то деле! Конечно, не только двое! За ними — целая невидимая армия — андроиды, роботы... А может, и люди... Те, которые поняли, что ничего исключительного в человеке нет и что стать в один ряд с остальными формами жизни — не унижение, но, напротив, повод для гордости, и можно при этом оставаться учителем и другом, а не тираном, упорно стремящимся забраться на ступень выше остальных.

Они, конечно, будут искать меня, но где?

Время и пространство бесконечны...

Он помнил, что единственный, с кем он говорил о цели своего путешествия, был информационный робот. Он может сообщить друзьям, что Саттон интересовался Бриджпортом. Они узнают, где он. Но никто не скажет им, в каком он времени.

Никто не знает о письме. Никто на свете...

Надо было хоть кого-нибудь предупредить. Но он был так уверен в себе, ему представлялось все так просто, он так гордился своим блестящим планом...

План. Что в нем было сложного?! опередить ревизиониста, разделаться с ним, завладеть его кораблем и отправиться в будущее. Саттон был уверен, что все это проделает без особого труда. А там, в будущем, обязательно отыскался бы сочувствующий андроид, нашлись бы какие-нибудь бумаги, короче, там он нашел бы способ раздобыть необходимые сведения...

Блестящий план. Но он не сработал.

Нужно было довериться информационному роботу, думал Саттон. Он, безусловно, из наших. Он бы передал остальным.

Саттон сидел, прислонившись спиной к дереву, и глядел на речную долину, окутанную синеватой дым-

кой бабьего лета. Повсюду стояли желто-коричневые снопы, словно индейские вигвамы. Вдали, на западе, розовели просторы Миссисипи. На севере золотистое поле упиралось в бесконечную вереницу невысоких холмов...

Лазоревка, сверкнув оперением, уселась на столб изгороди. Она недовольно трясла хвостиком и чирикала, будто проклинала все, что видит вокруг.

Из ближнего стога выскочила полевая мышь, глянула на Саттона своими глазками-бусинками, потом, чего-то испугавшись, пискнула и снова юркнула в стог.

Маленький, простой народец, улыбнулся Саттон. Маленький, простой, пушистый народец. Если бы они хоть что-нибудь понимали, они бы тоже были за меня. Лазоревка и полевая мышь, сова, ястреб и белка... Братство... Братство жизни, братство всего живого...

Он слышал, как мышь шуршит в стогу, и попытался представить себе ее жизнь... Прежде всего в ее жизни должен присутствовать постоянный, дрожащий, всепобеждающий страх, надо бояться совы, ястреба, норки, лисы, скунса. Бояться человека, кошки, собаки...

Она боится человека, думал Саттон. Все на свете боится человека. Человек заставил всех бояться себя.

Потом в мышьиной жизни следует голод или как минимум страх перед голодом. Размножение... Вечная спешка — и радость жизни: радость бега на быстрых лапках, удовольствие сытости набитого животика, сладость сна... А что еще? Что еще наполняет мышьиную жизнь?

...Он свернулся клубочком, прислушался и понял, что все в порядке. Все спокойно, у него есть пища и укрытие от приближавшихся морозов. Он знал, что такое холода, не столько по опыту предыдущих зим, сколько за счет инстинкта, переданного ему многими поколениями дрожавших от холода и даже погибавших от мороза родичей.

Его ушей достигал шорох соломинок в стогу — это копошились такие же, как он, занятые своими делами мыши. Он принюхался, и уловил запах высушенного солнцем сена, в котором так тепло и уютно спать. Он

ощутил и другой запах — запах зерен и сочных семян, они спасут его голодной лютой зимой.

Все хорошо. Все так, как должно быть. Но нужно оставаться настороже, нельзя расслабляться. Мы такие слабые... слабые и вкусные, нас любят есть. Хищник может подкрасться на мягких лапах, тихо-тихо. А шелест крыльев — вот песня смерти.

Он закрыл глаза, скрючил лапки и обернул тельце хвостиком...

Саттон сидел, прислонившись спиной к дереву, и вдруг неожиданно, сам не заметив, как это случилось, понял, что происходит!

...Он закрыл глаза, подобрал лапки, обернул пушистое тельце хвостиком и познал все страхи, всю безыскусную радость другой жизни... жизни, приоткрывшейся в стоге сена, спрятавшейся там от острых когтей и твердых клювов, жизни, которая спала там, в пропахшей солнцем сухой траве...

Он это не просто почувствовал и не просто осознал, он на какое-то мгновение сам стал полевой мышью. Стал, оставаясь при этом Эшером Саттоном, сидящим у дуплистого вяза, глядящим на долину, к которой уже прикоснулась рука осени...

Нас было двое, вспоминал Саттон. Я и мышка. Нас было двое одновременно, каждый существовал самостоятельно. Мышь, настоящая мышь, не знала об этом. Ведь если бы она что-то поняла или догадалась о чем-то, я бы тоже об этом узнал, потому что я был настолько же мышью, насколько самим собой.

Он сидел, не шевелясь, совершенно пораженный. Он испугался той дремлющей неизвестности, какую тайло в себе его сознание.

Он привел сломанный звездолет из созвездия Лебедя, воскрес из мертвых, выкинул на костях две шестерки — а теперь еще и это!

У нормального человека одно тело и один разум, думал Саттон. И этого, Господь ведает, достаточно, чтобы достойно прожить жизнь. А у меня... у меня два тела, а может быть, и два разума, и, что касается второй половины моего «я» — тут ни наставников, ни учителей, ни врожденных знаний, ничего, что обычно сопровождает человека на пути знания. Я делаю

только первые робкие шаги, я открываю в себе все новые и новые возможности. Одну за другой. И я не застрахован от ошибок, как ребенок, начинающий ходить. А как дети учатся говорить?! Сначала и слов-то не разберешь! Разве научишься уважать огонь, пока не обожжешься?!

— Джонни! — позвал Саттон. — Джонни, поговори со мной!

— Да, Эш!

— Будут еще сюрпризы?

— Жди и смотри, — ответил Джонни. — Я не могу ничего сказать. Ты должен ждать и смотреть...

Глава 40

— Мы проверили Бриджпорт с 2000 года, — сокрушенно покачал головой робот-разведчик, — и абсолютно уверены, что там ничего исключительного не произошло. Это маленький городишко, в стороне, как говорится, от больших событий.

— Не обязательно ему быть большим, — возразила Ева Армор. — Он вполне может быть и маленьким. Это всего лишь крошечная зацепка, в контексте будущего — незначашее слово, оброненное Саттоном.

— Мисс, мы проверили все мелочи, — ответил робот. — Мы проверили все, что могло бы хоть намекнуть на пребывание Саттона в Бриджпорте в том или ином времени. Мы пользовались испытанными методами и прочесали все, абсолютно все. Но ничего не обнаружили.

— Он должен быть там! — упрямо повторила Ева. — С ним говорил робот из информационного центра. Саттон наводил справки о Бриджпорте. Следовательно, его что-то там интересовало?

— Но это вовсе не означает, что он туда отправился, — подчеркнул Геркаймер.

— Куда-то же он делся, — задумчиво проговорила Ева. — Куда?

— Мы отправили на поиски Саттона всех, кого можно было отправить, не вызывая подозрений ни в

нашем, ни в будущем времени, — продолжал докладывать робот. — Наши агенты разве только друг на друга не падали. Мы отправляли их в прошлое под видом торговцев, точильщиков, безработных. Мы обследовали все дома на двадцать миль в округе, и, уверяю вас, если бы там хоть слушок прошел о чем-то из ряда вон выходящем, мы бы об этом узнали.

— Вы говорите — с двухтысячного года, — поинтересовался Геркаймер. — А почему не с 1999 или 1950?

— Нам нужно было установить какую-то временную границу.

— Семейство Саттонов когда-то проживало в этих местах, — сказала Ева. — Я надеюсь, вы уделите им должное внимание?

— Мы проверили всех без исключения — от членов семьи до наемных работников. Как только на ферме нужны были рабочие руки, один из наших людей нанимался туда на работу. А если там никто не требовался, нанимались на соседнюю ферму. Один из сотрудников даже вынужден был купить полосу леса в тех краях и десять лет рубил. Он бы рубил и дальше, но мы побоялись, как бы это не вызвало подозрений. Таким образом, мы просмотрели все с 2000 по 3150 год, то есть до того момента, когда последний член семейства покинул эти места.

Ева горько вздохнула.

— Все так безнадежно. Но где-то же он находится! И с ним что-то случилось. Может быть, он, наоборот, в будущем?

— И я об этом думаю, — сказал Геркаймер. — Его могли перехватить Ревизионисты.

— Что?! Эшер Саттон — в плену?! Не может этого быть! — вспыхнула Ева. — Если он знает о своих способностях, он не может попасть в плен!

— Но, скорее всего, он о них еще не знает, — возразил Геркаймер. — А у нас не было возможности рассказать ему об этом. Обо всех своих уникальных способностях он, увы, должен узнавать в критических ситуациях. Он не может ими овладеть сам, они должны снисходить на него, как откровение.

— Все было так хорошо, — говорила Ева, шагая по комнате и нервно потирая руки. — Мы спровоцировали Моргана на заведомый провал — использовать Бентона для убийства Саттона... Морган наивно полагал тогда, что это самый простой способ избавиться от Эшера, если его откажется убрать Адамс. Случай с Бентоном насторожил Саттона... И теперь... — всхлинула она. — Теперь...

— Книга написана, — попытался успокоить ее Геркаймер.

— Но не должна быть написана! — воскликнула Ева сквозь слезы. — Ты и я — мы всего лишь куклы в мире бесконечных случайностей, в мире, который может рухнуть не сегодня-завтра!

— Мы перекроем все ключевые точки в будущем, — продолжал успокаивать ее Геркаймер. — Будем следить за каждым шагом Ревизионистов, еще раз посмотрим прошлое. Может быть, все-таки что-нибудь обнаружим...

— Все дело в случайных факторах, — проговорила Ева, сев в кресло и немного успокоившись. — Никогда и ни в чем нельзя быть абсолютно уверенным. Чего только не может произойти во времени и пространстве? Как угадать, где и когда отвернуть в сторону? Неужели бесконечно продираться сквозь дебри случайностей, чтобы добиться цели?

— Ты забываешь о самом важном, — спокойно возразил Геркаймер.

— О чем?

— О самом Саттоне. Я верю в него. В него и в его судьбу. Ты же знаешь, он прислушивается к голосу судьбы и будет, в конце концов, вознагражден за это!

Глава 41

— Странный ты парень, Вильям Джонс, — сказал Джон Генри Саттон. — Но неплохой, ей-Богу. Лучше работника у меня не было с тех пор, как я завел хозяйство. Другие год, ну — два, поработают, а потом пропадают. Все куда-то торопятся...

— Мне торопиться некуда, — грустно ответил Эшер Саттон. — Некуда идти. Здесь не хуже, чем в любом другом месте.

На самом деле здесь лучше, чем где бы то ни было, думал он про себя. Здесь покой, тишина, природа — о таком в мое время забыли уже и мечтать.

Они стояли, облокотившись на изгородь и слушали, как в доме звенят посудой — близился ужин — и смотрели, как шоссе мигает огоньками автомобилей. В темноте передвигались неуклюжие тени — коровы возвращались в хлев после дойки, довольно мычали, лениво ухватывали пучок другой травы перед сном. Из долины веял прохладный ветерок, такой успокаивающий и приятный после жаркого дня.

— Как хорошо... — мечтательно проговорил Джон Генри. — Какой бы ни был жаркий день, а ветерок всегда у нас по вечерам прохладный... Постоишь вот так, подышишь и заснешь потом как младенец... Я вот порой думаю, — продолжал он, — как легко человеку быть счастливым. Так легко, что иногда мне кажется

ся — уж не грешно ли это? Ведь люди по природе своей суетливы и вечно чем-то недовольны...

— Удовлетворенность, — отозвался Эшер, — это состояние полной гармонии личности и природы и не так-то часто встречается. Но когда-нибудь и человек, и все другие существа узнают, как достичь этой гармонии, и в Галактике воцарится мир и счастье.

Джон Генри усмехнулся.

— Ты мыслишь больно широко, Вильям.

— Да, я, пожалуй, размахнулся, — смутился Саттон. — Но недалеко тот день, когда человек отправится к звездам!

Джон Генри кивнул.

— Да, наверное. Наверное, скоро. Скорее, чем надо бы. Только лучше бы сначала на Земле жить научились как следует. — Он зевнул. — Пойду-ка я спать. Стар я стал, сынок. Пора отдохнуть.

— Ну а я пройдуся немного, — сказал Саттон.

— Ты много гуляешь, Вильям.

— В темноте, — тихо сказал Саттон, — земля выглядит иначе, чем в лучах солнца. Все пахнет по-другому. Все такое свежее, чистое, как будто только что вымыли... В тишине слышно такое, чего днем и захочешь, да не услышишь. Бродишь, и кажется, что ты один на всем белом свете и весь он принадлежит тебе...

Джон Генри покачал головой.

— Нет, это не земля становится другой, а ты сам. Знаешь, Вильям, ты меня прости, но мне порой кажется, что ты слышишь и видишь что-то такое, чего больше никто не видит и не слышит. Как будто... — он запнулся. — Ну, как будто ты вроде как маленько не от мира сего, что ли?

— Мне и самому так иногда кажется, — усмехнулся Эшер.

— Запомни, — твердо сказал Джон Генри, — ты — один из нас. Почти член семейства. Сколько же лет ты у нас, Вильям?

— Десять уже, — еле слышно ответил Саттон.

— Да, верно, — сказал Джон Генри. — Я хорошо помню тот день, когда ты пришел, но счет годам потерял. Иногда мне кажется, сынок, что ты тут всю

жизнь жил. Порой я ловлю себя на том, что считаю тебя Саттоном... — Он прокашлялся и сплюнул на землю. — Вчера я одолжил у тебя пишущую машинку, Вильям. Мне, понимаешь, нужно было письмо напечатать. Это очень важное письмо, и мне не хотелось бы писать его от руки. Почерк у меня — не очень...

— Берите, когда нужно, — не выдавая волнения, ответил Эшер. — Рад, что она вам пригодилась.

— А ты сам что-то ничего не печатаешь последнее время, а, Вильям?

— А-а... — махнул рукой Саттон. — Бросил. Ничего не выходит. У меня были кое-какие наброски, да я их потерял. Думал, может, так вспомню, да, видно, ничего не получится. И попробовать нечего.

Голос Джона Генри был добр и мягок.

— У тебя неприятности, Вильям? Беда какая?

— Да нет, не то чтобы неприятности...

— Может, помочь чем надо?

— Нет-нет, что вы!

— Если будет что нужно, ты скажи, не стесняйся, — искренне произнес старик. — Чем смогу — помогу.

— Знаете... Может настать такой день, что мне нужно будет уйти. Может быть, совсем неожиданно. Если так случится, мне бы хотелось, чтобы вы забыли обо мне, вообще не вспоминали, что я здесь был.

— Ты правда этого хочешь, сынок?

— Да. Правда.

— Как же мы тебя забудем, Вильям? Как я могу тебе обещать такое? Это просто... я не знаю... Но... если ты хочешь, мы не будем о тебе говорить. Если кто-то придет вдруг и спросит, мы никому про тебя не скажем. Так, Вильям?

— Да, — ответил Саттон. — Если вы не против, пусть будет так.

Они еще немного помолчали, глядя друг на друга в темноте, потом старик повернулся и пошел к дому, а Саттон уселся на перекладину и стал смотреть на реку, где в сказочном зеркале несбыточного горели волшебные огни...

Десять лет прошло, думал Саттон. Вот уж и письмо написано. Десять лет, условия соблюдены, теперь прошлое может обойтись и без меня. Ведь я оставался

здесь только для того, чтобы Джон Генри Саттон написал письмо и чтобы через шесть тысяч лет я нашел его в чемодане, прочитал на безымянном астероиде, который достался мне в качестве трофея после победы на дуэли в заведении под названием «Дом Зага».

А «Дом Зага», усмехнулся Саттон, будет во-он там, на том берегу реки, далеко на равнине... А вон там, на холмах, подальше к северу, будет стоять Североамериканский Университет... А у слияния Висконсина и Миссисипи — вилла Адамса... А из прерий Айовы будут стартовать к звездам огромные корабли...

Там, в «Доме Зага», за рекой, шесть тысяч лет спустя я встречу маленькую девочку в измятом фартучке... Как в книжке. Мальчик в шапочке с пером и девочка в кружевном фартучке... Мальчик босиком, а девочка смущенно комкает фартучек и говорит, что ее зовут...

Он прижался щекой к столбу изгороди.

— Ева, — прошептал он. — Где ты?

...Волосы у нее медно-рыжие, а глаза... какого цвета глаза?

«Я за тобой наблюдала двадцать лет», — сказала она, а он подумал, что это шутка, и поцеловал ее... Он не поверил словам, но поверил взгляду, губам, объятьям...

Где-то она теперь? Наверное, думает о нем, как и он о ней сейчас. А вдруг, если постарается, он сможет мысленно добраться до нее, сможет пронести свою тоску через бездны пространства и времени, даст ей знать, что помнит о ней и очень хочет вернуться!

В душе он понимал, как безнадежны его мечты... Конечно, он уже не вернется. Хорошо, если Ева, или Геркаймер, или еще кто-то доберутся до него... Если доберутся...

Десять лет... Они, наверное, забыли про меня, отчаялись найти... А может, нашли, но не могут сюда пробраться? А вдруг все это подстроено специально? Но зачем?

Порой ему казалось, что за ним следят. Он чувствовал иногда, как легкий холодок пробежал между лопатками... А был случай, когда однажды поздно вечером он бродил по лесу в поисках потерявшегося теленка, а кто-то шмыгнул от него в кусты...

Саттон прыгнул с изгороди и пошел через открытый ток. Из амбара пахло свежемолоченным зерном, в курятнике попискивали цыплята.

На какое-то мгновение сознание Саттона соединилось с сознанием проснувшегося цыпленка...

...Он почувствовал тревогу. Кто-то шел мимо, кто-то потревожил его сон. Посторонний звук означал неведомую опасность. Темнота, шаги... — опасность!

...Саттон потряс головой и заспешил прочь.

Цыплята... хрупки и ранимы, думал он. Вот корова — та спокойна, мысли ее тягучи, как жвачка. Собака... Собака подвижна и дружелюбна, а кошка, невзирая ни на что, все-таки гуляет сама по себе, оставаясь существом из дикого леса...

Я знаю их всех. Я был каждым из них. Не все они, по правде говоря, мне симпатичны. Крыса, к примеру, или жаба... Скунс и тот приятнее. Неплохо бы спрятаться в шкуре скунса...

Что это — любопытство? Скорее всего. Вечное желание человека сунуть нос во все, что его окружает, на чем висит табличка типа: «Вход воспрещен», «Осторожно — злая собака», «Личная собственность», «Просьба не беспокоить»... Но для меня это практика, хорошая практика, познание второго «я», попытка испытать все оттенки разумных и эмоциональных проявлений чужой жизни...

Но была граница, которую он не переходил. То ли вследствие врожденной деликатности, то ли из-за боязни, что будет неправильно понят. Что его больше сдерживало, он и сам до конца не понимал.

...Дорога вилась белой змейкой вдоль гряды холмов. Саттон шел медленно, не торопясь. Земля вокруг была черная, а тропинка белая. Звезды мягко и нежно горели на темном небе.

Зимой они светят по-другому, залюбовался Саттон. В этом древнем утолке тишина и покой, сюда не доносится грохот двадцатого столетия...

Из таких краев выйдут крепкие парни, которые несколько поколений спустя поведут корабли к звездам. Здесь, на тихих окраинах Земли, закаляется надежность и мужество...

Десять лет... Негласный договор с прошлым выполнен. Я могу уйти — куда угодно и когда угодно.

Но идти некуда.

А ведь я не прочь и остаться, сказал себе Саттон. Здесь так красиво!

— Джонни! — позвал он. — Джонни, дружок, что же нам делать?

— Все хорошо, Эш, — ответил Джонни. — Все хорошо. Тебе нужны были эти десять лет.

— Ты был со мной, Джонни?

— Я — это ты, Эш. Я пришел, когда ты родился. И буду с тобой, пока ты не умрешь.

— А потом?

— Потом я тебе не буду нужен, Эш. Я уйду к кому-нибудь другому. Ведь никто не должен быть одинок.

— Никто не должен быть одинок, — повторил Саттон как заклинание...

Он действительно не был одинок.

Кто-то догонял его; кто это был и откуда взялся — Саттон не знал.

— Отличный вечер, — сказал человек. — Часто вы так гуляете?

— Почти каждый день, — беспечно ответил Саттон, а разум подсказывал:

«Осторожно! Осторожно!»

— Тут так спокойно, — сказал незнакомец. — Так тихо и безлюдно. Самое место для размышлений. Много чего, наверное, передумаешь, пока гуляешь вот так, совсем один...

Саттон не ответил.

Они шагали рядом.

— У вас было много времени на раздумье, Саттон, — прервал молчание незнакомец. — Целых десять лет.

— Вы следили за мной...

— Следили. И мы, и автоматы... Мы знали каждый ваш шаг.

— Десять лет назад, — сказал Саттон, — вы подослали двоих... Они пытались меня подкупить.

— Кстати, — заинтересовался незнакомец, — что с ними такое случилось?

— Простой вопрос, и ответ простой. Я их убил.
— Но у них было к вам выгодное предложение.
— Да. Они предлагали мне целую планету.
— Я еще тогда говорил, что это вас не устроит!
Самому Тревору говорил!

— Надо понимать, что теперь у вас имеется более выгодное предложение. Цена подскочила?

— Ну, не совсем так, — ответил человек. — Мы решили на этот раз не торговаться и предложить вам самому назвать цену.

— Я подумаю, — ответил Саттон.

— Решайте, мы подождем. Как надумаете, дайте нам знак.

— Знак?

— Естественно. Напишите записку. А мы, уж не сомневайтесь, будем (хоть это и не очень прилично) смотреть вам через плечо. Или просто скажите вслух: «Ну, вот, я решился». И все. А уж мы услышим.

— Действительно просто, — грустно сказал Саттон. — Как у вас все просто.

— Это для вас мы все так устроили, — вежливо ответил незнакомец. — Доброй ночи, мистер Саттон.

Саттон не видел его, но отчетливо представил, как незнакомец коснулся рукой края шляпы... Если был в шляпе.

Человек ушел по дороге вниз, пересек пастбище и направился к прибрежному лесу.

Контакт, наконец контакт! Через десять лет — контакт с людьми из другого времени. Но не с теми, к сожалению, не с теми, с кем бы он мечтал увидеться.

Ревизионисты следили за ним. Следили и выжидали. Выжидали десять лет. Ну, конечно, что им десять лет?! Все временное пространство протяженностью в десять лет было напичкано приборами для слежки, так что свою работу они могли выполнить за год, за месяц и даже за неделю.

Только зачем они ждали десять лет? Как — зачем? Чтобы он сломался и был готов с радостью согласиться на любой предложенный вариант.

Внезапная догадка остановила его. Господи, как же он раньше этого не понял?

Не этого они ждали! Они ждали того дня, когда старый Джон Генри напишет письмо. Они знали про письмо. Они наблюдали за Джоном Генри и знали, что он должен написать письмо.

Письмо — ключ ко всей истории. Письмо — приманка, которую использовали, чтобы затащить Эшера Саттона в это время.

И тут его сознание выскользнуло из него и острожно коснулось мозга человека, что спускался с холма.

Когда он проделывал такие штуки с цыплятами, кошками, собаками, полевыми мышами, никто из них не подозревал, что нечто чужое проникло к ним в мозг, а как на это среагирует незнакомец? Вдруг почувствует неладное?

«...Эта девка ждать не будет... Меня не было слишком долго. Ее обещаниям веры нет. А я, черт побери, торчу в этом идиотском патруле! Ей, конечно, ждать надоест, и она... Я на полчаса, бывало, уходил, и то... Ну и пусть катится к чертовой матери. Получше найду. Ох, это я загнул, пожалуй. Таковую не найду, будь она проклята! Вот интересно, кто был тот умник, который сказал, что с Саттоном будет легко договориться? Да я бы плюнул ему в морду! Вот я, будь я на месте этого Саттона, кинулся бы на шею первому попавшемуся из моего времени. Ну а этот что?! Да он даже не удивился! Как будто я тут десять лет болтаюсь! ...Эх, выпить бы чего-нибудь сейчас... Чертова работенка! А еще эта девка из головы не идет. Забыть про нее...»

Саттон вернул свое сознание на место.

Он чувствовал себя победителем. Десять лет они следили за ним, как проклятые, а так ничего и не поняли. Все знают про него, а вот этого — нет.

Если бы у него был мозг обычного человека, они бы не промахнулись. Тут бы они выкосили все мысли, как траву в поле, все бы отпрепарировали, проанализировали и прочитали бы, как книгу. Но его сознание говорило только то, что хотело сказать. Десять лет назад шайка Адамса пыталась поковыряться — не тут-то было! Близок локоть, да не укусишь!

Так до сих пор они и не узнали, что он способен проникать в сознание коровы, собаки, воробья и даже в сознание человека. Если бы узнали — были бы настороже, глаз бы с него не спускали. Но нет — они держали ухо остро не больше, чем глупые мыши.

Он обернулся, взглянул в сторону фермы. На мгновение ему почудилось, что он видит дом, но быстро понял, что это не более чем игра воображения. Один за другим он мысленно перебирал предметы, находящиеся в его комнате. Книжки, несколько исписанных листков бумаги, бритва... — ничего, с чем было бы жаль расстаться; ничего, что могло бы вызвать подозрение, что могло бы скомпрометировать его, превратиться в оружие, направленное против него же.

Он был готов к сегодняшнему дню, он знал, что однажды Геркаймер, или Ревизионисты, или правительственный агент — кто-нибудь из них выйдет из-за дерева и пойдет по тропинке рядом.

Знал? Не совсем верно... Надеялся.

Уже много лет прошло с тех пор, как надежда написать книгу без рукописи развеялась как дым. От книги осталась кучка пепла, да и тот давно смешался с землей. Дожди размывали его, он с водой ушел в глубь почвы, там распался на минеральные вещества, впитанные затем корнями растений, и теперь его книга колышется на ветру травами и цветами.

Он готов. Собран и готов. И он, и его разум.

Он тихо сошел с дороги в поле вслед за человеком. Сознание Саттона мчалось за незнакомцем, как гончая по следам зверя.

Саттон вошел в лес, ступая осторожно, чтобы не хрустнул под ногой сучок, не зашуршали листья.

...Корабль стоял в глубоком ущелье. Входной люк был открыт. На фоне освещенного отверстия виднелась фигура мужчины.

— Это ты, Гэс? — тихо окликнул он.

— Кто же еще в такое время будет тут шляться? — буркнул, подходя, его напарник.

— А я уже стал волноваться. Думал, не пойти ли поискать.

— Ага, ты только и умеешь, что волноваться. Между нами — я сыт по горло. Пускай Тревор других

кретинов поищет на такую работу. — Он поднялся по лестнице к люку. — Все, сматываем удочки. Хватит. Проваливаем отсюда.

Он повернулся, намереваясь закрыть за собой дверь, но ее уже закрывал Саттон.

Гэс отступил на два шага, наткнулся на привинченное к полу кресло и замер.

— Посмотри, кто к нам пожаловал! — воскликнул он. — Эй, Пинки, да посмотри же, кто у меня провожатый!

Саттон утрюмо улыбнулся.

— Если вы не возражаете, джентльмены, я полечу с вами.

— А если мы будем возражать? — прощепетал Пинки.

— Тогда я поведу корабль сам. С вами или без вас. Так что выбирайте.

— Это Саттон, — объяснил Гэс. — Тот самый мистер Саттон. Мистер Саттон, Тревор будет безумно рад вас видеть!

Тревор... Тревор... — вспоминал Саттон. Уже в третий раз я слышу это имя. Первый раз обстановка была похожая. Тогда Кейз (или Прингл?) произнес это имя: «Тревор? Ну, Тревор — это шеф нашей корпорации.»

— Давно мечтаю, — язвительно произнес Саттон, — встретиться с мистером Тревором. Нам с ним есть что обсудить.

— Заводи машину, Пинки, — торопливо проговорил Гэс. — И дай весточку о нашем возвращении. Тревор почетный караул выставит для нашей встречи. Как-никак Саттона везем!

Глава 42

Тревор скатал из бумаги шарик, положил на ладонь, дунул... Шарик влетел в чернильницу.

— Ну, слава тебе, Господи! — довольно пробурчал Тревор. Семь из десяти. А раньше было наоборот.

Он оглядел Саттона изучающим взглядом.

— А вы выглядите совершенно заурядно, — сказал он. — Такое впечатление, что с вами можно даже поговорить и более того — договориться.

— Да, рогов у меня нет, — сказал Саттон, — если вы это имеете в виду.

— Ага, — кивнул Тревор. — Но и нимба тоже не наблюдается. Я по крайней мере не вижу.

Он скатал еще один шарик и снова попал в чернильницу. Чернила выплеснулись. На столе расплылась клякса.

— Саттон, — лениво начал Тревор, — вы столько знаете о судьбе. Вы никогда не задумывались о том, что существует такая вещь, как исключительная судьба? Саттон пожал плечами.

— Вы пользуетесь неточными терминами. Нехитрая и не прикрытая ничем пропаганда в стиле девятнадцатого века. Была там одна нация, которая рядилась в подобные обноски.

— Пропаганда? Ну, зачем же... — усмехнулся Тревор. — Давайте назовем это психологией. Когда о

чем-нибудь говоришь долго и упорно, все начинают в это верить. Даже ты сам.

— И эта исключительная судьба, — сказал Саттон, — предназначена, надо понимать, для человека?

— Естественно, — ответил Тревор. — По крайней мере, мы — единственные живые существа, которые знают, как этим лучше распорядиться.

— Вы кое-что упускаете, — возразил Саттон. — Людям это не нужно. Они и так знают, что они великие и во всем правы, ну просто святые. Нет, вам людей ни в чем убедать не нужно.

— На первый взгляд, вы правы, но только на первый. — Указательным пальцем Тревор убедительно постучал по столу. — Когда у нас в руках будет Галактика, что мы тогда, по-вашему, должны будем делать?

— Ну, — в замешательстве ответил Саттон. — Ну, наверное...

— Вот именно, — сказал Тревор. — Не знаете. А говорите — люди, люди?..

— Ну, а с исключительной судьбой, что — по-другому?

— Есть другие Галактики, Саттон! — хриплым шепотом ответил Тревор. — Гораздо большие, чем наша. Много-много других Галактик!

О, Боже! — содрогнулся Саттон.

Он хотел что-то сказать, но не сумел.

— Вы потрясены, не так ли?

Саттон хотел ответить громко, убедительно, но невольно тоже перешел на шепот:

— Вы сумасшедший, Тревор. Просто сумасшедший!

— Нам нужен прогноз, взгляд в будущее, — словно не слыша продолжал Тревор. — Непокколебимая вера в судьбу человечества, четкая и всеобъемлющая убежденность в том, что человеку должны принадлежать не только наша Галактика, но и вся Вселенная!

— Долго ждать придется, — буркнул Саттон.

— Я, конечно, не доживу. И вы тоже. И дети наших детей, и даже их дети.

— Миллион лет потребуется, никак не меньше, — в тон ему добавил Саттон.

— Больше,— невозмутимо парировал Тревор. — Вы плохо представляете себе масштабы Вселенной. За миллион лет мы только-только развернемся.

— Тогда объясните мне, ради всего святого, какого дьявола мы с вами тут сидим и рассуждаем об этом?

— Потому что это логично.

— Никакой логики нет в планировании на миллион лет вперед! Свою жизнь человек еще может планировать или жизнь своих детей. Ну, внуков. А дальше — какая логика?

— Саттон, вы что-нибудь слышали о корпорации? — спросил Тревор.

— Да, но...

— Корпорация может планировать и на миллион лет вперед. И это вполне логично, уверяю вас.

— Корпорация — не один человек, — возразил Саттон, — не единое целое.

— Именно единое целое, — ответил Тревор. — Единое целое. В нее входят люди, она создана людьми и для людей.

— И кроме всего прочего ваша корпорация занимается книгоиздательством, не так ли?

Тревор быстро глянул на Саттона.

— Кто вам сказал?

— Некто по имени Кейз или Прингл, — ответил Саттон. — Они пытались заполучить мою книгу для вашего издательства.

— Кейз и Прингл на задании, — несколько озадаченно пробормотал Тревор. — Должны со дня на день вернуться...

— Они не вернутся, — резко сказал Саттон.

— Вы убили их, — без особого удивления выговорил Тревор.

— Ну, если быть до конца точным, то сначала они пытались убить меня. Но это не так просто.

— Поверьте, Саттон, я такого приказа не давал. Это не входило в мои планы.

— Зато в их планы входило. Они были не прочь продать мой труп Моргану.

Наблюдая за физиономией Тревора, Саттон подумал, что его невозможно ничем удивить. Адамс номер два. Даже в лице не изменился.

— Ну, убили так убили, — спокойно сказал Тревор. — Меньше хлопот.

Он запустил очередной шарик в чернильницу.

— Вернемся к нашим баранам, — предложил он как ни в чем не бывало. — Итак, нет ничего нелогичного в том, что корпорация может планировать на миллионы лет вперед. Существует определенная система, в рамках которой может непрерывно осуществляться некий проект, хотя персонал, ответственный за его выполнение, будет периодически меняться.

— Подождите минутку, — прервал его Саттон. — Корпорация действительно существует или вы мне здесь, извините, сказки рассказываете?

— Существует, существует. И я ее возглавляю. Она подвижна различными интересами, и престиж наш со временем будет еще выше.

— Надо понимать, что идея исключительной судьбы немало добавила бы к вашей популярности?

Тревор кивнул.

— Вот это уже разговор! Эта идея — товар. А у товара, как известно, есть цена.

Саттон покачал головой.

— Непонятно, что из этого можно выторговать!

— Три вещи как минимум, — без запинки отчеканил Тревор. — Власть — во-первых; могущество — во-вторых; знание — в-третьих. Власть, могущество и знание Вселенной. И только для человека, как вы понимаете. Исключительно. Для таких людей, как вы и я. Главное, безусловно, знание. Знание, умножаемое, управляемое и координируемое, оно укрепит и власть, и могущество и даст нам новые знания!

— Это сумасшествие какое-то! — воскликнул Саттон. — Послушайте, Тревор. Вы и я — мы превратимся в прах, да что там мы — не только мы, вся наша эпоха будет забыта еще до того, как ваша задача будет выполнена!

— Позволю себе напомнить вам о существовании корпорации, — невозмутимо парировал Тревор.

— Да помню я про корпорацию, — не в силах сдержать раздражение, повысил голос Саттон. — Но я рассуждаю, как человек, как любой нормальный человек.

— Ну хорошо, давайте все рассмотрим, как нормальные люди, — согласился Тревор. — Настанет день — и человек покорит Вселенную, и тогда миллиарды миллиардов других существ, других форм жизни будут служить ему, человек станет обладателем бесчисленных богатств, удивительных знаний, о которых ни вы, ни я не можем даже мечтать!

Саттон молча слушал.

— И вы, Саттон — единственный человек, который стоит у нас на пути. Вы один мешаете осуществлению планов, рассчитанных на миллион лет!

— Вам нужна судьба, — пожал плечами Саттон. — А судьба не принадлежит лично мне.

— Вы человек, Саттон, — доверительно сказал Тревор. — Вы же человек! И я говорю с вами от имени людей.

— Судьба, — ответил Саттон, — принадлежит всему живому. Не только людям, но любым формам жизни.

— Не обязательно, — сказал Тревор. — Вы — единственный, кто знает об этом. Вы единственный, у кого есть факты. Вы можете все обернуть так, что обладателями исключительной судьбы станут люди, вместо того, чтобы одаривать ею ползучую, летучую, квакающую тварь только потому, что она живая!

Саттон молчал.

— Одно только ваше слово, — тихо сказал Тревор, — и дело сделано.

— Она не сработает, — так же тихо ответил Саттон, — эта ваша система. Подумайте только о бесконечности времени, пространства, о тысячелетиях, которые, несмотря на бешеные скорости современных звездолетов, потребуются, чтобы преодолеть просторы Вселенной. Даже до ближайшей Галактики безумно далеко, не говоря уже об остальных!

— Вы все время забываете о том, — вздохнул Тревор, — что я вам говорил насчет умножения знаний. Дважды два — четыре, друг мой. А будет гораздо больше, чем четыре. При нормальной работе будет в тысячи раз больше, чем четыре.

Саттон медленно покачал головой.

Он понимал — Тревор прав. Знания и техника развиваются именно так.

— Одно ваше слово, — уговаривал Тревор, — и война во времени закончится. Только одно слово, и безопасность человечеству будет гарантирована навечно. Человечеству не нужно ничего, кроме знаний, которые вы можете ему дать.

— Это будет неправда, — ответил Саттон.

— Это будет ложь во спасение!

— А мне кажется, что для осуществления ваших планов вовсе не нужна идея исключительности судьбы.

— Нам нужна идея, способная увлечь. Нечто, что может захватить воображение. Нечто важное, на что люди обратили бы внимание. Исключительность судьбы человека — как раз то, что нужно!

— Двадцать лет назад, — сказал Саттон, — я был бы с вами.

— А теперь что вам мешает?

Саттон повел плечами.

— Теперь — нет. Теперь я знаю больше, чем знал двадцать лет назад. Двадцать лет назад, Тревор, я был человеком. Теперь я в этом не уверен.

— Но мы еще не говорили о такой малости, как вознаграждение. Это само собой разумеется.

— О нет, благодарю вас. Как только речь заходит о вознаграждении, тут же следом, откуда ни возьмись, появляется пистолет. А я хочу пожить еще, уж вы меня простите.

Тревор скатал шарик и запустил в чернильницу. Промахнулся.

— Ну, вот видите, и вы не застрахованы от промашек, — улыбнулся Саттон.

Тревор скатал еще один шарик.

— Ладно-ладно, — процедил он сквозь зубы. — Продолжайте забавляться. Идет война. И мы ее выиграем. Чертовски трудно, но мы уж постараемся, будьте уверены. Это невидимая война, поскольку, как вы, надеюсь, понимаете, с виду в Галактике царят мир и спокойствие под управлением справедливого человечества. Мы и без вас справимся, Саттон, но с вашей помощью было бы, конечно, быстрее.

— Вы не намерены меня задерживать? — удивленно спросил Саттон.

— Да сдались вы мне! Можете проваливать на все четыре стороны. Идите, бейтесь головой о стенку, пока не устанете. Уверю вас, вам это очень скоро надоест. А когда надоест, придете к нам, как миленький, сами попроситесь.

Саттон встал. Но что-то мешало ему уйти сразу.

— Чего вы ждете? — сердито буркнул Тревор.

— Я вот чего не могу понять. Книга когда-то и где-то написана. Этому факту уже, по меньшей мере, лет пятьсот. Как можно от этого отмахнуться? Если я соглашусь теперь написать ее иначе, как хотите вы, многое должно быть изменено!

Тревор захохотал.

— Не волнуйтесь! Мы это предусмотрели. Допустим, в конце концов, будет обнаружен оригинал вашей рукописи. Его можно очень легко и просто интерпретировать по нашему усмотрению. Все будет в порядке, мой милый, у человечества будет своя, исключительная судьба. А все недочеты объяснятся тем, что рукопись в течение долгого времени подвергалась значительным изменениям и редакциям. И даже вашим приятелям, андроидам, придется смириться и поверить, что все так и было, как мы говорим.

— Умно, — обреченно проговорил Саттон.

— И я того же мнения, — кивнул Тревор.

Глава 43

У выхода его поджидал какой-то человек. Он приветственно помахал рукой.

— Одну минутку, мистер Саттон!

— Да, в чем дело?

— Видите ли, мы должны сопровождать вас.

— Но...

— Да нет, не беспокойтесь! Мы не будем вам мешать. Просто будем охранять вас, сэр.

— Охранять меня?

— Да, сэр. Команда Моргана, вы не забыли? Нельзя, чтобы они вас заполучили.

— Вы просто не представляете себе, — вздохнул Саттон, — насколько совпадают наши интересы.

— Ерунда, сэр. Нормальная работа. Я очень рад, что могу услужить вам. Так что не стоит благодарности.

Он отошел в сторону, а Саттон спустился по лестнице и пошел по усыпанной гравием дорожке к шоссе.

Солнце клонилось к закату. Обернувшись назад, он обвел взглядом стройные четкие очертания здания громадного офиса, где состоялась его беседа с Тревором. За ним никто не шел.

...Идти ему было некуда. Но он понимал, что оставаться здесь тоже бессмысленно. Лучше прогу-

латься, по пути подумать, посмотреть, не случится ли еще чего-нибудь.

Навстречу попадались люди, некоторые смотрели на него с нескрываемым любопытством. Сначала Саттон не мог понять, в чем дело, но потом догадался: дело в одежде — он был одет как простой фермер двадцатого века — синие джинсы, застиранная клетчатая рубаша и тяжелые ботинки. Хотя по идее даже такой экзотический костюм не должен бы вызывать здесь сильного удивления. На Земле, которую посещают делегации со всех концов Галактики, в этом Вавилоне, где представители разнообразных цивилизаций трудятся в сотнях правительственных учреждений, где в рамках культурного обмена обучаются тысячи инопланетных студентов, где огромное количество дипломатов из разных уголков космоса — костюм не может вызывать ничего, кроме легкого любопытства.

К ночи, думал он, нужно будет найти какое-нибудь укрытие, какое-нибудь местечко, где можно отдохнуть и поразмыслить о том, как быть и что делать в этом мире.

Потом надо найти какого-нибудь андроида, который поверит мне и сведет с организацией антроидов.

Никто не говорил Саттону, что имеется такая организация, но он почему-то был уверен, что она существует. Она должна была существовать, чтобы вести войну во времени.

Он свернул с дороги и пошел по едва заметной тропинке, тянувшейся мимо высоких холмов на север.

Только теперь он почувствовал, что страшно голоден и что хорошо было бы раздобыть чего-нибудь съестного. Правда, денег все равно нет, в карманах — несколько долларов двадцатого века, но здесь на них ничего не купишь. Они годились только для нумизматов.

Сгустились сумерки. Начал репетицию лягушачий хор. Саттон шел вперед. Внезапно его буквально пронзила мысль, что всего лишь пару часов назад он точно так же шел по узкой тропинке в двадцатом веке и под подошвами его тяжелых башмаков вздымались легкие облачка дорожной пыли. Следы этой белесой пыли до сих пор виднелись на ботинках, как память о той дороге.

Память и пыль, подумал он, вот что связывает нас всех с прошлым.

Он приблизился вплотную к холмам и начал подниматься по склону. Ночь была напоена ароматом хвои и запахом лесных цветов.

Преодолев небольшой подъем, Саттон немного постоял, вглядываясь в бархатную нежность ночи. Где-то совсем рядом настраивал свою скрипочку сверчок, а с болота доносилась приглушенная песня лягушачьей капеллы. Впереди слышался плеск ручья, бежавшего по каменистому руслу. Вода что-то говорила деревьям, поросшим травой берегам, цветам, склонившим к ручью свои сонные головки.

«Как бы мне хотелось остановиться! — говорила вода. — О, как бы мне хотелось остановиться и поболтать с вами. Но я не могу. Мне надо спешить. У меня нет ни минуты. Я очень тороплюсь...»

Совсем, как человек, подумал Саттон. Человек тоже все куда-то торопится. Только его толкают вперед обстоятельства, необходимость, амбиции других суетливых людей, не давая остановиться и отдохнуть.

...Он мог поклясться, что не слышал ни звука, когда вдруг кто-то схватил его за руку и дернул в сторону, прочь с тропинки. Саттон попытался нанести неизвестному удар головой, но тот увернулся и сделал подсечку. Саттон моментально оказался на коленях. Человек, не выпуская руки Саттона, быстро склонился над ним.

Недалеко, справа от них, послышалась стрельба.

Чья-то рука зажала ему нос и рот.

Опять! — только и успел подумать Саттон.

И все исчезло — темная фигура неизвестного, стволы деревьев, вспышки выстрелов...

Глава 44

Саттон открыл глаза. Он лежал в постели. В открытое окно залетел ветерок. Комната, стены которой были украшены фантастическими фресками, была наполнена ярким солнечным светом и напоена ароматом цветов. На дереве под окном весело распевала пичуга.

Саттон дал волю своим органам чувств, будто выпустил команду разведчиков, которые должны собрать и сообщить ему любые факторы враждебности. Все здесь было непривычно и незнакомо — странная мебель, слишком яркие рисунки на стенах...

Сознание вернулось к тому моменту, когда его кто-то неожиданно выключил. Выстрелы, рука, закрывшая нос и рот...

Наркотик. Опять все то же. Одурманили...

А до этого был хор лягушек, скрипочка сверчка и говорящий ручеек, который спешил куда-то, сам не зная куда.

А еще раньше — разговор с человеком, что сидел за письменным столом, швырял бумажные шарики в чернильницу и разглагольствовал о корпорации...

Фантастика, подумал Саттон.

Да, при ярком солнечном свете вчерашнее казалось дурным сном...

«Вы — единственный, кто стоит у нас на пути, — так сказал Тревор. — Вы — камень на дороге. Вы мешаете людям стать Богами.»

Но не все же люди думают так, как Тревор. Не может быть, чтобы все были охвачены этим шовинизмом!

Он вспомнил делегацию из Лиги Борьбы за права андроидов, вспомнил во всех подробностях: оборванца, вертевшего в грязных руках засаленную кепку, даму, сложившую пухлые ручки на животе...

Эти, конечно, олухи. Такие безумные крестоносцы. Их даже андроиды презирают.

А все потому, понял Саттон, что люди ни на минуту не могут оставить гордыню, значит, не могут подняться на вершину смирения, что по сути означало бы равенство. Даже члены Лиги, борющейся за равенство андроидов, не могли отказаться от роли руководителей — они хотели руководить теми, кого собирались сделать равными себе.

Как сказал тогда Геркаймер: «Равенство, но не по указу, без вмешательства людей.» Но люди понимают равенство только так — по высочайшему дозволению и с постоянным вмешательством.

Да, очень возможно, что жалкая горстка идиотов была в действительности теми единственными людьми, которые хоть чем-то хотели помочь!

Мужчина, тискавший засаленную кепку, пожилая кокетка и отставной звездолетчик, которому время некуда девать...

Но еще есть Ева Армор.

И, может быть, есть другие. Такие, как она. Где-нибудь они есть и уже сейчас борются вместе с андроидами.

Саттон решил подняться. Он сел, спустил ноги с кровати и обнаружил, что на полу стоят тапочки, вполне подходящие по размеру. Он сунул в них ноги, встал и пошел к зеркалу.

О, Боже! На него смотрело чужое лицо! Он готов был поклясться, что это — не он! Он испугался не на шутку. Потом, движимый внезапной догадкой, дотронулся до лба. На лбу было что-то приклеено. Он

наклонился поближе к зеркалу — наклейка на лбу была меткой андроида!

Саттон ощупал лицо. Все оно было заклеено пластырем телесного цвета, так что он стал просто неузнаваем, даже для себя самого!

Он отошел от зеркала и вернулся к кровати. Сел и в бессильном отчаянии сжал пальцами край матраса.

Ну вот, допрыгался! Вот тебя уже и в андроида превратили! Взяли человеком, а отдали андроидом. Ничего себе!

Скрипнула дверь.

— Доброе утро, сэр! Надеюсь, вы хорошо себя чувствуете? — смущенно спросил Геркаймер.

Саттон вскочил.

— Так это был ты?

Геркаймер радостно кивнул.

— К вашим услугам, сэр!

— Что, опять нельзя было обойтись без рукоприкладства? — пробурчал Саттон.

— Ну, мы торопились, сэр. Мы не могли позволить вам бродить, где попало, в одиночку, задавать вопросы и выяснять что к чему. Поэтому мы вас просто усыпили и унесли. Так было проще, уж вы мне поверьте, сэр!

— Я слышал выстрелы.

— Похоже, там болталась шайка Ревизионистов. А объяснять вам это было бы слишком долго.

— Вы что, боретесь с Ревизионистами?

— По правде говоря, сэр, они настолько обнаглели, что позволили себе применить оружие. Очень глупо с их стороны. Они за это заплатились.

— Ничего путного из этого не выйдет, — покачал головой Саттон. — Так меня от Тренора не спрячешь. Наверняка за мной следят с помощью психотрейсера. Он очень скоро узнает, где я нахожусь, и за этим домом будет установлена тройная слежка.

Геркаймер хитро усмехнулся.

— Уже, сэр. Уже следят. Его люди прямо-таки друг другу на пятки наступают!

— Тогда к чему весь этот маскарад? — Саттон постучал пальцем по лбу.

— Понимаете, сэр, мы подумали так — ни один человек в здравом уме не захочет, чтобы его принимали за андроида. Правильно? Поэтому мы сделали из вас андроида. Они-то ищут человека! Им и в голову не придет повнимательней присмотреться к андроиду, когда дано задание выследить человека!

Саттон усмехнулся.

— Гениально! И что же, вы думаете...

— Нет, конечно, рано или поздно они догадаются. Но кое-какое время мы выиграем. А нам нужно время, чтобы разработать план.

Геркаймер быстро прошел в дальний угол комнаты, открыл шкаф и вынул оттуда стопку одежды.

— Как я рад, сэр, — сказал он, — что мы снова вместе! Мы пытались разыскать вас, но у нас ничего не вышло. Мы догадывались, что Ревизионисты держали вас где-то, поэтому усилили наблюдение здесь. Мы следили за каждым шагом Тренора последние пять недель.

— Пять недель? — изумился Саттон. — Как пять недель?

— Ну, конечно, сэр! Пять недель. Ведь вы же исчезли пять недель назад!

— А по моему календарю прошло десять лет...

Геркаймер печально покачал головой.

— Да, сэр, удивительная это штука — время...

Он положил одежду на кровать.

— Как только оденетесь, сэр, спускайтесь завтракать. Ева нас ждет. Она будет очень рада видеть вас, сэр!

Глава 45

Тревор промахнулся уже три раза подряд.

— Вы уверены? — спросил он человека, сидевшего по другую сторону стола.

Человек молча кивнул.

— Все это может быть уткой. Пропаганда андроидов, — сказал Тревор. — Они не дураки. И об этом никогда не стоит забывать. Надо помнить, что андроид, хоть он все кланяется да расшаркивается, не глупее нас с вами.

— Вы понимаете, что это значит?! — спросил его собеседник. — Это значит, что...

— Я скажу вам, что это значит. Что на сегодняшний день ни вы, ни я не можем точно сказать, кто человек, а кто — нет. Вы, к примеру, запросто можете быть андроидом, как, впрочем, и я.

— Вот именно, — подтвердил собеседник.

— Вот почему Саттон вчера так ломался...

— Ну, я не думаю, что Саттон так уж прямо все знает, — возразил собеседник. — Думаю, это знают очень немногие. Нет, андроиды побоятся рассказать про это человеку.

— Думаете, даже Саттону не скажут?

— Даже Саттону.

— Колыбель, — задумчиво проговорил Тревор. — Я почти уверен, что она действительно существует!

— Вы, безусловно, уже что-то предпринимаете?
Тревор уперся локтями в стол.

— Конечно, — ответил он спокойно. — А теперь слушайте внимательно: вот что мы сделаем...

Глава 46

Ева Армор сидела за столиком во дворе. Она порывисто встала и протянула руки навстречу Саттону. Саттон прижал ее к себе, нежно поцеловал глаза и волосы.

— Ну вот, — сказал он. — Это то, чего мне миллион раз не хватало все это время...

Ева радостно рассмеялась.

— Неужели миллион?

— Сжатие времени, — подсказал Геркаймер, улыбаясь. — Он пробыл там десять лет!

— О! Эш, это так ужасно!

Саттон усмехнулся.

— Ну, не то чтобы очень ужасно. У меня был десятилетний отпуск, скажем так. Десять лет тишины и покоя. Я там, друзья мои, на ферме работал. Сначала, правда, было тяжело, но потом — ничего, даже улетать не хотелось, представьте себе!

Он подвинул стул для Евы и сам сел рядом.

Они принялись завтракать. Яичница с ветчиной, жареный хлеб, мармелад, крепкий черный кофе. В ветвях деревьев над их головами щебетали птицы. Над цветами клевера на лужайке жужжали пчелы.

— Как тебе мой дом, Эш? — спросила Ева.

— Восхитительно! — отхлебнув большой глоток кофе, ответил Саттон и, немного поколебавшись, доба-

вил: — Вчера я был у Тревора. Он меня, так сказать, поднял на вершину и показал всю Вселенную.

Ева кашлянула, и Саттон быстро оторвал взгляд от чашки. Геркаймер, не донеся вилку до рта, застыл.

— Что это с вами? — спросил Саттон, недоумевая. — Вы что, не верите мне?

Он знал ответ. Можно было и не спрашивать. Конечно, они ему не доверяли. Он мог предать их. Да, он мог и книгу написать так, что человечеству будет дарована исключительная судьба. Переубедить их, заставить полностью довериться ему было почти невозможно.

— Эш, — сказала Ева осторожно, не глядя в его сторону, — ты... отказался?

— Мы расстались с Тревором, условившись, что, если я захочу возобновить разговор, я вернусь. То есть... я так не сказал... Это он почему-то уверен, что я приду. На прощание он послал меня на все четыре стороны... биться головой о стену.

— Вы все обдумали, сэр? — поинтересовался Геркаймер.

Саттон помотал головой, покрутил чашку на блюде.

— Да нет... Не то чтобы я успел многое обдумать. Я хочу сказать, что не сидел, не ломал голову над всем, что он там мне наговорил, если ты это имеешь в виду. Может, он от меня чего-нибудь и добился бы, будь я просто человеком. А я, честно говоря, и сам не знаю, много ли во мне осталось человеческого.

— А что тебе вообще известно обо всем этом, Эш? — мягко спросила Ева.

Саттон потер пальцами подбородок.

— Ну, вроде бы довольно много... Я знаю, что идет война во времени и почему она идет. Кроме того, я кое-что узнал о себе. У меня — два тела и два разума. Я знаю о некоторых своих исключительных способностях, и я почти уверен, что это еще не все, что кое-что у меня есть в запасе. Я как бы все время учусь. И каждый новый навык дается с трудом...

— Мы не могли рассказать тебе всего, — сказала Ева. — Все было бы слишком просто, если бы мы сразу все рассказали. Да ты бы просто не поверил. И потом... когда имеешь дело со временем, вмешательст-

во должно быть минимальным. А еще... Помнишь, Эш, я пыталась тебя предупредить? Если это было похоже на предупреждение...

Саттон кивнул.

— Да. Помню. После того, как я застрелил Бентона в заведении Зага. Ты тогда сказала, что наблюдаешь за мной уже двадцать лет.

— А еще, вспомни, я была маленькой девочкой в измятом фартучке. Ну, когда ты рыбу ловил. Помнишь?

Саттон изумленно взглянул на Еву.

— Так ты знала об этом? Я-то думал, это просто фрагмент из заказного сна...

— Это указание, — пояснил Геркаймер. — Чтобы вы поняли, что она — друг. Как будто вы ее давно знаете. Чтобы поверили, что она — друг.

— Но это же было во сне!

— Это был сон, подаренный Загом, — сказал Геркаймер. — А Заг — наш товарищ. Его раса тоже выиграет много, если человечество не станет единоличным владельцем Судьбы.

— Тревор чересчур самоуверен и даже не пытается это скрыть. У меня до сих пор стоит в ушах его презрительный голос: «Идите на все четыре стороны и можете биться головой о стену, сколько влезет!»

— Он просто видит в тебе обычного человека, — предположила Ева.

Саттон покачал головой.

— Не думаю. Скорее у него есть какая-то козырная карта, какой-то план действий, о котором мы не подозреваем.

— Что-то тут не то, сэр, — тихо проговорил Геркаймер. — На самом деле война ведется не так уж активно с нашей стороны. Если бы мы стремились к победе, нас бы давно уже раздавили.

— Если бы мы стремились к победе?.. Что-то я не понял...

— Дело в том, что нам не нужна победа, сэр, — объяснил Геркаймер. — Мы осуществляем только сдерживающие действия. Мешаем Ревизионистам портить вашу книгу, хотим, чтобы она осталась такой, какой вы ее написали... то есть напишете.

Саттон понимающе кивнул.

— Понятно. Но вот Тревору-то нужна только победа. Ему нужно во что бы то ни стало изменить первоначальный вариант. Либо я должен, по его словам, вообще не писать того, что задумал, либо должен перекроить все таким образом, чтобы андройды поверили каждому слову.

— Вы правы, сэр, — согласился Геркаймер. — Для него победа означает только одно: завладеть идеей Судьбы и наделить особой, исключительной Судьбой человека и только человека!

— Именно это ему и нужно, — добавила Ева. — Не сама идея Судьбы (потому что ни один человек не поверит в нее так, как поверит андроид), ему нужно, чтобы люди уверились в своей исключительности до такой степени, что не успокоились бы, пока не завоевали всю Вселенную.

— До тех пор, пока мы в силах противостоять Тревору, — подчеркнул Геркаймер, — мы можем считать, что победа за нами. Но равновесие так зыбко, что малейшая оплошность с той или другой стороны... Нам необходимо новое оружие. Только это может принести настоящую победу.

— У меня есть такое оружие, — тихо, но твердо сказал Саттон. — Но я не представляю себе, как его можно использовать... — Ева и Геркаймер вопросительно молчали, и Саттон продолжал: — Увы, в единственном экземпляре. Нельзя же выиграть войну с одной винтовкой?!

...За углом послышался быстрый топот. Все обернулись: к ним бежал андроид. Одежда его была покрыта пылью, лицо покраснело от бега. Он остановился и, тяжело дыша, оперся о край стола.

— Они пытались задержать меня, — задыхаясь, выговорил он. — Дом окружен!

— Эндрю, ты идиот! — рявкнул Геркаймер. — Зачем тебе понадобилось бежать? Они же догадаются!!

— Они узнали про Колыбель, — выдохнул Эндрю. Геркаймер вскочил, опрокинул стул. Лицо его исказила гневная гримаса. Он побледнел так, что татуировка на лбу выступила четче, чем обычно.

— Они узнали, где?..

Эндрю замотал головой.

— Нет, нет — они не знают. Они знают, что она есть. Узнали только что. У нас еще есть время.

— Нам придется отозвать с заданий все корабли! Вызвать всех сотрудников из кризисных точек!

— Нельзя! — крикнула Ева. — Они ведь именно этого и добиваются. Это единственное, что их сдерживает!

— У нас нет выбора, — отчаянно выговорил Геркаймер. — Нет! Если они разрушат Колыбель...

— Геркаймер, — срывающимся шепотом проговорила Ева. — Метка!!!

Эндрю дико взглянул на нее, сделал шаг назад. Рука Геркаймера скользнула в карман. Эндрю опрометью бросился к ограде.

Нож в руке Геркаймера сверкнул на солнце. Резкий бросок — нож устремился вслед убегающему андроиду. Тот упал лицом на землю, не пробежав двух метров до забора. Нож по рукоятку вошел ему в шею.

Глава 47

— Вам никогда не приходило в голову, сэр, — спросил Геркаймер, — какую роль иногда могут сыграть самые незначительные с виду мелочи? — Он дотронулся носком ботинка до безжизненного тела. — Отлично... Просто отлично у него все получилось. Только метку забыл замазать, а так сработано было просто превосходно. Знаете, так делают многие андроиды, но это мало помогает. Проходит немного времени, и метка начинает просвечивать.

— А для вас что означает эта косметика?

— Для нас это вроде пароля. Наши агенты, когда приходят с сообщениями, замазывают метку жидкой пудрой.

— Это так просто, — сказала Ева, — что никому и в голову не приходит, что мы этим пользуемся.

Саттон кивнул.

— Значит, это был человек Тревора?..

Геркаймер кивнул в ответ.

— Послали, чтобы выкурить нас отсюда. Думали, мы бросимся спасать Колыбель!

— А эта Колыбель...

— Но это означает, — прервала Саттона Ева, — что Тревор знает про Колыбель и теперь не успокоится, пока не найдет ее! А тогда...

Геркаймер жестом остановил ее.

— Что происходит?! — спросил Саттон.

Что-то было не так. Куда-то исчезло дружелюбие, доверие и даже единство цели. Все испортил андроид, который вбежал, как сумасшедший, и болтал про какую-то Колыбель.

Инстинктивно сознание Саттона потянулось к мозгу Геркаймера, но он твердо остановил его. С друзьями этот номер не годится.

— Ну так, черт подери, что происходит, объясните мне наконец?

— Сэр, — тихо сказал Геркаймер, глядя себе под ноги, — вы человек, а тут дела андроидов.

Несколько мгновений Саттон стоял, не шевелясь, переваривая смысл его слов. Внутри его закипала ярость.

Затем спокойно, как будто только об этом и думал, он сжал кулак и нанес Геркаймеру сокрушительный удар в челюсть.

Удар был силен. Саттон вложил в него не только физическую силу, но и весь гнев, переполнявший его. Геркаймер тяжело рухнул наземь.

— Эш! — вскрикнула Ева. — Эш!

Андроид приподнялся, сел, закрыл лицо руками. Меж пальцев сочилась кровь.

— Я не продал Судьбу, — задыхаясь, проревел Саттон. — И не собираюсь! Хотя, Боже правый, вы этого заслужили!

— Эш, — умоляюще проговорила Ева, — мы должны быть уверены...

— Как я могу доказать? Как, если вы не верите?

— Это — твой народ, Эш, — сказала Ева. — Твой. Их величие — это и твое величие тоже. И ты не должен винить Геркаймера за то, что он так думает.

— Это и твой народ, если уж на то пошло!

Она печально покачала головой.

— У меня особый случай. Меня воспитали андронды. Геркаймер — один из них. Так что я, пожалуй, больше андроид, чем человек.

Геркаймер сидел на траве рядом с мертвым агентом Тренора. Он не отнимал рук от лица. Кровь стекала по пальцам, капала на траву.

— Очень рад был повидаться с тобой. — Саттон холодно взглянул на Еву. — Благодарю за завтрак.

Он повернулся и пошел прочь, перелез через ограду. Ева что-то кричала ему вслед, но он не хотел ничего слышать.

«Меня воспитали андройды!» Ну, а меня воспитал Бастер. Бастер, который научил меня драться, Бастер, который устраивал мне взбучки за то, что я объедался зелеными яблоками, Бастер, который пятьсот лет назад улетел куда-то, неизвестно куда, обживать необитаемую планету...

Он шел и шел, но злость не утихала.

Они не верят мне. Думают, я могу продать...

— Ну, что, Эш?

— Что же это такое, Джонни? Что происходит?

— Мерзавец ты, Эш.

— Да пошел ты, Джонни! Надоели вы мне все. И ты тоже.

Саттон знал, что дом окружен агентами Тревожа. Но, как ни странно, ему никто не встретился.

Глава 48

Саттон вошел в будку видеофона и крепко закрыл за собой дверь. Вынул справочник из ниши в стене, полистал, нашел нужный номер и набрал. Нажал клавишу. На экране появился робот.

— Информация, — произнес робот, посмотрел на лоб Саттона и не добавил обычного «сэр». — Информация. Что вам угодно?

— Разговор не прослушивается?

— Ни в коем случае. Не беспокойтесь.

— Я бы хотел просмотреть списки домовладельцев на 7990 год.

— Одну минутку, — ответил робот.

Саттон ждал. Робот отыскал нужную дискету и вставил в блок видеофона.

— Список составлен в алфавитном порядке, — сообщил он. — Какая фамилия вас интересует?

— Фамилия начинается на букву «С», — уклончиво ответил Саттон, — дайте список на эту букву.

Робот нажал кнопку... Замелькали фамилии на букву «М», затем — на «П», потом лента пошла медленнее. Начался список на букву «С».

— До конца, пожалуйста. А вот тут остановите.

«Саттон, Бастер...»

Он трижды прочитал про себя название планеты, чтобы лучше запомнить.

— Все, — сказал он, — благодарю вас.

Робот кивнул. Экран погас.

Саттон вышел из кабины, немного прошелся по парку, сел на скамейку. Постарался расслабиться.

Он знал, что за ним следят. Он был уверен, что теперь-то уж Тревор наверняка знает, что андроид, который вышел из дома Евы Армор, — не кто иной, как Эшер Саттон. Психотрейсер регистрирует каждый его шаг, и теперь людям Тревора поймать его — пара пустяков.

Спокойно, уговаривал он себя. Потяни время. Не спеши. Веди себя так, как будто тебе абсолютно нечего делать.

Обмануть их вряд ли удастся, но нужно попытаться усыпить их бдительность.

На самом деле было не до отдыха. Многое еще нужно обдумать. Но одно он уже решил окончательно и бесповоротно — он будет действовать сам.

Саттон направился в город.

Сначала нужно вернуться к Еве и забрать рукопись, размышлял он, Ева и Геркаймер должны были сохранить ее. Дело, конечно, щекотливое как минимум... Но это же моя рукопись, в конце концов! Моя. И я имею полное право ее забрать.

Скажу прямо: «Мне нужна моя рукопись. Надеюсь, она в целости и сохранности?»

Потом...

Это все неважно. Что бы я ни сказал потом, первое и главное — спросить про рукопись. А пока надо потянуть время. До темноты нечего было и думать подобраться к дому. Заберу рукопись, а вот потом... Потом придется поспешить, чтобы Тревор не успел опомниться.

Прогуливаясь в районе космопорта, Саттон приглядел подходящий корабль. Офицерская выправка чело-века, распорядившегося загрузкой и заправкой корабля, подсказала ему, что это — то, что нужно. Болтаясь у забора, разыгрывая роль андроида-бездельника, Саттон внимательно обследовал сознание командира корабля и выудил всю необходимую информацию.

На корабле была машина времени.

Корабль стартует завтра утром.

На ночь поставят охрану.

Один из кораблей Тревора, не сомневался Саттон. Один из тех кораблей, что участвуют в войне.

Трудновато придется.

Выйду на летное поле, делая вид, что ожидаю пассажирский звездолет, растворюсь в толпе... Потом, оторвавшись, не спеша пойду к звездолету, будто имею на это полное право. Главное — не бежать, ни в коем случае! Идти спокойно. Бежать — лишь в самом крайнем случае, если окликнут, например. Тогда — бежать, драться, может быть, убивать... Но корабль захватить во что бы то ни стало!

Потом стартую и удираю на самой большой скорости.

Года через два, а может и раньше, если понадобится, можно будет воспользоваться машиной времени, перепрыгнуть лет на двести назад.

Отсоединю двигатели: у них наверняка имеется система идентификации, которая поможет погоне. Отсоединю и выброшу.

Затем переключусь на вторую систему жизнеобеспечения, наберу энергии из космоса и отправлюсь к Бастеру. С максимальной скоростью!

Он немного поразмышлял о том, как поведет корабль без моторов. Будет ли быстрее? И решил, что — да, быстрее и надежнее.

Но пройдет не один год. Бастер далеко.

Саттон мысленно проверил все еще раз.

Отсоединение двигателей избавит от преследования. Те, кто погонятся за мной, будут ориентироваться на сигналы двигателей и проблуждают не один день, пока до них дойдет, что они промахнулись.

Так.

Прыжок во времени освободит меня от слежки психотрейсера — он не может работать, не зная, в каком времени находится человек.

Так.

Если все получится. Если только все получится. Если нигде не поскользнусь, ничего не прогляжу.

Незаметно для себя Саттон пришел обратно в парк.

По траве рядом с ним бежала белка. Она остановилась, приподнялась на задних лапках и посмотрела на него. Убедившись, что человек ничего дурного ей не

сделает, белка принялась сосредоточенно копошиться в траве, будто отыскивала клад.

Оторваться! — думал Саттон. Оторваться от всего, что меня удерживает. И-завершить труд. Забыть Тревоора и его треклятых Ревизионистов. Забыть Геркаймера вместе с остальными андроидами. Написать книгу.

Тревор мечтает меня купить, андроиды мне не доверяют, а Морган при первой возможности прикончит меня.

Андроиды мне не доверяют. Какая глупость! Какое ребячество.

И тем не менее факт оставался фактом. Ему не доверяли. «Ты — человек, — сказала Ева. — Люди — твой народ.»

Он покачал головой. Ему было до боли обидно, не хотелось мириться с таким положением вещей.

Ясно одно: он обязан выполнить свой долг, иначе его жизнь не имеет ровным счетом никакого смысла.

Судьба...

Знания о ней даны мне не как человеку, а как инструменту, который должен передать их всему живущему во Вселенной.

Я должен написать книгу. Ясную, простую, действенную. Только написав ее, я выполняю долг. Больше я ничем никому не обязан.

За спиной раздались тихие шаги. Саттон обернулся.

— Мистер Саттон, если не ошибаюсь?

— Давайте присядем, Тревор, — предложил Саттон без тени удивления. — Я вас ждал.

Глава 49

— А вы не особенно задержались у друзей, — улыбнулся Тревор, вглядываясь в лицо Саттона.

Саттон молча кивнул.

— Да, у нас вышло недоразумение.

— Что-нибудь связанное с Колыбелью?

— Можете так считать, — ответил Саттон, — хотя на самом деле все гораздо серьезнее. Дело в фундаментальных противоречиях между андроидами и людьми.

— Геркаймер убил андроида...

— Он понял, что это человек, подосланный вами. Что он только замаскирован под андроида.

Тревор сокрушенно покачал головой.

— Очень скверно, — сказал он. — Очень, очень скверно. А не подскажите ли, как именно он догадался, что это... ну, мягко говоря, — обман?

— Вот этого, — ответил Саттон, хитро усмехнувшись, — я вам как раз и не скажу.

Тревор сделал вид, что не очень огорчен.

— Главное, — сказал он, — что номер не прошел. А остальное — мелочи.

— Вы имеете в виду, что вам не удалось выйти на Колыбель?

Тревор кивнул.

— И это тоже. А кроме того, они бы отозвали значительную часть своих патрулей из критических точек. Это бы значительно упрочило наше положение.

— Короче, вы надеялись убить двух зайцев?

— Ну конечно. А как же иначе?

Он скользнул взглядом по лбу Саттона.

— Интересно, а когда и почему вы лишились нормального человеческого облика?

Саттон провел рукой по лицу.

— Идея Геркаймера, — признался он. — Он думал, так труднее будет меня выследить. Вы же не собирались искать андроида, не так ли?

Тревор утвердительно кивнул.

— Неплохо придумано. Но после того, как вы ушли от них, за вами следил трейсер.

Белка перебралась поближе к скамейке. Она сидела у самых ног и внимательно разглядывала людей.

— Саттон, — небрежно спросил Тревор, — а что вам известно об этой Колыбели, или как ее там?

— Ничего, — ответил Саттон. — Они мне сказали, что я человек, а это дело андроидов.

— Надеюсь, вы представляете себе, как это важно?

— Догадываюсь.

— Собственно, по названию можно понять, что это за штука.

— Да, пожалуй.

— Нам нужно было поддержать могущество рода человеческого, — сказал Тревор, положив ногу на ногу, — поэтому тысячу лет назад и были произведены на свет первые андроиды, чтобы пополнить наши не слишком тесные ряды. Мы сделали их очень похожими на людей. Им было доступно все, что доступно нормальным людям, кроме одного...

— Ну да, они не могут размножаться, — прервал его Саттон. — Все это я уже слышал не раз. Мне вот что интересно, Тревор. Ведь если бы нам удалось наделить их этим качеством, они бы стали настоящими людьми?

— Тут я ничего не могу сказать, — признался Тревор. — Честно говоря, просто не знаю, что вам ответить. Ведь даже то, что эта затея удалась, что в лаборатории стали появляться люди — просто потря-

сающе. Подумать только, сколько труда было вложено в это дело, какой полет технической мысли!

— Но нам удалось наделить андроидов кое-чем, чем сами мы не обладаем, — спокойно сказал Саттон.

Тревор уставился на него тяжелым, подозрительным взглядом.

— Вы...

— Мы наделили их униженностью, — продолжил Саттон. — Мы сделали их ниже себя и тем самым настроили против себя. Мы не дали им равенства. Зато вложили в них целеустремленность, которую сам человек утратил давным-давно. Нам-то ведь уже не надо доказывать, что мы не хуже прочих, более того — лучше всех в Галактике...

— Но теперь они добились равенства, — горько заметил Тревор. — Теперь они размножаются. Не биологическим путем, конечно, но это не столь важно.

— Этого следовало ожидать, — вздохнул Саттон. — Это должно было произойти уже давным-давно.

— Конечно, можно было ожидать, — согласился Тревор. — Еще бы! Мы же дали им такой же развитой мозг, как наш собственный. Мы открыли перед ними такие же перспективы, как перед людьми?..

— Ага, и наштамповали им метки на лбу, — закончил за него Саттон.

Тревор раздраженно махнул рукой.

— Не переживайте! Теперь это исправлено. Когда андроиды делают других андроидов, никаких меток они не ставят.

Саттон резко встал, потом снова сел на место. Его как громом поразило: а я-то сказал, что мое оружие в единственном экземпляре!

— Я вам больше скажу, — продолжал Тревор. — Они добились великолепных результатов и непрерывно улучшают свои модели. В конце концов они создают сверхрасу, вот что я вам скажу.

Саттон нахмурился.

Я им сказал, что оружие — в единственном экземпляре... Что нельзя выиграть войну с одной винтовкой...

— Я понимаю, — кивнул Тревор. — Стоит об этом подумать, можно с ума сойти. Тут возможны просто

сногшибательные варианты. Да, они могут в два счета покончить с нами. Любое новое отрекается от старого. Диалектика, будь она неладна!

— Как бы там ни было, раса останется человеческой, — возразил Саттон.

— Наша численность растет очень медленно, — сказал Тревор. — Мы — древнейшая раса, родом из пещер, от каменного топора... Мы рожаем в муках. И те, кто понятия не имеет об этих муках, хотят предложить нам зачеркнуть всю нашу историю!

Одна винтовка, сказал я. Но я ошибся. Винтовок будет много. Миллионы. И с их помощью Судьба будет спасена, спасена для всех, кто живет на свете, для всех, кто будет жить миллионы лет спустя!

— Надо полагать, — сказал Саттон, не глядя на Тревора, — вы рассчитываете, что я встану на вашу сторону?

— Вы нужны мне, — сказал Тревор, — чтобы выяснить, где находится Колыбель...

— Чтобы вы ее разрушили, — закончил Саттон.

— Это спасет человечество, — сказал Тревор. — Настоящее, древнее человечество.

— И вам кажется, — продолжал Саттон, — что все люди как один должны сейчас сомкнуть ряды, не так ли?

— Если в вас осталась хоть капля человеческого, — тихо сказал Тревор, — вы должны сейчас быть с нами.

— Было время, — сказал Саттон, — давно, когда люди еще не летали к звездам... Тогда им казалось, что выше и разумнее их нет никого. Но теперь не те времена. Теперь известно, что в Галактике есть цивилизации не хуже нашей.

— Но ни одна цивилизация не может быть враждебна по отношению к себе самой, — вспыхнул Тревор.

— Можете считать меня предателем, — спокойно ответил Саттон. — Может, я чего-то не понимаю, но мне все-таки кажется, что Судьба выше человечества.

— Вы хотите сказать, что отказываетесь помочь нам?

— Не только отказываюсь, — ответил Саттон, — но буду бороться против вас. И говорю вам об этом

прямо, чтоб вы знали. Так что, если вам угодно меня прикончить, Тревор, сейчас для этого самое время. Потом будет поздно.

— Да какой мне, черт подери, смысл вас убивать! Мне нужны слова, которые вы напишете! Плевать я хотел на вас и на андроидов ваших! Не хотите сами — повторяю для тугодумов — мы без вас перепишем вашу книгу, перепишем так, как нужно нам. И именно такой ее прочтут все летучие и ползучие твари, которых вы так обожаете. Нет, в Божьем мире не будет ничего и никого, сравнимого с Человеком! — Тревор смерил Саттона презрительным взглядом. — Я ухожу, Саттон. Но запомните, ваше имя будет вписано черными буквами в историю Человечества. Оно станет символом зла, им будут пользоваться, как проклятьем.

Саттон не пошевелился.

Тревор выругался, встал и зашагал прочь, но вдруг остановился и обернулся. Он говорил шепотом, но слова его точно иглы вонзались в сознание Саттона.

— Умойся, — шептал Тревор, — смой пудру, сними пластырь и клеймо, — человеком ты уже никогда не будешь, Саттон.

Он повернулся и пошел к шоссе. А Саттон смотрел ему вслед и понимал, что спиной к нему повернулся не только Тревор — все человечество.

Глава 50

Горела только одна лампа в углу комнаты. Портфель лежал на письменном столе. Ева Армор стояла рядом, опершись о спинку стула. Было видно, что она ждала его прихода.

— Ты вернулся, — сказала она, — за своими записками. Я их приготовила.

Саттон застыл у порога.

— Нет, Ева, сейчас дело не в записках. Позже они понадобятся мне. Но сейчас дело не в этом. Помнишь, утром я сказал про оружие? Ну, что у меня есть оружие, но оно в одном экземпляре и что с одной винтовкой войны не выиграть?

— Я помню, Эш.

— Ну так вот: винтовок может быть много. Очень много. Сколько угодно.

Она медленно приблизилась к Эшеру.

— Ева, я на вашей стороне, — сказал он просто. — Вечером я виделся с Тревором, он проклял меня от имени человечества.

Она протянула руку и нежно притронулась к его щеке.

— Эш... — сказала она шепотом, — ты смыл клеймо... Ты снова Эш...

Он кивнул.

— Мне хотелось снова стать человеком... Кое о чем я догадывался, он рассказал мне остальное. Про андроидов, у которых нет метки на лбу.

— Да, мы используем их в качестве шпионов, — просто сказала Ева. — Кое-кто из них работает в департаменте Тревожа. Он пребывает в полной уверенности, что они — люди.

— А где Геркаймер? — неожиданно спросил Саттон.

— Его здесь нет, Эш, — ответила Ева и отвела взгляд. — Он не мог здесь оставаться после того, что произошло во дворе.

— Да, конечно, я понимаю. Ева, мы, люди — такие подонки!

— Садись, Эш. Вот здесь, садись. Ты говоришь так странно, что мне страшно! — Он сел. — А теперь рассказывай, что произошло, — потребовала она.

Но он заговорил о другом.

— Я весь день думал о Геркаймере. Все время, пока разговаривал с Тревором. Я ударил Геркаймера, ударил сегодня, ударил бы и завтра, если бы он сказал мне то же самое. Это в крови у людей, Ева. Мы пробивали себе дорогу с таким трудом. Каменным топором, ружьями, атомными бомбами, и...

— Прекрати, слышишь, — одернула его Ева.

Он удивленно взглянул на нее.

— Мы — люди... А Геркаймер? Разве он не человек? Он — человек, которого сделали люди. Робот может сделать другого робота, и все-таки это будет робот, правда? Человек создает другого человека, и они оба — люди!

— Прости, Ева, — сконфуженно пробормотал Саттон. — Это Тревор мне голову заморочил. Он боится, что андроиды победят и настоящих людей вообще не останется; что исчезнет древнее, истинное человечество.

— Эш, — сказала Ева, ласково прикоснувшись к его щеке, — ты бьешься над проблемами, которых не решить тысяче поколений. Что в этом толку?

Он покачал головой.

— Я понимаю — толку никакого. Все так. И тем не менее, это не дает мне покоя. Когда-то все казалось таким ясным и простым. Я написал бы книгу, Галактика

прочла бы ее, приняла бы и поняла, и все было бы хорошо!

— Все и будет хорошо! Но не сразу. Не скоро. Чтобы это произошло, нужно остановить Тревора. Он ослеплен теми же мыслями, что мучают сейчас тебя.

— Геркаймер говорил, что необходимо новое оружие, что новое оружие обеспечит нам перевес... Скажи мне, Ева, научные достижения андроидов на сегодняшний день, наверное, достаточно высоки?

Ева кивнула.

— Да, Эш, это так.

— Ну, тогда у них должен быть сканнер... прибор, который расщепляет организм человека до молекулярного, даже до атомного уровня. А потом копирует с этого организма другой — идентичный...

— Именно этим мы и занимаемся! Мы скопировали несколько сотрудников из организации Тревора. То есть попросту выкрали их, скопировали, изготовили двойников и отправили в качестве шпионов к Тревору. Настоящие же его сотрудники находятся у нас. Только с помощью подобных уловок нам удастся удержать свои позиции.

— Ну, а меня вы могли бы скопировать?

— Конечно, Эш, но...

— Нет, я имею в виду не внешность. Мозг. ...и еще кое-что.

Ева кивнула.

— Я поняла! Твои исключительные способности!

— Понимаешь, я могу проникать в чужой мозг, в чужое сознание. Это не просто телепатия, это настоящая способность становиться другим существом — видеть, знать, чувствовать то, что чувствует другой, животное или человек. Я не знаю, как именно это происходит. Может быть, это связано с особой структурой мозга. И, если вам удастся скопировать мой мозг, может быть, сами собой скопируются и мои способности. Наверное, не все дублеры обретут эти способности, возможно, не все научатся ими пользоваться, но кто-нибудь овладеет ими, я в этом почти уверен.

— Эш, но ведь это означает!.. — ахнула Ева.

— Это означает, что вам будет известно абсолютно все, — произнес Саттон спокойно. — Все, что задумывает Тревор. Каждое его слово, каждая мысль. Потому что, один из ваших станет Тревором. И то же самое можно будет сделать со всяким. Вы сможете заранее подготовиться к любой атаке. Пресечь любую агрессию с их стороны!

— Для них это будет тупик! — обрадованно воскликнула Ева и зашагала по комнате. — Именно это нам и нужно. Стратегия тупика! Они ничего не поймут, запаникуют... подумают, что удача отвернулась от них, что против них — сама Судьба!

— Тревор, сам не зная того, подсказал мне тактику, — подхватил Саттон. — Он сказал: «Идите, бейтесь головой о стенку, пока вам не надоест.» Он сказал, что в конце концов я устану и сдамся.

— Лет десять, — задумчиво сказала Ева, — не больше. Ну, не десять, пусть — сто. Пусть даже тысяча...

— Но рано или поздно они сдадутся. В буквальном смысле поднимут лапки! Туговато им придется. Представляешь, сколько трудов и все насмарку!

Они молча сидели в кругу света, на маленьком островке посреди комнаты и как ни странно не чувствовали особой радости. Да и какая там радость?! Ведь все они — люди. Сражаются друг с другом, побеждают, проигрывают, ненавидят друг друга...

— Как скоро можно начать сканирование?

Ева поглядела ему в глаза.

— Завтра. Эш, а что... ты торопишься?

— Я ухожу, Ева, — медленно выговорил Саттон, отводя взгляд. — Удираю в то самое убежище, о котором думал. То есть удеу, если вы дадите мне корабль.

— Ради Бога, любой, какой только захочешь...

— Да, так будет лучше. А то пришлось бы укрывать. — Он ждал следующего вопроса, но Ева молчала. — Я должен написать книгу.

— Но... есть много разных мест, где бы ты мог работать! Мы могли бы тебя очень удобно устроить.

Он покачал головой.

— Понимаешь, есть один старик-робот... Он, если можно так выразиться, мой последний и единственный родственник. Когда я был в созвездии Лебеда, он улетел на далекую планету, построил там дом... Я улетаю к нему, Ева.

— Понимаю, — не скрывая огорчения, сказала она.

— Но есть еще нечто такое... — тихо произнес Саттон и взял ее за руку. — Я помню маленькую девочку, что появилась у ручья, где я ловил рыбу. Я знаю, что образ ее был искусственно создан у меня в сознании. Но я не в силах ее забыть.

Ева наклонила голову. Свет лампы озарил ее золотистые волосы...

— Не знаю, любил ли я кого-нибудь в своей жизни, не могу даже сказать, действительно ли я люблю тебя, Ева... Но мне очень хочется, чтобы ты полетела со мной к Бастеру...

Ева грустно покачала головой.

— Эш, мне нужно остаться здесь. Я столько лет работала. Я должна... Может быть, когда-нибудь, если я тебе еще буду нужна...

— Ты всегда будешь нужна мне, Ева, — просто сказал Саттон. — Он протянул руку и нежно прикоснулся к золотому локону, выбившемуся из прически. — Я знаю, ты никогда не прилетишь. Если бы мы были люди как люди и жили обычной жизнью, все было бы проще.

— Эш, ты великий человек, — ответила Ева. — Многие будут считать тебя Богом...

Саттон встал, ощущая каждой клеткой, как над ним сгущается одиночество Вечности. Никакого величия он не чувствовал. Только холод и одиночество, и горечь от того, что это — навсегда.

Глава 51

...Саттону казалось, что он плывет в океане света. Рядом раздавалось мерное монотонное гудение работающих приборов, небольших трудолюбивых машин, которые разбирали его на части крошечными пальчиками. Мигали лампочки, щелкали тумблеры, шуршала лента принтера... Его разбирали на мельчайшие частички, частички взвешивали, измеряли, ничего не упуская, ничего не добавляя. Фиксировалась каждая клетка, каждая веточка нерва, каждое мышечное волоконец...

...Но откуда-то издалека, из запределья этого океана света, по которому он плыл, чей-то незнакомый голос настойчиво повторял одно и то же слово:

— Предатель.

— Предатель.

— Предатель.

Голос звучал спокойно, без эмоций. Одно слово. И все.

Сначала голос был один, потом к нему присоединились другие, и скоро Саттону стало казаться, что скандирует огромная толпа, весь мир. Потом слово утратило смысл и стало просто сочетанием звуков...

Саттон пытался ответить, но не знал как и что. Он продолжал плыть в океане света, а слово «предатель» все звучало и звучало...

За этим словом прятались другие, не произнесенные, но слышимые, ощущаемые:

— Это мы, которые зажгли первый костер. Мы, которые выманили зверей из пещер и стали жить там сами. Мы, которые нарисовали бизонов на каменных стенах при свете факелов; мы, которые бросили в землю первые зерна, которые построили города, чтобы жить там всем вместе и творить великие дела — такие, что не под силу разрозненным племенам. Это мы, которые мечтали о звездах, мы, расщепившие атом силой разума. Ты отрекся от своего прошлого, отрекся во имя существ, которых мы сделали своими руками.

...Приборы не стихали, не стихали и голоса, повторяя свое единственное слово...

...Но звучал еще один голос. Он был где-то глубоко-глубоко, в самом нутре непонятной субстанции, которую сейчас представлял собой Эшер Саттон.

— Спасибо тебе, Джонни. Спасибо тебе большое.

Глава 52

Серебристый корабль взревел, описал в воздухе кривую и устремился в небеса, постепенно превращаясь в маленькую огненную точку.

— Ну вот и все. Он так и не узнал, — грустно сказал Геркаймер. — Не узнал, что до последней минуты мы были с ним рядом. Что это мы много лет назад послали Бастера приготовить для него убежище... Что это мы...

— Геркаймер! — срывающимся голосом произнесла Ева. — Геркаймер! Он хотел взять меня с собой... сказал, что я нужна ему. А я.... Я даже не смогла ничего объяснить!.. — Она стояла, глядя вслед исчезающей в вышине огненной точке. — Я не могла лишиться его веры в то, что есть люди, которым он нужен, люди, которым нужна его книга...

— У тебя не было выбора, Ева. Ты поступила правильно. Мы и так столько отняли у него. Нельзя же отнимать все!

Ева закрыла лицо руками, плечи ее вздрогнули... Она стояла и плакала навзрыд — одинокая, маленькая рыжеволосая женщина-андроид.

Содержание

Игрушка судьбы, роман <i>перевод с английского А. Козловского</i>	. . . 7
Снова и снова, роман <i>перевод с английского Н. Сосновской</i>	 205

МИРЫ КЛИФФОРДА САЙМАКА

Собрание сочинений в 16 томах

Книга первая

Составитель В. Быстров

Ответственный за выпуск А. Московкин

Оператор компьютерной верстки Т. Крукле

Главный редактор А. Захаренков

Редактор М. Проворова

Технический редактор К. Козаченко

Корректор Т. Крукле

Оформление шмуцтитилов: А. Сергунин

Цветные иллюстрации: В. Иванов

Подписано в печать 29.01.93. Лицензия № 2-0477. Формат
84×108¹/₃₂.

Усл. печ. листов 23,52. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1737.

Издательская фирма «Полярис»

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22.

Отпечатано с готовых диапозитивов на Тверском ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР Министерства печати и информации Российской Федерации 170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

Миры Клиффорда Саймака кн. 1 / Пер. с англ.—
Рига: Полярис, 1993.—447 с.

ISBN 5-88132-023-9

VERBA VOLANT, SCRIPTA MANENT

POLARIS
publishers